

СМЕНА РЕЖИМА

Изнутри имперского президентства Дональда Трампа

Мэгги Хаберман
Джонатан Суон

Об источниках

Основная работа над этой книгой велась в течение трёх лет — с весны 2023-го до весны 2026 года. За это время мы провели более тысячи интервью с самыми разными людьми, близкими к президенту Трампу: сотрудниками кампании и Белого дома, чиновниками министерств и ведомств, бывшими помощниками, донорами, законодателями, друзьями и деловыми партнёрами. Многие беседы проходили по заранее согласованному журналистскому правилу «глубокого фона»: мы могли использовать полученную информацию, но не раскрывать источник.

На протяжении всей работы мы настойчиво пытались связаться с людьми, упомянутыми в книге, и предоставляли им достаточно времени, чтобы изложить свою точку зрения. Прямые цитаты взяты либо из слов самого говорившего, либо со слов непосредственного свидетеля, либо из сделанных в тот момент записей, аудиозаписей или расшифровок. Если мы пересказываем реплику своими словами, это означает, что свидетели или участники разговора не помнят точной формулировки, но уверены в его смысле. В книге подробно описаны сцены, происходившие в чувствительных и закрытых местах. Когда рассказы участников встречи расходились, мы, как правило, исключали спорный материал; в отдельных случаях опирались на собственную оценку надёжности источников, основанную на многолетнем опыте освещения Трампа и его ближайшего окружения.

В течение этих трёх лет, параллельно с ежедневной работой в The New York Times, каждый из нас неоднократно беседовал с Дональдом Трампом. 16 марта 2026 года президент принял нас в Овальном кабинете и в течение часа отвечал на вопросы. Мы изложили ему сведения о деликатных эпизодах и закрытых разговорах, включая его собственные контакты с иностранными лидерами. Он подробно их обсуждал и в основном не оспаривал наши сведения, хотя по нескольким конкретным пунктам возразил. После этого мы направили его сотрудникам подробные письма с дополнительными вопросами, предоставив Белому дому возможность ознакомиться с нашим материалом и ответить на него.

ПРОЛОГ

Меховые палантины один за другим проплывали через вход в Мар-а-Лаго. Необычный холодный фронт опустил температуру примерно до 9 градусов тепла — для Палм-Бич этого было вполне достаточно, чтобы среди гостей, прибывавших встречать 2026 год вместе с президентом Соединённых Штатов, замелькали норка и соболь. Сначала гости собрались у бассейна, а затем двинулись по чёрной ковровой дорожке мимо каскадов свечей и струнных музыкантов, игравших им серенады по пути в Большой балльный зал имени Дональда Дж. Трампа. Они пришли воздать почести. И повеселиться.

Когда появился Трамп, музыка сменилась: вместо «Знамени, усыпанного звёздами» и *God Bless America* зазвучала увертюра Россини к «Вильгельму Теллю», ставшая знаменитой благодаря телесериалу 1950-х годов *Одинокий рейнджер*. Трамп был в прекрасном расположении духа. За минувший год — первый год своего второго президентского срока — он продемонстрировал такую мощь исполнительной власти, какой страна не видела со времён Франклина Делано Рузвельта. В зал он вошёл вместе с Меланией, одетой в сверкающее серебристое платье, расшитое пайетками. Когда журналисты спросили его о новогоднем обещании самому себе, президент, судя по всему совершенно серьёзно, ответил:

— Мир на земле. Среди гостей — мелких знаменитостей, дам в вечерних платьях, лиц с безупречно гладкой кожей и людей с почти немислимыми состояниями — была и хорошо знакомая компания влиятельных фигур MAGA: Эрик и Лара Трамп; советники Белого дома вроде Дэна Скавино; бывшая ведущая Fox News Джанин Пирро, теперь федеральный прокурор округа Колумбия; Руди Джулиани — словно призрак из другой эпохи, в белом смокинге.

Присутствовал и госсекретарь, одновременно советник по национальной безопасности Марко Рубио. Поздним вечером, когда оркестр зажигательно исполнил *Fireball* Питбуля, Рубио устроил небольшое представление для всех, кто снимал происходящее на телефоны: подпевал и танцевал прямо в кресле.

Но эта демонстрация беззаботного веселья скрывала тот факт, что уже шла подготовка крупной операции, о которой знали лишь Трамп, Рубио и ещё несколько человек в этом зале. Несколько недель они планировали то, что обещало стать одной из самых дерзких американских военных операций за целое поколение, — захват венесуэльского диктатора Николаса Мадуро. До её начала оставались считанные дни.

А возможно — часы. Почти в трёхстах милях отсюда, в Понте-Ведра-Бич, Сьюзи Уайлс только что вернулась домой после пяти дней, проведённых в клубе Трампа. Недавно в её доме оборудовали SCIF — защищённое помещение для работы с секретной информацией, — чтобы глава аппарата Белого дома могла оттуда следить за проведением этой чрезвычайно рискованной миссии. За предыдущую неделю операцию пришлось несколько раз отменять — то из-за плохой погоды, то из-за непредсказуемого режима сна Мадуро, который любил засиживаться на вечеринках до глубокой ночи.

Тем временем на сцену Мар-а-Лаго поднялся Vanilla Ice, сделавший паузу в своём турне *I Love the 90's*, чтобы развлечь публику песней, которая прославила его тридцать пять лет назад. Стивен Миллер в приталенном смокинге беззвучно подпевал, выглядя при этом скованным и слегка страдающим — словно его застали за чем-то неподобающим. Именно Миллер был архитектором многого из того, что произошло за первый год нового срока Трампа: человеком, который с ошеломляющей даже для некоторых членов администрации скоростью проталкивал президентские указы и чрезвычайные меры, зачастую почти не заботясь о том, какие последствия они оставят после себя.

Министр внутренней безопасности Кристи Ноэм, напротив, с нескрываемым удовольствием пустилась танцевать под *Ice Ice Baby*, размахивая руками перед камерами. Ноэм стала своего рода воплощением одной из главных особенностей президентства Трампа: идеи о том, что управление страной — это прежде всего зрелище, демонстрация силы, разыгрываемая перед зрителем, которого действительно имеет значение впечатлить лишь одного. В интернете критики прозвали Ноэм «ICE

Barbie» — «**Барби ICE**», имея в виду Иммиграционную и таможенную полицию США, которая за первый год после возвращения Трампа к власти превратилась в одно из наиболее щедро финансируемых правоохранительных ведомств планеты.

Через два месяца Трамп уволит Ноэм. За главным столом рядом с президентом сидел Тодд Бланш — бывший личный адвокат Трампа, ставший заместителем генерального прокурора. Живое воплощение того, как президент сплавил воедино собственные юридические интересы и механизм федеральной правоохранительной системы.

Среди высокопоставленных гостей находился премьер-министр Израиля Биньямин Нетаньяху, прибывший вместе с женой Сарой выразить своё почтение. В течение прошедшего года Нетаньяху был незаменимым партнёром Трампа в важнейших внешнеполитических действиях — и одновременно источником серьёзных разногласий и раздражения как внутри ближайшего окружения президента, так и в более широком движении MAGA. Всего двумя днями ранее Нетаньяху в частном порядке убеждал Трампа пойти на ещё более драматичное военное вмешательство, которое, как он надеялся, могло полностью перекроить Ближний Восток. Наступил главный момент вечера.

Трамп вышел на сцену, призвал собравшихся к вниманию и представил художника, работавшего на скорость, которого назвал одним из величайших живущих ныне мастеров. Оркестр затянул долгую версию *Hallelujah*. Художник встал перед большим чёрным холстом и бешено заработал двумя кистями одновременно. Менее чем через десять минут на холсте возник лик Иисуса Христа. Художник снял картину с мольберта и поднял её над головой, показывая публике. Трамп снова подошёл к микрофону. — Не понимаю, как вы это делаете, — сказал он. И тут же превратился в аукциониста.

Торги он начал со ста тысяч долларов. — Просто чтобы вы знали: у этих людей полно денег, — пояснил он художнику. — Хусейн? Трамп обратился к эмиратскому миллиардеру Хусейну Саджвани. Тот послушно предложил 550 тысяч долларов. Цена продолжала расти. В разгар торгов Трамп заявил, что подпишет изображение Иисуса Христа собственноручно, тем самым повысив его стоимость. Несколько минут спустя победители аукциона — женщина в цилиндре и её муж, весь в чёрном, — поднялись на сцену к президенту и художнику, чтобы получить свой портрет **Князя мира стоимостью 2,75 миллиона долларов**. Половина суммы, объявил Трамп, пойдёт детской исследовательской больнице Святого Иуды, а вторая половина — местному управлению шерифа.

Когда супруги забирали картину, Трамп указал на мужа: — Возьмите номер этого парня! Ранее в своей речи со сцены Трамп неожиданно перешёл к теме, которая, казалось, совершенно не имела отношения к происходящему. Он упомянул скандал с мошенничеством среди сомалийских иммигрантов в Миннесоте. — Можете себе представить? Они украли 18 миллиардов долларов. И это только то, о чём мы сейчас узнаём, — говорил он сияющему залу. — Это была гигантская афера.

И вдруг, словно вспомнив, где находится, добавил: — А в остальном нас ждёт великолепный год. Почти никто в бальном зале — даже некоторые из высокопоставленных чиновников администрации Трампа — ещё не понимал, насколько быстро новый год подвергнет испытанию президентскую самоуверенность. Чуть более чем через сорок восемь часов Соединённые Штаты захватят Мадуро, лидера суверенного государства, в ходе тайной операции, которая станет несомненным триумфом. Но всего через несколько недель федеральные агенты в Миннесоте застрелят в двух отдельных эпизодах двух американцев. Эти события потрясут страну и наглядно покажут человеческую цену самых агрессивных внутривнутриполитических мер администрации. А менее чем через два месяца Трамп втянет Америку в войну на Ближнем Востоке, нарушив, возможно, самое священное обещание, которое давал многим избирателям, помогшим ему вернуться к власти.

Но всё это было ещё впереди. В ту ночь, в бальном зале, носившем его собственное имя, президент держался так, словно в мире не существовало силы, способной до него дотянуться. Время от времени он покачивался в своём хорошо знакомом танцевальном движении со сжатыми кулаками, а первая леди едва заметно двигалась рядом.

Часы пробили полночь. Толпа взревела.

ВВЕДЕНИЕ

История полна иронии. Но для демократов едва ли могла найтись более горькая ирония, чем осознание того, что именно их успех — отстранение Дональда Трампа от Белого дома на выборах 2020 года, а затем решимость сделать всё, чтобы он никогда туда не вернулся, — в конечном счёте превратил его в самого влиятельного и внушающего страх президента нашего поколения.

Если бы Трамп в 2020 году сумел с минимальным преимуществом победить Джо Байдена, свой второй срок он начал бы в крайне незавидном положении. В начале 2021 года пандемия всё ещё бушевала, ежедневно унося жизни тысяч американцев, деформируя экономику и нарушая мировую торговлю. Вскоре пришла инфляция — как и в большинстве крупнейших экономик мира. Она обрушила рейтинги действующих лидеров практически во всех либеральных демократиях и способствовала подъёму правых популистов. Нет никаких оснований думать, что Трамп оказался бы исключением. Он неизменно утверждал, что при нём инфляции никогда бы не случилось. Опровергнуть это заявление невозможно — но столь же невозможно было воспринимать его всерьёз. Весной Трамп собирался вывести американские войска из Афганистана. Сам он хотел сделать это гораздо раньше и значительно быстрее, и лишь совместные усилия военного руководства и советника по национальной безопасности помешали ему начать стремительный вывод всех американских войск с Ближнего Востока и из Африки ещё до того, как он покинул свой пост 20 января 2021 года. Кто знает, оказался бы уход Трампа из Афганистана более плавным и профессиональным, чем катастрофическая эвакуация при Байдене. Но простым этот уход всё равно не был бы и стал бы ещё одним тяжёлым бременем второго срока.

Там, где сам Трамп представлял себе победное президентство, гораздо легче вообразить другое: как четыре года он ковыляет от одного кризиса к другому, реагируя на нарастающее давление, постоянно теряя равновесие и так и не сумев полностью взять президентскую власть под свой контроль. Большую часть первого срока Трамп ощущал себя скованным по рукам и ногам: сначала расследованием вмешательства России в выборы 2016 года, затем импичментом, а потом Covid. К концу первого срока он был крайне непопулярен, его рейтинг одобрения держался где-то в районе тридцати процентов. Если бы тенденция продолжилась, вполне возможно, что второй срок он завершил бы с ещё более низким рейтингом — и вошёл бы в историю как один из самых непопулярных американских президентов. В таком случае движение MAGA оказалось бы серьёзно ослаблено. А традиционный республиканский истеблишмент получил бы реальный шанс вырвать партию из рук того популизма, который Трамп столь мастерски воплощал и разжигал.

Но всё это — лишь история в сослагательном наклонении.

Вместо этого выборы 2020 года выиграл Джо Байден — факт, который Трамп так никогда и не признал. Когда в начале 2021 года помощники Трампа разослали пресс-релиз из офиса «бывшего» президента, он распорядился, чтобы слово «бывший» больше там никогда не появлялось. Месяцами Трамп жил в мире собственных фантазий. Подбадриваемый чудаками и фанатичными сторонниками, он настаивал, что то, что он называл величайшим преступлением в истории Америки — якобы украденные выборы 2020 года, — вот-вот будет неопровержимо доказано, после чего уже к августу 2021 года он вернётся в Белый дом. Признать поражение — тем более поражение от стареющего политика, которому было трудно подниматься по лестнице, — психологически оказалось бы невозможным для нью-йоркского девелопера и звезды реалити-шоу, всю жизнь избегавшего унижения и создававшего себе образ величайшего в мире «победителя». И вот ещё одна ирония. Некоторые помощники Трампа впоследствии признавали — разумеется, только частным образом, — что именно благодаря его особым психологическим чертам, прежде всего способности жить в заблуждении, которую в то время они считали саморазрушительной, ему и удалось совершить почти невозможное: вернуться в Белый дом всего через четыре года после позора 6 января.

В начале 2021 года элиты обеих партий, национальные СМИ — да и большинство собственных советников Трампа — считали его политическим трупом. Но сам Трамп видел происходящее иначе. И это была не просто обычная для него бравада. Он чувствовал, что ядро его сторонников связано с ним столь же крепко — а возможно, даже крепче, — чем до того, как сотни из них штурмовали Капитолий, пытаясь сорвать передачу власти.

Трамп всегда стремился сам создавать собственную реальность, а затем заставлять окружающих подчиняться его версии событий. Разумеется, он лгал — бесконечно и порой совершенно неправдоподобно. Но то, что начиналось как фантазия, нередко размывалось, меняло очертания и постепенно превращалось в реальность, которую он сам же и создавал. С поразительной частотой — и при помощи преданных последователей — Трамп буквально **выговаривал свои миры в существование**.

Сразу после выборов 2020 года он начал самую масштабную и разрушительную в своей жизни кампанию по перекраиванию реальности. Настаивая на том, что выиграл выборы, хотя практически все его ближайшие советники в частных разговорах признавали поражение, Трамп мобилизовал сторонников в отчаянной попытке отменить результаты голосования. И даже уйдя из Белого дома, он не отказался от этой идеи.

Была ли причиной его многолетняя вера в «силу позитивного мышления» — привычка, восходившая к бестселлеру священника Нормана Винсента Пила, чью церковь семья Трампа посещала много лет, — или за этим стояло нечто иное, что некоторым ближайшим помощникам казалось уже формой психического расстройства, но принять ярлык **«проигравшего»** Трамп не мог. К 2023 году, благодаря бесконечному повторению одной и той же версии событий, он обратил в свою ложную веру большую часть республиканцев. Теперь, оглядываясь назад, многие его союзники признают: именно категорическое нежелание Трампа принять реальность и заложило фундамент его возвращения. Многие люди из ближнего и дальнего круга Трампа после его возвращения к власти переписали собственное прошлое. Теперь они уверяют, будто никогда его не покидали и всегда знали, что он вернётся. Но правда была совсем иной.

Некоторые сотрудники первой администрации Трампа держались от него подальше в течение первого года после ухода из Белого дома. И дело было не только в желании сохранить профессиональную репутацию. Многим просто стало невыносимо находиться рядом с ним. Как бы они ни пытались переключить его внимание на более полезные темы, Трамп неизменно возвращался к одному — выборам 2020 года. Он настолько одержимо повторял мантру об украденных выборах, что общение с ним в первые месяцы после президентства превращалось в необходимость просто кивать, чтобы не вызвать конфликт. Стоило кому-нибудь хотя бы осторожно предположить, что вернуть его на президентский пост невозможно, как это сделала в соцсетях его бывшая советница Дженна Эллис, — и человек рисковал быть изгнанным. Пытаться «проверять факты» в разговоре с Трампом было бессмысленно. — Они украли это у нас, — говорил он. А если чувствовал, что собеседник сомневается — например, если перед ним сидели журналисты какого-либо крупного СМИ, — настойчиво добавлял:

— Вы ведь это понимаете, правда? Даже голос Трампа оказался вытеснен на периферию американской жизни. В начале 2021 года крупнейшие социальные сети — Twitter, Facebook и Instagram — запретили сорок пятому президенту публиковаться на своих платформах. Руперт Мёрдок, самый могущественный владелец консервативных СМИ, в частном разговоре сказал своему доверенному лицу, что Fox News «очень активно разворачивается в другую сторону» и что «мы хотим превратить Трампа в несуществующего человека». Вскоре человек, ещё недавно вездесущий, практически исчез с главного консервативного телеканала. Когда Байден занял Белый дом, он настолько демонстративно превратил Трампа в «неперсону», что публично называл его только **«тот бывший парень»**, отказываясь даже произносить имя.

В мрачные дни 2021 года, после возвращения Трампа в Мар-а-Лаго, рядом с ним осталась лишь небольшая и довольно пёстрая группа людей. Важнейшей среди них была Сьюзи Уайлс — опытный политтехнолог и лоббист из Флориды, которую Трамп пригласил руководить своей политической операцией в самый тяжёлый момент. Она не просто навела порядок. Она завоевала доверие Трампа и создала команду, которая впоследствии станет самой стабильной из всех трёх его президентских кампаний. У других эти четыре года сложились куда бурнее.

Некоторым предъявили обвинения — например, личному помощнику Трампа Уолту Науте и управляющему недвижимостью Мар-а-Лаго Карлосу Де Оливейре, которых обвинили в помощи Трампу при воспрепятствовании правосудию. Некоторые отправились в тюрьму — Стив Бэннон и Питер Наварро — за неуважение к Конгрессу. А почти все в течение следующих трёх лет получили повестки: федеральные и штатные прокуроры один за другим расследовали действия самого Трампа, его компаний и многочисленных соратников. Диапазон обвинений простирался от гражданских дел до уголовных: от обвинений в сексуальном насилии и клевете со стороны нью-йоркской писательницы — до завышения стоимости активов Trump Organization, хранения коробок с секретными документами, участия в заговоре с целью отменить результаты выборов 2020 года и, наконец, **34 уголовных эпизодов**, по которым Трамп впоследствии был признан виновным. Последнее дело касалось выплаты денег порноактрисе за молчание в тот момент, когда рассказ о предполагаемой связи с ней мог поставить под угрозу первую президентскую кампанию Трампа в 2016 году. Любого другого политика хотя бы одно такое обвинение, скорее всего, похоронило бы. Но к 2024 году общество уже настолько привыкло к скандалам, что перестало реагировать.

А Трамп, обладавший почти сверхъестественным талантом выживать и превращать всё в бренд, мгновенно почувствовал: юридические угрозы можно превратить в мощный политический капитал. Он объявил о своём выдвижении раньше, чем ожидалось, отчасти именно потому, что находился под давлением уголовных расследований и понимал, что статус ведущего кандидата в президенты укрепит его позицию в юридической борьбе. Трамп создал историю о грандиозном заговоре, якобы организованном Джо Байденом прямо из Овального кабинета. И достаточно большое число избирателей сочло эту историю правдоподобной. Генеральный прокурор штата Нью-Йорк Летиция Джеймс ещё в 2018 году открыто строила кампанию на обещании заняться Трампом — и затем выполнила его, подав гражданский иск, который ударил прямо по двум основам его самооощущения: богатству и образу самого себя. Окружной прокурор Манхэттена Элвин Брэгг старался избегать разговоров о преследовании Трампа, хотя во время собственной кампании в 2021 году однажды упомянул о его «образце преступного поведения». Позднее Брэгг возбудил дело на основе довольно необычной юридической конструкции — настолько необычной, что некоторые комментаторы полагали: будь обвиняемым кто-то другой, дело, возможно, вообще не появилось бы. Были, конечно, и куда более серьёзные эпизоды. В окружении Трампа трудно было найти человека, который с невозмутимым лицом стал бы утверждать, будто он не обращался откровенно небрежно с секретными материалами по национальной безопасности или не препятствовал попыткам правительства вернуть эти документы. Но впечатление юридической осады — одно дело, потом второе, затем третье, четвёртое, и всё это за каких-то два года — в конечном счёте оказалось подарком для Трампа.

Всю жизнь он умел превращать юридические проблемы в задачи по связям с общественностью. В сознании публики он объединил все дела под одним лозунгом: **«Охота на ведьм»**. Для многих демократов наступил момент, когда Трамп наконец начал отвечать хотя бы за часть того, от ответственности за что уклонялся всю жизнь. Как сказала Хиллари Клинтон, уголовные и гражданские дела были лишь верхушкой того, за что ему следовало ответить: — Я считала, что все эти дела имели под собой веские основания. Что я могу поделать, если этот человек преступник? Это не моя проблема. Он преступник. Он неоднократно нарушал закон и сходил с рук, а теперь наконец кто-то заставил его отвечать. Трамп извлёк из своих лет у власти и вне её важнейшие уроки.

Поэтому его второй президентский срок должен был оказаться совершенно не похожим на тот второй срок, который мог начаться в 2021 году. В 2025-м ему уже не нужно было опасаться расследований: Верховный суд, состав которого во многом изменил сам Трамп, предоставил президенту Соединённых Штатов широкую защиту от уголовного преследования за действия, совершённые при исполнении должностных обязанностей. Кроме того, у него было четыре полных гнева года, чтобы обдумать, что именно в следующий раз он станет делать иначе. Некоторые ключевые советники также провели эти годы, изучая рычаги федеральной власти и выясняя, как дать Трампу ровно то, чего он хочет: от массовых депортаций до невиданной прежде в американской истории кампании возмездия, направляемой президентом против собственных врагов. У Трампа было четыре года, чтобы собрать команду настоящих лоялистов. Но важнее всего оказалось другое. События между двумя президентскими сроками — обвинительные заключения, приговор, угроза тюрьмы, два покушения — лишь усилили бренд Трампа и его мифологию. Особенно — стрельба в Батлере, штат Пенсильвания. Человек, которого никогда не считали физически храбрым — более того, который был известен тем, что благодаря связям избежал призыва во Вьетнам из-за «костных шпор», — после выстрелов сумел подняться, вскинуть кулак и прокричать: — Боритесь! Боритесь! Боритесь! По его лицу стекала кровь.

Даже враги были вынуждены признать: момент был выдающимся. Кто теперь мог его остановить? Если раньше Трамп просто крепко держал Республиканскую партию в руках, то в первый год второго срока его власть над ней стала почти абсолютной. Конгресс уже мало напоминал равноправную ветвь власти. Его руководители, некогда ревниво охранявшие независимость законодательной власти, теперь фактически превратились в сотрудников Трампа. Сам Трамп прекрасно понимал: вернувшись в Белый дом, он сможет позволить себе гораздо больше, чем в первый раз. Культура изменилась. И он сыграл огромную роль в том, чтобы её изменить. Высокопоставленных чиновников и доноров Трампа больше не выгоняли из Вашингтонских ресторанов протестующие с мегафонами, кричавшие им вслед обвинения в расизме. Теперь у них появилось собственное безопасное пространство — дорогой закрытый клуб **Executive Branch**, одним из совладельцев которого был Дональд Трамп-младший.

К концу кампании 2024 года семья Трампа вошла в криптовалютный бизнес. А теперь, когда Трамп снова стал президентом, он собирался резко ускорить развитие этой индустрии. На кону стояли многие и многие миллиарды долларов. И на этот раз семья Трампа, похоже, была намерена в полной мере реализовать гигантский финансовый потенциал, который она увидела в американском президентстве.

II

В первый президентский срок Трамп вошёл новичком, плохо представлявшим, как устроен Вашингтон, и напуганным расследованием специального прокурора, масштабы которого не вполне понимал. О потрясениях его первого президентства и нарушенных им нормах было написано бесчисленное множество текстов. Теперь те опасения кажутся почти наивными. В свой кабинет Трамп тогда набрал авторитетных, но незнакомых ему людей — генералов вроде Джеймса Мэттиса и Джона Келли, которые считали и его самого, и его мировоззрение опасными и отвратительными. Когда они говорили ему, что американские войска должны остаться в Афганистане и что выводить армию на улицы американских городов не следует, Трамп уступал. Но к концу срока он глубоко возненавидел то влияние, которое эти люди оказали на его президентство. Если ему выпадет ещё один шанс, решил он, управлять страной он будет иначе.

Слабые очертания **Трампа 2.0** — того, что его бывший главный стратег Стив Бэннон назовёт «чистым Трампом», — начали проявляться уже к концу 2019 года. За первые три года президентства Трамп усвоил важные уроки: насколько абсолютной преданности он хочет от своих людей; какие дополнительные полномочия способен присвоить; какие нормы может разрушить; какие законы и институты можно согнуть; и наконец — что готовы терпеть рынки. В конечном счёте его всё же сдержали: пандемия, остатки республиканского сопротивления в Конгрессе, собственные помощники и

министры и, наконец, вице-президент, отказавшийся нарушить конституционный долг и сорвать утверждение результатов выборов. Но направление движения было совершенно очевидно для всякого, кто внимательно наблюдал. Мы особенно запомнили один частный эпизод. Ноябрь 2019 года. Трамп сидит в маленькой столовой рядом с Овальным кабинетом и смотрит по телевизору слушания, которые приведут к его первому импичменту.

Помощники, заходившие и выходившие из комнаты, рассказывали нам тогда о ярости, нараставшей внутри него. На их глазах эта ярость быстро превращалась в решимость — в желание радикально перестроить собственное президентство. Трампу объявляли импичмент из-за телефонного разговора, который он называл **«идеальным»**, хотя на самом деле идеальным тот не был даже отдалённо. Он призывал президента Украины Владимира Зеленского расследовать деятельность Джо Байдена — своего вероятного соперника на выборах 2020 года — и его сына Хантера. Сидя в столовой и наблюдая, как один правительственный чиновник за другим дают убийственные показания о недопустимости этого разговора, Трамп едва ли не кричал в телевизор: — Кто, нахрен, все эти люди? Кто этот парень в галстук-бабочке? «Парнем в галстук-бабочке» был Джордж Кент, малоизвестный сотрудник Госдепартамента, занимавшийся украинским направлением. Но больше всех Трампа бесил подполковник Александр Виндман — директор по европейским делам в собственном Совете национальной безопасности Трампа, явившийся на слушания в парадной форме. — Президент Соединённых Штатов не должен требовать от иностранного правительства расследования в отношении гражданина США и своего политического оппонента, — заявил Виндман.

Трамп пришёл в ярость. Он и прежде был одержим мыслью о существовании в собственном правительстве **«глубинного государства»**. Месяцами он носил во внутреннем кармане пиджака карточку с именами сотрудников Белого дома, которых ему охарактеризовали как **«змей»**. И вот теперь эти люди из глубинного государства появились на телеэкране — наконец показали свои лица. Когда в начале 2020 года Сенат оправдал Трампа, советники улыбались и давали друг другу «пять». Президент к ним не присоединился. Он неподвижно сидел за маленьким столом рядом с Овальным кабинетом, мрачно скрестив руки. — Этого, блядь, вообще не должно было случиться, — сказал он.

Трамп потребовал от помощников очистить правительство от этих предателей. — Избавьтесь от них. От всех. Он вернул в администрацию своего бывшего личного помощника Джона Макинти и поставил его руководить Управлением президентского персонала. Макинти было двадцать девять лет, он когда-то играл кватербеком в колледже и не обладал практически никакой традиционной квалификацией для такой должности. Но Трамп доверял ему безоговорочно.

Одновременно у президента сформировались гораздо более жёсткие представления о том, какие советники ему нужны. Ему надоела значительная часть собственной команды — особенно генеральный прокурор Уильям Барр и высшее военное руководство: министр обороны Марк Эспер и председатель Объединённого комитета начальников штабов генерал Марк Милли. Ему надоело слышать от них, что вводить войска в американские города для подавления протестов, перераставших в беспорядки, — плохая идея. Его бесило, что они всё тормозят. Что юристы Белого дома говорят ему: его требования незаконны. Что военные сопротивляются его приказам вывести войска из Афганистана, Сомали и Сирии. В Министерстве юстиции ему был нужен исполнитель — человек, который без колебаний станет преследовать его врагов: таких **«мерзавцев»**, как Джеймс Коми, Хиллари Клинтон и Барак Хусейн Обама. Он снова и снова говорил, что ему нужен новый **Рой Кон** — адвокат и наставник Трампа, девизом которого было: **«Не говори мне, что написано в законе. Скажи мне, кто судья»**.

В последний год первого срока Трамп всё больше тянулся к людям, которые слушали его — и затем действовали. Немедленно. Без сомнений. Без попыток переубедить. К концу первого срока Стивен Миллер и Рассел Воут стали двумя важнейшими исполнителями его воли. Миллер — автор речей Белого дома, убеждённый участник культурных войн и идеолог жёсткой антимиграционной политики — добился крупного успеха, воспользовавшись чрезвычайными полномочиями времён Covid, чтобы

фактически закрыть южную границу. Воут, директор Административно-бюджетного управления, был жёстким сторонником сокращения государственных расходов. Там, где другие говорили Трампу, что его требования незаконны, Воут искал обходной путь — и зачастую находил. Он отстаивал замораживание средств, уже утверждённых Конгрессом, перенаправлял деньги Пентагона на строительство стены Трампа на границе и стал одним из главных сторонников так называемого **Schedule F** — механизма, который должен был упростить увольнение потенциально десятков тысяч формально политически нейтральных государственных служащих и замену их лоялистами.

Во второй срок вернутся оба. Воут — на прежнюю должность, но теперь с гораздо большей свободой действий. Миллер получит официальные титулы заместителя главы аппарата по вопросам политики и советника по внутренней безопасности. Но даже эти должности не будут отражать его реальной власти.

III

Наша книга посвящена первому году второго президентства Трампа — периоду, который в полной мере оправдал столь часто и не к месту употребляемое слово: **«беспрецедентный»**. Трамп изменил саму природу президентской власти. Он изменил то, что люди в Соединённых Штатах и во всём мире теперь представляют себе, когда думают об американском президенте. Он продемонстрировал грубую силу, которая на международной арене принесла и некоторые впечатляющие результаты — например, когда давление Трампа на премьер-министра Израиля Биньямина Нетаньяху привело к крупной сделке по освобождению заложников и хрупкому прекращению огня. Но постоянные угрозы и запугивание традиционных союзников Америки — тарифами, угрозами аннексировать территории партнёров по НАТО, внесудебными убийствами в море — в итоге окончательно разрушили любые иллюзии относительно жизнеспособности миропорядка, сложившегося после Второй мировой войны.

К концу первого года после возвращения Трампа к власти институциональная архитектура, которую американские президенты восемь десятилетий строили и поддерживали, была фактически демонтирована. Трамп сократил финансирование Организации Объединённых Наций и попытался создать собственную альтернативу — названный им **«Советом мира»**, куда вошли авторитарные правительства, сочувствовавшие его политике. Международное право он попросту отбросил. НАТО он ослабил не только сомнениями в действенности статьи 5, но и тем, что обращался с его членами скорее как с противниками, которых нужно принуждать, чем как с союзниками, с которыми следует советоваться. Всемирной торговой организации он предпочёл карательные двусторонние соглашения. И мир начал приспосабливаться. Традиционные партнёры Америки в Европе и Азии, придя к выводу, что больше не могут полагаться на Вашингтон, стали перевооружаться, заключать собственные сделки с Пекином и рассчитывать прежде всего на себя.

Становилось всё труднее представить, что какой-нибудь будущий президент сможет вновь собрать прежнюю систему воедино. Самой крупной ранней авантюрой Трампа стало вступление США 28 февраля 2026 года в полномасштабную войну Израиля против Ирана. Это решение потенциально могло стать самым значимым за всё его президентство. Израильяне быстро убили аятоллу. Но Ирану не суждено было стать **«часовой войной»**, как Трамп называл свою операцию по захвату Мадуро. Развязав войну, он вновь последовал своему привычному принципу:

сначала подавляющая сила — о последствиях подумаем потом. Внутри страны мира тоже не было. — Я был добычей, а теперь я охотник, — сказал Трамп журналистам на лужайке Белого дома в июне 2025 года. И охотник ни секунды не сомневался, отдавая Министерству юстиции распоряжения расследовать деятельность врагов или используя любой доступный инструмент, чтобы добиться своего.

В отличие от недавних президентов, Трамп чувствовал себя совершенно свободно, применяя чрезвычайные президентские полномочия по собственной прихоти: вмешивался в частный сектор, диктовал отдельным компаниям их внутреннюю политику и решал, получают ли они от федерального правительства выгодную сделку или окажутся наказаны. И вот летом 2025 года обычно сдержанный

генеральный директор самой знаменитой технологической компании Америки Тим Кук из Apple счёл необходимым преподнести Дональду Трампу подарок из 24-каратного золота — на глазах у всей прессы. Подношения принимали самые разные формы. Самолёт от катарской королевской семьи. Сотни миллионов долларов от богатейших людей и корпораций Америки — на политическую машину Трампа, его президентскую библиотеку и строительство гигантского нового бального зала на территории Белого дома. Иностранные инвесторы нашли ещё более прямой путь к влиянию: вкладывать деньги непосредственно в карманы семьи Трампа через её криптовалютные предприятия. Капитуляций было столько, завоеваний столько, коррупции столько, что следить за всем этим становилось почти невозможно. Из-за карикатурной внешности Трампа — ярко-оранжевого лица, чрезмерно длинных галстуков и знаменитой причёски — журналистам часто хотелось относиться к нему как к клоуну. Но покойный Уэйн Барретт, один из первых журналистов, воспринявших Трампа всерьёз, ещё в серии статей 1979 года для *Village Voice* о дерзком молодом бизнесмене с богатым и политически влиятельным отцом ясно показал: Трамп десятилетиями изучал механику власти.

У него почти звериное чутьё на власть. И инстинктивное умение читать людей. Его сын Дональд младший рассказывал знакомым, что отец обладает шестым чувством: мгновенно находит самое слабое место человека, его скрытую уязвимость — а затем давит туда до тех пор, пока человек не ломается. При этом Трамп оставляет себе огромную свободу действий: он может совершенно спокойно полностью изменить позицию и бесстыдно солгать, лишь бы выбраться из трудного положения. В этом смысле **полное отсутствие стыда — качество, необычное для американских президентов, — стало его политической сверхспособностью.** Во второй срок президент Трамп сгибал институты под себя. А некоторые — просто ломал. Ни один современный президент не добивался столь быстро и столь полного подчинения собственной партии в Конгрессе, как Трамп в 2025 году. И ни один президент в современной истории настолько открыто не использовал власть своего поста, чтобы заставить ключевые институты гражданского общества и частного сектора выстроиться в нужную ему линию — от крупнейших технологических корпораций до самых уважаемых новостных организаций, ведущих юридических фирм и университетов Лиги плюща.

Через год после начала второго президентства Трамп и его поклонники увлеклись идеей «**доктрины Донро**» — трамповской переработки доктрины Джеймса Монро о господстве США в Западном полушарии и противодействии европейскому вмешательству. Было пролито немало чернил в попытках вписать разнообразные внешнеполитические действия Трампа в некую целостную концепцию его представлений о глобальной роли Америки. Доля истины в подобных попытках есть. Но в них скрыта и ловушка.

Ещё с первого срока Трамп заставляет многих — от самых преданных поклонников до самых яростных критиков — искать глубокие мотивы и идеологические основы его президентства и характера. Снова и снова выясняется, что это бесплодное занятие. Нередко Трамп просто делает то, что ему захотелось в данный момент, позволяя себе порой поразительно импульсивные поступки. Поэтому мы старались избегать слишком широких обобщений. Но в его жизни действительно постоянно повторяются определённые модели поведения; есть советники, к которым он возвращается снова и снова; есть предсказуемые импульсы; есть приёмы из его политического арсенала, которыми он пользуется неизменно. И именно на них мы старались обратить внимание. Эта книга стала итогом десятилетий, которые мы вдвоём провели, освещая деятельность Трампа. Она основана на сотнях интервью с его ближайшими советниками, чиновниками администрации и людьми из всех кругов его окружения — нынешних и прежних. В течение первых двенадцати месяцев второй Белый дом Трампа охранял информацию несравнимо тщательнее, чем первый, где утечки из Овального кабинета и Ситуационной комнаты происходили практически ежедневно.

Теперь новости редко проникали за эти двери. Мы сделали всё возможное, чтобы провести вас внутрь. Мы прекрасно понимаем, что эта история ещё далека от завершения и что истинный облик этого

президентства — как и оценки, которые однажды дадут ему историки, — невозможно в полной мере понять в реальном времени. Поэтому эта книга — наша попытка написать **первый черновик той удивительной истории, которую мы все сейчас переживаем**. Истории, за которой мы намерены следить до самого конца.

МЭГГИ ХАБЕРМАН

ДЖОНАТАН СУОН

6 апреля 2026 года

ЧАСТЬ I

ВИХРЬ

— Возможно, ничего этого вообще не происходило бы, если бы ты остался в гонке, Джо, — сказал Дональд Трамп после того, как телекамеры вывели из Овального кабинета. — Ты был бы куда более сильным соперником. В Пенсильвании тебя любят.

Прошло восемь дней после странных и ожесточённых выборов, которые вскоре должны были вернуть Трампа к власти. Будущий — и одновременно бывший — президент сидел у пылающего камина напротив действующего президента Джо Байдена. Это был традиционный жест доброжелательности и преемственности между уходящей и приходящей администрациями. Четыре года назад такой встречи не было: тогда Трамп отказался признать своё поражение и продолжал утверждать, что выиграл выборы. Но Байден ясно дал понять старшим сотрудникам аппарата, что считает подобные традиции важными.

Он встретится с избранным президентом и лично введёт его в курс основных проблем. После всей грязи недавней кампании Байден был удивлён тем, насколько предупредительным и уважительным оказался Трамп во время их почти двухчасового разговора у камина. Трамп тепло заверял Байдена, что его президентство было успешным; щедро хвалил силу экономики и положительно отзывался о том, как Байден справлялся с несколькими тяжёлыми международными кризисами — особенно с войной на Украине.

— Это действительно очень трудно, — сказал Трамп президенту. — Ты хорошо с этим справился. Затем Байден кратко провёл его по основным международным проблемам, уделяя внимание тем, которые могли особенно волновать новую администрацию. Трамп ещё не начал всерьёз погружаться в детали политики. Вместо этого его интересовали личности иностранных лидеров. Он перебивал Байдена вопросами:

— Что он за человек? С ним можно договориться? А Путин сейчас какой? А Си сейчас какой? Трамп даже перевёл разговор на крайне болезненную тему — выразил Байдену сочувствие по поводу того, как с ним обошлись руководители Демократической партии. Если он надеялся подтолкнуть Байдена к признанию обиды из-за того, насколько жестоко его вынудили выйти из президентской гонки, или заставить нелестно высказаться о вице-президенте Камале Харрис, заменившей его в качестве кандидата партии, то Трамп просчитался.

— Ты получил четырнадцать миллионов голосов, — настаивал он, имея в виду почти 90 процентов голосов, собранных Байденем на демократических праймериз 2024 года. — А они всё это у тебя отняли. Байден на приманку не клюнул.

Тогда Трамп поднял ещё более болезненную и деликатную тему — Хантера Байдена. — Ужасно, через что они заставили пройти твоего сына, — произнёс он с видом искреннего сочувствия, ни словом не упомянув собственную роль в многолетней травле младшего Байдена. Будущий президент заверил Байдена, что не станет делать ничего, что могло бы навредить его сыну. А если Хантеру что-нибудь понадобится — пусть Байден даст ему знать.

— Спасибо, — только и смог ответить Байден.

Когда встреча подходила к концу, Байден повернулся к руководителю кампании Трампа и будущей главе аппарата Сьюзи Уайлс, которая всё это время молча сидела в комнате и наблюдала за двумя мужчинами. — Откуда у вас такие красивые голубые глаза? — внезапно выпалил Байден. — Не знаю, — ответила Уайлс. — Ни от отца, ни от матери я их не унаследовала. Трамп вмешался:

— Разве ты не знаешь, кто был её отцом? Уайлс была старшей дочерью Пэта Саммералла — известного игрока НФЛ, завершившего карьеру в New York Giants, когда Трамп был подростком, а затем ставшего легендарным спортивным комментатором. Оживлённый разговор о Giants и преимуществах хороших генов завершил встречу. Атмосфера была настолько дружелюбной, что это почти сбивало с толку.

Последние несколько лет Трамп называл Байдена дряхлым и некомпетентным стариком, **«худшим президентом в истории»**, который никогда не оказался бы в Белом доме, если бы у Трампа «они» не украли выборы 2020 года. А теперь, в Овальном кабинете, Байдена обезоруживала теплота Трампа. В тот момент эта внезапная любезность показалась искренней даже некоторым ближайшим помощникам Трампа. Но одновременно это был чрезвычайно характерный для него манёвр.

Трамп давно умел резко менять тон, когда считал, что другой подход позволит извлечь выгоду из ситуации. Такие перемены порой поражали. На следующий день после победы на выборах 2016 года он позвонил Биллу Клинтону — мужу женщины, которую во время кампании обещал посадить в тюрьму, — и дружелюбно поговорил с ним, словно ничего прежде не происходило. Теперь, окружая Байдена утешительной любезностью, Трамп, по всей видимости, стремился получить красивую и величественную передачу власти — вместе с той легитимностью, которую демократическая традиция должна была придать его президентству. Ту самую легитимность, которой четырьмя годами ранее он отказал Байдену. Через две недели после встречи в Овальном кабинете Трамп позвонил Байдену, чтобы пожелать ему и его семье счастливого Дня благодарения.

Байден сказал своему ближайшему окружению, что считает это красивым жестом. Некоторые из его людей раздражённо восприняли эту реакцию. Неужели Байден действительно настолько наивен относительно намерений Трампа? Сам Байден, похоже, был тронут кажущейся искренностью. Одновременно он размышлял о помиловании Хантера, опасаясь, что вскоре Министерство юстиции Трампа возьмётся за его сына. И тревога Байдена лишь усиливалась по мере того, как он видел фамилии людей, которых Трамп выдвигал на важнейшие посты в правоохранительных органах и структурах национальной безопасности.

В последующие недели Байден не раз вспоминал тот короткий период вежливости в Овальном кабинете — и чувствовал себя обманутым. Прежний Трамп быстро вернулся. И вскоре Байден с растущим недоумением и подавленностью наблюдал, как он сам и его администрация снова превращаются в объект ежедневных нападок Трампа.

II

Если не считать визита в Белый дом, после выборов избранный президент почти не покидал Флориду. В этом и не было необходимости. Мир сам ехал к нему. Каждый день ему звонили или приезжали с визитами мировые лидеры, высокопоставленные сановники и крупнейшие предприниматели — один угодливее другого. Все они разворачивали полномасштабную кампанию, чтобы снискать расположение Трампа или по меньшей мере защитить себя — свои компании или свои страны — от правительства Соединённых Штатов, которое вскоре перейдёт в руки президента с очень длинным списком врагов.

Мало что доставляло Трампу такое удовольствие, как вид титанов Больших технологий, унижающихся перед ним. А поскольку он прекрасно помнил их предполагаемое предательство, то намеревался превратить это в настоящее представление. В своей иллюстрированной книге 2024 года *Save America* Трамп утверждал, что генеральный директор Meta Марк Цукерберг строил против него козни во время выборов 2020 года. И предупредил миллиардера: если тот повторит подобное, то **«проведёт остаток жизни в тюрьме»**.

После беспорядков 6 января Цукерберг заблокировал Трампа и в Facebook, и в Instagram. То же самое сделал глава Twitter Джек Дорси. Именно это подтолкнуло Трампа создать собственную платформу — Truth Social. Но затем, год за годом, по мере того как Трамп возвращал себе контроль над Республиканской партией и строил планы политического возвращения, одна технологическая платформа и один миллиардер за другим сначала настороженно, а затем всё охотнее заключали с ним мир.

Возможно, прощены они были не полностью. Но прошлое уже можно было забыть — особенно когда стало ясно, какой огромный ущерб их компаниям способен причинить вернувшийся Трамп.

Сам он вовсе не собирался облегчать им задачу. Трамп давно верил в силу публичного зрелища — особенно в силу унижения и подчинения. Чтобы закрепить их капитуляцию, в недели перед второй инаугурацией он стал принимать руководителей и основателей крупнейших технологических компаний. Каждый совершал своеобразное паломничество в Мар-а-Лаго, где ужин проходил на знаменитой террасе среди тропических садов. Среди гостей были глава Apple Тим Кук, основатель Amazon и владелец *Washington Post* Джефф Безос, Марк Цукерберг и руководитель Google Сундар Пичаи. Цукерберг приехал незадолго до Дня благодарения.

Кук и Безос — позднее, в декабре. Некоторых миллиардеров ожидал сюрприз — особое развлечение в чисто трамповском стиле. Нередко перед началом ужина избранный президент включал на своём iPad торжественное исполнение американского гимна, которое через аудиосистему клуба разносилось по всему Мар-а-Лаго. Перед ужином Цукерберг поднялся и приложил руку к сердцу.

Но это был не обычный гимн. И не только потому, что в музыкальную запись встроили голос самого Трампа, читающего Клятву верности, или потому, что в финале раздавалось скандирование: — **U-S-A! U-S-A!** Запись исполнял так называемый «Тюремный хор 6 января» — двадцать мужчин, находившихся под стражей за предполагаемое участие в штурме Капитолия. Это был весьма недвусмысленный способ Трампа вовлечь самых могущественных предпринимателей страны в кампанию по реабилитации участников беспорядков — превратить их в мучеников и патриотов, служивших его собственной священной идее: выборам 2020 года.

Одновременно Трамп заставлял одного из властителей современного мира — человека, который некогда ссылался на собственные принципы, наказывая Трампа за угрозу мирной передаче власти, — молчаливо признать или просто смириться с тем, что прав был Трамп, а Цукерберг и остальные ошибались. Что Трамп победил. А они проиграли. Теперь им оставалось **съесть собственную гордость**. В начале нового срока президент добился от Meta выплаты примерно 25 миллионов долларов за нанесённое ему оскорбление — блокировку в Facebook. Twitter также блокировал Трампа, но к тому времени компанию приобрёл Илон Маск, переименовав её в X.

Маск стал, возможно, самым могущественным союзником Трампа. Когда появилась возможность разрешить Маску урегулировать судебный спор без выплаты денег, Трамп дал понять: заплатить должен и Маск. Сумма составила около 10 миллионов долларов. После ужина в Мар-а-Лаго Цукерберг ещё раз поговорил с Трампом по телефону.

Он уже без особого шума дистанцировался от своей прежней поддержки организации, выступавшей за более либеральную иммиграционную политику, а вскоре после поездки во Флориду свернул в своей компании программы разнообразия, равенства и инклюзивности. Джефф Безос тоже стремился наладить более тёплые отношения с Трампом.

Всё ещё раздражённый тем, как *Washington Post* освещала его деятельность на протяжении почти десяти лет, Трамп сказал Безосу: — Эта твоя *Washington Post* ужасно несправедлива. Тебе надо лучше за ней следить. На декабрьском ужине Безос выразил сочувствие Трампу и дал понять, что сам крайне разочарован газетой, хотя совсем по другой причине. По версии Трампа, Безос пожаловался ему, что из-за этой инвестиции потерял половину друзей.

Сам Безос позднее говорил другим, что всё было не совсем так: друзей он не потерял, но близкие люди действительно советовали ему продать газету.

Поначалу Трамп вообще не верил Безосу, когда тот уверял, что не может контролировать материалы *Post*. В доказательство Безос объяснил: журналисты газеты публикуют критические статьи даже о нём самом. — Он говорил мне, что они пишут и про него, — вспоминал Трамп. — В первый раз, в первый срок, я ему не поверил. И ненавидел его за это. А потом поверил.

На ужине после выборов 2024 года Безос назвал газету, когда-то свергнувшую президента, худшей финансовой инвестицией в своей жизни.

— Люди там ужасные, — сказал он Трампу, жалуясь на деловую сторону знаменитой редакции, которую надеялся сделать прибыльной. — Они не слушаются. В других моих компаниях слушаются.

Ещё несколько недель спустя Трамп с удовольствием рассказывал посетителям, как теперь технологические магнаты **«целуют мне задницу»**.

— Вы бы видели, какие сообщения я получаю от этих ребят из технокомпаний. Надо вам показать, — говорил он гостям однажды утром после Рождества, вытаскивая iPhone. — Смотрите. Вот Цукерберг.

Трамп пролистывал льстивые сообщения, которые Цукерберг прислал ему после их ужина месяцем раньше.

— А это письмо написал его ребёнок, — добавил Трамп и показал фотографию детского «письма президенту» от одного из детей Цукерберга, где говорилось, что тот с нетерпением ждёт **«золотого века Америки»**.

Затем Трамп открыл ещё одно сообщение. — Подождите, подождите. Вот это ещё лучше, — торжествовал он. — Безос.

Один из гостей, видевших переписку Джеффа Безоса с Трампом, запомнил приветствие миллиардера, к которому была приложена улыбающаяся фотография Безоса с его тогдашней невестой Лорен Санчес.

Позднее в тот же день Трамп снова демонстрировал эти трофеи другой компании, среди которой был и Илон Маск, недавно назначенный руководить псевдovedомством по сокращению расходов — **Департаментом эффективности правительства**. — Вспомните, где эти ребята были в 2016 году, — говорил Трамп о Цукерберге и Безосе. — Они меня ненавидели. Делали всё, чтобы меня уничтожить. А теперь посмотрите на них.

Трамп хвастался перед Маском сообщениями от Цукерберга и Безоса. А самый богатый человек мира, казалось, искренне наслаждался унижением собственных соперников. — **Пресмыкательство высшего класса**, — заключил Маск.

III

Никто из ближайших помощников Трампа не мог припомнить, чтобы он когда-либо выглядел таким довольным, как в те два теплых зимних месяца в Палм-Бич после выборов. На этот раз его победу практически повсеместно признали законной — совсем не так, как в первый раз. Помогло и то, что теперь Трамп выиграл не только коллегия выборщиков, но и всенародное голосование — чего ни одному республиканцу не удавалось уже двадцать лет, со времен Джорджа Буша-младшего в 2004 году.

Один из близких советников описывал избранного президента в этот послевыборный период как человека, пребывающего почти в «дзенском» состоянии. Наслаждаясь победой, Трамп разгуливал по общим залам Мар-а-Лаго, после ужина на террасе исполнял роль диджея, выбирая музыку на своем iPad, и встречался с донорами, собирая беспрецедентные суммы в фонд инаугурации и на свою политическую деятельность. Всякий раз, когда он входил в зал, гости вставали и аплодировали.

В частных разговорах Трамп удивлялся тому, что «фейковые новости» никогда прежде не относились к нему так хорошо, — и говорил, что именно так с ним следовало обращаться еще во время его первого президентства. Своей команде он дал понять, что хочет заставить Fox News буквально «умолять» о первом президентском интервью. — В какой-то момент они будут умолять уже так сильно, что позволят тебе делать все, что захочешь, — признался он одному из советников.

Другой помощник, давно знавший Трампа, заметил, что тот, похоже, перестал соперничать с каждым мужчиной, оказавшимся рядом, — даже с теми, кто был гораздо богаче его. Теперь Трамп бесспорно стал той значительной исторической фигурой, какой всегда мечтал быть. И он видел: окружающие тоже воспринимают его именно так.

Ставки на этих выборах были особенно высоки. Против него были возбуждены четыре уголовных дела, а по одному из них он уже был признан виновным; вынесение приговора еще ожидалось. В 2016 и

2020 годах в последний месяц кампании он работал на износ, но в 2024-м помощники видели, что теперь он почти доводит себя до физического истощения. Кампанию он завершил стремительным марафоном митингов, после одного из последних выступлений едва не заснув стоя за кулисами.

К этому прибавлялось и покушение в Батлере, штат Пенсильвания, в июле 2024 года, когда пуля прошла от него буквально в нескольких сантиметрах, а затем — еще один опасный эпизод в сентябре. Трамп все чаще говорил о собственной смертности, утверждая, что столь чудесное спасение могло быть лишь результатом божественного вмешательства.

Теперь он наконец мог выдохнуть. Он пережил пулю убийцы и одолел и Камалу Харрис, и американскую систему правосудия. Несколько недель после выборов Трамп держался в тени и редко появлялся на публике. Помощники заметили нечто необычное: то, чего во время кампании он никогда у них не просил. Сразу после выборов он на некоторое время велел пресс-службе снизить градус агрессии в заявлениях. Он не хотел, чтобы Байдена и Харрис атаковали слишком жестко.

Трамп получил и еще нечто, чего прежде у него не было: пусть неохотное, но все же признание со стороны узкого клуба бывших президентов. 9 января он присутствовал на государственных похоронах тридцать девятого президента США Джимми Картера. Рядом с Трампом сидел Барак Обама, и два страстных любителя гольфа непринужденно шутили о гольф-клубах Трампа. Билл Клинтон, решив, что так будет правильно, подошел к нему во время церемонии и пожелал удачи. Трамп, похоже, был искренне благодарен за этот жест.

Некоторым помощникам и союзникам показалось, будто Трамп собирается отложить старые обиды и попытаться объединить страну. В конце концов, он одержал грандиозную победу, стал практически неуязвим и теперь вполне мог позволить себе великодушие.

— На этот раз речь идет о наследии, — сказал Трамп одному знакомому. — Мы совершим великие дела. Даже тем, кто меня не любит, это понравится.

Когда собеседник заметил, что теперь, обладая всей полнотой власти, Трамп получил возможность вести себя иначе, тот, казалось, совершенно искренне переспросил: — Ты имеешь в виду — подняться над всем этим?

Трамп даже начал видеть положительные стороны в своих четырех годах политического изгнания. Одному советнику он сказал, что, если подумать, ему даже пошло на пользу то, что эти четыре года он не находился у власти. Теперь он был лучше подготовлен, получил более весомый мандат и мог делать то, чего прежде ему просто не позволили бы. Кроме того, добавлял он, Байден оказался настолько плох, что американцы успели соскучиться по Трампу.

— Разве так не лучше? — говорил он в частных беседах. Если бы демократам не позволили «украсть» у него выборы 2020 года, утверждал Трамп, — сейчас я уже готовился бы уходить на пенсию.

Добродушное настроение Трампа продержалось дольше обычного. Однако мало кто из тех, кто долгие годы наблюдал за этим семидесятивосьмилетним человеком, всю карьеру питавшимся конфликтами, бравадой, местью и обидами, верил, что он действительно изменился. По мере приближения дня инаугурации старые инстинкты возвращались, и становилось все очевиднее: Трамп по-прежнему одержим возмездием. Одному близкому союзнику он заявил, что демократы со своей «российской мистификацией» — так он называл расследование российского вмешательства в выборы 2016 года — виноваты даже в распаде брака его сына Дона-младшего.

Забывать нанесенные ему обиды он не собирался. Он возвращался в Белый дом в условиях, когда оппозиция была слабее, чем когда-либо. Демократы были деморализованы. Традиционные СМИ, которые он называл «фейковыми новостями», испытывали финансовые трудности и, в глазах большинства американцев, потеряли доверие. Верховный суд благодаря назначениям первого срока Трампа — которым активно содействовал тогдашний лидер республиканского большинства в Сенате Митч Макконнелл — еще сильнее сместился вправо и теперь предоставил президенту широкую правовую защиту. Трамп с наслаждением повторял:

— У меня иммунитет. Республиканская партия теперь целиком принадлежала ему. За день до инаугурации среди советников Трампа распространилась весть: он собирается включить в речь особенно провокационную фразу — обещание помиловать всех «заложников 6 января». Это вызвало тревогу. Даже если Трамп действительно собирался их помиловать, многие опасались, что объявлять об этом прямо в инаугурационной речи будет ошибкой.

Во время подготовки выступления группа помощников обсудила этот вопрос с ним. Старший советник Тейлор Будович, известный тем, что не боялся говорить с Трампом откровенно, призвал его к осторожности. — Господин президент, дело вот в чем, — сказал Будович. — На вашей инаугурации в Ротонде будет восемьсот человек, примерно триста из них — демократы. Если вы объявите, что собираетесь помиловать участников событий 6 января, половина зала встанет и уйдет. Эту речь запомнят как самую раскалывающую страну инаугурационную речь в истории.

Трамп задумался. — Знаешь, я об этом не подумал. Ладно. Уберите это из речи.

Это была одна из последних уступок Дональда Трампа приличиям.

Дональд Трамп и его ближайшее окружение расположились в чайной Мар-а-Лаго — под большой люстрой и крышей-балдахином, которую шевелил океанский ветер. Было 11 ноября 2024 года, через неделю после выборов. Клуб был заполнен помощниками и советниками, а Трамп приступал к обсуждению некоторых из важнейших решений предстоящего президентства — выбора нового кабинета.

Жесткий уолл-стритовский делец Говард Латник, давний знакомый Трампа еще по Нью-Йорку, руководил переходным процессом. Суеверный, как всегда, Трамп до выборов почти не хотел обсуждать планы на второй срок. Полный список кандидатов он впервые увидел именно здесь. Его главные помощники Сьюзи Уайлс и Стивен Миллер внесли в список собственные предложения. Своими соображениями поделился и избранный вице-президент Джей Ди Вэнс.

Латник велел установить восемь телевизоров — по четыре с каждой стороны стола. На всех экранах шла одна и та же презентация: стилизованные фотографии претендентов, краткие биографические справки и подборки их лучших выступлений на кабельных телеканалах, чтобы Трамп мог выбрать нужных людей.

Пока Трамп жевал шашлычки из крабового мяса, приготовленные на кухне Мар-а-Лаго, перед ним один за другим появлялись кандидаты.

Когда речь зашла о сенаторе Марко Рубио, Трамп мгновенно сказал: — Да, давайте отдадим Марко Госдеп. Словно назначение Рубио государственным секретарем было уже решенным делом.

Когда обсуждали должность советника по национальной безопасности, Трамп спросил: — А что думаем насчет Майка?

Речь шла о Майке Уолтце, бывшем «зеленом берете» армии США и конгрессмене от Флориды, который после июльского покушения сыграл важную роль в налаживании контактов между штабом Трампа и руководством Секретной службы США.

Реакция ближайшего окружения Трампа была положительной. Все сказали, что Майк им нравится.

— Ну и отлично, — ответил Трамп. — Потому что я уже предложил ему эту работу в коридоре. Комната взорвалась смехом.

На должность директора ЦРУ Трамп рассматривал Джона Рэтклиффа, бывшего конгрессмена от Техаса, который привлек внимание президента в первый срок тем, что активно защищал его во время расследования о России. В 2020 году Трамп назначил Рэтклиффа директором национальной разведки. Но теперь, готовясь вернуться в Белый дом, Трамп хотел получить ответ на один вопрос, прежде чем доверить ему Центральное разведывательное управление.

— Он его разнесет? — спросил Трамп.

Под «его» он подразумевал ЦРУ. Убедившись, что ответ — да, Трамп отдал должность Рэтклиффу. Но был и еще один аргумент в его пользу.

— Этот парень похож на Кэри Гранта, — добавил Трамп. — Будто специально подобран на роль. Если снимать кино и искать актера на роль директора ЦРУ — выбрали бы именно его.

Пока что Трамп отдавал предпочтение людям с традиционной биографией. Но когда речь зашла о следующем директоре национальной разведки, он начал рассматривать куда более спорные фигуры. Он указал на бывшего конгрессмена-демократа от Гавайев Тулси Габбард, перешедшую на сторону Трампа. Для истеблишмента обеих партий она давно стала персоной нон грата из-за яростных речей против так называемого «глубинного государства» и личной встречи с тогдашним сирийским диктатором Башаром Асадом. Роджер Стоун, давний и периодически возвращавшийся политический советник Трампа, настойчиво продвигал ее кандидатуру. Стоун считал, что однажды Габбард может стать президентом, хотя сам Трамп относился к этому скептически.

— Давайте отдадим это Тулси, — сказал он и добавил, что она ему нравится. — В конце концов, какой особый вред она может причинить?

В этот момент мысли Трампа перескочили к Роберту Ф. Кеннеди-младшему, который, подобно Габбард, олицетворял новую коалицию бывших демократов-антисистемщиков, принятых Трампом в Республиканскую партию.

— Знаете, когда я вывожу Бобби на этих мероприятиях, — заметил Трамп, — там такой рев, что самого себя не слышно. Потом выводим Тулси — люди немного хлопают, и все нормально. Но разница в том, что Бобби — звезда. А Тулси? Тулси хочет быть звездой. Затем разговор в чайной переключился на Пентагон.

Пит Хегсет, ветеран войны и ведущий утреннего шоу Fox News, был крайне необычным кандидатом на руководство Министерством обороны, где работало почти 3 миллиона человек и которому подчинялась глобальная сеть боевых командований. Однако он удостоился высшей формы похвалы, которую мог дать Трамп: хорошо смотрелся по телевизору.

— Никто никогда не выглядел в кадре лучше этого парня, — рассуждал избранный президент. — И он так хорошо ко мне относился. Трамп продолжил:

— Знаете, что он сделал? Там были трое военных — просто убивали людей. Ходили и убивали направо и налево. Кто знает, сколько они убили. Крутые ребята. А их начали судить. И Пит их защищал. Нам нужен человек, который готов защищать наших крутых парней. Этими «крутыми парнями» были ветераны войн в Ираке и Афганистане Клинт Лоранс, Мэтью Голстейн и Эдди Галлахер.

Каждому из них предъявлялись обвинения или были вынесены приговоры по делам, связанным с военными преступлениями, однако во время первого президентства Трампа они были спасены благодаря настойчивой кампании Хегсета. В 2019 году Трамп помиловал Лоранса и Голстейна, а Галлахеру восстановил льготы и звание. Военное руководство было потрясено вмешательством Трампа в систему военной юстиции и опасалось, какой сигнал это посылает союзникам США по всему миру. Но Трамп видел в этих людях героев. И теперь собирался доверить их защитнику, соведущему программы *Fox & Friends Weekend*, все Министерство обороны.

Позднее, когда Хегсет оказался под угрозой провала при голосовании в Сенате из-за обвинения в сексуальном насилии, которое он отрицал, Трамп ненадолго задумался о том, чтобы заменить его своим прежним ожесточенным соперником — губернатором Флориды Роном Десантисом. — Нам нужны сюжетные повороты, — сказал Трамп ошеломленному союзнику. Но вскоре отказался от этой идеи. Затем он бросил в бой Джей Ди Вэнса, своего сына Дона-младшего и молодого активиста и подкастера Чарли Кирка — с задачей запугать и заставить подчиниться любого республиканца, который мог задуматься о голосовании против Хегсета. Это было очередным воплощением принципа, которому Трамп научился у своего наставника Роя Кона и который разделял с Роджером Стоуном:

никогда не признавай, что совершил ошибку. Когда обсуждение перешло к Министерству внутренней безопасности, все головы повернулись к Стивену Миллеру. Никто в здании не ассоциировался с иммиграционной программой Трампа сильнее него. Именно Миллер был архитектором ряда наиболее спорных пограничных мер первого срока, и ожидалось, что теперь он вернется к этой роли с еще большими амбициями. Если кто и должен был иметь решающий голос в вопросе о том, кто возглавит DHS, то именно Миллер.

На экране появилось имя Кристи Ноэм, губернатора Южной Дакоты. Миллер выражений не выбирал. По его словам, Ноэм дала самое ужасное интервью, которое он когда-либо видел в жизни. Точка. И вот этому человеку они собираются поручить выходить к прессе и защищать самые спорные решения администрации по вопросам границы и иммиграции? По мнению Миллера, Ноэм просто не обладала необходимым искусством общения. Неясно, какое именно интервью он имел в виду, однако после выхода книги, сопровождавшегося катастрофической рекламной кампанией, Ноэм дала несколько крайне неудачных интервью.

Все присутствующие высказались. Затем заговорил Трамп.

— Она была так добра ко мне, — сказал он. — И Кори тоже был очень добр ко мне.

Под Кори он подразумевал Кори Левандовски — первого руководителя своей кампании 2016 года, близкого помощника и частого спутника Ноэм в поездках. Левандовски продолжал вращаться в окружении Трампа, несмотря на целую череду скандалов. Его увольняли из кампании, обвиняли в нападении на журналистку, а позже жена одного из республиканских доноров обвинила его в нежелательных сексуальных домогательствах на благотворительном мероприятии. Левандовски отрицал все обвинения, но после возбуждения дела согласился пройти консультации по контролю импульсивного поведения. Даже среди сторонников Трампа он оставался фигурой крайне спорной. Но расположения босса он никогда не терял.

Смысл был очевиден: Трамп считал, что чем-то обязан Ноэм. — Очень преданная, — сказал он. — Очень преданная.

В тот день Миллер больше не сказал о Ноэм в присутствии Трампа ни одного отрицательного слова. Когда Трамп уже склонялся к определенному решению, спорить дальше было бессмысленно — по крайней мере при нем. Относительно Ноэм решение было принято. Все определила верность — лично Трампу и, через Левандовски, его окружению. Когда Трамп формировал кабинет во время первого президентства, он тоже порой выбирал кандидатов по внешности, но нередко подавлял собственные инстинкты и прислушивался к мнению специалистов. Тогда, несмотря на всю демонстрируемую бравату, масштаб должности подавлял его. Вашингтон он знал плохо, почти со всеми встречался впервые и поэтому ключевые посты в сфере национальной безопасности доверял представителям истеблишмента.

Теперь все было иначе. Трампу казалось, что он знает всех и знает все. Себя он считал главным экспертом — человеком умнее и осведомленнее по любому вопросу, чем те «тупицы», которые десятилетиями сидели в Вашингтоне и разрушали страну. И появился еще один критерий. Хорошо выглядеть по телевизору по-прежнему было чрезвычайно важно — это никогда не менялось. Но для высокой должности во второй администрации Трампа требовалось нечто большее.

Появился новый лакмусовый тест: **6 января**. Во время собеседований в переходном штабе в Уэст-Палм-Бич нескольких претендентов на высокие посты спрашивали, что они думают о событиях 6 января и кто, по их мнению, победил на выборах 2020 года. Более того, сотрудники переходной команды заранее проверяли социальные сети кандидатов, выискивая любые критические высказывания о Трампе после штурма Капитолия. Бывших помощников, дававших показания в конгрессовском расследовании событий 6 января, теперь делили на тех, кто сохранил верность Трампу, и тех, кто ее не сохранил.

Однако, как всегда, когда ему было выгодно, Трамп проявлял гибкость. Если 6 января стало новым порогом лояльности, то именно его собственная трактовка оставалась последним словом. Одним кандидатам прежние оскорбления и прегрешения прощались. Других отправляли в вечное политическое изгнание. Марко Рубио, например, называл события 6 января национальным позором. И все же стал государственным секретарем.

Другим так не повезло.

В чайной Мар-а-Лаго некоторых присутствующих поразила реакция Трампа на слайд с фотографией одного из советников по национальной безопасности его первого срока — Роберта О'Брайена. Многие считали, что О'Брайен по-прежнему находится у Трампа на хорошем счету, и основания для этого были. Он проходил собеседование на одну из ключевых внешнеполитических или разведывательных должностей второго срока, а позднее его даже включили в один из президентских советов. В отличие от многих других, О'Брайен никогда публично не отрекался от Трампа, наоборот — часто хвалил и защищал его в СМИ. Но у Трампа была долгая память. После нападения на Капитолий О'Брайен совершил, с точки зрения Трампа, непростительный грех: похвалил Майка Пенса после того, как тот председательствовал при утверждении победы Джо Байдена. — Я только что говорил с вице-президентом Пенсом, — написал тогда О'Брайен. — Он действительно прекрасный и порядочный человек. Сегодня он проявил мужество, как проявил его и в Капитолии 11 сентября, будучи конгрессменом. Я горжусь тем, что служу вместе с ним.

Теперь Трамп с презрением разглядывал лицо О'Брайена на экране. — Хм. Красавчик, — произнес он. — Знаете, у него была проблема 6 января. А 7 января он уже от страха дрожал. Дрожал. А теперь с ним вообще что-то случилось. Я видел его по телевизору. Стоял как деревянный, будто двигаться не мог.

Один из советников сказал, что слышал о серьезных проблемах О'Брайена со здоровьем.

— Я так и знал, что с ним что-то не так, — ответил Трамп. — Уберите его отсюда, — добавил он, указывая на экран. — Уберите. Он такой же, как Помпео. Просто уберите его. Для Трампа едва ли существовало более тяжкого оскорбления, чем: **«Он такой же, как Помпео»**.

Когда-то Майк Помпео, бывший государственный секретарь, пользовался у него безупречной репутацией. Однако в 2024 году он некоторое время обдумывал возможность побороться за республиканскую номинацию и при этом довольно мягко критиковал недостаток бюджетной дисциплины в первой администрации Трампа. Для Трампа этого оказалось достаточно, чтобы никогда не простить его. Но что же теперь означала «верность»?

И когда истекал, если вообще истекал, срок давности за то, что кто-то сравнивал Трампа с Адольфом Гитлером — как это когда-то сделал его нынешний вице-президент, — называл его «мошенником», как нынешний госсекретарь, или высмеивал как «диванного крутого парня», как будущий министр обороны? Где проходила граница, зачастую было совершенно неясно. Однако ближайшее окружение Трампа все отчетливее понимало: главным испытанием для претендентов на должности теперь было то, поддерживали ли они его в первые месяцы 2021 года. Обжегшись на сотрудниках первого срока, которых он считал «предателями», Трамп стал еще подозрительнее и параноидальнее. Иногда хватало самого ничтожного обвинения. Некоторые кандидаты уже начинали паковать чемоданы в Вашингтон, а затем лишались предложенной должности, когда обнаруживалось какое-нибудь случайное критическое замечание или просто сомнительная связь с кем-то из неудобных.

Большинство остальных даже не доходили до этой стадии. Союзники Трампа рекомендовали бывшего армейского рейнджера Райана Маккарти на должность заместителя министра обороны. Все закончилось в тот момент, когда Пит Хегсет мимоходом заметил Трампу, что некоторые считают Маккарти «человеком Милли». Речь шла о генерале Марке Милли, недавно ушедшем в отставку председателе Объединенного комитета начальников штабов, который все громче говорил о том, что считает Трампа угрозой республике. Одного упоминания фамилии Милли оказалось достаточно. — Нам такое не подходит, — сказал Трамп Хегсету. — Даже если в нем один процент от Милли — нам такое не подходит.

Из всех назначений важнее всего для Трампа были кадровые решения в Министерстве юстиции. Он считал, что его первый срок во многом саботировали прежние генеральные прокуроры — Джефф Сешнс, отстранившийся от российского расследования, и Уильям Барр, отказавшийся поддержать теорию Трампа об «украденных выборах». Сначала Трамп почти импульсивно назвал своим кандидатом на пост генерального прокурора тогдашнего конгрессмена Мэтта Гетца. Поскольку Гетц сам ранее был объектом серьезного расследования, в том числе по обвинениям сексуального характера, Трамп понимал, что это станет проверкой того, насколько далеко ему теперь позволено зайти. Помощникам он говорил, что вероятность утверждения Гетца составляет всего 30 процентов. Однако после восьми дней сокрушительных публикаций в прессе Трампу все надоело.

Гетц снял свою кандидатуру. Это был один из редких случаев, когда Трамп отменил собственное крупное кадровое решение. Вскоре он заполнил верхние этажи Министерства юстиции самыми преданными сторонниками, фактически разрушив сложившуюся после Уотергейта традицию независимости ведомства и превратив руководство Минюста в подобие собственной личной юридической фирмы. На высокие должности он назначил нескольких адвокатов, прежде представлявших его интересы — как на государственной службе, так и в частных делах. Среди них были Пэм Бонди, ставшая генеральным прокурором, и Тодд Бланш, занявший пост ее заместителя.

Состав был готов. Это должна была стать администрация, отличавшаяся беспримерным единством целей — и столь же беспримерным стремлением к расплате.

II

Два месяца спустя, 20 января 2025 года, Дональд Трамп облачился в привычный для себя наряд. На инаугурацию в качестве сорок седьмого президента Соединенных Штатов он выбрал костюм, покроем напоминавший его любимый Brioni, привычную рубашку Brooks Brothers и любимые аксессуары — от запонок до бронзера. Завершали образ темное пальто и знаменитая прическа, тщательно приглаженная и зафиксированная лаком. День проходил по освященному временем распорядку.

Утром, сразу после службы в епископальной церкви Святого Иоанна, новый президент и первая леди отправились в Белый дом на традиционное чаепитие в Голубой комнате. Когда Трамп вышел из автомобиля, президент Байден — человек, строго соблюдавший церемониальные традиции, — тепло поприветствовал его словами: — Добро пожаловать домой. Первые двадцать минут инаугурационной речи нового президента стали предвестием того, что ожидало страну: прежнее видение Америки, но теперь выраженное с еще более мрачной интенсивностью. **Мир будет нас уважать.**

Нам будут завидовать.
Мы уничтожим все стоящие перед нами угрозы.
Будет только два пола.

Использованию Министерства юстиции как политического оружия будет положен конец.

Как и многие помощники до них, новая команда Трампа заранее создавала ожидание, будто президент произнесет речь, исполненную оптимистического видения будущего страны. На деле же она напоминала его инаугурационное выступление 2017 года о «разоренной Америке»: страна, по словам Трампа, находилась в катастрофическом состоянии, погрязнув в преступности и хаосе. Его возвращение в Овальный кабинет должно было, по его утверждению, открыть новую золотую эпоху.

Это была хорошо знакомая трамповская риторика, только произнесенная настолько сдержанно и торжественно, насколько вообще был способен Дональд Трамп. Если бы любой другой американский лидер произнес подобную речь — объявляя о намерении ввести сразу несколько режимов чрезвычайного положения, направить американские войска к границе и невозмутимо громить достижения своего предшественника прямо у него на глазах и перед всем миром, — слово «торжественная» прозвучало бы, мягко говоря, сомнительно. Но Трамп уже успел глубоко и, возможно, необратимо переписать стандарты поведения, которых общество ожидало от американских лидеров.

Тем не менее данное помощникам обещание он сдержал: в Ротонде он не стал провоцировать скандал объявлением о помиловании «заложников 6 января». Единственными заложниками, которых Трамп упомянул в речи, были израильтяне, удерживаемые ХАМАС в Газе. Это стала одна из немногих фраз выступления, после которой поднялся весь зал.

III

В первый же день нового срока Трамп собрал в Овальном кабинете журналистов президентского пула, чтобы они наблюдали, как он подписывает исполнительные указы.

Когда репортеры ушли, президент наконец остался наедине с высшим руководством своей команды. Он сидел за столом *Resolute*, а главные советники полукругом расположились вокруг него.

Внезапно Трамп сказал: — Вы можете поверить в то, что сделал Байден? Можете поверить, что этот жулик сделал это прямо во время моей речи?

Он имел в виду шквал помилований, которые Байден в последние минуты президентства предоставил членам своей семьи, пока Трамп, ничего об этом не зная, готовился принять власть. Байден неделями мучительно размышлял над этими решениями. Одни советники предлагали превентивно помиловать вообще всех политических сотрудников администрации Байдена. Другие предупреждали, что это будет выглядеть как признание вины всего уходящего правительства. Сын Байдена Хантер, уже получивший собственное помилование, особенно интересовался тем, чтобы и остальные члены семьи получили защиту от возможной мести. Последние недели президентства отца Хантер жил в Белом доме и присутствовал на нескольких совещаниях в Овальном кабинете и президентской резиденции, где обсуждались помилования. Некоторые сотрудники самого Байдена считали подобное участие совершенно неуместным.

Позднее помощники Байдена утверждали, что президент окончательно решился на эти шаги, наблюдая, как Трамп объявлял о намерении поставить на важнейшие должности в Министерстве юстиции и ФБР преданных сторонников, жаждущих возмездия, — таких как Мэтт Гетц, чья кандидатура впоследствии провалилась, и бывший чиновник первой администрации Трампа и подкастер Каш Пател.

— Я прихожу в Белый дом — он такой милый со мной, — продолжал Трамп, вспоминая ноябрьскую встречу с Байденом. — А потом во время моей речи берет и милует собственную семью.

Трамп рассказывал помощникам, что был поражен тем, насколько тепло Джо и Джилл Байден встретили его и Меланию тем утром. По словам Трампа, Байден неоднократно хвалил его и говорил, что он был самым сильным политическим соперником, с которым Байдену когда-либо доводилось бороться.

Пожаловавшись на помилования, Трамп сделал замечание, прозвучавшее злое: — Единственный, кого Байден забыл помиловать, — это сам Байден, — сказал он одному знакомому. — А это открывает множество дверей. Но ведь мне надо двигаться дальше, верно? Хотя, может быть, я попрошу Конгресс этим заняться. И вот в завершение этого безумно насыщенного дня, прежде чем надеть смокинг и отправиться на инаугурационные балы, Трамп помиловал более 1 500 человек, обвиненных в связи с беспорядками 6 января, в том числе тех, кто нападал на полицейских.

До этого будущий советник Белого дома Дэвид Уоррингтон проводил тщательный анализ дел. Началось все с огромного списка всех подсудимых, а затем дела стали распределять по категориям — от наиболее заслуживающих помилования до наименее заслуживающих. Общая позиция переходной команды была такова: людей, совершивших насилие, помилуют не при каких обстоятельствах. Всего за неделю до этого Джей Ди Вэнс выступал на *Fox News Sunday* и осторожно сформулировал именно эту позицию: — Если 6 января вы протестовали мирно, а Министерство юстиции Меррика Гарланда обращалось с вами так, будто вы член преступной банды, вас следует помиловать.

И добавил: — Но если в тот день вы совершали насилие, разумеется, помилования быть не должно.

Однако Трамп начал терять терпение. Еще во время переходного периода он неформально опрашивал советников: **Всеобщее помилование или только несколько человек?** Ответы звучали разные, но большинство советников старались не перечить президенту. Сьюзи Уайлс сказала, что предпочла бы более ограниченный список помилованных, однако тут же добавила:

— Решать вам. И наконец, в первый день второго президентского срока Трамп сказал: — Да пошло оно все. Выпускаем всех.

Помощники Трампа сочли, что масштабные помилования Байдена в последние часы его президентства дали им политическое прикрытие для столь же всеобъемлющего решения.

Стив Бэннон, остававшийся одним из лидеров движения MAGA, уже несколько недель требовал всеобщего помилования в своем подкасте *War Room*. Но когда в день инаугурации новость о решении Трампа разлетелась по стране, даже Бэннон удивился, что президент готов понести репутационные

потери ради помилования людей, избивавших полицейских. — Вот теперь вы получаете Трампа в чистом виде, — сказал Бэннон одному знакомому.

«Трамп в чистом виде» означал и то, что в следующие дни президент всерьез обсуждал с высшими сотрудниками идею принять «заложников 6 января» в Белом доме. Но в частной беседе Дональд Трамп признал: возможно, это будет выглядеть уж слишком плохо. — Он понимает, как это будет смотреться, — сказал позднее один из высокопоставленных помощников.

Это был всего лишь первый день новой администрации. Впереди ожидало еще множество подобных проблем с тем, «как это выглядит». Трамп в чистом виде только начинался.

С самого начала было понятно, что во второй администрации Трампа Стивен Миллер получит гораздо более широкие полномочия. Но насколько именно широкие — стало ясно лишь через несколько месяцев.

Миллер придумал для себя сразу две должности, дававшие ему власть над огромным кругом вопросов внутренней политики и национальной безопасности. Он становился заместителем главы аппарата Белого дома по политике — должность, благодаря которой через него должны были проходить все исполнительные указы и фактически вся внутренняя политика. Одновременно он становился советником по внутренней безопасности, получая возможность вмешиваться в работу важнейших федеральных ведомств. Совокупность этих полномочий обеспечивала ему доступ практически к любому совещанию в Овальном кабинете и превращала его в одного из самых влиятельных политических сотрудников за всю современную историю Белого дома.

На публике Миллер тщательно культивировал образ педантичного фанатика контроля. Однако некоторые люди, работавшие с ним, описывали менее упорядоченную картину: человека, который сметал на своем пути и людей, и процедуры, стремительно проталкивая решения и не всегда уделяя должное внимание юридическим ограничениям и процедурным шагам, необходимым для того, чтобы эти решения выдержали проверку временем.

Он едва успел обосноваться в новом кабинете на втором этаже — где позднее появились небольшой диван, два стола и книжная полка с фотографией жены Кэти и детей, — как все начало идти наперекосяк. В начале второй недели администрации Управление административно-бюджетной политики Белого дома, ОМВ, выпустило меморандум М-25-13.

Он предписывал федеральным ведомствам временно приостановить выдачу грантов, кредитов и другой финансовой помощи — в соответствии с законом и недавними указами Трампа — пока не будет проведена проверка расходов. Меморандум был направлен прежде всего против приоритетов эпохи Байдена: «Зеленого нового курса», иностранной помощи, программ DEI и прочих проявлений так называемой «воук-политики». В документе прямо говорилось, что Medicare и Social Security под заморозку не попадают. Однако на протяжении сорока восьми часов действительно оказались заблокированы значительные объемы федерального финансирования, включая системы Medicaid. По стране началась паника. Федеральные чиновники объясняли происходящее сочетанием двух факторов: Департамент правительственной эффективности Илона Маска без разбора ломал существующую систему, а карьерные чиновники занимались так называемым «злонамеренно буквальным исполнением» — именно так сотрудники Белого дома описывали чрезмерно жесткое и формальное толкование президентских распоряжений федеральной бюрократией.

Кто-то из команды Миллера запустил подготовку этого меморандума, причем документ требовали выпустить как можно быстрее. На следующий день после публикации Миллер сам выступил в его защиту. — Я не виноват, что левые СМИ опубликовали фейковую историю и вызвали путаницу, — сказал Миллер Джейку Тапперу на CNN и рассмеялся, когда ведущий заявил, что не понимает, о чем тот говорит. — Если вы прочитаете инструкции ОМВ, там все предельно ясно.

Пресс-секретарь Каролайн Ливитт также защищала решение: — Президент подписал исполнительный указ, прямо поручающий ОМВ сделать именно это.

Однако меморандум немедленно вызвал серию экстренных судебных исков, и в тот же день, когда Миллер и Ливитт выступали в его защиту, федеральный судья временно заблокировал действие документа. Миллеру пришлось тушить пожар. Вскоре он стал говорить коллегам, что сотрудники ОМВ — прежде всего главный юрисконсульт Марк Паолетта, близкий союзник будущего директора управления Рассела Воута, — разослали меморандум без его одобрения.

Миллер был одержим идеей сломить власть федеральной бюрократии. Но демонстративно любительская операция, хоть как-то связанная с его именем, лишь мешала этой цели. Идеологических

разногласий между Миллером, Маском и командой Воута практически не существовало. Цели у них были одинаковые, боевые инстинкты — те же, желание действовать как можно быстрее — тоже. Различались они лишь в вопросах процесса: как именно менять государственные ведомства так, чтобы результат сохранялся надолго, а не превращался в громкий заголовок, исчезающий после первого же решения суда.

Запуск меморандума ОМВ оказался хаосом, напоминавшим некомпетентность первых месяцев первой администрации Трампа. Миллер настолько решительно дистанцировался от документа, что некоторые высокопоставленные сотрудники Западного крыла решили: он вообще не знал, что тот готовится. Теперь, когда новая сфера влияния Миллера окончательно оформилась, позволить себе серьезные ошибки в самом начале он не мог. Его власть над правительством возникла не за одну ночь.

Мало кто готовился ко второму президентству Трампа дольше и тщательнее Стивена Миллера. И никто не был столь беспощадно решителен в намерении смести традиционные препятствия на пути президентской программы. Во время первого срока Трампа Миллер приобрел скандальную известность прежде всего как главный двигатель небрежно составленного исполнительного указа № 13769 — запрета на въезд в США гражданам преимущественно мусульманских стран. Будучи главным спичрайтером президента, он быстро стал одним из любимых телевизионных представителей администрации. Его грозные, крикливые выступления на кабельных каналах превратили Миллера для левых почти в карикатурного злодея.

Но в окружении Трампа Миллер принадлежал к редчайшему виду людей: он пережил и весь первый срок, и четыре года между президентствами, ни разу по-настоящему не поссорившись с Трампом. Влияние почти любого человека из окружения президента то возрастало, то падало. Влияние Миллера — никогда. Сам он прекрасно это понимал и относился к данному факту почти суеверно. Вернувшись в Белый дом на второй срок, он сперва хотел снова занять свой прежний кабинет, хотя в итоге этого не сделал. — Я один из немногих, кто продержался все четыре года первого срока. Это мой талисман на удачу, — признался Миллер одному знакомому, говоря о кабинете почти как о магическом обереге. Трамп любил в Миллере бульдожью хватку, инстинктивное стремление усиливать конфликт и умение формулировать проблемы и решения грубым, почти «крестно-отцовским» языком. Когда Трамп требовал что-нибудь сделать, Миллер отвечал, что может выполнить это немедленно. Он сознательно представлял себя человеком действия — в противоположность традиционному бюрократу, который сначала консультируется с министерствами и юристами, а потом возвращается к президенту со списком возможных вариантов.

За почти десятилетие работы с Трампом Миллер добился практически безграничного доверия. Как и Трамп, он наслаждался ненавистью врагов и собственной скандальной известностью среди левых. Он внимательно следил и за массовой культурой, пытаясь по ее сигналам понять, как меняется страна.

Жена Миллера, Кэти Миллер, впоследствии присоединилась к Илону Маску в DOGE в качестве «специального государственного служащего». Пока Маск работал в правительстве, она также занимала место в Президентском консультативном совете по разведке, еще больше расширяя влияние семейной пары Миллеров внутри администрации. И сама Кэти была заметной силой. Она не стеснялась жестко давить на людей и, особенно во время кадровых конфликтов, ссылаясь на имя Маска, чтобы добиться своего.

Но Стивен Миллер был сложнее образа фанатика, который он сам при необходимости охотно поддерживал. Он непрерывно следил за малейшими признаками опасности и мог мгновенно разорвать прежний союз или создать новый. Перед Трампом он крайне избирательно выбирал темы, по которым вмешивался в разговор. Зато на совещаниях без президента действовал куда смелее. Нередко Миллер представлял собственную позицию как то, что якобы поручил передать президент. И благодаря этому приему его мнение зачастую становилось окончательным решением.

Один высокопоставленный чиновник администрации сухо заметил: — По версии Стивена Миллера, Стивен Миллер заслуживает львиной доли заслуг вообще за все, и ни у кого, кроме Стивена, никогда не было хороших идей. Обратной стороной, по словам нескольких коллег, была его способность молниеносно дистанцироваться от всего, что пошло плохо, даже если сам Миллер непосредственно участвовал в принятии решения. Другой высокопоставленный чиновник говорил, что Миллер возвел «искусство не отвечать ни за что» практически в совершенство.

И все же его удивительное долголетие в ближайшем окружении Трампа — к 2026 году почти одиннадцать лет, несмотря на фракционные войны, уничтожившие почти всех остальных советников, — говорило о более сложном человеке. Миллер сохранил доверие не только президента, но и многих — хотя далеко не всех — поколений высших сотрудников, членов семьи Трампа и коллег по первой администрации. Нередко он становился доверенным лицом людей, которые враждовали друг с другом. Для этого требовалась гораздо большая гибкость, чем простая способность идти напролом.

II

Подростком в Санта-Монике Миллер допоздна не спал, слушая Раша Лимбо и впитывая ритмику разговорного политического радио, которая позднее отточила его собственный талант к провокации. Он вырос в еврейской семье верхней части среднего класса, в районе с подавляюще либеральными политическими взглядами — настолько либеральными, что сам Миллер воспринимал атмосферу как удушающую. Однако именно тогда консервативное движение Калифорнии резко ужесточило позицию по вопросу иммиграции. Это была эпоха «Предложения 187» — вынесенной на референдум инициативы, предусматривавшей отказ нелегальным иммигрантам в ряде государственных услуг, — и губернатора Пита Уилсона, добившегося переизбрания во многом благодаря этой теме. Все это глубоко повлияло на Миллера. Он сознательно создавал себе образ человека, идущего против течения, и наслаждался возможностью раздражать прогрессивных одноклассников в средней школе Санта-Моники.

Позднее Миллер приобрел известность на Капитолийском холме как идеолог жесткой антииммиграционной политики, работая в сфере коммуникаций. К Трампу он примкнул очень рано — когда республиканский истеблишмент еще держался от нового кандидата подальше, а его штаб был крошечным. В кампании 2016 года Миллер сделал себя незаменимым: ночами напролет писал речи и политические заявления. Он был одним из немногих сотрудников, имевших хоть какой-то опыт в разработке политики, — и умело воспользовался образовавшимся вакуумом.

Друзьям Миллер рассказывал, что испытал настоящий восторг, слушая в 2015 году речь Трампа о вступлении в президентскую гонку, где тот говорил о мексиканских насильниках и убийцах. В Трампе Миллер увидел тот редкий талант массовой коммуникации, который был необходим, чтобы вытолкнуть жесткую антииммиграционную повестку в самый центр американской политики. Вот наконец появился человек, обладавший достаточной силой личности, чтобы навсегда изгнать из Республиканской партии «сострадательных консерваторов» эпохи Буша и мягкотелых сторонников компромисса по вопросам иммиграции. Миллер понимал, что его тогдашнему начальнику — сенатору от Алабамы Джеффу Сешнсу — не хватало харизмы, чтобы всерьез претендовать на Белый дом. А Трамп дал ему шанс стать своим главным человеком.

Журналисты, знавшие Миллера еще как молодого и довольно маргинального сотрудника Конгресса, часто недооценивали его — и основания для этого были. Стоило упомянуть его фамилию, как многие закатывали глаза, посмеиваясь над его узкими галстуками и серебряным кольцом на мизинце с крошечными черными бриллиантами. Подростком Миллер был поклонником фильма Мартина Скорсезе *Казино* и иногда на встречах с друзьями наряжался в стиле героя Роберта Де Ниро — гангстера Сэма «Эйса» Ротстина. Позднее он объяснял это всего лишь юношеским увлечением. По ночам Миллер заваливал журналистов электронными письмами и телефонными звонками, убеждая их раздувать

истории о преступлениях иммигрантов — чем страшнее, тем лучше. Он отдавал распоряжения таким тоном, будто сам был их выпускающим редактором, и открыто демонстрировал презрение к тому, как крупнейшие СМИ освещают тему иммиграции. Многие журналисты, сталкивавшиеся с ним в те годы, были потрясены стремительностью его восхождения в Белом доме. По мере роста влияния Миллер стал гораздо осторожнее.

Будучи сотрудником Сената, он без разбора рассылал письма в редакции, но позднее почти никогда не фиксировал ничего существенного письменно. Один близкий к нему человек утверждал, что никогда не встречал никого настолько осторожного в электронной переписке. Изменился и его внешний вид. Во время первого срока он однажды попытался замаскировать залысины аэрозольным «волосом» перед появлением в программе CBS *Face the Nation*, за что был широко высмеян. В конце концов он выбрал более простой и уверенный образ и полностью побрил голову. Дорогие костюмы он начал носить еще раньше, а от кольца на мизинце отказался, присоединившись к первой кампании Трампа. При этом интерес Миллера к мужской моде никуда не исчез: он мог подолгу и с подробностями обсуждать ткани, рисунок костюма, воротники и лацканы. Сам Миллер юристом не был, но еще в первой администрации Трампа выстроил тесные связи с юристами федерального правительства и властей штатов.

Вскоре после ухода Трампа из Белого дома в 2021 году Миллер основал некоммерческую организацию *America First Legal*, укрепил контакты с идеологически близкими генеральными прокурорами республиканских штатов и начал размышлять, каких именно юристов хотел бы видеть во второй администрации. Из первого срока он вынес главный урок: **правильные юристы решают все**. В частных разговорах он говорил, что нужно нанимать и продвигать адвокатов с «самыми крепкими позвоночниками». Больше никаких, как он считал, слабаков, которые при первом же президентском распоряжении прибегают сообщать, что оно незаконно, или не захотят растягивать пределы закона ради достижения целей Трампа. Уже весной 2022 года Миллер говорил единомышленникам и союзникам, что намерен начать войну против, как он считал, самовоспроизводящейся и почти неуязвимой власти того, что они с Трампом называли «глубинным государством».

— Бюрократы занимаются этим десятилетиями, — говорил он. — У них в запасе бесконечное число приемов: от ложных обвинений в нарушении кадровых правил до жалоб информаторов и составления служебных записок с выражением несогласия специально для того, чтобы потом слить их журналистам.

Если заставить эту систему подчиниться, рассуждал Миллер, она больше не сможет вам противостоять. А если она не может противостоять, значит, администрация сможет вновь сосредоточить власть в Овальном кабинете. Политики обеих партий давно жаловались на неповоротливую федеральную бюрократию, препятствующую воле избранного народом лидера.

Гарри Трумэн устраивал яростные тирады против кадровых чиновников Госдепартамента, и он был далеко не единственным президентом, испытывавшим подобные чувства.

Но ни один из недавних президентов не относился к государственной службе с такой врожденной враждебностью, как Трамп. Он был убежден, что федеральное правительство захвачено радикальными ненавистниками Трампа и марксистами, подрывающими Америку изнутри. Миллер разделял это параноидальное видение и стал главным исполнителем жестких мер.

Уже в первые дни переходного периода он позаботился о том, чтобы чиновники ключевых ведомств были приемлемы лично для него — и чтобы они понимали: с Миллером лучше сотрудничать добровольно, а переходить ему дорогу опасно. К числу таких людей относились Хегсет, Каш Пател, Тодд Бланш и другие. Своего союзника Чед Мизелла Миллер поставил руководителем аппарата Министерства юстиции. Позднее он говорил: — Идеологии у меня хватит на всех. Мне не нужны люди, которые принесут мне еще больше идеологии. Мне нужны люди, которые будут делать дело. Несмотря на опасения Миллера, что Кристи Ноэм не обладает ни достаточным авторитетом, ни необходимым пониманием вопросов, чтобы руководить ведомством, находящимся в самом центре внутренней повестки Трампа, он подчинился выбору президента.

— Если уж что-то про меня можно сказать наверняка, так это то, что я предан, — говорил он позднее о решении Трампа. Вскоре Ноэм заручилась широкой поддержкой правоохранительных организаций, а Миллер вложил немало сил в то, чтобы помочь ей добиться успеха. Однако уже через несколько месяцев он начал говорить коллегам, что все проблемы, которых он опасался, одна за другой становятся реальностью. Тем временем полномочия Миллера во второй администрации охватывали все больше государственных структур.

Ключевой новой сферой стало руководство десятками президентских указов, которые Белый дом собирался выпустить настоящей лавиной в первую неделю. Среди них был указ об отмене гражданства по праву рождения — мера, которую юристы первой администрации Трампа считали явно неконституционной. Но на этот раз исполнительные указы должны были пройти через новую группу юристов, некоторых из которых Миллер подбирал лично. На протяжении всего переходного периода он каждый день встречался с высшими помощниками в конференц-зале штаба Трампа в Уэст-Палм-Бич.

Миллер жестко расспрашивал советников — в том числе выпускницу Гарвардской школы права Мэй Мэйлман, работавшую в аппарате юрисконсульта Белого дома при первом сроке, — требуя отчетов о подготовке десятков исполнительных мер, которые должны были составить основу стремительного наступления новой администрации на федеральную бюрократию. Для Миллера это был абсолютный приоритет. Он прямо говорил, что хочет, чтобы президент подписал как можно больше указов и как можно раньше — чтобы буквально задавить оппозицию их числом и скоростью. Во время переходного периода Миллер, не доверяя Министерству юстиции Байдена, отказался направлять проекты указов в Управление юридического консультирования — небольшое, влиятельное и чрезвычайно закрытое подразделение, выполняющее роль главного юридического советника всего федерального правительства. Он не верил, что там объективно оценят работу команды Трампа. Вместо этого люди Миллера создали собственное доверенное ядро лояльных MAGA-юристов, которое некоторые сотрудники переходной команды в шутку называли **«фальшивым OLC»** — альтернативой настоящему Управлению юридического консультирования.

Команда Миллера завела огромную таблицу Excel, в которой отслеживалась подготовка более ста исполнительных указов. Каждый был привязан к предвыборному обещанию, цитате из речи Трампа или официальной политической позиции. После этого проводились коллективные «читки за столом», на которых проекты указов разбирали в конференц-зале. Миллер зачастую беспощадно критиковал тексты, заранее продумывая все способы, которыми «глубинное государство» сможет намеренно истолковать неточно сформулированную фразу, чтобы заблокировать исполнение указа или хотя бы максимально его затянуть. Для присутствующих становилось все очевиднее, насколько сильно опыт первого срока определит куда более агрессивную тактику новой администрации. Но тот жесткий контроль, который Миллер держал над проектами президентских указов в переходный период, вовсе не означал, что с такой же дисциплиной он сможет управлять самим государственным аппаратом. Уже в первую неделю, несмотря на все долгосрочное планирование, то, как решался один из ключевых вопросов, оказалось под сомнением. Позднее в Белом доме узнали, что Мэй Мейлман неоднократно связывалась с Марком Паолеттой и торопила его с подготовкой меморандума Управления административно-бюджетной политики, который предписывал федеральным ведомствам приостановить финансирование ряда программ. Эта настойчивость отражала и собственное стремление Миллера действовать как можно быстрее. Паолетта, убежденный консерватор, в первый президентский срок Трампа занимал должность главного юрисконсульта ОМВ.

Впоследствии Миллер говорил коллегам, что проект меморандума вообще не направили его команде на проверку и что его сотрудники наверняка заметили бы формулировки, которые считали чрезмерно широкими. Теперь уже пришел в ярость Трамп. Его возмутило не столько содержание меморандума — оно в целом соответствовало его целям, — сколько шквал негативных публикаций, за которым он следил

по телевизору в столовой рядом с Овальным кабинетом. Еще сильнее его разозлило известие о том, что Белый дом впоследствии отозвал меморандум. В глазах Трампа это было проявлением слабости. И вдобавок создавало впечатление полного хаоса.

— Кто, мать его, принял решение отозвать меморандум? Зачем вообще было его отзывать? — допытывался Трамп у помощников. Паолетта настаивал, что документ следует сохранить, однако политическая и юридическая команды Белого дома хотели его отозвать. Некоторые полагали, что такой шаг поможет администрации укрепить свои позиции в судах, где на нее обрушился поток исков. Трампа эти подробности не интересовали.

После череды публичных промахов кто-то должен был лишиться головы. Сьюзи Уайлс хотела уволить Паолетту. Сам меморандум ОМВ он не писал, но редактировал его. Джей Ди Вэнс считал увольнение ошибкой: незачем было раздувать скандал еще сильнее. Паолетте помог Рассел Воут, который к тому моменту еще не был утвержден в должности. Он поговорил с Трампом по телефону. — Паолетта действовал самовольно? — спросил Трамп. Воут ответил, что нет. Не упоминая Миллера, будущий директор ОМВ объяснил, что документ запросили из Западного крыла.

Раздосадованному тем, как все это выглядело со стороны, Трампу требовалось срочно сменить тему. У его советников уже имелось несколько вариантов, способных отвлечь внимание общественности. Можно было, например, опубликовать видеозапись беседы специального прокурора Роберта Хура с Джо Байденом, где особенно заметны были растерянность и физическая немощь бывшего президента. Другой вариант — объявить о намерении открыть лагеря в Гуантанамо для содержания мигрантов. Выбрали Гуантанамо. Лучшего способа перекрыть один скандал другим придумать было трудно.

III

По мнению Миллера, одной из главных ошибок первого президентского срока стала бесконечная кадровая чехарда. Хаотичный переход власти в 2016 году привел к тому, что государственный аппарат оказался недоукомплектован, а Белый дом и ключевые министерства заполнили люди, считавшие Трампа либо опасным, либо идиотом — а иногда и тем и другим одновременно. В результате министры пытались саботировать желания президента, помощники сливали информацию прессе, а постоянная смена кадров подрывала способность первой администрации нормально работать.

Нужна была стабильная команда проверенных людей. И теперь у Трампа был глава аппарата Белого дома, сумевший обеспечить относительный порядок в его окружении. Сьюзи Уайлс обладала качествами, совершенно отличными от качеств Миллера. Главное — ей удивительно легко удавалось ладить с Трампом. В этом она резко отличалась от целой череды руководителей аппарата первого срока, которых президент одного за другим вытаскивал за дверь.

Уайлс было шестьдесят семь. Она производила сильное впечатление: ростом около пяти футов шести дюймов, с густыми серебристо-белокурыми волосами и всегда безупречно одетая. С самого начала новой администрации Уайлс — первая женщина в истории, занявшая пост главы аппарата Белого дома, — стала человеком, который сумел собрать разрозненные группы советников и заставить их сосредоточиться на общей цели. Если вокруг Трампа неизменно царили шум и суета, то Уайлс была словно его фотографический негатив: спокойствие в противовес его громогласности.

Она прошла школу республиканской политики Флориды, много лет руководя работой администрации мэра Джексонвилла Джона Делани. Завоевав репутацию искусного политического организатора, в 2010 году она привела Рика Скотта к неожиданной победе на губернаторских выборах — в год подъема движения «Чаепитие», которое позднее Трамп впитает в себя и значительно расширит. В 2016 году, на завершающем этапе президентской гонки, Трамп поручил ей руководить своей кампанией во Флориде и потом не переставал благодарить ее за победу в этом штате. Любому республиканцу во Флориде с серьезными политическими амбициями либо лично знал Уайлс, либо рано или поздно

вынужден был с ней считаться. Лоббистская работа заставляла ее постоянно курсировать между Флоридой и Вашингтоном. И все же даже самые убежденные ее сторонники вряд ли могли представить, что однажды она станет главой аппарата Белого дома.

В 2018 году по просьбе Трампа она помогла спасти разваливавшуюся губернаторскую кампанию тогдашнего конгрессмена Рона Десантиса. Однако позднее отношения Уайлс и Десантиса испортились. Разрыв оказался настолько ожесточенным, что Десантис убедил Трампа не брать Уайлс в свою кампанию 2020 года. Когда некоторые советники возразили, Трамп передумал и вернул ее. А в 2021 году, в первые месяцы своего своеобразного изгнания в Мар-а-Лаго, Трамп вновь призвал Уайлс — на этот раз для того, чтобы навести порядок в бесформенной постпрезидентской жизни семейства Трампов в Палм-Бич.

Когда Уайлс начала собирать там команду бывшего президента, в Мар-а-Лаго почти не было даже мебели для сотрудников: несколько стульев и столов. Ни распорядка дня, ни ясного представления о будущем — в том числе о том, какое место в нем займет Дональд Трамп. Первые месяцы после ухода из Белого дома жизнь Трампа в основном вращалась вокруг гольфа и ужинов на террасе Мар-а-Лаго. Когда он появлялся, члены клуба вставали и аплодировали. Через несколько месяцев на поле для гольфа его стала сопровождать помощница Натали Харп. Она непрерывно снабжала Трампа положительными публикациями и восторженными комментариями из социальных сетей, часто зачитывала их вслух, а затем распечатывала на портативном принтере, который носила с собой. Харп писала Трампу обожательные письма и оставляла их в его личных комнатах. В одном из них было сказано: «Для меня важны только вы». Уайлс рассказывала знакомым, что в какой-то момент поймала себя на мысли:

Куда я вообще попала? В первые недели второго срока Уайлс лихорадочно осваивала устройство федерального правительства. В работе исполнительной власти она была новичком: весь ее прежний опыт ограничивался коротким периодом, когда четыре десятилетия назад в Белом доме Рейгана она занималась дневниками и расписаниями. Она расспрашивала бывших руководителей аппарата о системах и процедурах Западного крыла. У нее не было и близко достаточно времени, чтобы разобраться в огромном, головокружительном количестве внешне- и внутривластных проблем, которым вскоре предстояло обрушиться на ее стол. И все же большинство считало, что Уайлс продержится дольше четырех руководителей аппарата первого срока Трампа. В конце концов, она уже много лет управляла его политической машиной и провела президентскую кампанию с таким спокойствием, какое вообще было возможно рядом со столь непредсказуемым и склонным вредить самому себе кандидатом.

Уайлс также отличалась развитым эмоциональным чутьем: она хорошо понимала людей и умела с ними обращаться. К своим сотрудникам она относилась уважительно, и те отвечали ей исключительной преданностью. Многие ключевые помощники Трампа считались «людьми Сьюзи». Когда что-то шло не так, Уайлс почти никогда не кричала и не устраивала разносов, как это делали многие ее предшественники. Она была приветливой, обаятельной и говорила негромко. Один из советников кампании 2016 года как-то заметил, что одной из причин расположения Трампа к Джареду Кушнеру был его успокаивающий голос. Уайлс обладала сходным качеством. Трампу нравилось ее присутствие; рядом с ней он чувствовал себя спокойнее, чем с любым из ее предшественников.

При этом она почти никогда не выдавала своих мыслей. Когда в 2024 году Трамп выбирал кандидата в вице-президенты, люди из его окружения ловили каждое слово Уайлс, пытаясь понять ее предпочтения, но так и не смогли уверенно определить, кого она поддерживает. Во всяком случае, она не пыталась склонить Трампа к конкретному кандидату так, как это делали его сын Дон-младший, влиятельный консервативный комментатор Такер Карлсон и другие сторонники Джей Ди Вэнса.

Годы во Флориде научили Уайлс тонко чувствовать политическую власть — качество, особенно полезное рядом с Трампом. Ее интересы в области государственной политики в основном касались специфических для Флориды вопросов, например охраны природы; занималась она и проблемами уголовного правосудия. Но специалистом по политике в строгом смысле слова она не была. А относительная неопытность в делах Белого дома могла поставить ее в невыгодное положение в будущих

столкновениях вокруг радикальной программы, которую продвигали такие идеологи, как Стивен Миллер и Рассел Воут. За первый срок они научились управлять государственной машиной. Особенно Миллер почти наверняка намеревался переиграть Уайлс, пользуясь своими чрезвычайно широкими полномочиями в сфере политики.

Однако у Уайлс была и другая сторона. Люди, знавшие ее близко, утверждали, что за образом добродушной бабушки и успокаивающими манерами скрывался исключительно искусный политический боец. Она умела орудовать ножом настолько ловко, что ее жертвы зачастую даже не замечали приближения удара. Трамп дал ей прозвище: **«Ледяная дева»**.

Не было ни одного внешнеполитического вопроса, по которому Дональд Трамп высказывался бы публично столь определенно, как о войне России и Украины. К началу его второго срока она продолжалась уже почти три года. На протяжении всей кампании он повторял одну и ту же мантру: этой войны не должно было случиться; будь он президентом, она никогда бы не началась — Владимир Путин не посмел бы. Трамп обещал закончить войну за двадцать четыре часа.

Через десять дней после его вступления в должность война лишь усилилась. Россия захватывала новые территории на востоке Украины, росло число погибших, а обе воюющие стороны, казалось, совершенно не обращали внимания на предвыборную браваду Трампа.

В неделю Дня благодарения, уже после выборов, Трамп объявил, что специальным посланником по российско-украинскому конфликту станет отставной генерал-лейтенант армии Кит Келлог. Как и несколько других членов второй администрации Трампа, Келлог впервые попал в поле зрения будущего президента еще во время кампании 2016 года. Когда Трампа тогда спросили, на кого он опирается в вопросах национальной безопасности и внешней политики, тот ответил: — Прежде всего я советуюсь с самим собой, потому что у меня очень хорошие мозги, и я уже много чего говорил. Вскоре кампания опубликовала список советников: там были бизнесмены, малоизвестные специалисты по внешней политике и один отставной генерал — Келлог. В то время, когда внешнеполитический истеблишмент Соединенных Штатов сторонился Трампа, Келлог одним из первых публично придал ему вес. Позднее он служил в первой администрации Трампа и с тех пор оставался его восторженным и неизменно преданным сторонником.

Теперь, поручив ему столь важную миссию — возможно, венец тридцатишестилетней карьеры Келлога, — Трамп, казалось, вознаграждал его верность. Но в дни перед второй инаугурацией Келлог начал беспокоиться: складывалось впечатление, что будущая администрация не воспринимает украинский конфликт всерьез — или, во всяком случае, еще не организовалась настолько, чтобы им всерьез заниматься. Во время переходного периода он дважды приезжал в Мар-а-Лаго, пытаясь получить указания. Никаких указаний он не получил. Тем не менее перед инаугурацией 2025 года Келлог выступил на Fox News и изложил то, что считал позицией Трампа в предстоящих переговорах. — Люди должны понимать: он не пытается что-то отдать Путину или русским. На самом деле он пытается спасти Украину и сохранить ее суверенитет, — заверил Келлог зрителей. — И он добьется того, чтобы соглашение было справедливым и сбалансированным.

Келлог подчеркнул, что говорит не от имени Трампа, но сообщил, что хотел бы закончить войну за сто дней. Примерно к этому сроку должна была иссякнуть последняя помощь Украине, утвержденная при Байдене. Однако Келлог по-прежнему с трудом мог понять, что именно ему поручено делать. Чтобы привлечь внимание Трампа, ему даже пришлось обратиться за помощью к недавно утвержденному министру обороны Питу Хэгсету. Наконец возможность представилась. На совещании в Овальном кабинете 30 января миссия Келлога оказалась в центре внимания. Он созвал встречу, чтобы выяснить «намерение командира» — понять, какие действия Трамп готов поручить Соединенным Штатам ради прекращения кровопролития. Келлог также подготовил презентацию под заголовком:

«План “Америка прежде всего”: историческая мирная сделка Трампа для российско-украинской войны». Трамп расположился за своим столом. Вокруг находились Джей Ди Вэнс, Марко Рубио, Пит Хэгсет, Стивен Миллер, Майк Уолтц и министр финансов Скотт Бессент. Президент открыл совещание:

— Ладно, Кит, начинай. Келлог начал с описания положения на фронте: кровавая патовая ситуация, ни у одной из сторон нет явного преимущества. Он тщательно подготовился, разработав целую систему поощрений и наказаний, которая должна была заставить обе стороны согласиться на постоянное прекращение огня. Вся презентация состояла из шести слайдов, распечатанных на жестких

пенокартонных планшетах и установленных на мольберте рядом со столом президента. Там была карта и конкретный план действий.

Все пошло плохо.

— Громче, Кит, мы тебя не слышим, — бросил кто-то, пока восьмидесятилетний Келлог объяснял свои слайды.

По его плану международного признания российских притязаний на оккупированные территории Украины не предусматривалось. Однако содержалась серьезная уступка: Украина отказывалась от попыток силой вернуть уже утраченные земли. Для обеспечения прекращения огня Келлог предлагал разместить на Украине миротворческие силы Франции, Великобритании и Нидерландов. Услышав это, Вэнс выразил обеспокоенность: ведь речь идет о военнослужащих стран НАТО. Их присутствие на украинской территории, утверждал он, наверняка вызовет раздражение России и потенциально может втянуть Соединенные Штаты в войну.

— Тогда потребуется исключение из статьи 5, — ответил Келлог, имея в виду положение НАТО о коллективной обороне, согласно которому вооруженное нападение на одного члена альянса рассматривается как нападение на всех. — Это не должна быть миссия НАТО.

— А нельзя использовать войска других стран? — спросил Вэнс. Уолтц согласился: лучше привлечь неевропейские государства. Вэнс предложил Саудовскую Аравию или Индию.

Трамп усмехнулся. — Индийцы на это не пойдут, — сказал президент. — Они не станут за такое платить. Премьер-министр Моди очень хорошо к нему относится и хочет приехать, добавил Трамп, но индийцы вообще никогда ни за что не платят. Трамп заявил, что не возражает, если британцы или французы отправят на Украину собственных солдат. Ему безразлично, что делают другие страны, — главное, чтобы в этом не участвовала Америка.

Пока Келлог продолжал выступление, Трамп постоянно перебивал его, рассказывая, насколько ему не нравится Зеленский. — Он плохой переговорщик, — сказал Трамп, — и он разрушил свою страну. Зато из администрации Байдена он прекрасно умел вытягивать все, что хотел. Келлог пытался продолжать, однако Трамп не прекращал колкости в адрес Украины. В какой-то момент он назвал ее самой коррумпированной страной на земле.

— Я вообще не большой поклонник Украины, — сказал Трамп. — Кроме их женщин. Они постоянно выигрывают «Мисс Вселенную». Президент ухмыльнулся и указал на своего давнего помощника Дэна Скавино. — Дэн понимает, о чем я говорю.

Что именно имел в виду Трамп, осталось неясным. Вэнс и Хегсет едва сдерживали смех, а Рубио выглядел ошеломленным.

По ходу совещания Трамп продемонстрировал и явное понимание российской позиции, в какой-то момент повторив аргумент Путина о том, что именно угроза расширения НАТО якобы не оставила Москве другого выбора, кроме вторжения. — Все упирается в НАТО, — сказал Трамп. — Мы вообще не должны были открывать Украине дверь в НАТО.

Келлог предложил вместо этого разрешить Украине вступить в Европейский союз. Но Трамп сразу его оборвал: — Для русских это одно и то же.

Трамп заявил, что сможет усадить Путина за стол переговоров. — У меня с ним отличные отношения, — добавил он, дав понять, что два лидера уже поддерживали связь. — Он готов к переговорам.

Всего за ночь до этого над Потомаком произошла страшная авиакатастрофа: военный вертолет столкнулся с пассажирским самолетом American Airlines, заходившим на посадку в Национальный аэропорт имени Рональда Рейгана в Вашингтоне. На борту находилась международная группа выдающихся фигуристов, в том числе два российских чемпиона. Келлог предположил, что трагедия дает Трампу возможность связаться с Путиным, выразить соболезнования, а затем перевести разговор на войну. Трамп отмахнулся: — Нет, сейчас есть другие дела.

Келлог также напомнил о предложении, которое сам Зеленский впервые представил в октябре 2024 года в своем «Плане победы»: Соединенные Штаты могли заключить с Украиной многомиллиардную сделку по критически важным природным ресурсам страны, включая богатые месторождения урана, титана и лития. Бессент заметил, что подобная сделка потенциально способна принести Соединенным Штатам сотни миллиардов долларов. Трамп поручил Бессенту заняться этим вопросом.

В представлении Келлога соглашение о редкоземельных минералах могло одновременно финансировать военные усилия Украины и дать Соединенным Штатам непосредственный интерес в обеспечении ее безопасности.

Трампу идея сделки с минералами понравилась сразу. Но вовсе не потому, что она могла связать две страны общей судьбой. К такой мысли он относился с пренебрежением и не желал давать Украине никаких гарантий безопасности. Президент увидел в сделке прежде всего способ вернуть Соединенным Штатам деньги, потраченные на военную помощь Украине, которую утвердила администрация Байдена. — Они нам должны, — сказал он. — И они обязаны расплатиться. Нам нужно вернуть наши деньги.

Когда Келлог дошел до пятого слайда, озаглавленного «**Перемирие Трампа**», где перечислялись рычаги давления как на Россию, так и на Украину, стало очевидно: в комнате уже реализуется совершенно другой план. План, в который самого Келлога никто не посвятил. Тем не менее он продолжал и попытался перечислить меры давления, которые должны были заставить Россию пойти на переговоры. На слайде было написано: «Лишить Россию доходов от нефти и газа; перекрыть экономическую поддержку со стороны Китая, включая санкции; совместно с Европой продемонстрировать готовность направить 330 миллиардов долларов замороженных российских суверенных активов на перевооружение и восстановление Украины».

Трамп внезапно остановил его. Келлогу запрещалось разговаривать с русскими. Человек, которого президент лично назначил специальным посланником по российско-украинскому конфликту, по воле самого президента не имел права контактировать со стороной-агрессором.

— Никто из твоей команды не должен разговаривать с этими людьми, — добавил Трамп. — Потому что мы уже готовим сделку.

Кто такие «мы»? Что за сделка? Специальный посланник президента по этому конфликту понятия не имел.

То совещание — а некоторые коллеги Келлога откровенно морщились от того, как с ним обращались, — наглядно показало, насколько второе президентство Трампа уже отличалось от первого. В первый срок Трамп, пусть временами и неохотно, в основном полагался на представителей истеблишмента, которыми были заполнены Пентагон, Государственный департамент и разведывательное сообщество: генералов, руководителей крупнейших корпораций, бывших сенаторов. Им он позволял вести довольно традиционный межведомственный процесс — согласовывать разногласия и затем представлять президенту варианты решений. Трампу такой подход никогда не нравился. Все происходило слишком медленно, слишком педантично. К экспертным знаниям своих первых советников по национальной безопасности он относился без особого уважения.

Теперь же, в начале второй администрации, Трамп больше доверял собственной интуиции и собирался действовать соответственно. А Келлогу, ничего ему не сообщив, президент уже отдал его работу другому человеку.

Трамп организовал тайный канал связи с русскими — метод, сам по себе не лишенный исторических прецедентов. Ричард Никсон поручал подобные деликатные миссии Генри Киссинджеру — выдающемуся специалисту, глубоко знавшему историю дипломатии и глобальную стратегию. У Трампа был совсем другой кандидат. Он тайно доверил миссию огромной политической важности Стиву Уиткоффу — нью-йоркскому инвестору в недвижимость и своему давнему другу, помогавшему ему во время кампании 2024 года. Уиткофф не имел никакого опыта во внешней политике. Тем не менее Трамп уже назначил его специальным посланником на Ближнем Востоке, где у Уиткоффа имелись

многочисленные деловые связи. Трамп доверял ему и считал, что тот умеет находить общий язык практически с кем угодно. А сам Трамп становился все нетерпеливее. Возможно, рассуждал он, Уиткофф сможет быстро договориться с Путиным. Трамп говорил помощникам, что российская экономика находится в крайне тяжелом положении и что сочетание новых санкций и снижения цен на нефть — при содействии саудовцев — заставит Путина быстро согласиться на прекращение войны.

Однако одновременно Трамп был убежден, что Путин побеждает, тогда как Келлог считал, что президент сильно переоценивает мощь российской армии. В назначении Уиткоффа имелся и еще один мотив. Русские ясно дали понять: они не хотят иметь дело с Келлогом — убежденным скептиком в отношении России, чья дочь работала в некоммерческой организации, помогавшей Украине.

Замена Келлога Уиткоффом могла стать жестом доброй воли в адрес Москвы. Более того, за несколько дней до того, как Келлога фактически выбросили за борт в Овальном кабинете, ведущие советники Трампа уже собрались в Ситуационной комнате, чтобы определить политику в отношении России и Украины.

В небольшую группу вошли Сьюзи Уайлс, Марко Рубио, Майк Уолтц и Уиткофф. Келлога не пригласили. Встреча проходила довольно свободно. Неопытный Уиткофф рассуждал о том, что, по его мнению, русские хотят заключить соглашение. Он утверждал, что восстановление нормальных экономических отношений между США и Россией сулит огромные выгоды. Масштаб санкций, которые можно было бы отменить, был колоссальным.

Обсуждали и первые контакты Уиткоффа через тайный канал — с Кириллом Дмитриевым, главой Российского фонда прямых инвестиций. Рубио, явно настроенный скептически, спросил Уиткоффа: — Откуда мы знаем, что этот человек действительно серьезная фигура и говорит от имени Путина?

Уолтц тоже сомневался. Он предупредил, что сейчас отовсюду появляются люди, утверждающие, будто представляют Путина. Сотрудник Совета национальной безопасности предложил проверить, насколько Дмитриев действительно влиятелен. — Сэр, мы можем его испытать, — сказал он Рубио. — Например, попросить освободить заложника.

Рубио идея понравилась. И он сразу назвал подходящего человека: Марка Фогеля, американского школьного учителя, которого приговорили в России к четырнадцати годам заключения за небольшое количество медицинской марихуаны, обнаруженной в его багаже.

Позднее Уиткофф рассказывал коллегам, что Дмитриев получил настоятельные рекомендации не только от саудовского наследного принца Мухаммеда бин Салмана, но и от «TBZ» — Тахнуна бин Заида Аль Нахайяна, могущественного советника по национальной безопасности Объединенных Арабских Эмиратов. Мнение TBZ явно значило для Уиткоффа очень много. — TBZ — вот кто действительно знает, — сказал он одному из коллег. — Когда такой человек говорит, что перед тобой серьезная фигура, этому можно верить без колебаний.

Если Келлог и был разочарован, когда наконец понял, что его отстранили, отчасти винить ему следовало самого себя. Почти десять лет общаясь с Дональдом Трампом, Келлог по-прежнему оставался удивительно наивен в отношении своего начальника. В сущности, Трамп любил играть людьми и действовал в атмосфере секретности. Никаких четких линий полномочий и подчинения существовать не могло — кроме одной, ведущей непосредственно к самому Трампу. Он часто одновременно запускал несколько параллельных каналов — два, а то и три. Даже для самых близких помощников всегда существовали комнаты внутри комнат, и ни у кого не было ключей от всех дверей.

Трамп держал сотрудников, советников, новых приверженцев и старых верных соратников в постоянном напряжении, позволяя каждому лишь через замочную скважину увидеть часть происходящего. Полной картиной владел только Трамп. Никто другой не мог наверняка знать, что он сказал остальным — и насколько это отличалось от того, что было сказано лично ему.

Во время переходного периода Дональд Трамп вместе с Илоном Маском отправился на площадку SpaceX в Бока-Чика, штат Техас, чтобы посмотреть запуск гигантской ракеты Starship. После этого Трамп долго не мог перестать о ней говорить.

Исследование космоса его завораживало, а богатство в его представлении всегда было равнозначно уму. Если следовать этой логике, Маск был самым умным человеком в истории. К тому же Маск, казалось, искренне стремился сократить государственный долг и только что потратил по меньшей мере 300 миллионов долларов, помогая Трампу выиграть выборы.

Почему бы не дать ему попробовать? Маловероятный союз Маска и Трампа зародился осенью 2023 года на одном ужине в Кремниевой долине.

— Я стараюсь как можно меньше вмешиваться в политику, — говорил Маск еще в 2015 году, когда его политические пожертвования выглядели вполне типично для крупного бизнесмена: он финансировал и демократов, и республиканцев. Хотя в те годы Маск называл себя «умеренным» и чаще голосовал за демократов, он уже постепенно смещался вправо. В 2021 году администрация Байдена вызвала его ярость, демонстративно не пригласив Маска на саммит Белого дома по электромобилям — из-за его враждебного отношения к профсоюзам. Не прошло и двенадцати месяцев, как он окончательно сменил политический лагерь и впервые открыто поддержал республиканцев. А затем сделал шаг куда более значимый: купил быстро растущую социальную сеть Twitter и резко смягчил ее правила.

Трамп получил возможность вернуться на платформу. Когда в конце сентября 2023 года Маск приехал на предвыборный благотворительный ужин в доме технологического инвестора Чамата Палихапитии неподалеку от Пало-Альто, он уже подыскивал нового кандидата в президенты. Раньше Маск считал Трампа человеком низких моральных качеств. Чувства были взаимными. За несколько месяцев до этого они обменялись резкими выпадами в интернете: Трамп назвал Маска «еще одним болтуном, который несет всякую хрень», а Маск ответил, что Трампу нечего снова баллотироваться в президенты и ему пора «уплыть в закат».

Вечер в Кремниевой долине представлял собой ужин стоимостью 50 000 долларов с человека в поддержку Вивека Рамасвами — предпринимателя и маловероятного претендента на республиканскую президентскую номинацию. В какой-то момент Маск заговорил на одну из любимых тем Рамасвами — о необходимости демонтировать «четвертую ветвь власти, административное государство».

Сокращение федеральной бюрократии, заявил Маск, — прежде всего технологическая задача. И уж он-то знает, как с такими задачами справляться. Получив контроль над Twitter, он быстро добрался до серверов компании и сократил штат примерно на 80 процентов. А разве не здорово было бы, размышлял Маск, получить такой же доступ к компьютерам федерального правительства?

— Просто дайте мне пароли, — полушутя сказал он, — и я сокращу государственный аппарат до нужного размера.

На протяжении следующего года на нескольких ужинах, организованных Маском совместно с миллиардером-инвестором Нельсоном Пельтцем, Маск страстно проповедовал необходимость срочно уменьшить государство. Его раздражал надзор регулирующих органов за собственными компаниями. Маск вел ожесточенные споры почти с десятком федеральных ведомств. Отчуждение от трансгендерной дочери также толкало его вправо, однако сильнее всего на его политические взгляды повлияло огромное количество времени, которое он проводил в X, поглощая антииммигрантский контент. Теперь он уже открыто заигрывал с идеей поддержки Трампа.

В конце мая 2024 года, после того как нью-йоркский суд признал Трампа виновным по тридцати четырем пунктам обвинения в фальсификации деловой документации, Маск написал: «Если бывшего президента можно привлечь к уголовной ответственности за столь пустяковое дело — причем по политическим мотивам, а не ради правосудия, — значит, с подобным может столкнуться любой». Шесть

недель спустя Трамп пережил покушение. Вскоре после стрельбы Маск открыто поддержал его в Х: «Я полностью поддерживаю президента Трампа и желаю ему скорейшего выздоровления».

Так началось зрелище — страстная и беспрецедентная предвыборная кампания Илона Маска в поддержку Дональда Трампа. На следующие четыре месяца Маск практически забросил управление собственными компаниями и целиком погрузился в политическую борьбу. По имеющимся данным, он потратил на победу Трампа больше, чем любой отдельный донор когда-либо расходовал на избрание президента США.

Но роль простого спонсора Маска не устраивала. Через несколько недель, 2 августа, в подкасте Лекса Фридмана он впервые публично озвучил идею, из которой впоследствии родится Департамент эффективности правительства.

— Должно существовать нечто вроде уборки мусора среди законов и нормативных актов, — сказал Маск Фридману. — Иначе законы и правила будут накапливаться до тех пор, пока в конце концов вообще ничего нельзя будет сделать.

— Вот бы отправить вас в Вашингтон хотя бы на неделю и назначить руководителем комитета по... сокращению правительства, — ответил Фридман.

— Я обсуждал с Трампом идею комиссии по эффективности государственного управления, — сказал Маск. — И я готов войти в такую комиссию. За лето идея набрала обороты.

19 августа она получила название. Один поклонник мем-криптовалют в Х предложил назвать проект Маска **Department of Government Efficiency — DOGE**, «Департаментом эффективности правительства». Аббревиатура отсылала к шуточной криптовалюте Dogecoin, о которой Маск давно любил шутить.

Маск пришел в восторг: — Идеальное название.

5 сентября Трамп официально включил концепцию DOGE в свою избирательную программу, назвав ее важнейшей частью экономического плана на второй президентский срок, которая позволит «сэкономить триллионы долларов». К концу кампании DOGE привлек к себе внимание, какого редко удастаиваются предвыборные политические трюки.

Говард Лютник, только что назначенный руководителем переходной команды Трампа, представлял DOGE как своеобразное партнерство между ним и Маском. Лютник говорил своему окружению, что Маск намерен устранить государственные растраты на триллион долларов, а сам Лютник принесет стране еще триллион — за счет повышения тарифов, устранения налоговых лазеек и более агрессивного использования природных ресурсов и материальных активов Америки. Вместе они покончат с дефицитом федерального бюджета. Однако за эффектной концепцией пока не стояло практически никакого реального плана. Маск держался с самоуверенностью человека, привыкшего единолично управлять своими компаниями. Но государство работало совсем иначе. Он лишь в самых общих чертах представлял масштаб гигантской задачи, которую взялся решить.

Он плохо понимал лабиринты федеральной системы и то, как функционирует государственный бюджет. А Конституция интересовала его еще меньше — хотя именно она могла серьезно помешать той радикальной односторонней перестройке государственного аппарата, которую он задумал. После выборов команда Маска собралась в Мар-а-Лаго и практически с нуля принялась разрабатывать план агрессивного сокращения федеральной бюрократии. Чтобы DOGE действительно смог перевернуть систему, требовалось проникнуть внутрь нее. Одной из лазеек стала малоизвестная структура под названием **Цифровая служба США — U.S. Digital Service**, созданная в 2014 году после провального запуска первоначальной версии сайта HealthCare.gov для программы Obamacare. DOGE собирался подчинить эту службу себе, после чего она должна была превратиться во временное самостоятельное подразделение Исполнительного управления президента. В рамках решения, которое критики сочли способом оградить Маска от общественного контроля, его не стали официально назначать администратором DOGE. Вместо этого он получил статус «специального государственного

служащего» — по сути, подрядчика Белого дома. Некоторые его союзники полагали, что такой статус позволит защитить Маска от требований о раскрытии государственных документов.

Он одновременно становился человеком системы и человеком вне системы. И отвечал только перед президентом. Работа в Мар-а-Лаго все больше напоминала инженерный спринт. Советы о том, как устроена исполнительная власть, Маск получал от Стивена Миллера и его жены Кэти — оба уже работали в первой администрации Трампа. В годы, когда Трамп находился вне власти, Стивен Миллер тайно помогал координировать политические расходы Маска. После выборов супруги Миллер становились для Маска все важнее, пока тот осваивался в окружении Трампа.

Одновременно Маск старался узнать все возможное о федеральном бюджетном процессе и устройстве бюрократии у Рассела Воута. Воут внес значительный вклад в **«Проект 2025»** — план будущего государственного управления, разработанный правым аналитическим центром Heritage Foundation. Во время всеобщей избирательной кампании проект оказался настолько непопулярен среди избирателей, что Трампу пришлось публично от него отмежеваться. Из-за этого поначалу казалось, что шансов получить серьезную должность во второй администрации у Воута практически нет. Его имя даже не включили в первоначальный список кандидатов на пост главы ОМВ. Стивен Миллер, Джей Ди Вэнс и другие возразили. Миллер хотел видеть на этом месте близкого ему по взглядам идеолога. Остальные согласились. Воута добавили в список кандидатов. Когда он прилетел в Мар-а-Лаго на встречи, они с Маском быстро нашли общий язык. А мнение Маска к тому времени уже имело огромное значение.

Чуть больше чем через две недели после выборов Трамп объявил, что Воут вновь возглавит ОМВ.

II

К этому времени Илон Маск уже практически поселился в Мар-а-Лаго, поглощая огромное количество времени и внимания Трампа. Некоторые высокопоставленные сотрудники вполголоса сравнивали его с назойливым гостем, который никак не понимает, что ему пора домой. Причем Маск действительно буквально переехал в клуб Трампа: поселился в стоящем на территории коттедже Валуан стоимостью 2 000 долларов за ночь и раздражал персонал тем, что заказывал еду даже после закрытия главной кухни.

— Ему здесь так нравится, — говорил Трамп. — Никак не могу его отсюда выгнать.

Один из помощников ворчал: — Он на каждом совещании и на каждом ужине. Любая получасовая встреча с ним растягивается на полтора часа.

Во время ноябрьских совещаний по подбору членов кабинета Маск постоянно входил и выходил из чайной комнаты, пока Трамп и его команда изучали презентации кандидатов. Большинство обсуждаемых имен ему ничего не говорили, но время от времени он вмешивался с вопросом. Чаще всего он спрашивал: — Он радикальный реформатор?

Если ответ звучал отрицательно, можно было почти наверняка ожидать, что Маск отнесется к кандидату плохо. После инаугурации сотрудники DOGE стремительно разошлись по федеральным ведомствам, собирая сведения о персонале, контрактах и компьютерных системах. Всего за несколько недель Маск и его команда численностью более сорока человек попытались получить доступ к некоторым из самых чувствительных государственных компьютерных систем, в том числе к тем, через которые осуществлялись государственные выплаты. В списке их целей было как минимум семь федеральных баз данных, включая внутренние системы Министерства финансов, а также системы Администрации социального обеспечения и Налоговой службы США.

У Маска имелся крошечный кабинет на втором этаже Западного крыла, но он почти им не пользовался, презрительно называя его «лачугою». Хотя время от времени все же проскальзывал туда — поиграть в видеоигры в темноте. В основном он работал по соседству, в здании Исполнительного офиса Эйзенхауэра, где занял так называемый **кабинет военного министра** — роскошную анфиладу исторических помещений, названную в честь прежних обитателей. Среди старинного интерьера Маск

установил вывеску DOGE, положил на стол кепку MAGA и оборудовал игровой компьютер с LED-подсветкой и изогнутым монитором.

В X он написал: «Это наш единственный шанс вернуть демократию, избавившись от диктатуры бюрократии. Сейчас или никогда. Именно сейчас».

Маск никогда особенно не церемонился с сотрудниками собственных компаний: мог насмехаться над ними, унижать их и заставлял работать так же беспощадно, как работал сам. Тот же подход он принес в DOGE. Он исходил из того, что федеральные служащие в лучшем случае ленивы, а в худшем — вообще давно мертвы. Маск был убежден, что мошенничество с зарплатами распространено повсеместно и что преступные наследники умерших или вовсе несуществующих федеральных служащих продолжают жиреть на регулярных выплатах из американской казны. Он делал дикие заявления, никак не подкрепленные доказательствами.

Но это мало что меняло. Маск не собирался отходить от управления собственными компаниями и не предпринимал никаких шагов для урегулирования очевидного конфликта интересов. Зато он предоставил своим сотрудникам DOGE огромные полномочия, позволив им глубоко проникнуть в фундаментальную цифровую инфраструктуру федерального правительства. Несколько недель большинство работников Белого дома вообще не понимало, чем именно занимается Маск.

Пока все уже не было сделано. Но, пожалуй, удивительнее всего было то, какую свободу действий предоставлял ему Трамп. — Илон, по сути, руководит стартапом, а мы понятия не имеем, чем они занимаются каждый день. Узнаем обо всем постфактум, — говорил тогда один высокопоставленный сотрудник Белого дома. — Илон сам пытается разобраться, как все это делать, и каждый день меняет приоритеты. У него нет начальника.

Февраль 2025 года стал вершиной власти Маска в новой администрации Трампа. Власти, почти не имевшей аналогов в американской истории. Получив разрешение президента Соединенных Штатов, но не находясь практически ни под чьим контролем, Маск на какое-то время фактически присвоил себе полномочия Конгресса распоряжаться государственными расходами, замораживал миллиарды долларов уже утвержденного финансирования и попирали полномочия новоназначенных министров самого президента. Все это происходило втайне и нередко глубокой ночью.

Всего за несколько недель отношение к Маску на самом верху администрации изменилось от восхищения «величайшим гением в мире» до разговоров о «настоящем психе», окончательно сорвавшемся с тормозов. Сьюзи Уайлс начала говорить знакомым, что отменяет свои планы, поскольку не хочет надолго отходить от телефона и компьютера: ей нужно было быть готовой к очередной неожиданности со стороны Маска и команды DOGE. Ближайшие сотрудники президента все чаще описывали эксцентричного миллиардера одним словом: **«Неподконтрольный»**.

При всей серьезности возложенной на него задачи Маск порой выглядел совершенно неуравновешенным. И, похоже, ему нравилось пугать людей. Его странности постоянно обсуждали сотрудники Белого дома. Маск мог появиться в Navy Mess — столовой в подвале Западного крыла — в семь утра, выпить кофе и работать до полуночи. Когда-то Трампа, возможно, задевало бы постоянное присутствие рядом человека, намного более богатого, чем он сам. Но после победы на выборах президент чувствовал себя уверенно и даже явно льстил тем, что самый богатый человек в истории хочет работать на него.

— Знаете, президентом он все равно стать не может, — говорил Трамп окружающим. — Он родился в Южной Африке. Трамп мог позволить себе великодушие и наслаждаться выгодами от того, что его преданным последователем стал человек, владеющий одной из самых влиятельных социальных сетей мира и располагающий финансовыми возможностями, сравнимыми с ресурсами целого государства.

Некоторым казалось, что Трамп начал относиться к социально неловкому Маску почти по-отечески — словно приучал его к людям и вводил в общество. — Раньше он был затворником, — говорил Трамп

о Маске. — А теперь уже нет. Маск спросил, можно ли ему ночевать в жилой части Белого дома. Трамп разрешил.

Первая леди сначала возражала, но в итоге Маск провел несколько ночей в спальне Линкольна. В другие дни он оставался у друзей, хотя рассказывал знакомым, что иногда спит в спальном мешке прямо на полу своего кабинета в здании Эйзенхауэра. Он мог без приглашения войти практически на любую встречу с президентом — иногда вместе со своим четырехлетним сыном Эксом, необычайно разговорчивым и развитым мальчиком, склонным к буйным выходкам. И неважно, проходила ли встреча в Овальном кабинете или на борту Air Force One. Если Маск становился причиной очередного скандала — с точки зрения Трампа, тем лучше.

Пусть плохие заголовки достаются ему. А вскоре таких заголовков должно было стать очень много — особенно когда Маск начнет сокращать программы, которые кому-то были дороги. В одном частном разговоре Трамп заметил, что стремительно падающий рейтинг Маска делает его полезным **«тепловым щитом»**, принимающим удар на себя.

Маск нередко звонил Трампу напрямую глубокой ночью и рассказывал о чем-нибудь, что обнаружил в строчках федерального бюджета, или сообщал о намерении практически уничтожить какое-либо ведомство. Трамп давал согласие, зачастую имея лишь самое смутное представление о том, что именно он разрешает. Однажды ночью Маск рассказал о некоем государственном органе, который, по его словам, был набит ленивыми демократами. — Давайте от них избавимся, — предложил Маск. Президент ответил, что идея звучит неплохо. Вскоре одному высокопоставленному помощнику Трампа пришлось объяснять сотрудникам Маска, что ликвидировать **Комиссию по равным возможностям в сфере занятости** они не имеют права. А затем последовал еще один звонок.

На этот раз мишенью стало **Агентство США по международному развитию — USAID**.

III

Агентство США по международному развитию — USAID, созданное при президенте Джоне Ф. Кеннеди, на протяжении десятилетий было одним из главных инструментов американской «мягкой силы»: оно распределяло по всему миру продовольствие и лекарства, финансировало экономическое развитие и образование. Это было воплощение американских ценностей за рубежом, которое долгие годы пользовалось поддержкой обеих партий. Однако еще до эпохи Трампа некоторые члены Конгресса выражали обеспокоенность тем, насколько бесконтрольно действуют «директора миссий» USAID, руководившие работой агентства в отдельных странах. И Счетная палата США, и собственный генеральный инспектор USAID указывали на коррупцию и слабость государственного управления в государствах — получателях помощи. Но ничто не могло подготовить Вашингтон к той тотальной атаке, которую обрушил на агентство Маск — или, точнее, DOGE. Это был недвусмысленный сигнал всей федеральной системе власти.

Внутри страны у USAID было мало естественных защитников, и это делало агентство особенно уязвимым. За десятилетие Республиканская партия прошла путь от неоконсерватизма времен Буша до глубокой враждебности к иностранной помощи. Трамп не проявлял ни малейшего интереса к финансированию программ, связанных с правами человека или продвижением демократии. А многие в его окружении считали USAID рассадником либеральной идеологии. В их глазах ликвидация агентства становилась способом нанести удар по «воук»-левым.

И все же даже некоторых самых убежденных критиков USAID в администрации и Конгрессе озадачивала ярость, с которой Маск говорил об агентстве, называя его «злом» и «преступной организацией». 24 января — через четыре дня после подписания президентом указа о замораживании всех расходов на иностранную помощь — в вашингтонскую штаб-квартиру USAID поступили распоряжения прекратить работу. Они исходили от Рубио и примерно в течение недели должны были

дойти до представительств USAID по всему миру. Но к тому времени Маск и его команда DOGE уже получили доступ к платежным системам Министерства финансов. Обнаружив, что выплаты по программам иностранной помощи продолжаются, Маск лишь укрепился в решимости разнести USAID на куски.

Под заморозку иностранного финансирования попали и программы, имевшие жизненно важное значение для национальной безопасности Соединенных Штатов. С того самого момента, как Трамп подписал указ о зарубежных расходах, Совет национальной безопасности пытался создать межведомственный механизм, который позволил бы делать исключения и продолжать финансирование критически важных направлений. Особенно встревожен был командующий Центральным командованием США генерал Майкл Курилла. Его беспокоил лагерь Аль-Холь на северо-востоке Сирии, где содержались несколько тысяч боевиков ИГИЛ и десятки тысяч членов их семей. Лагерь находился под контролем возглавляемых курдами Сирийских демократических сил. Там же удерживали множество иностранных граждан, для которых не существовало ясной юридической процедуры ни судебного преследования, ни возвращения на родину. Женщины и дети жили в лагере в чудовищных условиях, что создавало чрезвычайно высокий риск радикализации. Ситуация была сложной и крайне неустойчивой.

USAID обеспечивало лагерь продовольствием и топливом. Когда эти программы внезапно остановились, подрядчики покинули рабочие места, склады начали разграблять, а у курдской охраны стали заканчиваться запасы. Лагерь оказался на грани развала. Это означало, что тысячи боевиков ИГИЛ потенциально могли вырваться на свободу и поставить под угрозу весь регион. И это был лишь один пример непредвиденных последствий того, как DOGE сокращал бюджет.

Пытаясь не допустить подобных кризисов, руководство Совета национальной безопасности создало специальную группу, которая должна была сортировать запросы на исключения из заморозки и определять их приоритетность. Некоторое время эта система вроде бы работала. В начале февраля Марко Рубио и его команда в Госдепартаменте взяли на себя ответственность за программы, оставшиеся от разгромленного агентства. Но очень скоро они обнаружили, что люди Маска, по словам одного высокопоставленного чиновника, фактически «выдернули провода из стены платежной системы». Даже когда исключения официально утверждались, деньги все равно не поступали. Вместо того чтобы сделать систему эффективнее, DOGE превратил ее в руины.

Рубио был совсем не рад тому, что теперь ему предстояло все это разгрести. Через два дня после того, как он отправился в свою первую зарубежную поездку в качестве государственного секретаря, его назначили администратором остатков USAID — организации, от которой к тому времени сохранилось примерно 15 процентов того, чем она была всего две недели назад.

Президентская резиденция президента Сальвадора Найиба Букеле, возвышавшаяся над озером на восточном склоне вулкана Санта-Ана в западной части страны, не могла сильнее контрастировать с Вашингтоном, поглощенным бурей вокруг DOGE. Место было утопающим в зелени и поразительно красивым. Дом Букеле стоял среди крутых холмов над озером. Современное здание с прямыми линиями и огромными окнами выглядело бы вполне естественно где-нибудь в Малибу. Гостиная, где встретились делегации, была залита естественным светом и выдержана в мягких кремовых тонах. Примерно каждые полчаса в комнату вносили подносы с фруктовыми соками, кофе и чаем. Букеле находился на втором пятилетнем президентском сроке, добившись изменения конституции Сальвадора, которая прежде запрещала занимать президентский пост два срока подряд.

До его прихода к власти Сальвадор был одной из самых жестоких и криминализированных стран мира. Насилие в основном исходило от могущественных банд, включая MS-13 и Barrio 18, контролировавших обширные территории и значительную часть экономики страны. Букеле поставил перед собой задачу подавить преступность и сломить власть банд. Он создал сеть тюрем для людей, которых массово убрали с улиц. Главным символом этой системы стала гигантская тюрьма, получившая название Центр содержания террористов — CECOT. Сделав Сальвадор безопаснее, Букеле одновременно вывел страну на первое место в мире по доле заключенных. В ходе массовых арестов за решетку попадали и многие невинные, а соблюдение надлежащих юридических процедур и проведение судебных процессов, судя по всему, мало его заботили. Подыгрывая собственной репутации авторитарного лидера, он стал называть себя «самым крутым диктатором в мире». И в тот день, 3 февраля, выглядел он соответствующе: брюки цвета хаки, а солнечные очки небрежно зацеплены за пуговицу рубашки.

Букеле и Рубио сидели рядом в дальнем конце комнаты и дружелюбно разговаривали по-испански. Обсуждать было что. До конца дня две страны должны были подписать меморандум о взаимопонимании, направленный на развитие сотрудничества в области мирной атомной энергетики, а также наметить меры противодействия влиянию Коммунистической партии Китая в Западном полушарии. Но ни один из этих вопросов не был особенно спорным.

И ни один из них не являлся настоящей причиной приезда Рубио. Во время первого президентского срока Трампа Соединенные Штаты заключили с Гватемалой, Гондурасом и Сальвадором соглашения о так называемой «безопасной третьей стране». Согласно им, эти государства должны были принимать просителей убежища, которые, пройдя через их территорию, не попросили там убежища и направились дальше к границе США. Однако договоренности заключили сравнительно поздно. Затем их реализацию затормозили суды, а после началась пандемия коронавируса. В результате ни один проситель убежища так и не был отправлен в Гондурас или Сальвадор в рамках этих соглашений.

Байден начал отменять многие иммиграционные меры Трампа. Это, в сочетании с окончанием пандемии, привело к резкому росту числа пересечений границы. Губернаторы республиканских штатов стали автобусами и самолетами отправлять мигрантов в так называемые города-убежища. Этот политический трюк тем не менее наглядно показывал, насколько неуправляемой стала ситуация. Беспорядок вызывал серьезную тревогу даже у видных демократов, включая бывшего президента Барака Обаму. Он считал, что его партия проваливает иммиграционный вопрос, и понимал, как республиканцы используют его против Камалы Харрис на всеобщих выборах. На закрытом мероприятии по сбору средств на Мартас-Винъярд в августе 2024 года Обама сказал собравшимся, что, хотя неприязнь к иностранцам глубоко укоренена в американской истории, на южной границе действительно царит беспорядок. Когда миллионы людей пересекают ее без какого-либо организованного процесса, избиратели совершенно естественно видят в этом хаос. Обама повторил мысль, которую высказывал уже больше десяти лет: демократы должны подчеркивать, что Соединенные Штаты — одновременно страна

законов и страна иммигрантов. Говоря о неуправляемой границе и о том, как партия должна объяснять эту проблему обществу, Обама ни разу не упомянул Байдена. Однако некоторым присутствовавшим было очевидно, кого именно он имеет в виду.

Никто не извлек из этого хаоса больше выгоды, чем Дональд Трамп. Телевизионные кадры и ролики в социальных сетях, показывавшие миллионы мигрантов, пересекающих границу при Байдене, расширили так называемое окно Овертона в иммиграционной политике именно в ту сторону, которой давно добивался Стивен Миллер. Когда Трамп готовился во второй раз войти в Белый дом, его команда понимала: американское общество теперь готово принять гораздо более жесткие меры против нелегальной иммиграции.

Миллер уже несколько лет разрабатывал крупнейшую программу депортаций в истории США.

— Во время первой администрации мы, по сути, взобрались на Эверест, закрыв возможность получить убежище на нашей границе почти для всей планеты и восстановив принцип: если вы хотите получить визу и приехать в нашу страну, именно вы должны доказать нам, что имеете на это право, а не мы — доказывать вам, что вы его не имеете, — говорил Миллер в октябре 2023 года, описывая возможный второй срок Трампа. — Значит, следующий Эверест — это процесс выдворения людей уже изнутри страны, но совершенно по новой системе. По словам Миллера, нынешняя структура Иммиграционной и таможенной полиции США — ICE — в действительности была приспособлена главным образом к депортации одиноких взрослых мужчин, причем преимущественно из ограниченного числа стран. — У них практически нет систем для работы с несовершеннолетними; в существующем виде у них фактически нет системы и для семей. Значит, нам предстоит полностью перестроить весь механизм.

Новая система, которую администрация обещала запустить уже в День инаугурации, вновь требовала соглашений с государствами Центральной Америки. Именно это было главной целью визита Рубио на виллу Букеле. Во время их девятидесятиминутной встречи Рубио поднял этот вопрос, но Букеле воспротивился. Он только что преобразил свою страну, превратив ее в куда более привлекательное место для жизни. Как он объяснит собственным гражданам, почему разрешает превратить Сальвадор в свалку для мигрантов из стран третьего мира, которых Соединенные Штаты будут отправлять сюда?

Рубио возразил: соглашение вовсе не означает, что Сальвадор захлестнет поток депортированных. Смысл в другом — заставить мигрантов выбирать между тем, чтобы остаться у себя дома, и поездкой в Соединенные Штаты с риском оказаться в сальвадорской тюрьме. По мнению Рубио, большинство предпочтет остаться дома. Но Букеле не уступал.

На фоне миграционных потоков, двигавшихся по всей Центральной Америке, включая беспрецедентный исход из охваченной кризисом Венесуэлы, ему удалось довольно эффективно не пускать мигрантов в страну. А тех, кому все же удавалось пересечь границу, его службы внутренней безопасности быстро находили и выдворяли. Если теперь он сам распахнет двери страны, это будет выглядеть лицемерием. И тут совершенно неожиданно Букеле сделал заманчивое встречное предложение.

А что, если Соединенные Штаты будут присылать ему мигрантов-преступников, чтобы содержать их в жемчужине сальвадорской пенитенциарной системы — CECOT? Предложение идеально соответствовало предвыборному обещанию Трампа как можно быстрее избавить Америку от «худших из худших», включая членов организованных преступных группировок вроде венесуэльской Tren de Aragua. Но Букеле пошел еще дальше. Он сказал Рубио: если американские тюрьмы переполнены, в CECOT можно присылать даже преступников — граждан США.

Рубио и сопровождавшие его люди сразу поняли: отправка американских граждан в сальвадорскую тюрьму для террористов абсолютно невозможна. Любой американский суд мгновенно заблокирует такую попытку. Но сам жест Рубио оценил.

Именно в тот день зародилась сделка между двумя странами, которой вскоре предстояло потрясти мир.

II

Марко Рубио казался крайне необычным человеком для роли того, кто должен был отправлять мигрантов в тюрьму для террористов в Сальвадоре. Еще менее естественно он выглядел в роли главного лица внешней политики Дональда Трампа.

В 2016 году они соперничали за республиканскую президентскую номинацию. Предвыборная борьба быстро скатилась до уровня школьной перепалки: Трамп и Рубио обменивались грубыми шутками о размере своих рук. Позднее Трамп хвастался советникам, что в той гонке он «сломал» Рубио. Люди, близкие к сенатору от Флориды, в общем-то, с этим не спорили. В 2016 и 2017 годах некоторые из окружения Рубио считали, что он потерял ориентиры и никак не может найти себе место в новой, странной и ошеломляющей эпохе Трампа. До 2016 года политическая карьера Рубио представляла собой историю почти невероятно стремительного восхождения.

Сын кубинского бармена и горничной в гостинице, он окончил юридический факультет Университета Майами, стал городским комиссаром, депутатом законодательного собрания штата, спикером Палаты представителей Флориды, а затем, на волне движения «Часпития» 2010 года, был избран сенатором США. Умный, молодой, привлекательный, с фотогеничными детьми и красивой женой, Рубио очаровал многих представителей консервативной элиты. В нем видели своего рода кубинского Джека Кеннеди.

Но в отличие от Кеннеди — выходца из богатой и могущественной политической династии — Рубио был сыном иммигрантов, приехавших в Америку с большими мечтами. Это стало важной частью его самоощущения. Он был глубоко связан с эмигрантским сообществом Южной Флориды, где его родители обосновались после приезда в США в 1956 году. Тогда Кубой еще правил коррумпированный, поддерживаемый Соединенными Штатами Фульхенсио Батиста, известный своими связями с американской мафией. До революции, которая приведет к власти коммунистический режим Фиделя Кастро, оставалось больше двух лет. Это была классическая история мигрантов: надежда на возможности в новой стране и одновременно эмоциональная привязанность к старой родине. Поездки семьи Рубио на Кубу прекратились вскоре после провала операции в заливе Свиней в 1961 году и последовавшего американского эмбарго. Дед Рубио некоторое время ездил туда и обратно, но после очередного возвращения в США был задержан как нелегальный иммигрант. Впоследствии решение отменили, и он получил статус постоянного жителя Соединенных Штатов.

Режим Кастро Рубио считал абсолютным злом и мечтал освободить страну, где родились его родители. В мемуарах он вспоминал, как еще мальчиком хвастался деду, что «когда-нибудь возглавит армию изгнанников, свергнет Фиделя Кастро и станет президентом свободной Кубы». Мечта о смене режимов в Латинской Америке сопровождала Рубио на протяжении всей его стремительной карьеры.

Он видел цепочку политических связей, в которой левый режим Венесуэлы играл важнейшую роль в поддержании кубинского правительства, поставляя дешевую нефть в обмен на услуги в сфере безопасности. Рубио считал: если Соединенные Штаты добьются смены режима в Венесуэле, это может запустить эффект домино и привести к падению других левых правительств Латинской Америки — прежде всего на Кубе. Еще до появления Рубио в Вашингтоне консервативные комментаторы называли его будущим партией. В 2009 году основанный Уильямом Ф. Бакли-младшим консервативный журнал *National Review* представил его как ответ правых Баракку Обаме. Рубио появился на обложке с заголовком: «Да, он сможет».

Некоторое время казалось, что Рубио делает все правильно, чтобы в будущем возглавить современную Республиканскую партию. Он выстраивал отношения с донорами, поддерживавшими

войну в Ираке, приобретал общенациональную репутацию сторонника американской военной мощи, жесткого контролера государственных расходов и одновременно политика, проявляющего сочувствие к иммигрантам. Но Рубио совершил одну дорогостоящую ошибку.

В 2013 году он вошел в число ключевых членов «Банды восьми» — двухпартийной группы сенаторов, подготовивших масштабную реформу иммиграционного законодательства. Законопроект прошел Сенат, но до голосования в Палате представителей так и не дошел. Разъяренная республиканская база восприняла реформу как предательство собственных интересов в пользу крупных корпораций, стремившихся заменить американских работников дешевой рабочей силой иммигрантов. Стивен Миллер, тогда работавший помощником сенатора от Алабамы Джеффа Сешнса, сыграл заметную роль в том, чтобы похоронить законопроект. Разгром «Банды восьми» стал одним из ранних предвестников революции Трампа. Рубио превратился в лицо этого поражения. И когда он начал готовиться к президентской кампании, сторонники жесткой линии позаботились о том, чтобы он за эту ошибку заплатил. В электронном письме журналисту *Breitbart* в декабре 2015 года Миллер назвал Рубио «патологическим». После выборов 2016 года Рубио по-прежнему относился к Трампу настороженно, но постепенно, в течение первого президентского срока, все ближе смещался к лагерю президента.

Он хвалил Трампа по телевидению, сотрудничал с ним в вопросах политики и начал пересматривать собственные взгляды. По иммиграции он теперь полностью двигался в ногу с Трампом. В вопросах торговли и государственных расходов Рубио также поддерживал меры, которые приводили традиционных фискальных консерваторов в ужас. Лишь во внешней политике обновленный Рубио еще сохранял кое-что от прежнего себя. Особенно это касалось Латинской Америки. Во время первого срока Трампа он был одним из наиболее громких сторонников свержения венесуэльского диктатора Николаса Мадуро. К 2024 году Рубио настолько успешно завоевал расположение Трампа, что его всерьез рассматривали в качестве кандидата на пост вице-президента.

Важную роль здесь сыграли его отношения с Сьюзи Уайлс. Они давно знали друг друга по сравнительно тесному миру флоридской политики. В 2010 году Рубио победил на тех же выборах по всему штату, что и Рик Скотт и Пэм Бонди. Но еще важнее было другое: Уайлс не забыла, что в 2019 году Рубио отказался присоединиться к тем, кто атаковал ее, когда Рон Десантис пытался разрушить ее карьеру. В ходе отбора кандидата в вице-президенты в 2024 году Рубио произвел на Трампа очень хорошее впечатление. В отличие от соперников, он не пытался настойчиво продавать собственную кандидатуру и достойно отреагировал, когда выбор пал не на него. Во время предвыборной кампании помощники Трампа часто отмечали, насколько естественно Рубио чувствует себя в роли его союзника и насколько охотно выполняет все, о чем его просят. Поэтому, когда пришло время назначить государственного секретаря, выбор Рубио удивил лишь тех, кто не следил за его превращением.

III

Новая близость Рубио к президенту добавила к внутренней политике окружения Трампа два новых элемента. Во-первых, часть людей неизменно воспринимала его как человека Сьюзи Уайлс — надежного союзника в ее интересах и аппаратных схватках вокруг президента. Во-вторых, Трамп постоянно сталкивал его с Джей Ди Вэнсом.

Рубио говорил Вэнсу, что не собирается баллотироваться в президенты в 2028 году. Вскоре между ними даже установились довольно близкие личные отношения. Но это не прекратило разговоров в СМИ о том, что в конечном счете Рубио может бросить Вэнсу вызов в борьбе за президентскую номинацию. По мере того как проходил год, Трамп, казалось, получал удовольствие от двусмысленных намеков относительно того, кого считает своим преемником. Время от времени он спрашивал помощников и советников: — Кто вам больше нравится — Джей Ди или Марко?

В своей администрации Трамп относился к Рубио как к первому среди равных. Сотрудники Белого дома замечали: Рубио умеет правильно обращаться с Трампом и очень быстро нашел с президентом удобный для обоих ритм общения. В отличие от некоторых советников первого срока — например, первого госсекретаря Трампа Рекса Тиллерсона, — Рубио никогда не читал президенту лекций и не выставлял напоказ собственные знания. Он ждал, пока Трамп сам спросит его мнение, и лишь тогда, подчеркнуто уважительно, высказывался. Рубио видел свою роль прежде всего в том, чтобы исполнять волю Трампа, и редко пытался навязать президенту собственную точку зрения. Трампу нравилось его общество. Там, где другие рядом с президентом заметно нервничали, Рубио постоянно шутил и помогал ему чувствовать себя непринужденно.

Нигде влияние Рубио не ощущалось сильнее, чем в политике по отношению к Латинской Америке. Часть его обязанностей Трамп передал другим — прежде всего Стиву Уиткоффу, занимавшемуся теперь Ближним Востоком и российско-украинским направлением. Но Рубио ясно дал понять: он хочет участвовать в реализации только формировавшейся трамповской концепции переориентации внешней политики США на Западное полушарие. И в одном его аргументе было немало здравого смысла: последние четверть века внешнеполитическая элита Вашингтона уделяла куда больше внимания Ближнему Востоку, чем собственному американскому «заднему двору». Поэтому не вызывало сомнений, что первая зарубежная поездка Рубио пройдет именно по Латинской Америке. Вскоре после его возвращения из Сальвадора, Панамы, Коста-Рики, Гватемалы и Доминиканской Республики дипломатическая деятельность Рубио неожиданно дала результат уже на другом направлении. Закулисный канал связи между русскими и Стивом Уиткоффом превратился в реальность.

И выбранный Рубио американский заложник был освобожден. В ночь на вторник, 11 февраля, Уиткофф вернулся домой вместе с Марком Фогелем — американским школьным учителем, находившимся в заключении в России. В аэропорту базы Эндрюс его встретили Уолтц, Рубио и переговорщик по освобождению заложников Адам Бёлер. Фогель наклонился и поцеловал покрытую снегом взлетную полосу. В Белом доме, у бокового входа, он крепко пожал руку президенту. — Президент Трамп — герой, — сказал позднее Фогель. Трамп, как обычно, тут же раскритиковал администрацию Байдена за то, что она не добилась освобождения Фогеля раньше.

— По-моему, ты чертовски хорошо выглядишь, — сказал он Фогелю, а затем повел его и остальных на экскурсию по жилой части Белого дома. Еще накануне утром Фогель проснулся в российской тюрьме. Теперь он ходил по спальне Линкольна, потрясенный и почти неспособный подобрать слова.

По общему мнению, Стив Уиткофф был чрезвычайно приятным человеком — дружелюбным, открытым, из тех, кому незнакомцы сразу становятся знакомыми.

В 1980-е годы он был одним из адвокатов Дональда Трампа и своими глазами наблюдал, как его клиент превращается в знаменитость нью-йоркского рынка недвижимости. И Уиткофф не смог устоять перед соблазном. Вместо того чтобы продолжать обслуживать девелоперов, он решил сам стать девелопером. Как и Трамп, он покупал здания на заемные деньги, рассчитывая таким образом разбогатеть. Он тоже был родом не из самого центра Нью-Йорка: Трамп — из Квинса, Уиткофф — из Бронкса. Но Уиткофф сделал себя сам. В начале карьеры он разъезжал по верхнему Манхэттену на неприметном «Бьюике» 1978 года выпуска, разыскивая дешевые многоквартирные дома для покупки. Когда денег от аренды не хватало, он порой сам копал траншеи и собственноручно чинил водопровод. А когда отправлялся собирать арендную плату у жильцов, держал пистолет, спрятанный в носке. После биржевого краха 1987 года, когда остальные проявляли осторожность, Уиткофф решился на рывок в деловую часть Манхэттена.

Он начал приобретать знаковые здания, а со временем расширил владения на Филадельфию, Даллас, Лос-Анджелес, Майами и Лондон. Но жизнь Уиткоффа навсегда изменила личная трагедия, о которой он часто рассказывал. В 2011 году его двадцатидвухлетний сын Эндрю умер от передозировки ОхуContin. В тот момент он жил в реабилитационном доме для людей, проходящих лечение от зависимости. Уиткофф рассказывал, насколько добры были к нему тогда Трампы, как они поддерживали его и даже повесили одну из гитар его сына в гольф-клубе Трампа Dogal в Майами. До того как в ноябре 2024 года Трамп назначил Уиткоффа специальным посланником по Ближнему Востоку, весь его дипломатический опыт сводился к роли посредника между Трампом и его наиболее серьезными соперниками за республиканскую номинацию.

Он организовал встречу с Роном Десантисом, помог заключить перемирие с Никки Хейли и безуспешно пытался примирить Трампа с Майком Пенсом. Последнее оказалось неподъемной задачей даже для Уиткоффа. За годы работы в бизнесе Уиткофф успел выстроить собственные серьезные связи на Ближнем Востоке. Некоторые из богатейших государств региона инвестировали в перегруженный долгами нью-йоркский отель Park Lane, а затем фактически выкупили его долги. Компания Уиткоффа владела миноритарной долей после того, как в 2013 году он приобрел гостиницу совместно с малайзийским бизнесменом Джо Лоу, позднее оказавшимся в центре громкого коррупционного скандала.

Наблюдая за расстановкой сил в Вашингтоне, высокопоставленные катарские чиновники даже ожидали, что Уиткофф станет государственным секретарем. Еще до прихода новой администрации к власти Уиткофф с головой погрузился в новую работу. Он присоединился к переговорам, которые вела уходящая администрация Байдена и результатом которых стали шестинедельное прекращение огня в Газе и последующий обмен заложниками. У него сложились тесные рабочие отношения с главным переговорщиком Байдена Бреттом Макгерком — опытным дипломатом, служившим при четырех последних президентах США и проводившим в регионе многие месяцы за подготовкой возможного соглашения. При поддержке и Трампа, и Байдена они начали созваниваться по несколько раз в день.

В эпоху крайней политической поляризации это стало необычным примером того, как уходящая демократическая администрация и приходящая республиканская совместно работают над вопросом огромной важности. Позднее Макгерк говорил об Уиткоффе:

— За ним не тянулся никакой багаж старых споров по ближневосточной политике и прежних переговоров. Ему было совершенно наплевать, что, по мнению так называемых экспертов, мы должны делать. Его подход был прост: давайте доведем дело до конца и вернем людей домой. Уиткофф также обращался за советом к зятю Трампа Джареду Кушнеру. Во время первого срока Кушнер занимался

вопросами Ближнего Востока и участвовал в заключении прорывных Авраамовых соглашений, нормализовавших отношения Израиля с несколькими арабскими государствами.

Теперь Кушнер в основном держался в тени. После первого пребывания в Вашингтоне он все еще болезненно воспринимал жесткую критику в свой адрес. Он собирался помогать Уиткоффу советами, но — по крайней мере пока — только за кулисами. За две недели до инаугурации Уиткофф присоединился к Макгерку в Дохе, где переговоры уже шли полным ходом. Нерешенными оставались два вопроса, и обе стороны уперлись.

— Стив сказал всем заткнуться и заключить сделку, — вспоминал Макгерк. — А если они откажутся, у них будут большие проблемы с Трампом. Следом Уиткофф вылетел в Иерусалим, продолжая давить на израильтян, тогда как Макгерк остался в Дохе, чтобы через катарцев воздействовать на ХАМАС. Катар на протяжении многих лет предоставлял базу зарубежному руководству движения. Когда стороны подошли к моменту окончательного соглашения, Макгерк подключился по телефону к встрече Нетаньяху и Уиткоффа. Он изложил позицию ХАМАС.

Нетаньяху согласился. Соглашение о прекращении огня было заключено. — Он умеет доводить чертovy дела до конца, — сказал позднее Макгерк, отдавая должное дипломатическому новичку. — А ведь именно в этом и заключается смысл дипломатии. Я знаю профессиональных дипломатов, которые за всю жизнь не заключили ни одной сделки. Стив сделки заключает.

II

Очень скоро круг обязанностей Уиткоффа расширился: от Ближнего Востока — до российско-украинской войны. Освобождение Марка Фогеля было своего рода проверкой доброй воли. Закулисный канал, позволивший это осуществить, возник во время переговоров по Газе. Пока Уиткофф разговаривал с катарцами, эмиратцами и саудовцами, наследный принц Саудовской Аравии Мухаммед бин Салман, известный как MBS, предложил помочь наладить контакты с русскими.

MBS придерживался нейтральной позиции в отношении войны. Однако саудовский суверенный инвестиционный фонд проявлял большой интерес к возможностям вложений в России — в критически важные полезные ископаемые, уран, нефть и газ. Очень быстро MBS свел Уиткоффа с Кириллом Дмитриевым, руководителем Российского фонда прямых инвестиций. Так между ними возник закулисный канал, который в феврале привел Уиткоффа в Москву.

11 февраля, ожидая освобождения Фогеля, Уиткофф почти три часа разговаривал с Путиным. Особенно поражало то, как именно состоялась эта встреча. Уиткофф пошел к Путину один. Никакой группы советников, никакой сопровождающей делегации — только благословение президента Соединенных Штатов. На следующее утро он доложил Трампу о разговоре и сказал президенту, что они с Путиным «отлично поладили».

— Он хочет заключить сделку, — заверил Уиткофф. Трамп после этого хвастался помощникам тем, насколько хороший контакт его посланнику удалось установить с непредсказуемым российским лидером.

— Путин ни с кем не встречается по три часа, — снова и снова повторял Трамп. Как всегда, он приписывал себе заслугу за удачный подбор исполнителя. Позднее Трамп сказал одному союзнику — непонятно, всерьез или наполовину в шутку: — Я отправил Стива в Москву потому, что он одного роста с Путиным.

Более опытные специалисты администрации по национальной безопасности были обеспокоены. Уиткофф не обладал глубоким знанием исторического контекста и не имел опыта государственной дипломатии. А противостоял ему Путин — легендарный манипулятор, более пятнадцати лет прослуживший в КГБ. Как Уиткофф сумеет в одиночку справиться с такой встречей? Вопрос был более

чем серьезным. Путин установил с Уиткоффом теплые отношения и сумел обаять специального посланника.

Вернувшись, Уиткофф рассказал Трампу, что Путин якобы признался: в день покушения на жизнь Трампа он был настолько потрясен, что отправился на мессу молиться. Было ли все это лишь красивой постановкой и умелым дерганьем за ниточки со стороны России — неизвестно. Но именно такие слова Трамп любил слышать. В подарок Путин заказал портрет Трампа по мотивам покушения в Батлере: лицо в крови, кулак поднят вверх. Трамп и Уиткофф были в восторге от этого любезного жеста бывшего офицера КГБ. Но портрет оказался далеко не единственным подарком, который Путин отправил с Уиткоффом в Америку.

Когда 11 февраля Уиткофф вернулся в США вместе с Фогелем, при нем был еще и своеобразный «лист основных условий» — перечень возможных направлений делового сотрудничества России и Соединенных Штатов. Многие предложения касались энергетики: критически важных минералов, урана, нефти и газа. И именно о чем-то подобном мечтал Трамп. Он представлял себе грандиозную сделку с Россией — историческое соглашение, которое вновь откроет две страны для взаимного банковского и делового сотрудничества. Это должна была стать перезагрузка без ценностной составляющей — чистый бизнес, избавленный от идеологических конфликтов прошлого, от современных территориальных амбиций Москвы и от того американского миропорядка, который десятилетиями был направлен на сдерживание России. Некоторые в команде видели еще одну возможность: оторвать Россию от Китая и Ирана. В разговорах с республиканскими сенаторами, обеспокоенными складывающейся российской политикой Трампа, Майк Уолтц объяснял, что его очень тревожит все более тесное сотрудничество и обмен технологиями между Россией, Ираном и Китаем. Из этих трех стран Россия, по его мнению, представляла меньшую угрозу.

Следовательно, требовалось сочетанием «кнута и пряника» попытаться оттянуть Москву от двух других противников. Планы были поистине грандиозными. Оставалось только одно препятствие. Украина.

Демократическое государство, из последних сил боровшееся за собственное существование. Страна, в которую вторгся Путин и которую намеревался покорить. Воодушевленный успехом миссии Уиткоффа, Трамп захотел как можно скорее поговорить с российским президентом по телефону. Несмотря на публикации СМИ о якобы тайных предыдущих телефонных разговорах двух лидеров — слухи, которые подогревал и сам Трамп, — последующая беседа показала, что они, по всей видимости, разговаривали впервые более чем за четыре года.

12 февраля состоялся девяностоминутный телефонный разговор. Они говорили через переводчиков, но называли друг друга просто Владимиром и Дональдом. Путин начал с похвал в адрес Уиткоффа и поблагодарил Трампа за то, что тот прислал к нему такого замечательного человека. Затем российский президент признался, что был удивлен победой Трампа на выборах.

Это мгновенно вызвало у Трампа раздражение. Он сказал Путину, что просто не может поверить в подобные слова.

Путин попросил Дональда не сердиться и тут же загладил неловкость, осыпав президента комплиментами. Высокопоставленные помощники раньше замечали, как Трамп временами вслух задается вопросом, действительно ли Путин вообще хочет договоренности, способной остановить войну.

«Или он просто хочет забрать все и будет наступать дальше?» — размышлял президент. Теперь Трамп спросил Путина прямо:

ему нужна вся Украина или только ее часть? Позднее Трамп рассказывал окружающим, что Путин заверил его: вся Украина ему не нужна.

Дважды во время разговора Трамп поднимал вопрос о прекращении огня и необходимости каким-то образом остановить кровопролитие. Он сказал Путину — «Владимиру», — что даже ему, должно быть, уже надоело все это убийство.

Путин заявил, что хочет мира, и напомнил о сотрудничестве двух стран во время Второй мировой войны. Мы умеем работать вместе, сказал он Трампу, ведь мы вместе с Франклином Рузвельтом победили нацистов. Это был стандартный российский тезис, но, похоже, он произвел на американского президента впечатление. Трамп заметил Путину: Россия действительно была союзником Америки во Второй мировой войне. А кто союзником не был?

Германия. Трамп заговорил и о том, насколько сильно ему хотелось бы открыть российский рынок для американских нефтегазовых компаний. Заодно он сказал Путину, что стремление Украины вступить в НАТО зашло слишком далеко. Путин наверняка был доволен такой уступкой: этот пункт давно входил в список российских претензий.

Путин ответил любезностью. Прекрасно понимая неприязнь Трампа к его предшественнику и постоянно повторяемую Трампом мысль о том, что при нем эта война вообще никогда бы не началась, Путин сказал, что Байден отказывался с ним разговаривать и потому упустил возможные направления сотрудничества России и Соединенных Штатов.

Теперь же, предположил Путин, они могли бы сделать то, на что «режим Байдена» был неспособен. Казалось, впечатлить Трампа было почти слишком легко.

Президент снова загорелся перспективами для американского бизнеса в России — особенно в энергетике. Однако он сказал Путину: прежде чем заключать какие-либо сделки, необходимо закончить войну.

Завершив разговор, Трамп повернулся к помощникам: — Так, теперь давайте позвоним Зеленскому. Два разговора, следовавшие один за другим, представляли собой разительный контраст.

— Я только что говорил с твоим лучшим другом Владимиром Путиным, — так начал Трамп, когда на линии появился Зеленский. Это было особенно жестокое приветствие, учитывая, что Путин почти три года бомбил Украину. Трамп немедленно начал склонять Зеленского к тому, чтобы тот смирился с судьбой своей страны. Заодно он ясно дал понять: Америка намерена вернуть вложенные в войну средства. Твои люди погибают, сказал ему Трамп.

Денег у вас больше нет. Трамп — единственный человек, предлагающий ему выход. Зеленский даже слышать не хотел о капитуляции. Он сказал Трампу, что украинцы слишком долго и слишком тяжело воевали, чтобы теперь отказаться от столь многого. Но Трамп продолжал давить.

Он говорил Зеленскому, что тот разорен, его страна разрушена и ему необходимо заключить сделку. Положив трубку, Трамп пробормотал помощникам, что Зеленский «не очень-то умен». К тому времени президент уже написал в Truth Social, что в его переговорную команду по российско-украинскому конфликту войдут Рубио, Уолтц, Уиткофф и директор ЦРУ Джон Рэтклифф. Кита Келлога Трамп не упомянул.

III

Мрачное настроение Зеленского, без сомнения, усиливалось еще и визитом, состоявшимся в тот же день чуть раньше. Скотт Бессент прибыл в Киев с собственным «листом основных условий» по соглашению о полезных ископаемых между двумя странами. Он хотел, чтобы Зеленский его подписал.

Назначение Бессента министром финансов стало неожиданностью: многие из окружения Трампа во время первого срока вообще о нем не слышали. Но Бессент был талантливым макроинвестором, прославившимся работой у Джорджа Сороса. Он участвовал в знаменитой операции 1992 года, когда огромная короткая позиция против фунта стерлингов помогла Соросу «сломать Банк Англии». За сорок лет в бизнесе Бессент побывал примерно в шестидесяти странах и выстроил связи с руководителями центральных банков и правительств по всему миру. Он провел энергичную кампанию, чтобы попасть в поле зрения Трампа. В ходе избирательного цикла 2024 года Бессент пожертвовал более миллиона долларов и заручился поддержкой влиятельных людей, включая Стива Бэннона, а также ведущего Fox

Business и бывшего советника Трампа Ларри Кадлоу, который прекрасно понимал, чем можно заинтересовать президента.

Уроженец Южной Каролины произвел на Трампа впечатление. С серебряными волосами, высоким ростом, широкими плечами и безупречными костюмами он вполне заслуживал одного из любимых выражений президента: «Словно прямо из центрального кастинга». Но за внешностью обходительного южного джентльмена у Бессента скрывался вспыльчивый характер. Трамп с одобрением говорил окружающим, что Бессент «финансово жесток».

Предложение Бессента предусматривало, что Украина будет передавать Соединенным Штатам 50 процентов будущих доходов от принадлежащих государству природных ресурсов, включая углеводороды и редкоземельные минералы. Документ налагал на Украину весьма конкретные обязательства, но не содержал никаких обязательств США по обеспечению ее безопасности. Хотя сама идея соглашения о полезных ископаемых первоначально исходила от Зеленского и являлась частью недавно представленного им «Плана победы Украины», условия Бессента его потрясли.

Зеленский объяснил, что руководит страной в особенно тяжелый и кровавый момент трехлетней войны и ему с сотрудниками необходимо больше времени, чтобы изучить предложение. Бессент видел ситуацию совершенно иначе. Он проделал почти пять тысяч миль и прилетел в действующую зону боевых действий специально для того, чтобы получить подпись Зеленского. А теперь Зеленский отказывался подписывать.

— Вы должны это подписать, — настаивал Бессент. — Смысл документа в том, чтобы показать: между США и Украиной нет никаких разногласий.

Разъяренный Зеленский ответил, что документ представляет собой посягательство на суверенитет Украины. Так международные соглашения не заключают. Это просто вымогательство. Он заявил Бессенту, что в предложенном виде договор не может исполняться в соответствии с украинским законодательством.

Сорок пять минут они жестко спорили друг с другом. Бессент находился в должности всего несколько дней, а уже умудрился вступить в крикливую перепалку с руководителем страны, находящейся в состоянии войны. Наконец он посмотрел на Зеленского и сказал: — И какого черта вы вообще хотите делать? За дверью пятьдесят журналистов. Думаю, ни вам, ни нам не хочется сейчас выходить туда и устраивать публичный взрыв. Так что мы скажем прессе?

Пытаясь выиграть время, Зеленский дал понять — по крайней мере Бессент именно так его понял, — что готов подписать соглашение в Мюнхене. Тем временем команды обеих сторон договорились продолжить обсуждение условий.

До Мюнхенской конференции по безопасности оставалось всего два дня. Но и этого времени Зеленскому оказалось недостаточно. В Мюнхене он встретился с представителями администрации Трампа, чтобы обсудить состояние отношений между Вашингтоном и Киевом, и вновь повторил: в обмен на соглашение о полезных ископаемых Соединенные Штаты должны предоставить Украине гарантии безопасности.

Кит Келлог, имевший официальный титул, но не имевший ясно определенных обязанностей, тоже находился в Мюнхене и пытался собирать любую информацию по вопросу, который вообще-то должен был входить в его сферу ответственности. В частных разговорах Келлог считал членство Украины в НАТО нереалистичным вариантом. Однако европейским партнерам он намекал, что этот вариант пока не исключен. Услышав о встрече Бессента с Зеленским, Келлог пришел в ужас. Позднее он говорил знакомым, что вся конфронтация была плохо задумана и совершенно не подготовлена. Но мнение человека, которое имело наибольшее значение, было совсем иным.

Трамп хотел, чтобы Бессент давил на Зеленского. И давил изо всех сил. После этого отношения Вашингтона и Киева продолжили стремительно ухудшаться. Точнее — продолжали стремительно разрушаться отношения Дональда Трампа с Украиной.

17 и 18 февраля в Эр-Рияде, Саудовская Аравия, прошли переговоры, заявленной целью которых было прекращение российско-украинской войны. Украину на них не пригласили. Вместо этого МБС принимал российскую сторону и американскую делегацию во главе с Рубио. Министр иностранных дел России Сергей Лавров настаивал на подробном разборе старых претензий и «коренных причин» конфликта. Рубио и Уолтц, напротив, пытались запустить перезагрузку отношений. Их послание россиянам было предельно простым: прошлое осталось в прошлом. Мы можем построить гораздо лучшие двусторонние отношения. У этих отношений огромный потенциал — если только нам удастся остановить войну.

Что вам важнее: еще двадцать километров украинской территории — или хорошие отношения с Соединенными Штатами? Когда Зеленский выразил обеспокоенность тем, что Украину исключили из переговоров, сказав: — Мы не хотим, чтобы кто-либо принимал решения у нас за спиной, Трамп обрушился на него с критикой. Он назвал Зеленского «диктатором» и заявил, что именно украинцы виноваты в том, что война вообще началась.

Все было готово к грядущему публичному столкновению в Овальном кабинете.

Биби Нетаньяху прибыл не с пустыми руками.

Немногие регионы мира ставили перед новой администрацией столь сложные задачи, как Ближний Восток, и мало кто из мировых лидеров был для Трампа лично столь непростым партнером, как премьер-министр Израиля Биньямин Нетаньяху. В первый президентский срок они были близкими союзниками, но отношения испортились после того, как Нетаньяху совершил — в глазах Трампа — непростительную ошибку: поздравил Джо Байдена с победой на выборах 2020 года. Сам Нетаньяху к тому времени уже был разочарован администрацией Байдена и во время кампании 2024 года постарался восстановить отношения с Трампом, приехав к нему в Мар-а-Лаго.

Еще с 2021 года приближенные Трампа говорили Нетаньяху, что Трамп убежден — как выяснилось, ошибочно, — будто именно израильский премьер первым среди всех мировых лидеров поздравил Байдена. Трамп носил эту обиду в себе три года. Поэтому, когда в июле 2024 года Нетаньяху приехал к нему, чтобы окончательно уладить отношения, он привез список, показывавший, сколько иностранных лидеров успели поздравить Байдена раньше него. Именно такие детали Трамп обожал. После победы Трампа на выборах Нетаньяху стал добиваться его расположения с удвоенной энергией.

Как только были объявлены результаты выборов 2024 года, Нетаньяху разместил в социальных сетях настолько восторженное послание, что даже некоторые его ближайшие союзники поморщились. «Дорогие Дональд и Мелания Трамп, — написал он, — поздравляем с величайшим возвращением в истории! Ваше историческое возвращение в Белый дом знаменует новое начало для Америки и мощное подтверждение великого союза между Израилем и Америкой. Это грандиозная победа! С истинной дружбой — Биньямин и Сара Нетаньяху».

4 февраля 2025 года Нетаньяху стал первым главой государства, посетившим Трампа после начала его второго президентского срока. На этой встрече Трамп призвал его продлить перемирие, заключению которого содействовал Уиткофф, и довести до конца соглашение об освобождении всех израильских заложников, удерживаемых ХАМАС. Нетаньяху, в свою очередь, говорил с Трампом о необходимости разобраться «с иранской осью террора во всех ее составляющих», как выразился премьер-министр. Главной его целью было уничтожение иранских объектов по обогащению урана, и для этого ему требовалась помощь США. Нетаньяху подготовил в Овальном кабинете целую презентацию. Он подробно рассказывал об иранских ядерных объектах и предупреждал президента: если не действовать немедленно, Иран вскоре накопит достаточно высокообогащенного урана для создания бомбы.

Трамп был хорошо подготовлен к подобным доводам. Его поразила недавняя эффектная военная операция Израиля против одного из его главных врагов — поддерживаемой Ираном «Хезболлы». Эта операция вновь укрепила уверенность Трампа в возможностях израильской армии, а без такой уверенности убедить его вступить вместе с Нетаньяху в рискованную войну было бы невозможно.

Операция выглядела как сцена из шпионского фильма. 17 сентября, в половине четвертого дня, по всему Ливану одновременно взорвались тысячи пейджеров, которыми пользовались члены «Хезболлы». На следующий день начали взрываться ракеты. В результате погибли по меньшей мере 37 человек, в том числе дети, почти 3 тысячи получили ранения. Вскоре раскрылась и предыстория этой атаки: израильская разведка создала подставные компании, чтобы обманом заставить тайваньскую фирму продать «Хезболле» пейджеры и радиостанции, предварительно модифицированные израильскими. В аккумуляторы устройств спрятали взрывчатое вещество, дожидаясь подходящего момента для подрыва. Позднее бывший сотрудник «Моссада» рассказал CBS, что «Хезболла» купила устройства «по хорошей цене».

В память об успехе операции Нетаньяху привез Трампу подарок — позолоченный пейджер. Тем временем вопрос о том, что делать с иранской ядерной угрозой, уже вызывал разногласия среди советников президента. Майка Уолтца и Марко Рубио считали «ястребами» по отношению к Ирану. За

годы работы в Конгрессе оба не раз заявляли, что ядерная программа Ирана представляет серьезную и непосредственную угрозу и для Израиля, и для Соединенных Штатов. Уолтц предупреждал коллег: как только Иран испытает ядерное оружие, весь регион — Саудовская Аравия, ОАЭ, Турция — бросится создавать собственные ядерные арсеналы. По его словам, сама эта перспектива должна приводить в ужас каждого американца.

Сьюзи Уайлс и Джей Ди Вэнс, напротив, относились к израильскому давлению с глубоким недоверием. Оба опасались, что «ограниченное» военное вмешательство США в Иране легко перерастет в израильскую войну за смену режима.

После встречи, незадолго до того как оба лидера должны были выйти к журналистам, Трамп сообщил Нетаньяху, что намерен объявить свое предложение: после окончания войны Соединенные Штаты попросту возьмут сектор Газа под свой контроль.

Это стало сюрпризом. Никаких консультаций ни с Пентагоном, ни с Государственным департаментом — обычной отправной точкой для любой крупной внешнеполитической инициативы, тем более такого масштаба — не проводилось. Не создавались рабочие группы. Министерство обороны не рассчитывало, сколько военнослужащих потребуется, чтобы вывезти из Газы 2 миллиона палестинцев и расчистить руины. Не существовало ни оценки расходов, ни даже самого общего плана того, как все это должно осуществляться.

Трамп и раньше бросал эту идею в ходе закрытых разведывательных брифингов, когда сотрудник ЦРУ показывал ему фотографии разрушенной Газы. Но никто и представить не мог, что президент преподнесет ее публике как готовое предложение.

Незадолго до появления прессы он спросил сотрудников, которым предстояло объяснять миру эту сенсацию, — пресс-секретаря Кэролайн Ливитт, директора по коммуникациям Стивена Ченга и Уолтца, — что они об этом думают. Вопрос был задан таким тоном, что правильный ответ был очевиден: идея им должна понравиться.

— А что, если мы просто станем ее владельцами? — сказал Трамп. — Хорошая идея, правда? Просто заберем Газу себе.

Если когда-либо и существовала по-настоящему странная сделка с недвижимостью, то это была именно она. Еще осенью в одном радиоинтервью Трамп, говоря о 27 милях средиземноморского побережья Газы, утверждал, что там «лучшая вода, лучшее вообще всё», и добавлял: — Это место могло бы быть лучше Монако. Ошеломленные советники не знали, что ответить. Понадобятся ли для этого американские войска? И что вообще значит — «владеть» одной из самых густонаселенных и ожесточенно оспариваемых территорий на планете?

Первым заговорил Уолтц. — Господин президент, мы должны ясно дать понять, что, когда вы говорите, будто мы будем владеть Газой, вы не имеете в виду размещение там американских войск.

Уолтц, бывший спецназовец, обученный ведению боев в городской застройке, несколько недель вместе со Стивом Уиткоффом участвовал в переговорах с главным помощником Нетаньяху Роном Дермером о поставках боеприпасов для войны Израиля в Газе. Американцы спрашивали израильтян, зачем им требуется такое количество тяжелых артиллерийских и танковых боеприпасов из и без того истощенных запасов США. — Рон, вам же не обязательно палить артиллерийским залпом по каждому чертову снайперу в Газе, — пошутил Уолтц на одной из встреч, по словам присутствовавшего там сотрудника. Вероятно, лучше большинства людей в окружении Трампа он понимал, что на деле означало бы «владеть Газой».

Переполненный энтузиазмом Трамп повернулся к Ченгу: — Тебе ведь нравится эта идея?

После короткой паузы Ченг ответил: — Сильный ход.

Лидеры Иордании и Египта уже отвергли настойчивые публичные призывы Трампа принимать у себя жителей Газы. Насильственное переселение палестинцев означало бы этническую чистку исторического масштаба и противоречило бы международному праву. Но, встав перед телекамерами

рядом с явно довольным Нетаньяху, Трамп заявил, что, по его мнению, 2 миллиона жителей Газы с радостью покинут свою «непригодную для жизни» родину. Позднее, предположил он, они смогут вернуться, когда разрушенная войной территория превратится в «Ривьеру Ближнего Востока».

— Соединенные Штаты возьмут сектор Газа под свой контроль и займутся им, — объявил он. — Он будет наш, и мы возьмем на себя ответственность за обезвреживание всех опасных неразорвавшихся бомб и другого оружия. Снесем разрушенные здания. Всё разровняем.

— Откровенно безумно, — сказал позднее один высокопоставленный помощник. — Но совершенно в его стиле.

Как всё это сочеталось с внешней политикой «Америка прежде всего», оставалось загадкой. Сотрудники Белого дома сразу испугались, что импульсивность президента может сорвать перемирие — или привести к чему-то еще худшему.

После пресс-конференции Трамп повернулся к одному из помощников:

— Ну, что скажешь? — Что ж, сэр, — ответил тот, — думаю, завтра на Пенсильвания-авеню будут гореть машины.

Явно не такого ответа ожидал Трамп. Он замолчал, посмотрел в окно, а затем едва заметно улыбнулся.

На следующий день на Пенсильвания-авеню ни одна машина не загорелась. Возможно, идея была настолько очевидно фантастической, что вызвала скорее недоумение, чем ярость. И, как уже бывало в первый срок, когда Трамп следовал своим порывам, а самые страшные последствия не наступали, он воспринимал это как доказательство собственной правоты. Он был человеком недвижимости. Разрушенная войной земля у моря подсказывала ему простое решение. Детали он придумает по ходу дела.

II

Идея с Газой стала воплощением той импровизационной внешней политики Трампа, которой многие опасались.

Через два дня после визита Нетаньяху Трамп начал встречу с Илоном Маском и влиятельным подкастером, бывшим ведущим Fox News Такером Карлсоном с демонстрации подарка, привезенного ему израильским премьером. — Только кнопку не нажимай, — пошутил Трамп, доставая из стола золотой пейджер и протягивая его Маску. Маск был заморожен. Он внимательно разглядывал устройство и молча вертел его в пальцах, словно кубик Рубика.

После этого Трамп принялся рассказывать им жуткие истории о последствиях взрывов. Он видел фотографии, говорил президент. Искалеченные гениталии, оторванные кисти рук. Раны его ужасали, но одновременно завораживали; он вновь и вновь возвращался к увиденным сценам и подробностям. Один из пострадавших, рассказывал он, «выглядел так, словно на него напала огромная белая акула и просто вырвала кусок тела. Как после укуса акулы. Это было ужасно». Он говорил всё более возбужденно, повторяя:

— Ужасно, ужасно! Но было и другое, что захватило его внимание. Многие устройства взрывались в общественных местах, и невозможно было заранее знать, кто именно окажется рядом с пейджером в момент взрыва. Неизбирательный характер этих убийств и увечий потряс Трампа. Изобретательность операции восхищала его, но ее безрассудство вызывало недоверие. Он был одновременно зачарован и потрясен.

Пока Маск продолжал вертеть пейджер в руках, Карлсон перешел к теме, ради которой пришел. Он опасался, что Трампа могут уговорить начать войну с Ираном, особенно после лоббистского визита Нетаньяху, и собирался употребить всё свое влияние, чтобы этого не произошло. Отношения двух мужчин на протяжении многих лет были неровными. Трамп уважал звездный статус Карлсона, когда тот

вел самую рейтинговую программу Fox News, но между ними случались и серьезные трения. В переписке, ставшей публичной в ходе дела о клевете между Dominion Voting Systems и Fox News в связи с освещением конспирологических утверждений о выборах 2020 года, Карлсон писал, что «страстно ненавидит» Трампа, называл его «разрушителем» и «демонической силой». Говорили, что Трамп был задет, но вскоре они помирились, а Карлсон полностью поддержал его кампанию 2024 года и даже выступил в его защиту на съезде Республиканской партии. Трамп продолжал обращаться к Карлсону за советами, считая, что тот по-прежнему способен влиять на значительную часть его электората.

Ранее Карлсон критиковал Трампа за то, что тот не оказывает давления на Нетаньяху из-за бойни в Газе. Теперь он собирался прямо сказать президенту: более широкая война погубит его.

— Они хотят втянуть тебя в войну с Ираном, — сказал Карлсон.

— Мы этого не сделаем, — ответил Трамп.

— Отлично. Потому что единственное, что способно взорвать твою администрацию, — это война с Ираном. Твои избиратели больше не хотят войн. Ты именно на этом строил кампанию. Это одна из главных причин, почему за тебя голосовали в 2016 году. Именно это отличало тебя от остальных. Ты изменил Республиканскую партию. А теперь люди, которые не хотели этих перемен, пытаются заманить тебя в ловушку. Это ловушка, которую расставили твои враги. Эти люди тебя, блядь, ненавидят. И если ты туда влезешь, выбраться будет очень трудно. Это уничтожит твоё президентство. Уничтожит всё. Ты вообще ничего больше не сможешь сделать. Позже в ходе разговора Трамп сказал:

— Не думаю, что в истории был американский президент могущественнее меня. Пораженный такой самоуверенностью, Карлсон ответил:

— Пожалуй, со времен Франклина Рузвельта — нет. И действительно, единственное, что может всё разрушить, — это война с Ираном.

III

Однако мысли Трампа были заняты и другими вещами. Он собирался капитально переделать оформление Овального кабинета и части президентской резиденции и не намеревался останавливаться, пока не сотрет даже мельчайшие следы своих недавних предшественников.

После выборов сотрудникам Белого дома приказали вернуть и Овальный кабинет, и частные жилые помещения Первой семьи — так называемую «резиденцию» — в точности к тому виду, в котором они находились четыре года назад. В спальнях и некоторых общих помещениях сменили ковры: после Байденов и их собак на них осталось много шерсти и пятен. Все это проделали за несколько часов между отъездом одной Первой семьи и прибытием другой.

Но вскоре перед сотрудниками возникла более сложная задача. Как воссоздать пять посеребренных фигурок греческих богов, стоявших на каминной полке Овального кабинета в первую администрацию Трампа? Впервые президент увидел эти фигурки в американском посольстве в Париже во время визита 2018 года — вместе с некоторыми понравившимися ему произведениями искусства, включая портрет Бенджамина Франклина. Трамп тут же распорядился всё упаковать и отправить в Белый дом, где фигурки установили в Овальном кабинете. Позже выяснилось, что это копии XX века со скульптур XVI–XVII столетий. Но Трампа происхождение не волновало. Среди статуэток был, например, Посейдон с трезубцем. Они оставались на каминной полке до конца его срока. После ухода Трампа из Белого дома в 2021 году их вернули в посольство во Франции. Везти их снова через Атлантику показалось слишком хлопотно, поэтому сотрудники заменили фигурки посеребренными орлами.

Однако простого восстановления обстановки первого срока Трампу оказалось мало. Вскоре стало ясно, что он задумал гораздо более масштабное переформирование жилых и рабочих помещений. Он велел сотрудникам принести в Овальный кабинет разные предметы со второго этажа резиденции. Среди них был набор золотых этажерок — декоративных многоярусных ваз, на которых можно подавать к столу

макаруны или мелкие фрукты. Раньше Мелания Трамп использовала их для печенья и мадленок к чаю, когда принимала супругу приезжавшего главы государства. Вскоре этажерки перекочевали в Овальный кабинет и заняли место на каминной полке.

В первый президентский срок Трамп меньше занимался собственной спальней, а его личные комнаты нередко пребывали в хаосе. Ковер в спальне постоянно был завален банковскими коробками с документами. Сотрудники первого срока в частных разговорах называли их «коробками “Игры разума”» — саркастическая отсылка к фильму о гениальном математике Джоне Нэше, страдавшем шизофренией. Иногда коробки громоздились настолько высоко, что после их перестановки на ковре оставались вмятины. Президент любил перекусывать по ночам. В мусорной корзине или прямо на полу регулярно оставались пустые пакеты из-под картофельных чипсов, обертки от конфет Starburst и коробки из-под мороженого. Сотрудникам пришлось даже следить за мусором после того, как выяснилось, что Трамп иногда выбрасывает туда серебряные столовые приборы Белого дома.

Байдены почти ничего не изменили в декоре, оставшемся после семьи Трампа. Но во второй срок Трамп решил добавить своей спальне золота и других украшений. Уже в первые недели новой администрации предметы один за другим стали исчезать из коридора второго этажа и появляться в спальне президента. Иногда Трамп сам переносил вещи, по прихоти переставляя предметы в личных помещениях. Огромное зеркало в раме из сусального золота, которое Мелания во время первого срока сделала центральным элементом обновленной Спальни королев, перенесли в колоннаду Белого дома, где оно получило прозвище «зеркало для селфи».

Декораторская страсть президента породила такую бурную деятельность, что сотрудники нередко оказывались словно между двух Трампов. Дональд и Мелания были первой президентской парой со времен Ричарда и Пэт Никсон, которая регулярно пользовалась отдельными спальнями. (Говорили, что Билл и Хиллари Клинтон некоторое время также спали отдельно после того, как стала публичной его связь с Моникой Левински.) Трамп отдал жене главную спальню, известную в Белом доме как комната 219, вместе с гардеробной. Сам президент занял комнату 220, рядом с Желтым овальным залом. В первые недели после инаугурации Мелания редко бывала в Белом доме и поэтому не могла вмешиваться, когда по распоряжению мужа те или иные предметы исчезали в Овальном кабинете или его спальне. Однажды сотрудники осторожно напомнили президенту, что он забирает вещи из Центрального холла, которые лично подбирала его жена. Он ясно дал понять, что его это совершенно не волнует. Казалось, он даже соревновался с ней — хотел, чтобы его комната выглядела лучше. В конце концов сотрудникам пришлось фотографировать возможные замены и отправлять снимки миссис Трамп на утверждение.

Трамп, большой любитель телевидения, распорядился установить в личных комнатах три телевизора, как и в первый срок: два в спальне и один в ванной. В День инаугурации в ванной снова постелили новый ковер. Предпочтение Трампа иметь ванную целиком покрытую ковром доставляло сотрудникам резиденции немало хлопот еще во время первого срока. Участок возле душа регулярно промокал насквозь. Никто толком не понимал почему, но сотрудники боялись, что под ковром появится плесень. Решение нашли необычное: поверх основного ковра клали небольшой кусок того же самого коврового покрытия — именно ковра, а не обычный коврик для ванной. Таких кусков держали несколько и меняли их по очереди, просушивая намокшие.

Навязчивое увлечение президента дизайном интерьера дошло до такой степени, что сотрудники стали с нетерпением ждать возвращения первой леди, надеясь, что она хоть немного его сдержит. Особенно остро вопрос встал, когда Трамп переключился на Розовый сад. Сад, реконструированный еще при Кеннеди в 1962 году, был обновлен Меланией в первый президентский срок мужа. Она считала этот проект одним из главных своих достижений. Поэтому, когда в начале второго срока пошли разговоры, будто Трамп намерен превратить сад в подобие внутреннего дворика Мар-а-Лаго, от команды первой леди поступил недвусмысленный сигнал: она крайне недовольна. Компромисс нашли такой: траву замостить белым камнем, но сами розовые кусты оставить.

Однако вскоре миссис Трамп проиграла куда более серьезную борьбу — из-за проекта, которому предстояло стать одной из главных личных идей президента. В июле он объявил о строительстве бального зала Белого дома. Проект, словно губка, брошенная в стакан воды, продолжал разрастаться, и к началу 2026 года ожидалось, что сам зал окажется больше здания Белого дома. Кроме того, ради него предстояло снести всё Восточное крыло. Ранее Трамп утверждал, что новый бальный зал будет находиться «рядом» с Восточным крылом, «но не соприкасаться с ним». О сносе общественность узнала лишь после того, как появились фотографии строительной площадки, сделанные людьми из соседнего здания.

Несколько недель в начале 2025 года помощники Белого дома пытались примирить противоположные желания супругов относительно будущего комплекса. Миссис Трамп, предпочитавшая спокойную обстановку и не желавшая жить на стройке, неоднократно высказывала опасения по поводу размеров и расположения бального зала.

Сам по себе бальный зал не был плохой идеей. В прошлом президентам приходилось устраивать государственные обеды в шатрах на Южной лужайке и даже привозить для гостей переносные туалеты. Но дело было не только в ошеломляющих размерах задуманного Трампом здания. Под территорией Белого дома находились скрытые помещения, в том числе Президентский центр чрезвычайных операций. Он располагался под Восточным крылом. Именно там вице-президент Дик Чейни и высокопоставленные сотрудники администрации Буша координировали действия после терактов 11 сентября. Туда же самого Трампа отвели в конце мая 2020 года, когда протестующие прорвали заграждение вокруг здания Министерства финансов.

Несколько человек пытались убедить Трампа построить зал поменьше и разместить его там, где он не мешал бы работе особо важных объектов. Но Трамп стоял на своем: он хотел именно Восточное крыло. А если ради этого придется построить совершенно новый бункер на несколько этажей под землей — что ж, значит, так тому и быть.

Одним субботним утром, 22 февраля, сотни тысяч федеральных служащих получили электронное письмо от кадрового ведомства правительства — Управления кадровой службы. Именно это письмо стало началом конца эпохи Илона Маска. Ранее тем утром президент написал в Truth Social, что хочет, чтобы Маск «ДЕЙСТВОВАЛ ЕЩЕ АГРЕССИВНЕЕ».

Через три часа Маск ответил: «Будет сделано, господин президент!» Вскоре в почтовые ящики федеральных служащих пришло письмо с темой: **«Что вы сделали на прошлой неделе?»**

Для и без того измотанной государственной службы сообщение прозвучало жестко. Работникам федерального правительства предписывалось в течение 48 часов перечислить пять вещей, которые они сделали за предыдущую неделю. И делать это каждую неделю. Ответы требовалось отправлять не позднее 23:59 каждого понедельника. Если ответа не последует, написал Маск в X, это «будет расцениваться как заявление об увольнении». У автора письма, по крайней мере, хватило здравого смысла предупредить сотрудников: никакой секретной информации присылать не следует.

Высшее руководство Белого дома ничего не знало о том, что затеял Маск. Новость о письме быстро дошла до Сьюзи Уайлс, и она пришла в ярость. Несколько раз она пыталась дозвониться до Маска — безуспешно. Тогда она позвонила жене Стивена Миллера, Кэти, которая была одной из ключевых помощниц Маска. Миллер передала Уайлс, что руководителю аппарата необходимо поговорить с Маском.

К тому времени начали звонить раздраженные и возмущенные министры. Массовая рассылка по всему государственному аппарату была совершенно бессмысленной, говорила Уайлс одному из своих знакомых. Не все федеральные служащие плохие, добавляла она.

Маск к тому времени уже начал атаковать и самих членов кабинета. Президент и несколько его сотрудников, включая Уайлс и Маска, летели на борту Air Force One из Флориды, когда глава президентской кадровой службы Серджио Гор поспешил к Уайлс. Он сказал ей, что лучше немедленно пройти в переднюю часть самолета: Маск там разносит Рубио, а Трамп его слушает. По мнению Маска, Рубио недостаточно решительно разрушал USAID.

Столкновение на борту Air Force One оказалось лишь репетицией того, что последовало дальше.

II

Тем временем соглашение по украинским полезным ископаемым также вызывало серьезные внутренние разногласия в администрации, сопровождавшиеся соперничеством и взаимными нападками в самом ее руководстве. Говард Лютник заявил президенту, что Скотт Бессент «запорол» соглашение. По словам Лютника, Бессент мало того что не сумел заставить Зеленского подписать документ во время поездки в Киев, но еще и испортил сами условия сделки. Лютник попросил у Трампа разрешения всё исправить, и президент дал согласие.

До первого официального визита Зеленского в Белый дом оставалось меньше недели, когда Лютник представил Трампу свой заново согласованный вариант сделки. — Я ее для вас спас, — сказал он президенту. — Сделал обязательной и зафиксировал сумму в 500 миллиардов. Намного лучше того, что сделал Бессент.

— Отлично, — ответил Трамп.

Позднее в тот же день на совещании высших должностных лиц в Ситуационной комнате Лютник сел напротив Бессента и подвинул к нему свой вариант соглашения. Давняя взаимная неприязнь между ними усугублялась тем, что изначально Лютник метил именно на должность Бессента, но в итоге был вынужден довольствоваться постом министра торговли.

Бессент взглянул на предложение Лютника. — Это дерьмовая сделка. Ты идиот, — сказал он. — Не знаю, кто тебе внушил, будто мой вариант не был обязательным к исполнению, но он был. А украинцы так радуются твоей версии потому, что ты ограничил ее 500 миллиардами, тогда как мы могли заработать на ней от одного до двух триллионов. Еще бы они не хотели ее подписывать.

— Ну, мне сказали именно так, — ответил Лютник, неожиданно сдав назад. — Я пытался спасти сделку. Но если это неправда, тогда мы так делать не будем.

Еще одно принципиальное отличие двух проектов заключалось в том, что Бессент договорился о проценте от выручки, тогда как Лютник — о проценте от прибыли. По версии Бессента, Соединенные Штаты получали бы 50 процентов именно выручки, а не прибыли. Лютник рассказывал другим, что предложение Бессента абсурдно и украинцы никогда не смогут его выполнить, потому что оно финансово их задушит. По его словам, Бессент просто не понимал, как заключаются сделки.

Бессент оценивал способности Лютника еще ниже. — Вы знаете, как летит самолет? — спрашивал он знакомых в частных разговорах. — У крыла есть определенная аэродинамика, и оно постоянно проходит через серию незаметных для нас срывов потока. Срыв — восстановление, срыв — восстановление. Вот и Говард живет от одного пятнадцатиминутного отрезка до другого. Он все время движется так, словно главное — просто протянуть следующие 15 минут и не дать самолету сорваться. И добавлял: — Помните об этом, когда имеете с ним дело.

Оба были готовы к столкновению. Если за Лютником закреплялась репутация министра торговли, который предпочел бы быть министром финансов, редко появляется в Министерстве торговли, зато постоянно сидит в Овальном кабинете и выступает по кабельному телевидению, то Бессент постепенно становился известен как своего рода кабинетный драчун. На Уолл-стрит он сделал карьеру человека интеллектуального, сдержанного, застегнутого на все пуговицы. Поэтому многие удивлялись тому, насколько быстро и агрессивно он мог перейти в наступление.

Бессент тут же вернулся к президенту. — Говард испортил сделку. У меня не было верхнего предела, и мы получали выручку, а не прибыль.

— Правда? — спросил Трамп. — Украинцы на это согласились?

— Да.

После этого Трамп начал издеваться над Лютником, иногда прямо при других, явно получая удовольствие. Однажды он повернулся к Бессенту: — Скотт, ты откуда?

— Из Южной Каролины.

— Значит, — сказал Трамп, — WASP из Южной Каролины. Затем повернулся к Лютнику: — А я-то думал, вы, нью-йоркские евреи, должны быть крепкими ребятами, Говард.

III

Встреча Трампа и Зеленского в Овальном кабинете 28 февраля начиналась вполне дружелюбно. Президент США хвалил президента Украины и соглашение, которое они собирались подписать. Но, когда защелкали камеры и журналисты начали задавать вопросы, Трамп ушел от прямого ответа по поводу конкретных гарантий безопасности Украине.

— Не думаю, что вам вообще понадобится много гарантий, — сказал он. — Когда эта сделка будет заключена, всё закончится.

Зеленский покачал головой.

Обычно к моменту подписания подобных соглашений вся подготовительная работа уже завершена: разногласия устранены, детали согласованы, формулировки выверены. Остается лишь церемония, на которой документ представляют миру. Но здесь было очевидно: множество вопросов по-прежнему не решено. Во время переговоров украинцы просили продолжить американскую помощь примерно в тех же объемах, что и в предыдущие три года при Байдене. Они требовали твердых гарантий безопасности. Если членство в НАТО невозможно — возможно, следовало создать новый альянс, который фактически был бы НАТО во всем, кроме названия, — нечто похожее на предложение Кита Келлога, выдвинутое еще в январе. Украинцы также хотели обязательства США не признавать территории, находящиеся под российским контролем. Ничего из этого они не получили. Трамп попросил супругу Джей Ди Вэнса, Ушу, которая также окончила юридический факультет Йеля, просмотреть украинские правки к соглашению о полезных ископаемых.

Она объявила документ «ужасным» и основательно прошлась по нему карандашом. В Овальном кабинете Трамп называл соглашение «справедливым», но Зеленский сомневался не только в его справедливости. Его тревожило, намерена ли Америка вообще выполнить то, что он считал ее частью сделки. Несмотря на всю торжественность обстановки, Зеленский не мог скрыть ни этих опасений, ни ярости в отношении человека, вторгшегося в его страну и убивавшего его народ.

— Он убийца и террорист. Но я надеюсь, что вместе мы сможем его остановить, — сказал он о Путине. — Он нас ненавидит. Он хочет нас уничтожить. Соглашение по полезным ископаемым, добавил Зеленский, — «очень хорошее начало», но «этого недостаточно, чтобы остановить этого человека».

Пока Зеленский перед камерами громил Путина, Трамп в ответ громил Байдена. — Соединенные Штаты не должны были допустить, чтобы это произошло, — заявил он. Байден, по его словам, вообще «понятия не имел, что, черт возьми, делает». Трамп снова заговорил о своей недавней победе на выборах, ненадолго отклонился в сторону, перечисляя «красные» штаты на карте голосования, а затем заявил, что, если бы его не переизбрали, жестокая война на Украине вполне могла перерасти в Третью мировую.

Эта импровизированная пресс-конференция в Овальном кабинете — комнате, видевшей такие моменты истории, как совместная пресс-конференция президента Франклина Рузвельта и Уинстона Черчилля после Перл-Харбора в 1941 году, — продолжалась мучительные 49 минут. Чем дольше говорили оба лидера, тем громче становились их голоса и тем быстрее ситуация выходила из-под контроля.

Некоторые помощники Трампа заранее боялись именно такого развития событий. Майк Уолтц безуспешно пытался донести до Зеленского, что в Белый дом лучше приехать в костюме. Бессент настоятельно советовал Трампу вообще не впускать Зеленского в Белый дом, пока тот заранее не подпишет соглашение о полезных ископаемых. — Я уже имел дело с этим маленьким засранцем, — говорил Бессент знакомым о Зеленском. — Он скользкий. Он как ребенок с особыми потребностями, которого Европа взяла под опеку. И ведет себя как мистер Бин под кокаином.

По мере того как встреча разваливалась, наружу выходили подлинные чувства всех участников: экзистенциальное недоверие Зеленского, презрение и нетерпение Трампа. Все больше происходящее напоминало встречу противников. Присутствующие заметили, что лицо Вэнса постепенно краснеет. За первые пять недель своего вице-президентства Вэнс в основном старался держаться в тени. Он планировал выбирать подходящие моменты и постепенно формировать собственный политический голос.

Он понимал: следующие четыре года для него сводятся к одному — получить благословение Трампа как его преемника. Если для Трампа «Америка прежде всего» была скорее лозунгом, чем стройной философией управления, то для Вэнса она являлась мировоззрением, которое он разделял безоговорочно. Это мировоззрение предполагало полный пересмотр обязательств Америки, особенно в Европе.

И потому настойчивые требования Зеленского предоставить американские гарантии безопасности, звучавшие прямо перед камерами из Овального кабинета, всё сильнее казались Вэнсу дерзостью и

неблагодарностью. Вице-президент вообще не собирался выступать в тот день. Но Зеленский не уступал, и Вэнс потерял самообладание. Никакому перемирию с Путиным доверять нельзя, настаивал Зеленский. Единственное, что способно сдерживать российского диктатора, — это американские гарантии безопасности.

Когда польский журналист вмешался в спор и сказал Трампу, что поляки обеспокоены его чрезмерной близостью к Путину, Вэнсу надоело молчать. — Я отвечу на это, — сказал вице-президент. — Смотрите. Четыре года Соединенными Штатами руководил президент, который выходил на пресс-конференции, говорил жесткие слова о Владимире Путине — а потом Путин вторгся на Украину и разрушил значительную часть страны. Путь к миру и процветанию, возможно, лежит через дипломатию. Мы уже попробовали путь Джо Байдена: били себя в грудь и делали вид, будто слова президента Соединенных Штатов значат больше, чем его действия. Сила Америки как хорошей страны заключается в том, что Америка занимается дипломатией. Именно этим и занимается президент Трамп.

Зеленский, переживший десятилетие перемирий и других договоренностей, которые Путин без труда нарушал, спросил: — О какой дипломатии, Джей Ди, вы говорите? Что вы имеете в виду?

— Я говорю о дипломатии, которая прекратит разрушение вашей страны, — ответил Вэнс. — Господин президент, при всем уважении, я считаю неуважением с вашей стороны прийти в Овальный кабинет и пытаться выяснять всё это перед американскими СМИ. Сейчас вы вынуждены хватать людей и отправлять призывников на фронт, потому что у вас проблемы с живой силой. Вам следовало бы благодарить президента за попытку положить конец этому конфликту.

— Вы хоть раз были на Украине, если говорите, какие у нас проблемы? — спросил Зеленский. — Приезжайте хотя бы один раз.

— Вообще-то я смотрю и читаю репортажи, — ответил Вэнс. — И вы считаете уважительным прийти в Овальный кабинет Соединенных Штатов Америки и нападать на администрацию, которая пытается не допустить уничтожения вашей страны?

— Во время войны проблемы есть у всех. Даже у вас, — сказал Зеленский. — Но у вас красивый океан, и сейчас вы этого не чувствуете. Но почувствуете в будущем.

До этого Трамп молча наблюдал за спором, но после этих слов взорвался. — Вы этого не знаете, — сказал он.

— Дай Бог, — ответил Зеленский, — чтобы у вас не было войны.

— Не вам говорить нам, что мы почувствуем, — повысил голос Трамп, и оба лидера начали перебивать друг друга. — Мы пытаемся решить проблему. Не говорите нам, что мы будем чувствовать, потому что вы не в том положении, чтобы нам это диктовать. Вы не в том положении, чтобы диктовать, что мы будем чувствовать. Мы будем чувствовать себя очень хорошо. Очень хорошо и очень уверенно. А вот вы сейчас находитесь далеко не в хорошем положении.

Трамп продолжил: — Сейчас у вас нет карт на руках. С нами карты у вас появляются...

— Я не играю в карты... — ответил Зеленский, который говорил без переводчика и явно с трудом успевал за стремительным обменом репликами.

— Играете, — сказал Трамп. — Вы играете жизнями миллионов людей.

— Я президент страны, которая воюет...

— Вы играете с Третьей мировой войной, — перебил его Трамп. — Вы играете с Третьей мировой войной. И то, что вы делаете, — это крайнее неуважение к этой стране, к стране, которая поддержала вас гораздо сильнее, чем, по мнению многих, вообще следовало.

— Вы хоть раз за всю эту встречу сказали «спасибо»? — вставил Вэнс, словно поворачивая нож в ране.

— Много раз, — ответил Зеленский.

Трамп уже не скрывал гнева. — При таком отношении вести дела будет очень трудно, — предупредил он.

Но если Вэнс уже дважды призывал Зеленского не «выяснять отношения перед американскими СМИ», то Трамп, напротив, наслаждался столкновением. Заканчивая встречу, он заметил, что только что разыгравшаяся драматическая сцена станет «отличным телевидением». После этого началась своего рода суматоха. Прессу попросили выйти.

Украинская делегация покинула Овальный кабинет и собралась через коридор, в комнате Рузвельта, чтобы решить, что делать дальше. Президент, вице-президент и члены кабинета также собрались вместе и сошлись в одном: никакого подписания не будет, сделки не будет. В Овальном кабинете Трамп сказал ближайшим помощникам: — Не думаю, что этот парень вообще хочет мира. Пусть уезжает. Украинцы отчаянно пытались спасти встречу. Предлагали продолжить переговоры. Спрашивали, нельзя ли всё-таки подписать соглашение. Но момент был упущен. Позднее среди членов кабинета Трампа говорили о растущем подозрении, что Зеленский ведет себя нерационально.

Однако, судя по отчаянной реакции европейских союзников Америки, многие считали поведение Зеленского вполне рациональным. Европейские послы переписывались и созванивались друг с другом. Многие называли произошедшее «поворотным моментом», окончательно закрепившим глубокую утрату доверия к Америке. «Всё кончено. Мы остались одни», — написал один высокопоставленный европейский чиновник другому.

Почти через час после скандала в Овальном кабинете Рубио и Уолтц перешли через коридор и сообщили Зеленскому и его делегации, что запланированного обеда не будет. Посол Украины Оксана Маркарова выглядела подавленной. А Трамп считал, что всё прошло великолепно.

— Лучше, — сказал он позднее одному из советников, — чем *The Apprentice*. За пределами Белого дома сцена тоже пользовалась успехом.

Ликующий Дон-младший заявил одному знакомому, что разгром Зеленского силами Вэнса и Трампа — «возможно, лучшее, что вообще когда-либо происходило в Овальном кабинете». Москва также наслаждалась скандалом.

Министр иностранных дел России Сергей Лавров похвалил «здравый смысл» Трампа. Пресс-секретарь Кремля Дмитрий Песков заявил, что «стремительно меняющаяся» внешняя политика Америки «во многом совпадает с нашим видением». А заместитель председателя Совета безопасности России Дмитрий Медведев написал, что «наглая свинья наконец получила хорошую пощечину в Овальном кабинете». Это не было заранее подготовленной ловушкой.

Не было засадой. Но взаимная неприязнь Трампа и Зеленского всё равно вырвалась наружу — на глазах у всего мира. Президента Украины, чья страна продолжала вести тяжелую войну, выставили неблагодарным, унизили и фактически выставили за дверь. А в новом, сугубо транзакционном мире Трампа Белый дом это вполне устраивало.

Однажды утром пресс-секретарь Кэролайн Ливитт вошла в Овальный кабинет и обнаружила Дональда Трампа с тубиком суперклея в руке. Президент собственноручно пытался приклеить золотые украшения к мраморной каминной полке. Поскольку всем в его ближайшем окружении было известно, что Трамп предпочитает собственные дизайнерские решения работе профессионалов, вид президента, выдавливающего клей на позолоченные накладки и самостоятельно крепящего их к стене, никого особенно не удивил.

Первая жена Трампа, Ивана, занимавшая в его компании должность вице-президента по дизайну интерьеров, питала страсть к позолоте. Говорили, именно она впервые подтолкнула мужа к увлечению золотом, которое вскоре стало визитной карточкой его объектов недвижимости. Золото воплощало показную роскошь, ставшую частью бренда Трампа, и он наслаждался его блеском. На его знаменитом нью-йоркском здании красовалась надпись **TRUMP TOWER** золотыми буквами; двери лифтов и эскалаторы отливали золотом; стены спальни в его частном самолете были обиты золотым шелком; для обложки *Esquire* он позировал увешанный драгоценностями; а позже стал продавать даже золотые кроссовки.

Овальный кабинет традиционно оформлялся подчеркнуто сдержанно — как напоминание о том, что Соединенные Штаты являются республикой, а не монархией, и кабинет президента — не королевский дворец. В первый срок Трамп в целом придерживался этой традиции. Во второй — выпустил наружу своего внутреннего Людовика XIV. Каждый президент так или иначе оставлял на Белом доме собственный отпечаток.

В 1909 году Уильям Говард Тафт оформил тогдашнее расширение Овального кабинета Западного крыла в оливково-зеленых тонах. Некоторые критики того времени решили, будто зелень Тафта была данью природной красоте Америки. На самом деле Тафту просто нравился зеленый цвет. Трампу, соответственно, нравилось золото. Золотые урны и кубки заменили на каминной полке пышный зеленый шведский плющ, десятилетиями украшавший Овальный кабинет. Шли месяцы, а Трамп продолжал набивать каминную полку всё новыми золотыми предметами. Когда он спрашивал сотрудников президентской резиденции, что они думают о сверкающей экспозиции, большинство отвечало весьма сдержанно. Зато его безгранично преданная помощница Натали Харп неизменно приходила в восторг.

Над дверями порхали золотые херувимы. Комнату опоясывала золотая лепнина. Из углубления в потолке, словно с небес, сияла золотая президентская печать. Позолоченные накладки покрывали камин и стены, соседствуя с богато украшенными картинами в золотых рамах из огромных федеральных художественных собраний. Старинные золотые урны, извлеченные из коллекции Белого дома, Трамп называл «наличкой». Он любил говорить людям: — Видите эту наличку? Люди смотрят на нее и видят только деньги.

II

Однако привязанность Трампа к золоту была не только эстетической.

Во время предвыборной кампании предыдущего года он нередко ссылаясь на свой экономический идеал — тарифную политику Позолоченного века, периода от окончания Гражданской войны до рубежа XX века, когда Америка стремительно богатела. Именно эту эпоху он собирался взять за образец национального процветания. — Как говорил великий, но сильно недооцененный президент Уильям Мак-Кинли, — заявил Трамп 5 сентября 2024 года в речи перед Экономическим клубом Нью-Йорка, — протекционистская тарифная политика республиканцев сделала — и продолжает делать — жизнь наших сограждан слаще и светлее. Сам термин «Позолоченный век» Марк Твен придумал как сатиру.

Это была эпоха бурной индустриализации, огромных состояний у немногих, массовой бедности и повальной политической коррупции — всё это скрывалось под тончайшим слоем позолоты. Но для Трампа золото было просто золотом. Он продолжал считать Мак-Кинли своим главным экономическим ориентиром. «Я — человек тарифов, стоящий на тарифной платформе», — заявил Мак-Кинли во время президентской кампании 1896 года. Теперь и Трамп объявлял себя «человеком тарифов». У Мак-Кинли были для этого серьезные основания. В 1890 году, будучи председателем Комитета Палаты представителей по путям и средствам, он добился принятия закона, вошедшего в историю как «тариф Мак-Кинли». Его целью было сделать иностранный импорт дороже и помочь развитию молодых американских отраслей промышленности. Закон установил среднюю импортную пошлину почти в 50 процентов. Это привело к росту потребительских цен, ответным тарифам со стороны других стран, ослаблению американской экономики и внесло свой вклад в панику 1893 года.

И всё же привлекательность тарифов — как торгового барьера, источника государственных доходов и, прежде всего, инструмента власти — оставалась для Дональда Трампа непреодолимой. Через 11 дней после возвращения в Белый дом, 31 января 2025 года, Трамп заявил: — Самыми богатыми мы были с 1870 по 1913 год. Тогда мы были страной тарифов. А потом они перешли к идее подоходного налога. Уже на следующий день он подписал три документа — указы № 14193, 14194 и 14195, — задействовав чрезвычайные полномочия в соответствии с Законом о международных чрезвычайных экономических полномочиях (IEEPA). Белый дом объявил, что из-за «чрезвычайной угрозы, исходящей от незаконных мигрантов и наркотиков, включая смертоносный фентанил», Трамп вводит тарифы на импорт из трех крупнейших торговых партнеров Америки: 25 процентов для Канады и Мексики и дополнительные 10 процентов на товары из Китая. Это был первый залп глобальной торговой войны, которую Трамп развернет весной.

Первые тарифы были объявлены быстрее, чем хотелось некоторым из самых высокопоставленных советников президента. В Министерстве торговли практически не проводилось никакой серьезной аналитической работы, и мало кто понимал, чего именно Трамп пытается добиться. Люди за пределами его ближайшего круга могли лишь гадать о намерениях президента. Через северную границу не поступало сколько-нибудь значительного объема ни фентанила, ни нелегальных мигрантов. Мексика, в свою очередь, сотрудничала с Трампом в вопросе пресечения незаконного пересечения границы. Недавно избранный президент Клаудия Шейнбаум направила тысячи военнослужащих к мексиканским границам, чтобы лучше контролировать миграционные потоки. На встрече в Овальном кабинете 31 января, за день до подписания указов, Стивен Миллер выступил против 25-процентного тарифа на Мексику. — Они сделали всё, чего мы от них требовали в вопросах иммиграции, — сказал он президенту. Миллер не возражал против тарифов на Мексику как части общего глобального тарифного режима. Но наказывать именно Мексику еще до того, как будет выработана общая стратегия, казалось ему бессмысленным.

Марко Рубио согласился. Скотт Бессент предложил отложить введение пошлин до 1 марта, чтобы Министерство финансов успело проанализировать возможные последствия для экономики США и мира. Однако Трамп эти возражения отверг — тарифы должны были вступить в силу немедленно. Насколько импровизированным был весь этот план, стало особенно ясно в один момент совещания, когда Трамп внезапно понял, что забыл включить Китай. — А где они? — спросил он. И тут же, не раздумывая, добавил: — Давайте им десять. Представление Трампа о мировой экономике и месте Америки в ней словно застыло в янтаре его молодости и почти не изменилось несмотря на колоссальные преобразования последующих десятилетий.

В его понимании Америка должна была оставаться тем же промышленным гигантом, каким была когда-то: потреблять прежде всего то, что производила сама, и диктовать условия всему остальному миру. Падение «железного занавеса» открыло третью волну глобализации. Производство массово переносилось за границу, возникали сложнейшие цепочки поставок, объединявшие мировую экономику

в невиданной ранее степени. Американская экономика изменилась едва ли не на молекулярном уровне. Она больше не основывалась прежде всего на промышленности и тяжелом производстве. На первый план вышли услуги, информация и технологии, а финансовый сектор занимал всё большую долю экономики. Множество заводов ушло в Китай. Вместе с ними ушли и рабочие места.

Людям, потерявшим работу, и городам, которые глобализация оставила почти ни с чем, обе партии в Вашингтоне много рассказывали о переобучении и «профессиях будущего», но делали для этого сравнительно мало. США по-прежнему оставались крупнейшей экономикой мира, но страна всё больше потребляла и всё меньше производила. Именно здесь сходились две ключевые черты Трампа: источник его привлекательности для рабочего класса и его застывшее во времени представление о том, какую экономическую роль Америка должна играть в мире. Он обещал «вернуть» ушедшие рабочие места. С восторгом говорил о возрождении отраслей прошлого, вроде угольной промышленности. Обещал громкое возвращение американской производственной мощи.

Именно поэтому, среди прочего, он так любил тарифы. Теперь Трамп обещал ни много ни мало заново индустриализировать Соединенные Штаты, вынуждая иностранные компании и американские фирмы, перенесшие производство за границу, либо возвращать предприятия в США, либо платить огромные пошлины за свои товары. Свободная торговля давно стала одним из ключевых принципов американского консерватизма. Во время первого срока Трампа те, кого он называл «глобалистами», надеялись, что его протекционизм — лишь временная причуда. Но ко второму его приходу к власти сопротивление тарифам рухнуло — вместе почти со всяким другим сопротивлением внутри Республиканской партии. Оставшиеся в партии сторонники свободной торговли предпочитали помалкивать.

Перемены столь огромного масштаба обычно требуют куда более серьезной подготовки, чем расчеты на обороте конверта. Однако первые выстрелы новой торговой войны Трампа были направлены против ближайших друзей и соседей Америки. Даже некоторых членов его собственной команды это откровенно тревожило. Рынки лихорадило. *The Wall Street Journal* обрушилась на политику президента с уничтожающей критикой. Bloomberg News назвал тарифы Трампа «самым масштабным актом протекционизма, предпринятым президентом США почти за сто лет», имея в виду тариф Смута—Хоули 1930 года — историческое предупреждение для всех сторонников торговых барьеров. А в самом Белом доме, как шутили, теперь осталось всего два типа людей: те, кто любит тарифы, и те, у кого больше не осталось сил с ними бороться.

III

Корпоративная Америка потратила целые состояния на консультантов, пытавшихся разгадать Трампа, и привычный совет — воспринимать его «серьезно, но не буквально» — возможно, уже потерял всякий смысл. И все же многие руководители продолжали надеяться, что тарифы для него — прежде всего средство давления. Трамп, убеждали они себя, вовсе не обожает тарифы как таковые. Ему нравится сила, которую дает сама угроза их введения.

В начале марта состоялся телефонный разговор Трампа с тремя крупнейшими фигурами американской автомобильной отрасли — председателем Stellantis Джоном Элканном, генеральным директором Ford Джимом Фарли и главой General Motors Мэри Баррой. Президент сообщил им неприятную новость. Автопроизводители, как и руководители многих других отраслей, пытались убедить Трампа, что 25-процентные пошлины на автомобили из Мексики и Канады разрушат цепочки поставок, на которых держится вся индустрия, и фактически парализуют производство. Согласие президента отсрочить введение пошлин на месяц принесло лишь небольшое облегчение.

Но теперь, сказал Трамп, всем пора пристегнуться. Полный тарифный режим вступит в силу 2 апреля — в день, который по мере приближения даты он все чаще называл «Днем освобождения». Пора было смириться и принять новые правила игры.

По словам Барры, Элканна и Фарли, тарифы на автомобили и комплектующие из Мексики и Канады обойдутся их компаниям в миллиарды долларов дополнительных расходов — и способны полностью уничтожить прибыль. «День освобождения» для General Motors, Ford и Stellantis — чьи бренды включали Chrysler, Dodge, Fiat, Jeep, Ram, Alfa Romeo и Maserati — вполне мог означать освобождение от самой прибыли. Трампа это не поколебало.

Выходило, что его убеждения последних сорока лет были вполне искренними: Америка позволяет иностранным государствам себя обирать, а универсальное лекарство от всех бед страны — тарифы. Но признать логику Трампа еще не означало решить те колоссальные проблемы, которые должны были вызвать пошлины. Можно ли было вообще чем-то его переубедить?

6 марта собственную попытку предприняла президент Мексики Клаудия Шейнбаум. Она сама позвонила Трампу и попросила отложить так называемые «фентаниловые тарифы» до 2 апреля, чтобы синхронизировать их с тарифной программой, которую Трамп готовил для всего остального мира. В переговорах с Трампом у Шейнбаум было одно неожиданное преимущество: ему нравился ее голос.

— У вас очень элегантный голос, — сказал Трамп президенту Мексики. Шейнбаум поблагодарила его и перешла к делу.

Проблема ее страны — а в сущности, всей Северной Америки — заключалась в том, что если пошлины на Мексику и Канаду введут на месяц раньше, чем тарифы против остальных стран, то товары, произведенные в рамках соглашения США–Мексика–Канада, окажутся в крайне невыгодном положении. Даже один месяц мог иметь серьезные последствия. То же самое Трампу уже объясняли три крупнейших автопроизводителя. Шейнбаум особо подчеркнула, насколько активно она помогала Трампу в вопросах миграции.

В конце концов он уступил и согласился на отсрочку. Когда разговор уже подходил к концу, Трамп передал трубку Говарду Лютнику. Но прежде чем окончательно отключиться, он громко заявил на заднем плане: — Но больше никаких исключений! Всё, больше никаких. Как только наступит 2 апреля — всё. Никаких исключений. Во время первого президентского срока Уолл-стрит одновременно служил Трампу и компасом, и ограничителем. Советники, выступавшие против тарифов, использовали тот факт, что любой спад на рынках заставлял президента отступать. В каком-то смысле рынок выполнял роль электрошокового ошейника, не позволяя Трампу зайти слишком далеко.

Теперь нельзя было рассчитывать даже на это. После введения новых тарифов против Китая, Мексики и Канады индекс Dow Jones потерял более 600 пунктов. Но ни резкое падение рынков после первых тарифов, ни негативные заголовки — то, что в первый срок заставило бы Трампа поспешно сдавать назад, — теперь, похоже, совершенно его не тревожили. Для Трампа все это словно больше не имело значения.

В преддверии выборов 2024 года новая экономическая команда Трампа посылала Уолл-стрит успокаивающие сигналы. В сентябре Лютник называл тарифы всего лишь «разменной монетой», которая в конечном итоге приведет к более свободной торговле. Бессент, тогда еще работавший в своем хедж-фонде, писал инвесторам: «Тарифный пистолет всегда будет заряжен и лежать на столе, но стрелять из него будут редко». Однако всего через шесть месяцев, по мере приближения «Дня освобождения», тем же советникам пришлось отступать от прежних слов и предупреждать иностранных чиновников и руководителей вроде Барры, Элканна и Фарли: президента уже не удастся удержать.

Тарифы могли быть чем угодно — средством торга, источником дохода, инструментом грубой силы. Но больше всего Трамп любил последнее. Тарифы были идеальным тупым оружием, которым можно было принуждать иностранных лидеров по вопросам, вообще не имевшим отношения ни к экономике, ни к национальной безопасности.

Разумеется, масштабные тарифы могли нанести и огромный ущерб. Именно это и пугало советников Трампа. И чем больше они узнавали о «Дне освобождения», тем сильнее становился их страх.

Девяносто девять исполнительных указов, подписанных Франклином Рузвельтом в первые сто дней президентства в 1933 году, почти целый век оставались рекордом — пока Дональд Трамп не начал свой второй срок. За первые сто дней он подписал рекордно малое количество законов — всего пять, зато выпустил более 140 исполнительных указов. Это был шквал односторонних решений, определивших философские очертания его президентства, претендовавших на отмену отдельных положений Конституции и расширявших президентскую власть до невиданных прежде масштабов. Как и Рузвельт, Трамп ссылался на чрезвычайные полномочия.

Но если Великая депрессия была бесспорной катастрофой, то чрезвычайные ситуации Трампа выглядели куда более спорными. Когда во время первого президентского срока коронавирус достиг Соединенных Штатов, Трамп и Стивен Миллер усвоили важный урок: чрезвычайное положение — в том случае вполне реальное — открывает доступ к огромному набору полномочий, которыми можно воспользоваться очень быстро. Опираясь на прежде малоизвестную федеральную норму, известную как **Раздел 42**, они смогли фактически закрыть границу во время пандемии. Теперь, во второй срок, Трамп и Миллер решили переосмыслить само понятие «чрезвычайной ситуации».

Помимо того, что некоторые высокопоставленные сотрудники называли чрезвычайной ситуацией из-за «фентаниловых тарифов», Трамп объявил национальное чрезвычайное положение в энергетике, сославшись на «недостаточное энергоснабжение». Это несмотря на то, что к его возвращению в Белый дом Соединенные Штаты были энергетически независимы, а добыча нефти внутри страны находилась на рекордном уровне. Он объявил чрезвычайной ситуацией торговый дефицит Америки, хотя США непрерывно имели торговый дефицит с 1976 года. Он также объявил чрезвычайной ситуацией на южной границе из-за «вторжения» нелегальных мигрантов. Если бы чрезвычайное положение на границе объявили в декабре 2023 года, когда кризис достиг пика на фоне слабого контроля со стороны администрации Байдена, вряд ли кто-то стал бы возражать. Но после того как в июне 2024 года Байден подписал указ, ужесточивший правила для просителей убежища, число незаконных пересечений границы сократилось на 77 процентов. Это не имело значения. Трамп собирался использовать самое широкое толкование чрезвычайных полномочий, чтобы отменить то, что считал злоупотреблениями и бездействием предыдущей администрации.

Одновременно президент начал наступление на американское гражданское общество. Он стал угрожать частным компаниям, использовавшим принципы разнообразия, равенства и инклюзивности — DEI — при найме сотрудников и формировании корпоративной культуры. Он подписал указ, в котором государственные практики DEI назывались «незаконной и аморальной дискриминацией». Он направил Министерство юстиции против своих врагов, которых называл «отбросами». И даже когда президент и вице-президент заявляли, что восстанавливают свободу слова, администрация одновременно предпринимала шаги по подавлению инакомыслия.

В марте 2025 года был арестован и помещен под стражу с намерением депортировать бывший студент Колумбийского университета Махмуд Халиль. «Пограничный царь» Трампа Том Хоман заявил: — У свободы слова есть пределы. Мы считаем его угрозой национальной безопасности. Халиль был законным постоянным жителем США и не имел судимостей. Годом ранее он участвовал в руководстве пропалестинскими студенческими протестами. Угроза, исходившая от него, заключалась в том, что он придерживался взглядов, которые правительство сочло опасными. В Truth Social Трамп написал, что задержание Халиля — это «первый арест из многих, которые еще последуют».

И действительно, вскоре по всей стране начали появляться вооруженные люди в масках — сотрудники Иммиграционной и таможенной полиции. Возникло новое явление. Ничего не подозревающих людей хватали прямо на тротуарах или во время остановок автомобилей и отправляли в федеральные центры содержания под стражей за сотни и тысячи километров. Иногда даже семьи и

адвокаты не знали, где находятся задержанные. Америка всегда проводила депортации. Но никогда — именно так. Это было превращено в зрелище, которое снимали на видео. И именно это было частью стратегии. Вирусные видео создавали вирусный страх — мощный сдерживающий фактор для мигрантов, которые могли задумываться о поездке в Соединенные Штаты.

II

В первый срок основное внимание уделялось физической защите границы, а не депортациям из внутренних районов страны. Некоторые обсуждения масштабных операций против семей мигрантов в городах демократических штатов велись, но после того как планы стали известны общественности, они вызвали широкий резонанс. Теперь все было иначе. Уже через два месяца после вступления Трампа в должность граница была практически закрыта, и главным приоритетом стало внутреннее иммиграционное правоприменение. Центральную роль получила Иммиграционная и таможенная полиция — ICE. Очень быстро у ведомства возник грозный образ: вооруженные люди в масках, внушающие страх. ICE начала ежедневно публиковать количество арестованных. Стивен Миллер оказывал на ведомство колоссальное давление: он требовал не снижать темпы массовых депортаций и выйти на показатель **3 000 арестов в день**.

Эта цифра появилась не случайно. Миллер и другие представители администрации исходили из круглой цели — миллион арестов в год. Это примерно и составляло 3 000 в день. Раньше средний ежедневный показатель был меньше трети от этого числа. Но Миллер нисколько не извинялся за давление.

Он напоминал чиновникам: президент избирался с обещанием провести крупнейшую депортационную операцию в истории, а они пока даже не приблизились к показателям времен Обамы. Миллера не интересовали долгие обсуждения. Ему нужны были реальные результаты. Том Хоман, работавший в ICE при Обаме и в первый срок Трампа, стал партнером Миллера по проведению депортационной политики. В интервью осенью 2025 года Хоман назвал Миллера «наверное, самым умным человеком, которого я когда-либо встречал».

— Он блестящий, — восторгался Хоман. — Я занимаюсь этим сорок лет, он — нет. Но он приходит с такими идеями и может наизусть воспроизвести столько положений иммиграционного законодательства, что некоторые из них даже я уже успел забыть. Я приношу за стол опыт, а он — огромное знание. Они встречались в Белом доме каждое буднее утро в десять часов, а по субботам общались по защищенной телефонной линии. Хоман вырос в небольшом городке на севере штата Нью-Йорк. Как его отец и дед, сначала он стал полицейским, а затем перешел в иммиграционную службу и много лет служил в форме на южной границе.

Позднее он перешел в ICE, где дослужился до исполняющего обязанности директора. Он был одним из архитекторов стратегии разлучения семей, предназначенной для того, чтобы отпугнуть мигрантов от пересечения границы, хотя полномасштабно эта практика была реализована уже в первую администрацию Трампа. Когда в 2025 году Хоман и Стивен Миллер вновь объединили силы, массовые депортации стали задачей всего правительства. Миллер формировал политику. Хоман воплощал ее в жизнь. Поначалу Миллер был доволен резким падением числа мигрантов на границе. Но очень быстро его начала приводить в ярость, как ему казалось, слишком медленная депортация. Во время телефонного совещания в конце февраля со всеми ведомствами, связанными с охраной границы, включая Министерство обороны, Министерство юстиции и Министерство внутренней безопасности, Миллер предупредил: те, кто не способен выполнить требования президента, вскоре останутся без работы.

После звонка один высокопоставленный чиновник сказал коллеге: — Стивен совсем сорвался. Он пригрозил уволить всех в ICE и DHS и сказал, что они двигаются недостаточно быстро. Он вот-вот сорвется на всех нас. Вспышки Миллера быстро стали легендой во всем правительстве.

Во время конференц-звонков он часто устраивал разносы сотрудникам Министерства внутренней безопасности. Особенно его раздражало, что разные ведомства применяли разные правила и стандарты к задержанию нелегальных мигрантов. Но эти звонки были не только упражнением в запугивании. Значительная часть времени уходила на решение конкретных оперативных проблем: где найти самолеты для перевозки депортируемых, как получить юридические заключения, необходимые ведомствам для действий, какого уровня чиновник должен давить на иностранное правительство, отказывающееся сотрудничать.

Работа была мелочной, утомительной и предельно конкретной. Миллер считал, что результат появляется лишь тогда, когда в ведомстве существует четкая и компетентная цепочка командования, способная превращать его указания в действия. Для Миллера подписание президентского указа было не завершением политического процесса, а только его началом. Главное — превращается ли распоряжение на бумаге в наручники на руках задержанного, в мигранта, посаженного в самолет, в разрушенную сеть контрабандистов. Именно эта одержимость практическим результатом заставляла его беспрестанно давить на участников межведомственных совещаний.

Но люди, на которых обрушивались эти атаки, описывали его поведение как зачастую неадекватное и неоправданно жестокое. И все же возможности Западного крыла влиять на происходящее издалика имели свои пределы. — Нам нужно сто тысяч мест, — постоянно говорил Хоман. Это было почти вдвое больше, чем имелось у ICE.

— И мы должны выйти на этот уровень. Я давно этим занимаюсь. Нам нужно сто тысяч мест, чтобы осуществить ту депортационную операцию, которую мы задумали. Хоман был убежден и в существовании более масштабного заговора. Изучив действия администрации Байдена на границе, он пришел к выводу, что Байден намеренно замедлял обработку дел мигрантов в надежде, что его сменит другой президент-демократ, после чего «внезапно объявят амнистию».

— Вот почему они теперь так злятся, — говорил Хоман. — Потому что мы проводим рекордное количество арестов. Мы ломаем их план.

Поначалу Хомана считали настолько незаменимым для иммиграционной политики администрации, что Трамп фактически отмахнулся от публикаций о том, что в 2024 году Хоман якобы получил 50 000 долларов — буквально сумку наличных — в обмен на обещание помочь определенным компаниям получить контракты при будущей администрации Трампа. Министерство юстиции при Байдене расследовало деятельность Хомана. Но Министерство юстиции Трампа быстро прекратило расследование, назвав его частью «использования правосудия как оружия» администрацией Байдена. Значительная часть власти Миллера основывалась на представлении о том, что именно он, больше любого другого сотрудника Белого дома, говорит от имени президента. Миллер сам активно поддерживал это впечатление и часто использовал его в своих интересах. Позже один коллега описывал, как Миллер временами появлялся посреди совещаний: — Он фактически заявляет, как, по его мнению, мыслит президент. И говорит: «Ну, я разговаривал с президентом» или «Я слышал, что президент говорил об этом вопросе вот так». Некоторые могли закатывать глаза. Но мало кто решался прямо спорить с Миллером.

Главный вопрос состоял в том, насколько его взгляды на иммиграцию действительно совпадали со взглядами Трампа. Трамп годами демагогически использовал тему миграции, но при этом оставался прирожденным шоуменом, чувствующавшим настроение аудитории. Если пресса становилась слишком негативной, он уже не раз отступал. Миллер был другим. Он был истинным убежденным сторонником жесткой линии — даже более жестким, чем президент, которому служил, — и не отступал. Трамп сам понимал эту разницу и иногда шутил о ней в частных разговорах. На одном совещании кампании 2024 года он заметил, что если бы все зависело от Миллера, в Соединенных Штатах осталось бы всего 100 миллионов человек — и все они выглядели бы как Стивен Миллер. Но бесконечное давление Миллера из Западного крыла упиралось в проблему, которую он не мог решить дистанционно.

Ведомство, отвечавшее за реализацию его планов, находилось в полном организационном хаосе. Бардак в Министерстве внутренней безопасности под руководством Кристи Нозм стал одним из главных источников раздражения Миллера. Он требовал расширять уже существовавшие центры содержания мигрантов вдоль границы — объекты, построенные еще при Байдене во время миграционного всплеска, уже подключенные к воде, электричеству и отоплению и расположенные рядом с пунктами пропуска и логистическими маршрутами. Но, как Миллер позднее рассказывал знакомым, он обнаружил, что DHS вместо этого приобрело склады Amazon и собиралось использовать их для содержания мигрантов. С ним никто не посоветовался. Логика решения он не понимал. Склады не были предназначены для проживания людей, требовали огромных затрат на переоборудование и пытались решать проблему, для которой уже существовала инфраструктура. Позднее Миллер говорил одному коллеге, что проследил это решение до союзника Нозм, назначенного на высокий пост в DHS. По мнению Миллера, этот человек вообще не должен был принимать настолько крупные оперативные решения.

Миллер рассказывал знакомым, что командная система внутри ICE фактически развалилась, а руководство не способно выполнять его указания. Нозм, по его мнению, усугубляла ситуацию своими публичными заявлениями. В самом начале она рекламировала кампанию массовых депортаций как охоту ICE за «худшими из худших» — закоренелыми преступниками, членами банд, самыми опасными нарушителями. На телевидении это звучало прекрасно. И администрация действительно задерживала опасных преступников. Но замысел Миллера был гораздо шире. Под удар должны были попасть и сотни тысяч других мигрантов. По мнению Миллера, формула «худшие из худших» загнала администрацию в ловушку. Теперь всякий раз, когда ICE арестовывала семью, не относившуюся к числу опасных преступников, Белому дому приходилось по нескольку дней объяснять, почему это произошло. Если бы Нозм с самого начала сумела ясно объяснить более широкий масштаб операции, говорил Миллер коллегам, общество лучше понимало бы происходящее.

Но, по его мнению, она просто недостаточно хорошо разбиралась в сути вопроса, чтобы вести такой разговор. Контраст между плохо организованными массовыми депортациями и успешным фактическим закрытием южной границы особенно выводил Миллера из себя. На границе межведомственная система работала именно так, как он хотел: почти всех прибывавших разворачивали обратно, а институт убежища был фактически остановлен. Но внутренняя работа DHS не демонстрировала такой же эффективности. Та же администрация, которая проводила военизированную операцию на границе, теперь сталкивалась с судебными исками из-за методов арестов людей, включая участников протестов. Со своего места в Западном крыле Миллер мог давать сколько угодно советов, вести ежедневные звонки, рассылать указания и делать предупреждения. Но реализовать все это можно было только внутри самого ведомства. А по мнению Миллера и других высокопоставленных сотрудников Белого дома, при Нозм ведомство было сломано.

III

Амбиции Миллера выходили далеко за пределы простой высылки мигрантов из страны. Пожалуй, нигде его новая власть не проявилась так отчетливо, как на встрече 19 марта с крупнейшими руководителями нефтегазовой отрасли США. Сам Трамп опоздал на полтора часа.

— Это моя любимая индустрия, — беззаботно сказал он, войдя в кабинет и занимая место за столом.

Если и существовала группа, ради которой Трамп был готов перевернуть небо и землю, то это были руководители, сидевшие в этой комнате. Chevron. ConocoPhillips.

ExxonMobil. С самого начала встречи обращение с компаниями, которым предстояло воплотить лозунг Трампа «**Бури, детка, бури**», было поразительно почтительным. Их желания воспринимались как распоряжения президента. Не существовало нормативного правила, которое Трамп не был бы готов отменить, и закона, который он не пожелал бы оспорить, если это помогало ускорить добычу углеводородов. Хотя Соединенные Штаты уже несколько лет были крупнейшим в мире производителем

сырой нефти и сжиженного природного газа, в день инаугурации Трамп объявил «энергетическое чрезвычайное положение». — У нас есть то, чего никогда не будет у других промышленных держав, — говорил он. — Самые большие запасы нефти и газа среди всех стран мира. И мы собираемся ими воспользоваться.

Администрация хотела воспользоваться ими немедленно. Особое значение придавалось проектам, способным дать измеримый результат уже во время второго срока, чтобы заслуги можно было приписать Трампу. Проект, требовавший шести лет, интересовал гораздо меньше. Никто не проповедовал это евангелие немедленного результата с таким усердием, как Стивен Миллер. Его совершенно не интересовали юридические и экологические ограничения, с которыми сталкивались крупнейшие нефтяные компании.

За столом подняли вопрос о законах **Climate Superfund**, недавно принятых в Нью-Йорке и Вермонте. Они должны были возложить на крупнейшие нефтегазовые компании финансовую ответственность за ущерб, связанный с изменением климата. Руководители отрасли рассматривали эти законы как наказание бизнеса за «климатические грехи» прошлых десятилетий. И никому в комнате это не нравилось.

— Это просто новый способ финансировать новые социальные программы в Нью-Йорке и Вермонте, — пожаловался один из руководителей. — Мы подали на них в суд сразу после принятия этих законов в прошлом году.

Пока он говорил, Миллер уже писал генеральному прокурору Пэм Бонди с просьбой подать иск против Вермонта и Нью-Йорка. — Уже занимаюсь, — сказал он присутствующим. Через шесть с лишним недель администрация действительно подала иски против обоих штатов, пытаясь заблокировать применение законов.

Генеральный директор ExxonMobil Даррен Вудс поднял вопрос о регулировании в Европейском союзе. Он хотел узнать, нельзя ли что-нибудь сделать с директивой **Corporate Sustainability Due Diligence Directive — CSDDD**. Она обязывала крупные корпорации выявлять, предотвращать и сокращать негативные экологические последствия и нарушения прав человека по всей глобальной «цепочке деятельности». Но даже этого для руководителя нефтяной компании было мало. Закон также требовал от компаний разработать «**план климатического перехода**», чтобы привести бизнес в соответствие с Парижским соглашением. За несоблюдение предусматривались наказания.

— Нужно что-то сделать с этим европейским регулированием, — сказал Вудс. — Потому что оно фактически закрывает нам работу в ЕС.

Трамп посмотрел на Говарда Лютника. — Тогда просто введем против них тарифы. Говард, добавь к тому, что мы собирались ввести против ЕС, еще десять процентов. Хотя нет — двадцать. Сделай на двадцать процентов больше, пока они не исправят это регулирование. Руководители не могли поверить своим ушам.

Кабинетная комната напоминала комнату кривых зеркал. Стоило просто попросить — и целые системы регулирования могли исчезнуть.

Миллер дал присутствующим задание: составить список из десяти проектов, реализацию которых Белый дом может ускорить. И особенно подчеркнуть, сколько дополнительной энергии эти проекты смогут дать Соединенным Штатам именно во время президентства Трампа.

Это было совершенно нетипично. Пятнадцать руководителей за столом много лет вели дела в Вашингтоне и прекрасно знали президентов и политические аппараты обеих партий. В любом другом Белом доме прежде чем принимать решение, прошел бы подробный процесс: совещание заместителей, встреча помощников, экономический анализ, оценка воздействия на окружающую среду — и лишь затем президенту представили бы варианты. Теперь руководитель компании мог просто попросить.

И просьбу выполняли. Один из участников встречи позже сказал: — Он лучше понимает собственную исполнительную власть, чем любой президент, с которым нам приходилось иметь дело. Я

бы ни за что не хотел, чтобы демократ так же понимал президентские полномочия. Но этот парень, черт возьми, понимает.

Трамп всегда охотно принимал мысль о том, что законы или регулирование несправедливы по отношению к частному бизнесу. Семейная компания Трампов в сфере недвижимости десятилетиями вела тяжелые и болезненные судебные войны с федеральными и местными властями — еще с 1950-х годов, во времена его отца. Теперь Трамп сам и был властью.

Внезапно, совершенно без перехода, он заявил: — Я хочу поговорить о Венесуэле. Кто у нас отвечает за Венесуэлу?

IV

«Человеком по Венесуэле» оказался Майк Вирт — генеральный директор Chevron. Chevron оставалась последней крупной американской нефтяной компанией, продолжавшей работать в Венесуэле после того, как левое правительство Уго Чавеса в 2007 году установило государственный контроль над иностранными компаниями. После той волны национализации ExxonMobil и ConocoPhillips покинули страну, не желая продолжать инвестировать там, где правительство могло в любой момент конфисковать их активы. После ухода компаний Чавес именно это и сделал. Обе потеряли активы на миллиарды долларов. Chevron приняла другое решение. Руководители компании сделали долгосрочную ставку на Венесуэлу: согласились на меньшую прибыль и контроль государства в обмен на возможность сохранить присутствие в крупнейших известных нефтяных месторождениях мира. Chevron работала в Венесуэле больше ста лет.

Когда страной управляли союзники США, она процветала и обладала мощной нефтяной промышленностью. Почему бы этому не повториться? Трамп давно был одержим гигантскими нефтяными запасами Венесуэлы. Во время первого срока он рассуждал о том, чтобы «забрать нефть» Венесуэлы — так же, как ранее размышлял о нефти Ирака, Сирии и Ливии, — и тем самым принести США огромные богатства. Он также обдумывал «военный вариант» смены преемника Чавеса, диктатора Николаса Мадуро. Но военные советники отговорили его от вторжения. Вместо этого сотрудники первой администрации убедили Трампа поддержать оппозиционное движение против Мадуро. Трамп объявил тогдашнего лидера оппозиции Хуана Гуайдо законным руководителем Венесуэлы и поддержал кампанию протестов с целью свержения Мадуро.

Но силы Мадуро подавили восстание 2019 года. Трамп быстро разочаровался в Гуайдо и назвал его «слабым». Теперь, во второй срок, у Трампа был другой руководитель Пентагона — Пит Хегсет, гораздо менее осторожный в вопросе применения американской силы, чем министры обороны первого срока Джеймс Мэттис и Марк Эспер. Изучая карты стран, расположенных поблизости от США, Трамп уже серьезнее размышлял о территориях, которые Америка могла бы присоединить. Публично он говорил о захвате Гренландии и превращении Канады в пятьдесят первый штат — идею, которую канадцы категорически отвергали. Но в частных разговорах он все чаще сосредотачивался на Венесуэле как потенциальной новой американской территории. Нескольким знакомым он говорил, что Венесуэла могла бы стать пятьдесят первым штатом США, а управлять ею будет назначенный им губернатор. Никаких признаков того, что он шутит, не было.

Как бы ни развивались события, Трамп хотел полного контроля над нефтяными месторождениями Венесуэлы и собирался вытеснить из «американского заднего двора» Китай, Иран и Россию, которые вели там бизнес. К марту Трамп все еще пытался решить, что делать с Мадуро. Тот оказался удивительно живучим. За предыдущие двенадцать лет он пережил множество угроз своему режиму, включая массовые протесты. Он фальсифицировал выборы и управлял страной во время экономической катастрофы таких масштабов, что почти треть всех венесуэльцев — около 8 миллионов человек — покинули страну. Более 600 000 перебрались в Соединенные Штаты. Исход венесуэльцев в США —

особенно деятельность венесуэльской банды Tren de Aragua — был одной из ключевых тем кампании Трампа 2024 года.

Но Мадуро все еще оставался у власти. И демонстративно контролировал страну. Сначала Трамп решил действовать мягко. Вместо максимального давления, которого хотел Марко Рубио, он предоставил своему специальному посланнику Ричарду Гренеллу право напрямую вести переговоры с Мадуро. Гренелл в первую администрацию был исполняющим обязанности директора национальной разведки и считался одним из самых преданных сторонников президента. Трамп поручил ему добиться освобождения американских заложников и заставить Мадуро принимать депортационные рейсы с венесуэльскими мигрантами.

Кроме того, Трамп хотел обеспечить США привилегированное отношение и доступ к венесуэльской нефти. Гренелл добился некоторого прогресса. Мадуро предварительно согласился на условия Трампа.

Но Рубио этим не впечатлился. Он предупреждал Трампа, что Мадуро просто водит Гренелла за нос. По мнению Рубио, Мадуро даст Трампу несколько быстрых «побед» — освободит заложников, примет часть мигрантов — а затем начнет тянуть время до тех пор, пока Трамп не покинет Белый дом в 2029 году. Гренелл, возможно, был близок к соглашению. Но Рубио считал любое соглашение с Мадуро бессмысленным. Позицию Рубио поддерживали республиканцы из Южной Флориды.

В Белом доме их иногда называли «**Кубинским кокусом**». Марио Диас-Баларт, Карлос Хименес и Мария Эльвира Салазар требовали от Трампа более жесткой политики в отношении Мадуро. Их ближайшим требованием было прекратить нефтяную деятельность Chevron в Венесуэле, чтобы усилить давление на режим. Эти республиканцы из Южной Флориды имели особый доступ к администрации, на вершине которой находились влиятельные республиканцы из Флориды — Рубио, Сьюзи Уайлс, Пэм Бонди и Джеймс Блэр, союзник Уайлс, курировавший политические и законодательные вопросы Белого дома в должности заместителя главы аппарата. Республиканское большинство в Палате представителей было очень небольшим.

Поэтому трое кубино-американских конгрессменов прекрасно понимали, какой огромный рычаг у них в руках. Они могли угрожать заблокировать главный внутриполитический законопроект Трампа — **One Big Beautiful Bill**, — если президент не ужесточит курс в отношении Мадуро.

В самом центре этой борьбы оказался Майк Вирт. Еще в переходный период глава Chevron убеждал Трампа сохранить присутствие его компании в Венесуэле. Chevron была последней крупной американской корпорацией в стране. Если когда-нибудь Венесуэла освободится от левой диктатуры, утверждал Вирт, Соединенным Штатам понадобится хотя бы одна компания, уже находящаяся на месте, чтобы нефтяные запасы страны стоимостью около 17 триллионов долларов не достались Китаю.

И теперь, 19 марта, в Кабинетной комнате Вирт спокойно повторил президенту те же аргументы. Он предупредил об опасности отдать столь важную страну Китаю и попросил продлить лицензию Chevron на работу в Венесуэле. Трамп отвечал уклончиво. Он сказал Вирту, что его аргументы звучат разумно, но Венесуэла — «сложный для нас вопрос». Вирт еще не знал, насколько сложным этот вопрос вскоре станет.

Выслушав разговор о Венесуэле, Трамп захотел подробнее узнать о собственных нефтяных запасах Америки — в частности, на Аляске.

Напротив него сидел Райан Лэнс, генеральный директор ConocoPhillips, фактически главного нефтяного игрока на Аляске. С 2020 года ConocoPhillips вкладывала огромные средства в проект Willow в заболоченной части Северного склона Аляски. Окончательное государственное разрешение проект получил при администрации Байдена в 2023 году. После завершения строительства в 2029 году месторождение должно было дать около 576 миллионов баррелей нефти за тридцать лет, с максимальной добычей примерно 180 000 баррелей в сутки. Но болотистая местность создавала огромные трудности. Дорог не было. Работать можно было только зимой, когда земля замерзала и рабочие могли сооружать ледовые дороги.

Условия были чрезвычайно тяжелыми. Лэнс объяснил это президенту. Трамп захотел деталей. — А грузовики не соскальзывают с дороги? — спросил он.

— Нет, — ответил Лэнс. — При очень низкой температуре лед на самом деле перестает быть скользким. После чего инженер-нефтяник, невольно создав комический эффект, объяснил: — При определенной температуре коэффициент трения становится таким, что лед перестает быть скользким — получается почти как обычная дорога. Некоторым за столом показалось забавным, насколько техническим стал разговор на встрече с президентом.

Стивен Миллер не смеялся. После совещания он подошел к Лэнсу с явной срочностью.

— Мы сделаем все, что вы хотите, чтобы строительство пошло быстрее, — сказал он руководителю компании. — Но мы хотим, чтобы эта нефть начала добываться уже при этой администрации.

Лэнс воспринял это без энтузиазма. Настолько деликатно, насколько мог, он объяснил Миллеру: реальность проекта Willow не подчиняется никаким административным полномочиям, которые Белый дом способен ему предоставить. К сожалению, Белый дом не может переписать законы физики. Существовали и юридические ограничения.

Но Миллер продолжал настаивать. — Я даю вам полномочия это сделать, — ответил он.

Заседание кабинета на четверг, 6 марта, созвали внезапно — лишь накануне вечером. Напряжение между DOGE и остальной администрацией достигло точки кипения. — Почему Илон не дает этим людям самим управлять своими ведомствами? — спросил Трамп помощников, словно удивляясь конфликту, который сам же и породил. Сьюзи Уайлс посоветовала министрам, недовольным методами Маска, высказаться прямо на заседании, чтобы президент услышал их лично. Наконец-то им предстояло разобраться между собой.

В исполнительной власти было место либо для Илона Маска, либо для полноценного кабинета министров. Но не для обоих одновременно.

Маск сразу набросился на Рубио. Почему, требовал он, Рубио до сих пор не сократил свой штат?

Но Рубио больше не собирался это терпеть. Он был государственным секретарем Соединенных Штатов, сидел рядом с президентом в Кабинетной комнате и теперь подвергался нападкам самого богатого человека мира, который становился все более истеричным.

— Ты никого не уволил! — рявкнул Маск. И с насмешкой добавил, что, возможно, единственным человеком, которого Рубио уволил, был сотрудник самого DOGE. Рубио злился на Маска еще после истории с USAID. Но теперь неприязнь вырвалась наружу у всех на глазах. И Рубио собирался ответить.

Маск лжет, заявил он. А как насчет более чем 1 500 сотрудников Госдепартамента, которые согласились на досрочное увольнение с компенсацией, потому что им не нравилось направление, в котором Трамп и Рубио вели администрацию? — Они досрочно ушли, — резко сказал Рубио. — Если хочешь, я могу принять их всех обратно и потом всех уволить. Тебе так будет приятнее?

— Так сколько людей ты уволил? — не отставал Маск. — Скажи. Назови имена.

Рубио смотрел на него с недоверием. — Ты хочешь, чтобы я прямо сейчас назвал всех? Каждого человека?

— Да. Это будет доказательством, — ответил Маск. — Если доказательства у тебя есть, назови всех прямо сейчас, при всех.

— Это абсурд, — сказал Рубио.

Чтобы показать, что он контролирует свое ведомство — и продемонстрировать Трампу, что способен справиться с задачей, — Рубио подробно изложил план реорганизации Госдепартамента. Маска это не впечатлило.

— Ты хорош на телевидении, — сказал он Рубио, явно подразумевая, что больше ни на что тот не годится. Перепалка продолжалась пятнадцать минут, хотя всем казалось, что намного дольше. В комнате царил странное сочетание абсурда и бессмысленности. Рубио держался достойно, но спорить с Маском было все равно что шагнуть прямо под вращающийся нож газонокосилки. Кто победит, было совершенно непонятно.

Все это время президент откинулся в кресле, сложив руки на груди, и просто наблюдал. Лишь после долгой неловкой паузы Трамп наконец вмешался. Он встал на защиту Рубио и сказал, что тот проделывает «отличную работу». У Марко полно дел, объяснил президент. Он очень занят, постоянно ездит, появляется на телевидении и должен еще руководить огромным ведомством. Поэтому всем следует просто работать вместе.

Рубио был далеко не единственным министром, вступившим в конфликт с Маском в тот день.

Маск также сцепился с министром транспорта Шоном Даффи. Даффи утверждал, что команда Маска пыталась сокращать авиадиспетчеров именно в тот момент, когда он разбирался с авиакатастрофами и гибелью людей в районе вашингтонского аэропорта имени Рональда Рейгана. — И что я должен делать? — возмущался Даффи. Он напомнил, что нехватка авиадиспетчеров в башнях существует уже много лет. — У меня сейчас несколько авиакатастроф, а твои люди хотят, чтобы я увольнял диспетчеров.

— Это ложь, — резко ответил Маск.

— Нет, не ложь, — сказал Даффи. — Я слышал это непосредственно от них.

Маск потребовал назвать сотрудников DOGE, предлагавших увольнять диспетчеров. — Назови мне имена. Скажи, кто именно.

— Неважно, как их зовут, — ответил Даффи. — Потому что я не дал им уволить этих людей.

Тогда Маск заявил, что Даффи нанял сотрудников по программам DEI и они до сих пор работают на диспетчерских вышках.

— Нет, — отрезал Даффи. — Назови имена. Кто?

Маск не назвал никого.

Услышав упоминание авиадиспетчеров, Трамп внезапно оживился. Он сказал Даффи, что нужно нанимать выпускников MIT — элитного Массачусетского технологического института. Авиадиспетчеры должны быть «гениями», заявил президент — словно участвовал в совершенно другом разговоре.

Министру по делам ветеранов Дагу Коллинзу досталась, возможно, самая политически чувствительная задача среди всех членов кабинета Трампа. Сокращения, проводимые Маском, могли затронуть тысячи ветеранов. Это была влиятельная политическая группа и важная часть электората самого Трампа. Коллинз выступал за точечные меры вместо массовых, беспорядочных увольнений в ведомстве. Трамп согласился. Надо оставить умных, сказал он, а плохих убрать.

В самый напряженный момент в разговор вмешался глава Агентства по охране окружающей среды Ли Зелдин. — Не знаю, как у вас, а у меня все отлично! — бодро сообщил он. — Никаких проблем. На него посмотрели без особой теплоты.

Все министры в целом поддерживали миссию Маска — бороться с государственными растратами, мошенничеством и злоупотреблениями. Но их приводили в ярость хаотические сокращения и невыполнимые требования. И постепенно у них возникало подозрение, что Маск сам не вполне понимает, что делает. Руководить федеральным ведомством и без того было достаточно трудно. А Маск с бензопилой, рубивший им руки и ноги, делал задачу практически невозможной. Республиканские конгрессмены уже начали звонить в Белый дом и жаловаться, что действия DOGE уничтожают рабочие места в их округах.

На протяжении всего заседания Маск снова и снова пытался подчеркивать собственное превосходство, ссылаясь на богатство. Он напоминал, что владеет несколькими компаниями с капитализацией в миллиарды долларов. «Я знаю, что делаю», — говорил он. «Мои результаты говорят сами за себя».

Но, возможно, между управлением компанией и управлением государством все-таки существовала разница. Один из свидетелей встречи позднее заметил: — Знаете, здесь существуют законы, существуют группы избирателей, существует политика. Мы ведь не просто повышаем стоимость акций для акционеров. Тут совсем другая история.

Один из членов кабинета, присутствовавший на заседании, сформулировал еще проще: — Перед Сенатом отвечать приходится не президенту и не сотрудникам Белого дома. Кого туда вызывают? Меня. И других министров.

В конце концов Трамп попытался примирить стороны. Он похвалил и Маска, и министров. Но затем объявил: отныне главными будут руководители ведомств. Маск и его команда должны только давать советы.

Маск, который с момента скандала вокруг письма **«Что вы сделали за прошлую неделю?»** пребывал в ярости, поначалу, похоже, даже не понял, что только что произошло. Удивительно ожесточенное заседание показало, насколько глубокую неприязнь DOGE успел вызвать среди команды Трампа. После встречи президент написал в Truth Social, что следующий этап сокращения федерального персонала будет проводиться уже не «топором», а **«скальпелем»**.

Илон Маск ворвался в новую администрацию всего шесть недель назад, изображая из себя разрушителя. Человека с бензопилой. Что ему теперь было делать со скальпелем?

Вскоре после заседания один высокопоставленный помощник сказал: — Сегодня мы увидели другую сторону Илона. Он был злобным.

Вернув министрам контроль над собственными ведомствами и ограничив DOGE, Трамп фактически подрезал Маску крылья. На следующем заседании кабинета он сказал Маску, что впереди выборы следующего года и нельзя продолжать увольнять всех подряд. — Можешь избавляться от растрат, мошенничества и злоупотреблений, — сказал Трамп, — но больше никого увольнять нельзя. В частных разговорах Трамп уже сообщал знакомым, что время Маска в Белом доме скоро подойдет к концу. Но выводить его из игры требовалось осторожно. Еще некоторое время Маск продолжал оставаться постоянной фигурой в Западном крыле и часто по-прежнему оказывался в центре самых важных обсуждений.

II

Всего через несколько дней после громкой ссоры Маска с членами кабинета министров Белый дом принимал Совет руководителей технологических компаний. 10 марта в комнате Рузвельта собрались главы некоторых самых известных технологических корпораций мира — IBM, Dell, HPE, HP Inc., Qualcomm и Intel.

— Меня до чертиков пугает наша уязвимость перед Китаем, — объявил Маск. Tesla он построил без помощи Китая — и расплачивался за это лестью: хвалил руководителей Коммунистической партии и отмахивался от опасений по поводу авторитаризма. Однако в последние годы Маск становился все тревожнее, особенно из-за угрозы китайского вторжения на Тайвань. Такое развитие событий поставило бы под угрозу поставки самых современных микросхем, от которых зависели его компании. И теперь, обращаясь к собравшимся руководителям корпораций, Маск почти в панике предупреждал: островное государство размером примерно со штат Мэриленд, расположенное всего в 81 миле от материкового Китая, производит около 70 процентов всех полупроводников мира и 90 процентов самых передовых чипов.

При этом он читал лекцию людям, которые, пожалуй, лучше почти кого-либо на планете знали об этой проблеме. Но Маск не унимался. — Если мы не начнем строить заводы по производству чипов за пределами зоны возможного конфликта, нас ждет катастрофа. И вновь повторил:

— Кто-то должен, черт возьми, построить эти фабрики за пределами зоны боевых действий! Президент вмешался: — Си Цзиньпин заверил меня, что Китай не нападет на Тайвань, пока я президент. Хотя, может, врет, — добавил Трамп. — Тайвань для Си — как Украина для Путина. Предмет вождения.

Говард Латник добавил, что президент сосредоточен на переносе производства полупроводников и всей цепочки поставок в Соединенные Штаты. — Тайвань съедает наш обед. Как вернуть цепочку поставок домой? Разговор перешел к тому, насколько американские компании отстали в области EUV — экстремальной ультрафиолетовой литографии, высокотехнологичного процесса, позволяющего наносить на кремниевые пластины сверхсложные микроскопические структуры. Одна только тайваньская компания TSMC обеспечивала более половины всех установленных в мире EUV-систем, используемых для производства самых современных чипов.

— Америка все это отдала, — сказал Трамп. — Девяносто девять процентов бизнеса теперь на Тайване.

— Наши мощности по производству чипов слабы, — сказал Маск. — Особенно по самым передовым микросхемам. В 2029 году мощности США составят лишь около тридцати процентов от мощностей TSMC. Если Китай вторгнется на Тайвань, — продолжил он, — вся экономика рухнет. — А почему тайваньцы до сих пор впереди? — спросил Трамп.

Это был хороший вопрос. По сути, главный вопрос.

TSMC, крупнейший производитель микросхем в мире, первой создала модель, при которой разработка чипов была отделена от их производства. Компания могла выпускать микросхемы для других фирм, не конкурируя с ними напрямую, и фактически с нуля создала глобальный рынок контрактного производства. Никто так и не смог ее догнать. Пытаясь изменить ситуацию, Конгресс в 2022 году принял закон CHIPS and Science Act, предусматривавший миллиарды долларов субсидий и налоговых льгот для компаний, которые будут строить новые заводы по производству полупроводников в США. Но всего за несколько дней до этой встречи, выступая перед Конгрессом, Трамп назвал закон «ужасной, ужасной вещью», потому что тот раздает миллиарды богатым корпорациям, и призвал законодателей отменить его.

— Разве вам не выгоднее производить здесь? — спросил Трамп гостей. — Никаких пошлин, меньше риска.

Один из руководителей заметил, что «перенос экосистемы» требует времени.

Другой предупредил: наращивание производства будет медленным процессом. TSMC остается впереди потому, объяснил он, что все ее клиенты помогают ей удерживать лидерство.

Маск вмешался: — Мы знаем. Мы сами один из этих клиентов!

— Что нам нужно сделать, чтобы вы взяли на себя обязательство строить новые заводы в Соединенных Штатах Америки? — спросил Латник.

— Те, кто не будет строить здесь, заплатят огромные пошлины, — сказал Трамп. — Не двадцать процентов. Скорее сто. С нами обращаются совершенно несправедливо. Китай облагает нас пошлинами по 150–200 процентов, Индия — 175 процентов.

— Нам нужны здесь и комплектующие, — ответил один из директоров. — Нужна вся экосистема.

— А как у вас дела с Европейским союзом? — спросил Трамп. — Они тоже одни из самых трудных?

— Мы вообще не производим в ЕС, — ответил руководитель. — Производим в Азии и импортируем.

— Нас там, в общем, не трогают, — сказал другой. — В Европе никто не делает то, что делаем мы.

— Из-за NAFTA мы потеряли девять тысяч заводов, — сказал Трамп. — Может, вернем их. Автопроизводители уже строят в США. Они только что остановили строительство трех заводов в Мексике. Канада облагает наши молочные продукты пошлинами в триста процентов.

— Второе апреля! — воскликнул Латник, имея в виду запланированные Трампом тарифы ко «Дню освобождения».

Комната, переполненная людьми, привыкшими заключать сделки, буквально искрила ощущением возможностей. После ухода президента остальные еще долго не расходились, продолжая обсуждать проблему полупроводников.

У Латника была просьба к руководителям компаний. Он хотел привлечь их к особой миссии: могли ли они помочь ему отговорить президента от какого-нибудь необдуманного шага? Латник пытался убедить Трампа не торопиться с введением огромных пошлин на полупроводники. Нереалистично было ожидать, что американские технологические компании в одночасье прекратят зависеть от иностранных поставщиков. Для переноса производства в США требовался переходный период, а Латник не хотел ставить американские фирмы в заведомо проигрышное положение. Он призвал директоров обращаться к Трампу напрямую и подкреплять ту мысль, которую сам Латник уже пытался донести до президента за закрытыми дверями. — Мне нужно, чтобы ему звонило больше людей, писало сообщения, говорило ему это прямо в ухо.

— Как нам не дать Китаю уделывать нас в области чипов для искусственного интеллекта? — спросил Маск собравшихся.

— Нужно заставить другие страны ориентироваться на США, — добавил один из руководителей. Маск ответил:

— И желательно разместить производство там, куда вряд ли полетят бомбы.

— Натали, дай мне настоящие цифры! — крикнул президент. — Погугли, сделай там свою компьютерную штуку и дай мне реальные цифры.

Сидя на деревянном стуле у стены Овального кабинета, Натали Харп лихорадочно искала информацию в интернете на ноутбуке. Ее преданность президенту ничуть не ослабла за суматошные первые месяцы второго срока. Трамп привык говорить сотрудникам, что Натали — или «Наталі», как он произносил ее имя на французский манер, — единственный человек, который любит его так же сильно, как жена и дети. — Все вы однажды уйдете отсюда зарабатывать деньги, — говорил он. — А она меня никогда не бросит.

Теперь, посреди крайне напряженного совещания 26 марта, на котором экономическая команда президента обсуждала тарифную стратегию, Харп пыталась найти для Трампа информацию лучше той, что предоставили ему сотрудники.

— Никто, черт возьми, не дал мне никаких цифр! — кипятился Трамп. — Никаких твердых данных о том, какие пошлины берет с нас Китай, какие — Индия. Вы даете мне какую-то хрень.

Министр торговли Говард Латник достал папку. — Вот цифры. Вот данные о том, какими пошлинами каждая страна облагает нас.

Но Трамп был убежден, что настоящие показатели для Индии и Китая гораздо выше тех, что были напечатаны на листах Латника. — Нет, это цифры из задницы, — сказал он, пристально глядя на министра. — Это полная чертова чушь.

Несмотря на все старания, Харп никак не могла найти те цифры, которых в действительности просто не существовало.

— Нет, это настоящие данные! — настаивал Латник. — Они получены из USTR, офиса торгового представителя США. Он повернулся к торговому представителю президента Джеймисону Гриру: — Ведь так, Джеймисон? Джеймисон, скажи ему, что цифры настоящие. Джеймисон, скажи что-нибудь.

Грир, торговый юрист, совершенно не склонный вступать в перепалку с президентом, просто посмотрел на Латника и промолчал.

До запуска глобальной тарифной программы президента, приуроченной ко «Дню освобождения», оставалась всего неделя. Но размеры пошлин по-прежнему не были определены. Трамп хотел устанавливать их по формуле, которую разрабатывал у себя в голове. Как именно он производил расчеты, никто толком не понимал. Формула менялась изо дня в день, иногда — от часа к часу.

Но как вообще можно что-то рассчитать, возмущался Трамп, если Латник приносит ему эту чертову ерунду вместо цифр? Раздражение президента усиливалось еще и тем, что Латник продолжал добиваться исключений. Особенно министра торговли тревожили высокие пошлины на автомобили, которые до этого неоднократно обсуждались с руководителями автоконцернов и лидерами Канады и Мексики.

USMCA — торговое соглашение между тремя странами — должно получить исключение, утверждал Латник. — Говард, я уже сказал тебе: эти пошлины будут введены, и все будет справедливо, — ответил Трамп. — Для всех одинаково справедливо. Никаких исключений. И, может быть, когда мы их введем, они придут к столу переговоров и станут вести себя с нами справедливее. Но правило одно для всех. Никаких исключений.

Латник повернулся к Питеру Наварро — советнику Трампа по торговле и одному из старейших и наиболее преданных ветеранов движения MAGA. — Питер, ты же со мной согласен, — сказал он. — Скажи ему. Скажи.

— Не разговаривай со мной таким тоном, — огрызнулся Наварро.

Латник вспыхнул: — Скажи ему, что ты со мной согласен!

Наварро много лет выступал против любых тарифных исключений и разделял мнение Трампа, что во время первого срока именно чрезмерное число льгот породило массу проблем.

— Это не то, что ты говорил мне снаружи перед совещанием! — возмутился Латник. — Ты говорил совсем другое.

— Не понимаю, о чем ты вообще говоришь, — резко ответил Наварро. — Говард, прекрати уже! Раздраженный Латник махнул рукой: — И зачем я вообще с тобой разговариваю?

Стивен Миллер и Скотт Бессент наблюдали за сценой с непроницаемыми лицами и ничего не говорили. В этот момент в Овальный кабинет вошел Майк Джонсон.

— Здравствуйте, — сказал он, оглядывая комнату. — Что тут у вас происходит?

— Отлично, спикер пришел, — сказал президент. — Майк, что думаешь о двадцатипятипроцентной пошлине на импортные автомобили? Латник сразу увидел шанс.

— Скажите ему, господин спикер, — вмешался он. — Скажите, что это будет ужасным решением, потому что двадцать пять процентов — слишком много! Представьте, что это будет означать для потребителей и для ваших избирателей...

Все посмотрели на Джонсона.

— Честно говоря, господин президент, — сказал тот, — первым делом я думаю об одном своем хорошем друге в Луизиане. Он ваш огромный сторонник. И к тому же один из крупнейших дилеров Toyota в моем регионе. Интересно, как он отреагирует, когда услышит эту новость, и что она сделает с бизнесом, которым он занимается десятилетиями...

— Да его просто прикончат, — немедленно подхватил Латник. — И объяснить людям, зачем вы это сделали, вам будет очень трудно.

— Так что, по-твоему, нам делать? — спросил Трамп Джонсона.

— Думаю, Говард сейчас приводит очень весомый аргумент, господин президент...

Наварро тут же пошел в контратаку, и они с Латником снова сцепились.

Трамп оборвал обоих: — Все. Сейчас проведем пресс-конференцию. Зовите журналистов. Он повернулся к Джонсону: — Почему бы тебе не встать рядом со мной, пока мы будем рассказывать об этой новой пошлине?

Джонсон явно почувствовал себя неловко. — Не уверен, что мне следует это делать. Господин президент, помните: именно мне потом придется помогать республиканцам в Палате представителей разбираться с последствиями всего этого. Поэтому я не должен создавать впечатление, будто это была моя идея.

— Ладно, как хочешь, — сказал Трамп. — Делай что хочешь.

— Рынки рухнут, если мы не сделаем исключения, — предупредил Латник. — И ответственность за этот обвал будет на вас.

— Отлично. Пусть будет на мне. И что? — ответил Трамп.

Президент стоял на своем. Присутствующим казалось, что его уже невозможно переубедить — ни аргументами, ни разговорами о последствиях.

Латник опасался, что удар от тарифов перекинется на всю экономику, и спорил настолько жестко, насколько мог. Но в тот момент он проиграл. Теперь, когда у Трампа появилась публика, Латник понял: продолжать спор бессмысленно. После совещания он сказал другим: — Я понимаю, шеф принял решение. Теперь наша задача — исполнить его.

II

Ничего похожего на «День освобождения» в истории еще не происходило.

Сначала президент называл «Днем освобождения» 5 ноября 2024 года — день выборов. После победы этим названием стало обозначаться 20 января 2025 года — день инаугурации. В середине марта Трамп, не делая официальных заявлений и не вдаваясь в подробности, начал намекать, что настоящим «Днем освобождения» станет 2 апреля 2025 года. Этот день, провозгласил президент, «навсегда

запомнится как день возрождения американской промышленности, день, когда Америка вернула себе свою судьбу, и день, когда мы начали снова делать Америку богатой».

2 апреля, объявив чрезвычайную ситуацию национального масштаба, Трамп ввел базовую десятипроцентную пошлину на импорт из любой страны мира. Сверху к ней добавлялась так называемая «взаимная» пошлина, рассчитанная отдельно для каждого государства по формуле, которую несколько высокопоставленных чиновников администрации в частных разговорах называли непродуманной.

Ближайшим историческим аналогом столь масштабных тарифов был закон Смута — Хоули 1930 года. Тогда понадобилось восемнадцать месяцев ожесточенных дебатов в Конгрессе. Более тысячи экономистов публично предупреждали против принятия закона. И все равно последствия оказались катастрофическими: другие государства ввели ответные пошлины, что лишь усугубило Великую депрессию. Сам Трамп много лет приводил судьбу президента Герберта Гувера как предупреждающий пример. И все же 2 апреля 2025 года он собирался объявить тарифный режим, по масштабам намного превосходивший закон Смута — Хоули.

И возник этот режим не в результате парламентских слушаний или консультаций с экспертами, а после нескольких совещаний в Овальном кабинете — и прежде всего благодаря собственным инстинктам Трампа. В последние дни перед 2 апреля Латник и Бессент делили между собой обязанность обзванивать коллег по всему миру и предупреждать их о грядущем. Правда, предупреждения получались весьма расплывчатыми. Они сами еще не знали, что сделает Трамп.

Не знал и Трамп — он еще не решил. Поэтому иностранным правительствам просто советовали не вводить ответные меры и уверяли: тарифы, которые объявит президент, впоследствии можно будет снизить в ходе переговоров. Трамп хотел создать максимальное давление и до последнего скрывать свои настоящие намерения — какими бы они ни были.

Позднее Латник объяснял одному знакомому: — Он хочет, чтобы тебе стало не по себе. Если он назначает огромную цифру, а ты говоришь: «Мы этого сделать не можем», он отвечает: «Хорошо. А что можете?» Больше всего Бессента беспокоило то, что рынки ненавидят то, что он называл «неограниченным риском». Если Трамп ясно даст понять, что объявленные цифры — всего лишь исходная позиция для дальнейшего торга, считал Бессент, тогда Уолл-стрит еще сможет увидеть в этой политике определенную логику. Он пытался объяснять это в телеэфирах.

За два дня до объявления тарифов Бессент изложил эту концепцию в программе Шона Хэннити, которую Трамп, что неудивительно, смотрел. После эфира президент позвонил Бессенту и отчитал его: — Не говори людям, что они смогут сторговаться и снизить пошлины. Трамп хотел сохранить максимальное давление и использовать его для заключения самых выгодных сделок. Один высокопоставленный чиновник администрации сравнивал этот подход с тем, как мучитель сначала истязает пленника, а затем внезапно проявляет к нему каплю милосердия.

— В Северной Корее, — говорил чиновник, — когда попадаешь в тюрьму или лагерь, первые два года тебе завязывают глаза и ставят на колени, но ты слышишь голос охранника. Потом, на второй год, он поднимает тебя с колен, снимает повязку — и ты уже почти в него влюблен. Вот так Трамп и приучал людей к нужной реакции. Но речь шла не о заключенных в Северной Корее. Речь шла о главных торговых партнерах Соединенных Штатов. И у них тоже были рычаги давления. При этом цель всей тарифной стратегии оставалась не вполне ясной почти никому — за исключением, возможно, самого президента и Питера Наварро, для которого вера в пошлины была почти религией. Именно Наварро, при некоторой помощи Совета экономических консультантов, разработал примитивную формулу расчета тарифов, на которой Трамп окончательно остановился только вечером накануне объявления. Ставка для каждой страны рассчитывалась следующим образом:

торговый дефицит США с этой страной за 2024 год делили на общую стоимость товаров, импортированных из нее в Соединенные Штаты, а полученный результат делили еще пополам. Латнику формула Наварро совершенно не нравилась. Позднее он говорил знакомым: — Хотя бы потому, что я

окончил девять классов. Команда Трампа рассматривала и другую систему — трехуровневую цветовую шкалу: низкие / средние / высокие, зеленые / желтые / красные, 10 процентов / 15 процентов / 25 процентов.

Вице-президент считал эту систему изящной. Трамп — слишком сложной. Потому что никто не мог решить, какие страны к какой категории относить и где проводить границы. Позднее один сенатор-республиканец говорил, что не мог поверить, «насколько плохо была продумана тарифная стратегия». — Непонятно даже, какова их цель, не говоря уже о стратегии. И она, казалось, менялась каждый день. То целью называли увеличение доходов бюджета. То устранение торгового дефицита с каждой отдельной страной. То пошлины объявлялись просто инструментом переговоров.

Когда один знакомый пожелал Скотту Бессенту «счастливого Дня освобождения», тот ответил: — Скорее уж счастливого Дня возлиания.

На следующий день, когда пресса громила тарифный план, Трамп уже начал сваливать вину на Наварро, в частных разговорах жалуясь на «идиотские чертовы цифры Питера».

III

Как и ожидалось, после 2 апреля рынки рухнули. За один только день индекс S&P 500 потерял более двух триллионов долларов капитализации. 3 и 4 апреля индекс Dow Jones снизился почти на 10 процентов, а последующие скачки были настолько резкими, что график Dow напоминал электрокардиограмму пациента во время инфаркта. Но еще хуже было другое. Обычно, когда фондовый рынок падает, облигации становятся тихой гаванью. На этот раз традиционная обратная зависимость не работала. Падали и акции, и облигации. На рынке облигаций началась историческая распродажа — устрашающий признак того, что инвесторы искали безопасное убежище уже не в Соединенных Штатах, а где-то еще.

Скотт Бессент связался с председателем Федеральной резервной системы Джеромом Пауэллом и попросил его сделать заявление, которое могло бы успокоить рынки. Но Пауэлл, защищая независимость ФРС, отказался. Он твердо решил не создавать впечатление, будто Федеральная резервная система собирается спасти Трампа от кризиса, который тот создал собственными руками. Если президент хочет стабилизировать рынки, говорил Пауэлл знакомым, он может просто отменить свою политику.

К вечеру воскресенья, 6 апреля, Бессент и Латник тревожились сильнее, чем когда-либо. На борту Air Force One, летевшего из Палм-Бич обратно в Вашингтон, Трамп разговаривал по телефону с сыном Доном-младшим, а Бессент и Латник продолжали на него давить. — Мы посреди торговой войны, — сказал Трамп сыну. — У меня нет времени разговаривать.

Бессент пытался убедить президента: он уже привлек внимание всего мира и получил максимальные рычаги давления. Теперь самое время начинать переговоры. — Рынок вот-вот откроется, — сказал Бессент Трампу. — И если вы передумаете — или, точнее, когда вы снизите ставки, — будет выглядеть так, будто вас заставил рынок. Вам нужно переключиться и начать говорить о торговых переговорах. Потому что вы великий переговорщик. Нужно показать рынкам, что у вас есть конечная цель. Потому что рынки плавают. — Это ненадолго, ненадолго, — ответил Трамп. — Скотт, это временно. ФРС снизит ставки.

Бессент стал объяснять президенту, что именно означает «ненадолго» в понимании финансовых рынков.

Если ситуация зайдет слишком далеко и меры будут приняты слишком поздно, отступить от края пропасти может оказаться уже невозможно. Где именно находится этот край? Никто не знал.

И ни Бессент, ни Латник совершенно не желали выяснять это опытным путем. Но Трамп удерживал непомерно высокие тарифы гораздо дольше, чем большинство его советников могли вынести. Президент считал: если он уступит слишком рано, весь мир решит, что он блефует. А терпимость к риску у него была значительно выше, чем у Латника, Бессента или всей Уолл-стрит. В частных разговорах Бессент поражался этой черте характера Трампа, считая ее одним из главных компонентов его политического

успеха. Он говорил знакомым, что в этом отношении президент напоминает ему прежнего начальника — легендарного инвестора и крупного спонсора Демократической партии Джорджа Сороса.

— Они одной породы, — говорил Бессент. — Только Джордж играет на рынке, а президент Трамп — в политике. Невероятная склонность к риску и невероятный инстинкт выживания. Они все время колеблются между тем, чтобы еще сильнее увеличить риск, и тем, чтобы вовремя зафиксировать убыток.

Латник и Бессент прежде жестко конфликтовали между собой. Но угроза финансового кризиса объединила их общей целью: уговорить президента пойти на деэскалацию.

Латник снова и снова пытался объяснить Трампу, что единые тарифы для всех не работают и что нельзя ставить крупнейших американских автопроизводителей в невыгодное положение.

— Господи, Говард, ты без конца таскаешь мне всю эту хрень от всех этих людей, — сказал ему Трамп. — Раньше ты был жестким. А приехал в Вашингтон — и стал слабаком.

В те напряженные недели Трамп часто атаковал Латника именно так, напоминая ему об их давнем нью-йоркском прошлом.

— Ты был убийцей, Говард, — говорил президент. — Я помню тебя в тридцать пять. Ты был убийцей. А теперь у тебя красивая жена, огромный дом — и ты размяк. Ты тряпка. Знаешь, кто ты? Тряпка.

Спустя несколько месяцев, когда тарифные поступления действительно начали приносить огромные суммы, а страх перед финансовым кризисом отступил, Латник придумал собственный ответ. Он стал говорить президенту: — Я ваша тряпка, которая приносит двадцать пять миллиардов долларов в месяц.

Но во время того тревожного перелета в Вашингтон 6 апреля, когда инвесторы всего мира затаили дыхание, не понимая, не столкнет ли Трамп планету в новую Великую депрессию, Латнику оставалось только сидеть и терпеть.

IV

Через два дня после «Дня освобождения» Китай нанес ответный удар, введя те же 34 процента пошлин, которые Трамп назвал «взаимными». Трамп пригрозил: если Си Цзиньпин не отступит, он дополнительно введет еще пятидесятипроцентную пошлину на китайские товары.

Даже самые убежденные сторонники президента начали ворчать.

Илон Маск опубликовал в X видео с лауреатом Нобелевской премии, консервативным экономистом Милтоном Фридманом, который восторженно говорил о преимуществах свободной торговли и ее способности «способствовать гармонии и миру между народами мира». Это был довольно прозрачный намек против торговых войн. Поддерживавший Трампа миллиардер-инвестор Билл Экман тоже выступил в X, предупредив о риске «самостоятельно устроенной экономической ядерной зимы», и призвал администрацию объявить «девяностодневный тайм-аут» в тарифной войне. Бессент верил, что рано или поздно президент откажется от непомерно высоких ставок.

Но он опасался, что к тому времени ситуация уже выйдет из-под контроля. — Вы потеряете рычаги давления, если все это перекинется в реальную экономику, — предупреждал он Трампа.

Для описания риска Бессент использовал выражение из своих времен на Уолл-стрит — «экран выходит на улицу». То есть хаос, который пока виден лишь на биржевых мониторах, начинает отражаться на реальных предприятиях, рабочих местах и доходах людей. Если такое произойдет, считал Бессент, последствия могут оказаться крайне опасными и труднообратимыми, особенно если начнется паническая цепная реакция.

Сигналы от инвесторов становились почти апокалиптическими. Глава JPMorgan Chase Джейми Даймон заявил инвесторам, что рецессия теперь является «вероятным исходом» потрясений на рынках. Легендарный управляющий хедж-фондами Рэй Далио стал предупреждать, что инвесторам следует меньше думать о самих тарифах и больше — о «разрушении политической, геополитической и денежной систем, которое случается раз в жизни».

Warner Bros. Discovery отменила все необязательные командировки. Delta неожиданно понизила годовые прогнозы. Авиакомпании начали сокращать количество рейсов, исходя из того, что у пассажиров будет меньше денег на путешествия. Экономика, казалось, готовилась к резкому спаду.

И пока инвесторы ожидали конца света, Трамп опубликовал в Truth Social еще одно ошеломляющее сообщение. Он объявил, что приостанавливает действие тарифов на девяносто дней. Но с одним огромным исключением. «В связи с тем вопиющим неуважением, которое Китай продемонстрировал к мировым рынкам, настоящим я повышаю тариф, взимаемый Соединенными Штатами Америки с Китая, до 125 процентов с немедленным вступлением в силу», — написал президент в своем бурном послании миру.

Торговая война с Китаем становилась еще ожесточеннее. Но для остального мира наступало временное перемирие.

В тот же день рынки подскочили почти на 10 процентов. Союзники Трампа тут же бросились к телекамерам исправлять впечатление. Они утверждали, что девяностодневная пауза с самого начала являлась частью плана. Это, объясняли они, была гениальная переговорная стратегия величайшего из переговорщиков — несмотря на то, что всего тремя днями ранее Латник говорил CBS News: «Пошлины будут введены», и никакой отсрочки не предполагается.

Мир, утверждали сторонники президента, только что увидел мастер-класс по экономической игре на грани. Но в действительности Трамп моргнул первым. Обвал рынка облигаций практически не оставил ему выбора.

Инвесторы начинали терять веру в то, что Соединенные Штаты смогут надежно обслуживать свой долг. Вскоре Трамп сам вышел к журналистам и разрушил тщательно подготовленную версию собственной команды о том, что пауза якобы была предусмотрена заранее.

Он прямо дал понять: решение было импровизацией. — Идея сделать паузу возникла только сегодня утром? — спросил журналист. — Можете точно сказать, что именно вы и ваши советники принимали во внимание?

— Я бы сказал, что думал об этом какое-то время — сегодня утром, последние несколько дней, — ответил президент. — Я обсуждал это со Скоттом, с Говардом, еще с несколькими очень профессиональными людьми. Думаю, окончательно все сложилось сегодня рано утром, довольно рано. Мы просто написали текст. У нас не было... у нас не было доступа к юристам. Мы написали его от сердца, понимаете?.. Это было написано от сердца. И, думаю, написано хорошо. Но написано от сердца.

Для некоторых сотрудников Белого дома весь эпизод оказался по-настоящему пугающим. Чиновники по всей администрации были потрясены тем, насколько близко Трамп по собственной воле подвел Соединенные Штаты — и весь мир — к финансовой катастрофе.

V

Пережив тарифную игру на грани пропасти, Бессент становился все более уверенным и даже задиристым. Через неделю после приостановки тарифов в Овальном кабинете произошла стычка, ставшая одновременно странным эпилогом пребывания Илона Маска во власти.

Маск по собственной инициативе уволил исполняющего обязанности руководителя Налоговой службы США — IRS — и поставил вместо него своего человека, намереваясь сократить ведомство наполовину. Бессент, который по закону курировал Налоговую службу, воспринял это крайне плохо. Его терпение наконец лопнуло. Спор между ними очень быстро перерос в настоящий скандал.

— Да пошел ты! — бросил министр финансов миллиардеру.

Маск наклонился к нему. — Громче скажи, я тебя не слышу! — издевательски ответил он.

— Да пошел ты! — повторил Бессент.

Маск снова: — Не слышу! Говори громче!

Тогда Бессент сменил тактику и ударил Маска по самому болезненному месту — по растущему ощущению, что тот обещал от DOGE гораздо больше, чем сумел выполнить.

— Илон, ну что там с экономией? — язвительно спросил Бессент. — Два триллиона? Один триллион? Сто миллиардов?

Тут Маск сорвался. — Да пошел ты! — выкрикнул он. — А ты сам вообще что сделал?

Выйдя из Овального кабинета, Маск и Бессент продолжали огрызаться друг на друга. А затем дело дошло до физического контакта. Маск выставил плечо в сторону Бессента, после чего последовал толчок.

Позднее Бессент будет рассказывать, что со временем установил своего рода *entente cordiale* — «сердечное согласие» — и с Маском, и с Латником. Но сразу после той стычки министр финансов говорил знакомым: если бы ему не нужно было спешить на другую встречу, он «выбил бы из Маска все дерьмо».

Когда президент узнал о потасовке, его интересовал прежде всего один вопрос. — Кто победил? — спросил он советника.

Часть II
ВОЗМЕЗДИЕ

«Я — ваше возмездие».

Всего одна фраза из речи, произнесенной в марте 2023 года на Конференции консервативного политического действия в гостинице Нэшнл-Харбор, штат Мэриленд. Дональд Трамп уже несколько месяцев вел свою третью президентскую кампанию. Через три с небольшим недели ему впервые предъявят уголовное обвинение. В последующие месяцы он так открыто говорил о возмездии, что советники предвыборного штаба начали опасаться: это вредит ему политически.

«Надо сбавить тон», — тихо советовали ему. Поэтому 10 января 2024 года, когда республиканские избиратели вот-вот должны были сделать свой выбор на праймериз, Трамп сказал ведущему Fox News Брету Байеру: — У меня не будет времени на возмездие. И добавил: — Наше главное возмездие — это успех. Но реальность заключалась в том, что возмездие — критикам, прокурорам, следователям, журналистам и даже ведущим вечерних телешоу — с самого начала занимало одно из первых мест в повестке его второго срока.

За четыре года вне власти Трамп пережил лавину юридических проблем. И забывать их он не собирался. В 2023 году он стал первым бывшим президентом в истории Соединенных Штатов, официально привлеченным к уголовной ответственности. Для него это было унижительным опытом.

Трамп, привыкший всегда контролировать пространство вокруг себя, мрачно переживал новую жизнь человека, для которого статус обвиняемого превратился почти в постоянную работу. За несколько месяцев весны и лета 2023 года ему четырежды предъявили уголовные обвинения в судах штатов и федеральных судах — по десяткам пунктов. В марте суд штата Нью-Йорк предъявил ему обвинение в фальсификации деловой документации для сокрытия выплаты 2016 года порнозвезде Сторми Дэниселс за молчание о предполагаемой связи. В июне федеральное большое жюри во Флориде предъявило обвинения, связанные с обращением с секретными документами после ухода Трампа из Белого дома, а также с воспрепятствованием попыткам государства вернуть документы. В августе обвинения были предъявлены дважды. Сначала — в федеральном суде Вашингтона по делу о попытках изменить результаты выборов 2020 года. Затем — в суде штата Джорджия по обвинениям в преступном сговоре, также связанным с выборами 2020-го. И все же у этой лавины уголовных дел была для Трампа одна неожиданно выгодная сторона.

Все происходило одновременно с набиравшей обороты президентской кампанией. Юридическая атака придавала его политическому посланию дополнительную энергию. Она обеспечивала непрерывное внимание СМИ и ощущение постоянного движения: Трамп переходил от одного предъявления обвинений к другому, воодушевляя сторонников, резко увеличивая объем пожертвований и превращая и без того мощное движение почти в силовое поле. У самого кандидата и его сотрудников возникало чувство, что они борются уже не просто за победу на выборах. Они борются за собственное выживание.

— Если я проиграю, мне конец, — сказал Трамп одному помощнику по мере приближения выборов. — Он обязан победить, — говорил один высокопоставленный советник после второго предъявления обвинений. Это чувство разделяли почти все в окружении Трампа. Несколько помощников в частных разговорах признавались, что ожидают уголовного преследования, если победит Камала Харрис. Речь уже шла не столько о налоговой реформе, иммиграции или других политических приоритетах. Речь шла о том, чтобы не оказаться в тюрьме. В их глазах все действия против Трампа и его ближайшего окружения были незаконной юридической войной — посредством повесток, расследований и уголовных обвинений. Тот же высокопоставленный советник говорил:

— Если Трамп вернется, я бы не хотел оказаться на месте людей, которые все это с ним сделали. И действительно, несмотря на собственные жалобы о том, что государственные институты используются как оружие против политических врагов, вернувшись к власти, Трамп практически немедленно приступил к мести. Через несколько часов после принесения президентской присяги Пентагон снял

официальный портрет бывшего председателя Объединенного комитета начальников штабов генерала Марка Милли, которого Трамп особенно ненавидел. В последующие дни он лишил государственной охраны Милли и других людей, которых считал нелояльными, включая бывшего советника по национальной безопасности Джона Болтона, бывшего госсекретаря Майка Помпео и бывшего министра обороны Марка Эспера. Все они на протяжении многих лет являлись целями Ирана после того, как в первый срок Трамп приказал нанести удар беспилотником, в результате которого был убит генерал Касем Сулеймани.

В тот же апрельский день, когда Трамп объявил о приостановке тарифов, он пошел еще дальше в своей кампании возмездия. Белый дом выпустил президентский меморандум, предписывавший Министерству юстиции расследовать деятельность Криса Кребса — сотрудника первой администрации Трампа, руководившего Агентством кибербезопасности и безопасности инфраструктуры Министерства внутренней безопасности. Трамп также приказал приостановить допуск к секретным материалам бывшему высокопоставленному сотруднику Министерства внутренней безопасности Майлзу Тейлору. В 2018 году Тейлор под псевдонимом «Аноним» написал для *New York Times* статью, а затем и книгу о «тихом сопротивлении» внутри государственной системы, направленном против Трампа. Президент поручил Министерству внутренней безопасности «проверить деятельность Майлза Тейлора в качестве государственного служащего».

О самом Тейлоре Трамп сказал: — Думаю, он виновен в государственной измене. Как и многие решения администрации после заранее подготовленной серии указов первого дня президентства, распоряжения того апрельского дня во многом импровизировались на ходу. Трамп даже не мог вспомнить имя Криса Кребса. За несколько дней до этого президент сидел с несколькими сотрудниками, включая личного адвоката Бориса Эпштейна и Стивена Миллера, и вновь начал вспоминать старые обиды. — Помню, в администрации был какой-то юрист, который сказал, что выборы были честными и никакого мошенничества не было. Как его звали?

— А, человек из Министерства внутренней безопасности? — ответил Миллер. — Думаю, вы про него. Забыл имя.

Эпштейн достал телефон и быстро поискал. — Крис Кребс.

— Да, Крис Кребс, — сказал Трамп. — Что с ним вообще стало? Плохой был тип. Посмотрите, чем он занимается.

Миллер, которого в окружении президента называли хранителем обид, распорядился подготовить президентский меморандум. Так ресурсы федерального государства были направлены против человека, чья единственная вина перед Трампом состояла в том, что он публично подтвердил безопасность и легитимность выборов 2020 года.

Во время первого срока Трамп уже хотел — и даже приказывал — Министерству юстиции расследовать деятельность своих врагов. Но те распоряжения, некоторые из которых передавались непублично и через посредников, не приводили к результатам, которых он ожидал. Теперь посредники ему больше не требовались. Цели президента прямо прописывались сотрудниками в указах и меморандумах, после чего документы одобрял юридический советник Белого дома. Возмездие больше не было полутайной операцией. Оно превратилось в публичную движущую силу президентства Трампа. И отдельными людьми дело не ограничивалось. Президент и его команда намеревались обезвредить и те институты, которые когда-то осмелились ему сопротивляться.

II

25 февраля во время обычной церемонии подписания документов в Овальном кабинете президент задержался, когда ему передали одно конкретное распоряжение. Оно предписывало приостановить допуски к секретной информации сотрудникам юридической фирмы Covington & Burling, которые бесплатно оказывали юридическую помощь расследованиям специального прокурора Джека Смита —

человека, дважды добившегося предъявления Трампу уголовных обвинений. Секретарь по работе с документами Уилл Шарф передал Трампу папку в кожаном переплете. Президент выглядел почти счастливым. — Вот это хорошая штука. Все слушают? Ненормальный Джек Смит, — сказал Трамп.

Когда журналистка попыталась сменить тему прямо во время подписания меморандума, он оборвал ее: — Позвольте мне сначала насладиться этим моментом. Стоявший слева от него Говард Латник громко рассмеялся. — Кому подарить эту ручку? — спросил Трамп, размахивая черным маркером Sharpie, которым только что подписал документ. — А знаете что, отправьте ее Джеку Смиту. Он ненормальный человек.

Через несколько мгновений президента спросили о столь адресном использовании президентской власти. Улыбка мгновенно исчезла. — Простите, меня самого преследовали четыре года, — ответил Трамп. — Даже дольше. Поэтому не вам рассказывать мне о преследовании.

Затем настала очередь других юридических фирм. Следующей стала Perkins Coie — известная фирма, связанная с демократами и некогда нанимавшая другого врага Трампа, Марка Элиаса. А 14 марта появился исполнительный указ № 14237: «О мерах в связи с рисками, исходящими от Paul Weiss». В действительности Paul, Weiss, Rifkind, Wharton & Garrison никакой угрозы государству не представляла. Но когда-то в фирме работал один из заклятых противников Трампа — Марк Померанц.

В 2021 году он стал специальным помощником окружного прокурора в офисе тогдашнего прокурора Манхэттена Сайруса Вэнса-младшего. Померанца наняли с одной конкретной целью: расследовать деловые и личные финансы Дональда Трампа, которого подозревали в банковском, страховом и налоговом мошенничестве. В конце 2022 года новый окружной прокурор Элвин Брэгг добился обвинительного приговора уже самой Trump Organization по делам о налоговом мошенничестве и фальсификации деловой документации. Главный финансовый директор компании Аллен Вайссельберг за несколько месяцев до этого признал себя виновным в мошеннической налоговой схеме. Однако Вайссельберг, начавший работать еще на отца Дональда Трампа, получил от Trump Organization щедрую компенсацию и отказался сотрудничать с прокуратурой против президента. Самому Трампу обвинения тогда предъявлены не были. Разочарованный Померанц ушел в отставку. В заявлении об уходе он написал, что расследование собрало «доказательства, достаточные для установления вины господина Трампа вне разумных сомнений» и что «общественные интересы требуют уголовного преследования господина Трампа».

Президентский указ атаковал Померанца по имени. Кроме того, он угрожал бизнесу Paul Weiss: адвокатам фирмы ограничивали доступ в федеральные здания, включая здания судов. Но с точки зрения Paul Weiss даже это было не самым страшным. Указ фактически предупреждал клиентов фирмы: если они продолжают сотрудничать с Paul Weiss, федеральное правительство может прекратить вести дела уже с ними. А среди клиентов фирмы были крупнейшие и наиболее известные американские корпорации, имевшие государственные контракты на миллиарды долларов. Указ против Paul Weiss стал одним из семи указов Трампа, направленных против юридических фирм, и одним из двенадцати указов или президентских меморандумов, в которых конкретные адвокаты назывались поименно. Использование президентских указов в целях подобного возмездия не имело исторических прецедентов и вызывало серьезные юридические сомнения.

Но в реальной жизни публичную травлю со стороны президента Соединенных Штатов невозможно было просто проигнорировать.

Через несколько дней после подписания указа № 14237 управляющий партнер Paul Weiss Брэд Карп направился в Овальный кабинет. Их общий знакомый — владелец команды New England Patriots Роберт Крафт — позвонил президенту от имени Карпа через два дня после подписания указа. Он поручился за него и спросил, может ли Карп лично встретиться с Трампом. Paul Weiss стала первой фирмой, поднявшей белый флаг перед неспровоцированной атакой Белого дома. Но далеко не последней.

Позднее Карп объяснял доверенным людям, что ему звонили клиенты Paul Weiss и говорили примерно следующее: «Как бы сильно мы вас ни любили, если вы не уладите проблему с администрацией Трампа, нам придется прекратить сотрудничество с вашей фирмой». Ситуацию ухудшало и то, что конкурирующие юридические компании начали переманивать наиболее ценных партнеров Paul Weiss, пользуясь тем, что указ президента угрожал существованию фирмы. Paul Weiss могла бы подать в суд на президента и, вероятно, выиграть. Но Карп был убежден: фирма со 150-летней историей просто не переживет эту войну. Paul Weiss относилась к числу наиболее престижных юридических фирм США. В предыдущем году ее валовой доход составлял 2,63 миллиарда долларов.

У нее была и блестящая история бесплатной юридической работы в сфере гражданских прав. Юристы Paul Weiss помогали Тергуду Маршаллу в знаменитом деле *Brown v. Board of Education* и участвовали в знаковом деле Эди Виндзор о легализации однополых браков. Но теперь управляющий партнер пришел к выводу: перед тотальной атакой президента фирма беззащитна. 19 марта Брэд Карп вошел в Овальный кабинет в надежде договориться и спасти свою фирму. Президент вошел вместе с несколькими помощниками, среди которых был Борис Эпштейн. Все расселись. Первоначальная идея атаковать Covington исходила от команды Стивена Миллера.

Но затем Эпштейн подхватил саму концепцию и значительно ее расширил. Теперь именно он руководил переговорами по Paul Weiss. Люди, связанные с чем-либо, что считалось «политизированным» и причинявшим вред Трампу, должны были «понести ответственность», говорил Эпштейн окружающим. Для него эта встреча была своего рода торжеством. История отношений Эпштейна с Трампами была долгой и временами непростой. Президент высоко ценил его как жесткого исполнителя.

Но многие в окружении Трампа считали Эпштейна скорее проблемой. С семьей он познакомился еще благодаря Эрику Трампу во время учебы в Джорджтаунском университете. Однако даже Эрик на протяжении многих лет в частных беседах жаловался на методы Эпштейна. Его стремление всегда находиться как можно ближе к Дональду Трампу и любой ценой обеспечивать тому предполагаемые победы привело к тому, что в апреле предыдущего года Эпштейну самому предъявили обвинения в Аризоне. Его подозревали в участии в заговоре с целью утвердить список фиктивных выборщиков. В 2025 году дело получит серьезный удар, и станет неясно, будет ли оно вообще продолжено. В показаниях перед Конгрессом в том же году специальный прокурор Джек Смит назвал Эпштейна одним из не привлеченных к ответственности соучастников предполагаемого заговора в деле Трампа о выборах 2020 года.

Трамп шутил, что Эпштейн способен представить любое развитие событий — хорошее или плохое — как победу. Но президент любил его и считал именно Эпштейна человеком, который собрал юридическую команду, помогшую Трампу не оказаться в тюрьме. Куда менее ясно было, откуда Эпштейн получал деньги после начала работы новой администрации. Он утверждал знакомым, что никогда не получал денег за президентские помилования, никогда не лоббировал перед президентом чьи-либо просьбы о помиловании и никогда не пытался заключать контракты на постоянное юридическое обслуживание с руководителями корпораций. Хотя некоторые из этих руководителей в частных разговорах утверждали обратное.

Во время переходного периода Эпштейна обвиняли в том, что он предлагал людям, рассчитывавшим получить должности во второй администрации Трампа, платить ему ежемесячный гонорар. За что именно — порой оставалось неясным. Согласно внутренней проверке, проведенной вскоре после выборов, в феврале 2024 года Эпштейн якобы обедал со Скоттом Бессентом, который уже больше года стремился стать министром финансов. На той встрече Эпштейн, как утверждалось, попросил «вознаграждение» в 30–40 тысяч долларов в месяц за то, что будет продвигать кандидатуру Бессента в Мар-а-Лаго. Бессент рассказывал другим, что отказался и сразу позвонил своему консультанту по связям с прессой, возмущаясь: — Не могу поверить, этот ублюдок только что попытался вымогать у меня деньги.

Тем же летом, согласно внутренней проверке, после того как имя Бессента стало обсуждаться в связи с должностью министра финансов, Эпштейн якобы вновь вышел на него. На этот раз речь шла о «вложении» десяти миллионов долларов в баскетбольную лигу три на три, продвижением которой он занимался. Бессент, по его словам, снова отказался. Отношения между ними испортились. Через неделю после выборов Бессент утверждал, что по неофициальным каналам узнал: Эпштейн «вставляет ему нож в спину» в Мар-а-Лаго и пытается сорвать его назначение в кабинет. По версии Бессента, в телефонном разговоре Эпштейн заявил ему: — Надо было делать то, что я тебе сказал... Я, черт возьми, Борис Эпштейн.

Сам Эпштейн отрицал, что пытался вымогать деньги у Бессента или кого-либо еще. В разговорах со знакомыми он утверждал, что эпизоды, описанные во внутреннем расследовании, были либо выдуманы, либо неправильно истолкованы. По его версии, с Бессентом он обсуждал обычный контракт по связям с общественностью, а во время телефонного разговора лишь сказал, что теперь уже слишком поздно ему помогать.

Трамп поручил будущему главному юридическому советнику Белого дома Дэвиду Уоррингтону разобраться с жалобами на Эпштейна. В итоговой записке Уоррингтон сформулировал предельно жесткое предупреждение: «Поведение Эпштейна необходимо прекратить, а его работу и близость к президенту Трампу — положить конец. В противном случае его действия, скорее всего, в лучшем случае приведут к скандалу, затрагивающему новую администрацию Трампа, а в худшем — могут закончиться уголовными обвинениями». Однако Бессент не давал этих обвинений под присягой.

Рон Уайден, главный демократ в Финансовом комитете Сената, позднее опубликовал письмо, где говорилось, что перед слушаниями по утверждению Бессента министром тот рассказывал сенатору: Эпштейн обсуждал с ним ежемесячный гонорар за «связи с общественностью». Но после слушаний, писал Уайден, Бессент в письменном ответе заявил, что никто никогда не просил у него денег в связи с возможным назначением. И вот Борис Эпштейн снова сидел в Овальном кабинете. Один советник объяснял это очень просто: Трампу он нравился. Президент называл Эпштейна «моим психиатром».

— Он жутко невротичный, но умеет себя контролировать, — с одобрением говорил Трамп. Другие помощники называли его «человеком хороших новостей». Один из них рассказывал, что Трамп и сам признавал: иногда просто приятно иметь рядом человека, который говорит тебе, что все обязательно будет хорошо. Другой близкий советник объяснял, что Трамп вообще предпочитал держать таких людей, как Эпштейн, неподалеку. Он ценил адвокатов, которые, как ему казалось, готовы сделать для него все.

Кроме того, Трамп на горьком опыте понял, насколько опасно превращать бывших помощников во врагов — особенно если им известны его секреты. Во время первого срока по совету адвокатов он держался подальше от людей, оказавшихся в центре скандалов, среди которых были Роджер Стоун, Пол Манафорт и Майкл Коэн. Теперь все было иначе. Конгресс больше не представлял собой серьезного противовеса президенту. А историческое решение Верховного суда 2024 года по делу *Trump v. United States* предоставило президенту широкий иммунитет. Поэтому у Трампа практически не было причин прислушиваться к предупреждению Уоррингтона. — Люди, которые думали, что уничтожили Бориса, ничего не уничтожили, — говорил один высокопоставленный помощник. — Они только сделали его сильнее.

А теперь в Овальном кабинете Эпштейн наблюдал, как президент демонстрирует свою власть над председателем Paul Weiss.

К удивлению некоторых членов команды Трампа, Брэд Карп приехал в Белый дом один. Трамп начал встречу с небольшой экскурсией по Овальному кабинету.

Он провел Карпа по комнате, показывая картины маслом и вставленную в рамку копию Декларации независимости. Во время этой экскурсии Карп упомянул, что два месяца назад перенес сердечный приступ. Когда все расселись, Трамп спросил, не возражают ли присутствующие, если он подключит по телефону одного из своих адвокатов. — Позовите Джуффру к телефону, — распорядился он.

Роберт Джуффра — сопредседатель Sullivan & Cromwell, еще одной престижнейшей юридической фирмы Манхэттена, и личный адвокат Трампа — прослушал всю встречу по громкой связи. Предполагалось, что он поможет Эпштейну оформить сделку с Paul Weiss. Трамп хотел получить огромную сумму, которой можно было бы похвастаться перед публикой. Карп сел посередине ряда стульев напротив президентского стола. Слева от него находились Эпштейн и Стив Уиткофф, справа — Сьюзи Уайлс. Затем последовал очень долгий разговор о гольфе.

Трамп с удовольствием рассказывал собравшимся о своей недавней победе на турнире. А потом начал перечислять старые претензии к противникам. Удивительным образом он сохранял совершенно спокойный тон даже тогда, когда обрушивался на них с самыми жесткими нападками. Он прошелся по Э. Джин Кэрролл, выигравшей против него гражданское дело о сексуальном насилии; ее представляла бывшая партнерша Карпа Роберта Каплан. Трамп пожаловался на два импичмента. Затем нанес словесный удар по Марку Померанцу. Карп в основном молча слушал. Трамп вел себя дружелюбно, часто широко улыбался и почти не говорил о конкретных деталях дела Paul Weiss.

Казалось, оба прекрасно понимают, чем все должно закончиться. Трамп хотел символической победы над фирмой. Карп был готов эту победу ему предоставить. Первоначально Карп предложил урегулирование на сумму 25 миллионов долларов в виде бесплатных юридических услуг — при условии, что направления работы будут согласованы обеими сторонами.

Позднее Эпштейн говорил окружающим, что они могли бы получить и сто миллионов, если бы просто попросили. Но когда Карп уже собирался уходить из Овального кабинета, Трамп повернулся к нему: — Значит, дадите нам сорок миллионов? Карп ответил, что, насколько он понял, речь шла о двадцати пяти.

Трамп улыбнулся и повторил: он хочет сорок. Значит, будет сорок миллионов. Президент поручил Карпу, Эпштейну и Джуффре согласовать детали. В течение следующих двадцати четырех часов Эпштейн вел переговоры крайне жестко.

Он добивался от Paul Weiss обязательства бесплатно работать на администрацию по теме «использования государственных институтов как политического оружия». Карп отказался. При посредничестве Джуффры стороны в итоге остановились на трех политически нейтральных направлениях: борьбе с антисемитизмом, содействии справедливости в уголовном правосудии и помощи ветеранам. Paul Weiss обязалась в течение следующих четырех лет оказать бесплатные юридические услуги по этим направлениям на общую сумму 40 миллионов долларов.

По существу сделка почти ничего не значила. Это было короткое письменное соглашение, описывавшее бесплатную работу, которую фирма и без того уже выполняла. Просто продолжая работать в обычном режиме, Paul Weiss легко превысила бы сорок миллионов долларов расходов по этим трем направлениям. Но заголовок «40 миллионов долларов» создавал впечатление потрясающей уступки. Он усиливал власть Трампа и тот страх, который президент мог использовать, чтобы заставить подчиниться другие юридические фирмы.

Когда одному высокопоставленному помощнику Трампа сказали, что капитуляция Paul Weiss заставила всех бояться президента, тот ответил: — Отлично. Пусть боятся.

Эпштейн хвастался сделкой перед друзьями и новым влиянием, которое, по его мнению, получил над Карпом. По воспоминаниям одного из собеседников, Борис говорил: — Теперь я в очень хорошем положении. Я председатель Paul Weiss. Но планы у него были гораздо масштабнее.

Всего через несколько дней Skadden, Arps, Slate, Meagher & Flom согласилась бесплатно работать над инициативами, которые поддерживал президент. Трамп даже не издавал указа против Skadden. Фирма заявила, что действует «на опережение», чтобы сама возможность появления такого указа исчезла. Советники Трампа рассматривали каждое новое соглашение как прецедент для следующего. Теперь стартовая сумма составляла уже сто миллионов долларов.

III

Публично назначая указами отдельных людей и организации мишенями для возмездия — и наблюдая, как те начинают сдаваться еще до начала самой атаки, — Трамп фактически открыл во второй срок новый фронт: запугивание своих противников. И на Paul Weiss он останавливаться не собирался.

После того как под удар попала юридическая фирма Covington & Burling, руководство Гарвардского университета находилось в состоянии повышенной готовности. К второй неделе апреля юристы Гарварда уже несколько недель вели переговоры с новой правительственной рабочей группой по борьбе с антисемитизмом, пытаясь согласовать меры, которые обеспечили бы безопасность еврейских студентов на территории кампуса. Это происходило после прошлогодних демонстраций против войны в Газе, во время которых некоторые студенты подвергались оскорблениям и физическим нападениям.

Гарвард всеми силами старался избежать участия Колумбийского университета. Всего месяцем ранее администрацию Колумбийского уведомили: если университет не выполнит целый список требований, далеко выходящих за рамки борьбы с антисемитизмом, по распоряжению Белого дома ему прекроют более 400 миллионов долларов федеральных грантов. Когда началась атака на Колумбийский университет, члены Гарвардской корпорации сразу заподозрили, что следующими будут они.

Университетские юристы уже вели, как им казалось, вполне конструктивные переговоры с представителями администрации Трампа. А затем вечером в пятницу, 11 апреля, юристы Гарварда получили по электронной почте письмо с настолько жесткими требованиями, что по сути они были близки к федеральному захвату университета и присвоению государством его управленческих полномочий. Гарвард в Кембридже, штат Массачусетс, был старейшим, богатейшим и самым престижным высшим учебным заведением страны, с выдающейся историей, восходящей к 1636 году.

На протяжении десятилетий он опирался на федеральные гранты, финансируя важнейшие исследования в самых разных областях — от общественного здравоохранения и медицины до генетики, нейронаук, технологий и инженерии. Однако подозрительность в отношении прогрессивного уклона американских университетов уже много десятилетий оставалась одной из постоянных тем для республиканцев.

А антиизраильские протесты, охватившие университетские кампусы по всей стране в 2024 году, и то, что Трамп и многие правые считали беспомощной терпимостью университетской администрации к левым студентам, лишь сильнее разожгли раздражение консерваторов. Теперь Трамп увидел возможность использовать федеральные деньги как рычаг давления на учреждения, которые он и многие его сторонники считали рассадниками антиамериканизма и «воук-идеологии». Реальная угроза нового всплеска антисемитизма в университетах давала для этого удобный повод — и предлог. Оказалось, что у Трампа куда больше рычагов, чем он сам первоначально предполагал.

Весной того года обязательства федерального правительства перед Гарвардом по уже утвержденным грантам составляли в общей сложности почти 9 миллиардов долларов. Когда 1 апреля, за обедом в его частной столовой, один из помощников сообщил Трампу эту цифру, президент вслух задумался: — А что, если мы вообще им не заплатим? Было бы здорово, правда?

Письмо от 11 апреля, подписанное Администрацией общих служб, Министерством образования и Министерством здравоохранения и социальных служб, фактически требовало установить государственный контроль над наймом сотрудников и приемом студентов в университет — с надзором и ежегодными проверками вплоть до 2028 года. Предлагалось следить за «разнообразием точек зрения» как при найме, так и при приеме. От Гарварда требовали перестроить систему управления в соответствии с указаниями администрации Трампа. Университету предписывалось немедленно «закрыть» все программы, подразделения, комитеты, должности и инициативы, связанные с DEI — разнообразием, равенством и инклюзией, — а затем «доказать федеральному правительству, что это сделано в полной мере и к его удовлетворению». Кроме того, Гарвард совместно с правительством должен был провести аудит «программ и кафедр, которые в наибольшей степени способствуют антисемитским

преследованиям или демонстрируют идеологический захват», а затем наказать преподавателей, признанных причастными.

Намерен ли на самом деле комитет по борьбе с антисемитизмом или Белый дом заходить настолько далеко, вскоре утонуло в последовавшей словесной войне. Как выяснилось, письмо было лишь черновиком и попало к юристам Гарварда по ошибке, незадолго до полуночи 11 апреля. Изначально оно предназначалось только для внутреннего обращения в администрации Трампа и пока не должно было направляться президенту Гарварда. Но, когда письмо стало достоянием общественности, Белый дом от своих требований не отступил. Президент Гарварда Алан Гарбер и остальные члены Гарвардской корпорации готовились к подобной атаке — но не ожидали ничего настолько масштабного. На состоявшемся в выходные совещании по Zoom руководство университета пришло к единодушному выводу: необходимо немедленно подавать в суд.

Отстаивание принципов обещало быть болезненным. Неповиновение Гарбера вызвало мгновенную реакцию Белого дома. Рабочая группа по борьбе с антисемитизмом тут же объявила о замораживании 2,6 миллиарда долларов федеральных грантов университету. Затем в течение следующих нескольких месяцев Белый дом принялся методично избивать Гарвард всеми доступными средствами. Руководители университета наблюдали, как Мэй Мэйлман, главный советник Стивена Миллера по политике и сама выпускница юридического факультета Гарварда, с каждым днем становилась всё изобретательнее, придумывая новые способы причинить университету ущерб.

Администрация решила полностью отрезать Гарвард от федерального финансирования — от Национальных институтов здравоохранения до Министерства обороны. Трамп потребовал лишить Гарвард налоговых льгот. Министерство внутренней безопасности запросило документы по визам иностранных студентов. Когда ответ Гарварда был сочтен недостаточным, администрация попыталась вовсе лишить университет права принимать иностранных учащихся. Затем Трамп издал президентскую прокламацию, запрещающую иностранным студентам и ученым въезжать в страну ради учебы или работы в Гарварде. Наконец, Министерство образования направило жалобу на Гарвард его аккредитационному органу, поставив под угрозу сам статус университета как учебного учреждения.

В Кембридже постепенно пришло осознание: **они не остановятся**. Натиск администрации Трампа был настолько мощным и непрерывным, что руководители главного университета страны всерьез опасались: эта битва может нанести Гарварду огромный ущерб и, возможно, изменить его до неузнаваемости.

Но в бой они всё-таки вступили. В течение тяжелейшего года Гарвард дважды подаст в суд на администрацию и одержит победы в судах низших инстанций по вопросам финансирования научных исследований и виз для иностранных студентов. Правительству придется разморозить более 2 миллиардов долларов средств Гарварда. Но к концу 2025 года судьба университета всё еще будет висеть в воздухе — уже на уровне апелляционного суда.

IV

Самой быстро принесшей результат кампанией возмездия Трампа оказался поход против средств массовой информации. Как впоследствии станет привычным и в других отраслях, стандартной реакцией станет капитуляция.

Первым предупредительным выстрелом был иск Трампа против Джорджа Стефанопулоса и ABC News, поданный за несколько месяцев до дня выборов. Трамп утверждал, что ведущий главной воскресной информационной программы канала оклеветал его, когда в 2024 году заявил в эфире, что гражданский суд признал Трампа ответственным за изнасилование писательницы И. Джин Кэрролл. Присяжные действительно признали Трампа ответственным за сексуальное насилие и клевету в отношении Кэрролл, но отклонили конкретное обвинение в изнасиловании. Позднее судья по делу сказал, что в его собственном понимании вердикта действия Трампа вполне можно было назвать

«изнасилованием» в обычном значении этого слова, а Стефанопулос даже показывал в эфире материал, где излагалась эта позиция судьи. Тем не менее команда Трампа очень гордилась тем, что по конкретному пункту об изнасиловании присяжные его не признали ответственным.

Доказать наличие у Стефанопулоса «реального злого умысла» было бы чрезвычайно трудно. Но вскоре после выборов материнская компания ABC News, Disney, начала искать возможность урегулировать дело. Компания не хотела многолетней судебной тяжбы во Флориде, в округе, где судьи в целом считались более благосклонными к Трампу. Кроме того, дело потенциально могло быть использовано для атаки на одно из ключевых решений Верховного суда в сфере свободы прессы — *New York Times Co. v. Sullivan*. Цена для компании могла оказаться высокой — особенно при президенте, склонном к мести, чье правительство контролировало лицензирование местных станций, связанных с общенациональными телесетями. Первоначально Disney предложила выплатить 500 тысяч долларов. Команда Трампа сразу дала понять: этого совершенно недостаточно.

В начале декабря 2024 года советники избранного президента и Disney согласовали основу мирового соглашения: 3 миллиона долларов должны были пойти благотворительной организации, помогающей ветеранам, которую обе стороны выбрали бы совместно. Трамп также хотел личных извинений от Стефанопулоса. Тот не извинился, но вскоре состоялась его встреча с избранным президентом в Trump Tower, которую обе стороны охарактеризовали как «дружелюбную». Казалось, вопрос закрыт. Но через несколько дней команда Трампа попыталась изменить условия. Борис Эпштейн говорил знакомым, что президент может вытянуть из Disney гораздо больше — 60 миллионов долларов, а то и выше. И вдруг Трамп потерял интерес к уже согласованной сделке. Раз ему сказали, что можно получить больше, он решил попробовать. Когда команда Трампа отказалась от первоначальной схемы, Disney была готова лишь на один вариант: деньги пойдут будущей президентской библиотеке Трампа, и общественность сможет отслеживать пожертвование. Стороны обсуждали сумму в 15 миллионов долларов.

Трамп согласился — а затем снова передумал. Тем временем юристы готовились к назначенной судом процедуре медиации 13 декабря. Судья уже назначил допросы под присягой Трампа и Стефанопулоса на несколько недель вперед. Руководители Disney начали возражать против постоянных попыток поднять цену. Кроме того, их настораживали усилия некоторых членов команды Трампа направить деньги не в публичную структуру, а в правозащитную организацию, связанную с будущим президентом. Компания готовилась продолжать судебный процесс. К концу процедуры медиации Трамп, похоже, понял, что достиг предела. Соглашение было передано в суд.

Disney должна была выплатить 15 миллионов долларов на специальный счет, предназначенный в будущем для президентской библиотеки Трампа, и еще 1 миллион — на его судебные расходы, которые много лет до этого покрывались пожертвованиями его политическому комитету. Закончив с ABC, команда Трампа переключилась на CBS News. Трамп давно был в ярости из-за дотошного и критического освещения каналом его первого президентского срока и лавины судебных разбирательств, обрушившихся на него после ухода из Белого дома. Теперь он был намерен проучить сеть — и заставить ее измениться. Перед выборами Камала Харрис дала интервью главной информационной программе CBS — *60 Minutes*. Оно вышло 7 октября 2024 года. Сам Трамп, отношения которого с программой давно были конфликтными, выдвинул CBS целый ряд условий для собственного интервью, но сеть отказалась их выполнять. Сначала CBS показала расширенную версию довольно сбивчивого и не слишком связного ответа Харрис на вопрос о политике на Ближнем Востоке. На следующий день *60 Minutes* использовала гораздо более короткий фрагмент того же ответа. Незначительное расхождение — обычный результат монтажа, которым вправе заниматься любая телекомпания, — внезапно превратилось для команды Трампа в новую тему для атаки.

В течение нескольких недель они требовали от CBS опубликовать полную расшифровку интервью, утверждая, что ответы Харрис намеренно смонтировали так, чтобы представить ее в более выгодном свете. CBS считала, что просто публиковать полный текст было бы несправедливо по отношению к

Харрис. Перед интервью такой договоренности не существовало, а подобный шаг создал бы прецедент на будущее. Ответ был: нет. После этого Трамп подал иск в Техасе — штате, где не находились ни он сам, ни CBS.

В иске программу и сеть обвиняли в «партийных и незаконных действиях по вмешательству в выборы и волеизъявление избирателей» с целью помочь Харрис победить. Трамп также утверждал, что эти действия причинили ему «душевные страдания». Иск выглядел нелепо. Но, к изумлению руководителей CBS, судья отказался его отклонить. Теперь, вернувшись в Белый дом, Трамп мог отомстить. И у него появился дополнительный рычаг. CBS принадлежала Paramount Global — развлекательному конгломерату, погрязшему в долгах и контролируруемому наследницей медиаимперии Шари Редстоун. В июле 2024 года она объявила о слиянии Paramount со Skydance Media — продюсерской компанией Дэвида Эллисона, сына мультимиллиардера и технологического магната Ларри Эллисона. Ларри Трампу нравился — в том числе потому, что был одним из его политических доноров.

А вот на сына Трамп ворчал: Дэвид пожертвовал почти миллион долларов на поддержку переизбрания Джо Байдена. Для сделки Paramount требовалось одобрение Федеральной комиссии по связи — FCC. Слияние могло принести Редстоун более 500 миллионов долларов. И этот фактор всё время висел на заднем плане:

нет федерального одобрения — нет сделки. Тем временем советники Трампа ясно дали Paramount понять: чтобы урегулировать дело вокруг *60 Minutes*, потребуются извинения и деньги. Для ветеранов CBS News идея извиняться за то, в чем они не считали себя виноватыми, была немыслимой. Переговоры от имени команды Трампа курировал Борис Эпштейн.

Кто-то из окружения президента первоначально назвал сумму в 100 миллионов долларов. Но руководство Paramount твердо заявило: больше 16 миллионов, которые уже заплатила Disney, они не дадут. В конце концов президент CBS News Венди Макмэхон и многолетний исполнительный продюсер *60 Minutes* Билл Оуэнс согласились опубликовать полную расшифровку интервью Харрис. Но без извинений. Впрочем, это уже почти не имело значения. Список претензий новой администрации опускался до микроскопического уровня. Белый дом начал внимательно разбирать отдельные сюжеты *60 Minutes*, которые не понравились президенту. В апреле 2025 года Оуэнс ушел в отставку. Позднее он говорил, что на него оказывали давление, требуя смягчить освещение Трампа.

Через месяц ушла и Макмэхон, заявив, что ее взгляды и позиция компании расходятся относительно «пути вперед». Около полуночи 1 июля Paramount объявила о заключении мирового соглашения с Трампом на 16 миллионов долларов. Деньги должны были поступить в фонд будущей президентской библиотеки Трампа. В отличие от соглашения с Disney, советники Трампа в частных разговорах утверждали, что остается некоторая гибкость в определении точной суммы, которую библиотека в итоге получит от Paramount. Кроме того, *60 Minutes* согласилась в будущем публиковать полные расшифровки интервью с кандидатами в президенты. Это означало изменение редакционной политики канала.

По совету юристов Шари Редстоун не участвовала в голосовании совета директоров Paramount по вопросу мирового соглашения. Для столь могущественной новостной организации — когда-то прозванной «сетью Tiffany» за свой престиж — это был тяжелый момент. А ведь история CBS была неотделима от истории современной Америки. Сеть возникла почти сто лет назад, в 1927 году, как радиосеть United Independent Broadcasters. В 1928 году она стала Columbia Broadcasting System. Телевизионное вещание началось в 1941-м. CBS рассказывала американцам новости со всех фронтов и на протяжении практически всей современной истории страны. Она пережила — и более того, сопротивлялась — злобной и репрессивной эпохе охоты на «красных», олицетворением которой стал Джозеф Маккарти. Вместе с десятками других газет, радиостанций и телеканалов CBS помогала формировать само представление о том, что означает мужественная журналистика.

А теперь она оказалась поставлена на колени. Трамп подал в суд на CBS из-за отредактированного интервью — иск, который ни один президент до него не осмелился бы даже предъявить, не говоря уже о

том, чтобы добиться результата. Но Трампу вовсе не обязательно было побеждать в суде. У него имелось нечто лучше:

возможность заблокировать слияние Paramount. Как и в случае с ABC News, соглашение Paramount и CBS с Трампом не содержало официальных извинений. Но во всей медиаиндустрии сложилось впечатление: вместо того чтобы принципиально защищать своих журналистов, владельцы CBS просто заплатили, чтобы проблема исчезла. Примерно через три недели после урегулирования спора с Трампом FCC одобрила приобретение Paramount компанией Skydance. Сделка оценивалась в 8 миллиардов долларов и превращала семью Эллисон в владельцев одного из важнейших новостных активов страны.

Отдельно Трамп заявил в Truth Social, что в рамках соглашения «мы также ожидаем» от CBS дополнительно 20 миллионов долларов в виде рекламы или «аналогичных программ». Представители Paramount сказали, что понятия не имеют, о чем он говорит. Примерно за неделю до того, как FCC окончательно одобрила слияние, CBS объявила о закрытии вечернего шоу комика Стивена Колберта. Со своей площадки он регулярно высмеивал Трампа, а мировое соглашение сети называл «огромной жирной взяткой».

Колберт говорил, что теперь чувствует себя свободным говорить всё, что думает. Узнав о закрытии его программы, Трамп отпраздновал это как собственную победу.

В ночь выборов 2024 года генеральный прокурор штата Нью-Йорк Летиция Джеймс находилась на вечеринке демократов в Garden City Hotel, организованной председателем партии штата Джейм Джемсом.

Высокопоставленные демократы собрались в отдельной комнате — своеобразном оперативном штабе, где следили за результатами. Остальные гости общались в главном бальном зале; там работал платный бар и подавали печенье. По мере поступления результатов становилось всё очевиднее, что победа Трампа весьма вероятна. Настроение в обеих комнатах быстро мрачнело. Джеймс явно хотел поскорее закончить интервью телеканалу Spectrum News — камера показывала за его спиной почти пустой зал. В оперативной комнате Джеймс сидела на дальнем конце длинного стола и буквально не находила слов. Как и многие демократы, она была уверена, что победит Камала Харрис.

Незадолго до 11 вечера кто-то спросил ее, не хочет ли она выступить перед собравшимися в бальном зале. Джеймс отказалась. — Нет, — сказала она. — Я еду домой.

Позже она признается знакомому, что в тот момент в голове крутилась только одна мысль: **«Мне конец»**. И она не ошибалась. Летиция Джеймс уже давно занимала одно из первых мест в списке людей, которым Дональд Трамп хотел отомстить. В сентябре 2022 года она подала гражданский иск, обвиняя Трампа и его компанию в десятилетней системе мошенничества — завышении стоимости недвижимости ради получения более выгодных условий по ипотечным кредитам и страховке.

Иск, который команда Джеймс выиграла в феврале 2024 года, угрожал не только имиджу и репутации Трампа. Он ударил прямо по сердцу его бизнеса и состояния. К моменту первой победы Трампа на президентских выборах в 2016 году Джеймс уже сделала карьеру общественного защитника и городского чиновника Нью-Йорка. Она была избрана общественным адвокатом города — пост сравнительно маловлиятельный, но традиционно служивший ступенью к более высокой должности.

В случае Джеймс это означало использование глубокого раздражения нью-йоркских демократов против девелопера, который из их города сумел подняться до президентского кресла. Почти через два года, в ноябре 2018 года, Джеймс выиграла выборы на вакантный пост генерального прокурора штата Нью-Йорк. Она совершенно открыто строила кампанию на обещании преследовать президента Трампа. — Я никогда не побоюсь бросить вызов этому нелегитимному президенту, — говорила Джеймс в предвыборном ролике. — Я считаю, что этот президент некомпетентен. Считаю, что он не способен занимать высший пост в нашей стране. И считаю его позором для всего, что мы отстаиваем.

По ее словам, в бизнесе Трампа, вероятно, была «незаконная деятельность». Она обещала пролить свет на его годы в сфере недвижимости. К марту 2019 года Джеймс начала расследование Trump Organization. Она утверждала, что обнаруженное ее ведомством мошенничество настолько масштабно, что прокуратура намерена запретить семье Трампа вести бизнес в штате Нью-Йорк в течение пяти лет и навсегда отстранить их от управления компанией, носящей их имя. 10 августа 2022 года Трамп и Джеймс впервые оказались лицом к лицу в офисе генерального прокурора по адресу 28 Liberty Street.

Трампу предстояло провести там около четырех часов, давая показания под присягой. Это был необычайный момент в ожесточенной схватке двух сильных характеров.

Но началось всё, как часто бывало с Трампом, с попытки очаровать противника. Несмотря на всю свою ярость из-за происходящего, Трамп передал Джеймс листок бумаги со своим мобильным номером. Позвони мне, если захочешь, сказал он. Джеймс передала бумажку сотруднику своей охраны. С начала расследования ей фактически постоянно требовалась защита — такова была цена конфликта с Трампом. Затем Трамп достал из кармана костюма черный маркер Sharpie, расписался на стеклянной бутылке Coca-Cola и также протянул ее Джеймс. Вещь с его автографом может когда-нибудь чего-то стоить, сказал он.

Джеймс посмотрела на бутылку и рассмеялась. Сувенир. Помощники предупредили ее, что принимать его нельзя. — Это вещь, имеющая материальную ценность, — объяснили они. Джеймс передала бутылку одному из агентов Секретной службы Трампа.

Позднее Трамп будет утверждать: — Это она попросила меня расписаться. Она сама принесла бутылку. Высокие окна переговорной комнаты были закрыты — по просьбе Секретной службы, из соображений безопасности Трампа. Однако всего в нескольких кварталах находилось одно из его зданий — знаменитое 40 Wall Street. Желая похвастаться, Трамп подошел к окнам, пытаясь разглядеть свою башню.

Но, когда Трамп и Джеймс сели друг напротив друга за столом и начался официальный допрос, от прежних любезностей не осталось и следа. Трамп сидел, крепко скрестив руки в своей привычной защитной позе, и отказывался отвечать на вопросы Джеймс. Раньше он высмеивал людей, пользовавшихся Пятой поправкой и отказывавшихся давать показания против самих себя. По мнению Трампа, так поступали только очевидно виновные. Теперь он сделал ровно то же самое. Только в собственном случае преподнес это как подтверждение невиновности.

— Любый человек на моем месте, который не воспользовался бы Пятой поправкой, был бы дураком. Полным дураком, — заявил Трамп в начале допроса. И именно так он и поступил. Более 400 раз за четыре часа. Суд должен был начаться в начале октября 2023 года.

Председательствующий судья Артур Энгорон неоднократно пытался предотвратить второе за тот год гражданское разбирательство в Нью-Йорке, связанное с Трампом. На нескольких встречах с Трампом, Джеймс и их адвокатами Энгорон спрашивал: — Как мы можем это урегулировать? В какой-то момент называлась сумма 150 миллионов долларов. В другой — 100 миллионов. Трампа предложенные суммы приводили в ярость. Он обрушивался на Летицию Джеймс с потоком оскорблений. Я очень богат, насмехался он.

Мои компании чрезвычайно успешны. А вот Джеймс, по его словам, успешной не была. Она бездарь. Нечестная. Некомпетентная. Ужасная. Трамп начал называть Джеймс прозвищем «Peekaboo». Она сама не понимала, что оно означает, но и ей, и большинству окружающих казалось, что в нем есть расистский подтекст.

Трамп настаивал, что ничего такого не имел в виду. Просто, мол, так когда-то звали кого-то из его школьных знакомых. — Это вообще ничего не значило, — говорил он. — Просто прозвище. Но... Пауза. — Я называл ее и гораздо хуже. В том, что дело всё-таки дошло до суда, Трамп обвинял Энгорона: судья, по его мнению, должен был добиться сделки. Но мирового соглашения не будет.

Джеймс лично посещала заседания, особенно в дни, когда в суд приходил Трамп. Для генерального прокурора присутствовать на процессе лично было необычно. Но из-за того, насколько сильно Трамп доминировал в зале своим присутствием, Джеймс считала необходимым быть там. Пока бывший адвокат Трампа, а теперь враждебно настроенный свидетель Майкл Коэн давал показания, Трамп делал множество замечок. Иногда он закрывал глаза и выглядел так, словно спал. Его сын Эрик, часто приходивший на процесс, обменивался с Джеймс учтивыми фразами. Сам процесс довольно быстро стал напоминать цирк. Энгорон однажды широко улыбался в камеру, а в день показаний Трампа вступил с ним в ожесточенную словесную перепалку.

В феврале 2024 года Энгорон наконец вынес решение. Трамп должен был штату Нью-Йорк около 355 миллионов долларов — плюс проценты. Джеймс и ее помощники были потрясены. Позднее она скажет знакомому, что была буквально «ошарашена», когда услышала решение. Подавая иск, она требовала 250 миллионов долларов. При этом ожидала, что суд присудит штату в лучшем случае около 200 миллионов. Она прекрасно понимала: слишком высокая сумма становится удобной мишенью для апелляционного суда, когда Трамп неизбежно обжалует решение.

И действительно — позднее апелляционный суд отменит финансовое взыскание, хотя само заключение о мошенничестве оставит в силе. Но это будет потом. А в тот момент у Трампа было 30 дней,

чтобы выплатить более 400 миллионов долларов штрафов и процентов. Ни один банк не хотел предоставлять ему гарантию на эту сумму, потому что у Трампа не хватало ликвидных активов для залога. Его союзники начали обращаться к богатым знакомым с вопросом: не готовы ли те предоставить президенту личные займы для обеспечения гарантии. Большинство отказались. Несколько человек согласились.

В итоге необходимость в этом отпала. Но недели, потраченные на поиски финансирования, были чрезвычайно нервными. В те дни мысли Трампа снова и снова возвращались к отцу. Что бы Фред Трамп подумал, увидев сына в таком положении? Фред был успешным бизнесменом, а его жестокость по отношению к сыновьям давно стала частью семейной легенды. Он и сам сталкивался с юридическими неприятностями — в том числе был арестован в 1976 году за игнорирование предписаний об устранении нарушений строительных норм в принадлежавшем ему здании в Мэриленде.

Дональд тогда уже работал в компании отца. За несколько месяцев до этого 77-летний Дональд Трамп, оказавшийся перед угрозой настоящего корпоративного Армагеддона, спрашивал одного из доверенных людей: — Что бы мой отец подумал, увидев, как они на меня набросились? Финансовый штраф — «огромная сумма», говорил Трамп. — Не знаю, гордился бы мной отец. После того как они потребовали у меня полмиллиарда долларов. Не знаю, гордился бы он мной. Но всё, что мне остается, — бороться.

II

Еще во время первого предъявления ему уголовного обвинения в апреле 2023 года Трамп уже строил планы мести. Сила его ярости была очевидна всем. Он снова и снова жаловался, что за ним охотится «гестапо администрации Байдена».

Его возмущение и ощущение преследования были вполне искренними, хотя советники одновременно искали способы использовать всё это в интересах кампании. Особенно ярко это проявилось в деле, возбужденном окружным прокурором Манхэттена Элвином Брэггом по обвинению в фальсификации деловой документации в связи с выплатами за молчание Сторми Дэниелс. Это было отдельное дело, не связанное с тем, за отказ возбуждать которое в 2022 году Померанц критиковал Брэгга. Здесь прокуратура считала, что документы и свидетельские показания дадут достаточно оснований для обвинительного приговора. Еще до официального предъявления обвинения команда Трампа начала разрабатывать способы связать любое дело Брэгга с Джо Байденом.

Сторонники Трампа, говорил тогда один из советников, «не потерпят» такого шага и воспримут его как вмешательство в выборы. Перед помощниками Трамп поносил Брэгга, называя его «жирной свиньей», «расистом» и «партийным прокурором». Брэгг и Летиция Джеймс — оба чернокожие прокуроры — были, по словам Трампа, «назначениями ради равных возможностей». Его позиции помогало то, что даже некоторые представители мейнстрима критиковали оба дела. По мнению ряда комментаторов, необычная юридическая теория Брэгга и давность самих событий затрудняли понимание обществом того, зачем вообще выдвигать такие обвинения. Суд по делу Брэгга станет для Трампа унижительным испытанием.

В частности, ему пришлось слушать подробные и неприятные показания Сторми Дэниелс о сексуальной связи между ними. Трамп категорически отрицал, что у него был роман с Дэниелс, и адвокатам оставалось надеяться, что присяжные сочтут это убедительным. Ни Мелания, ни его дочь Иванка в суд не пришли. Советники старались обходить тему семейных последствий процесса, хотя позднее в частных разговорах признавали, насколько тяжелое напряжение он вызвал в семье. На четвертый день суда психически больной мужчина, одержимый теориями заговора, поджег себя в парке через дорогу от здания суда.

— Как думаешь, он сделал это из-за меня? — спросил Трамп одного из советников. Ответ не имел значения. — Давайте скажем людям, что он сделал это ради меня, — предложил Трамп. 30 мая 2024 года,

через три месяца после того как огромный штраф по делу Летиции Джеймс нанес Трампу тяжелый удар, последовал обвинительный приговор по уголовному делу Брэга.

Но к этому времени президентская кампания уже всю использовала мощный образ Трампа-мученика, которого преследуют за борьбу с вашингтонским истеблишментом. Бывший президент с удовольствием сделал эту тему основой кампании за возвращение в Белый дом. Впрочем, подобное ощущение преследования и без того было для него естественным состоянием. Накопившиеся юридические неприятности фактически давали Дональду Трампу оправдание для возвращения и помогали превратить его в практически неостановимую политическую силу. Меньше чем через два месяца, 15 июля 2024 года, Республиканская партия официально выдвинет его кандидатом в президенты.

Трамп знал: если он вернется к власти, сможет отомстить. Однако главным объектом его ярости Брэгг так и не стал. Трамп и его советники больше обвиняли судью и Байдена, чем самого прокурора.

Особенную ненависть Трамп приберег для Летиции Джеймс. Она первой пошла за его деньгами. По словам одного из его близких союзников, Трамп хотел, чтобы генерального прокурора Нью-Йорка просто уничтожили: — Даже шесть футов под землей — недостаточно глубоко. И тут появился Билл Пулти.

Наследник состояния, заработанного на жилищном строительстве, Пулти впервые привлек внимание Трампа в 2019 году несколькими благоприятными постами в Twitter. Кроме того, он был донором Трампа. Позднее он сблизился с Роджером Стоуном, который во время переходного периода 2024 года водил Пулти по Мар-а-Лаго и представлял нужным людям. Пулти рассчитывал получить пост министра жилищного строительства и городского развития. Но в итоге согласился возглавить Федеральное агентство жилищного финансирования — FHFA. Малоизвестное ведомство он превратит в настоящую гаубицу в кампании президентской мести. Месяцами Пулти действовал на нервы многим высокопоставленным помощникам Трампа.

Он быстро понял, какие кнопки нужно нажимать, чтобы воздействовать на президента. Пулти подпитывал паранойю Трампа и укреплял его уверенность, что остальные советники каким-то образом его подводят. Он мог без предупреждения появиться в Овальном кабинете или в президентском гольф-клубе в Стерлинге, штат Вирджиния, надеясь поймать Трампа возле буфета. Под мышкой он носил большие пенокартонные плакаты с фотографиями — наглядные материалы о людях, которых, по его мнению, следовало привлечь к уголовной ответственности, и о прокурорах, которые ничего для этого не делали. На одной встрече в Овальном кабинете на плакатах Пулти были фотографии двух сенаторов США от Вирджинии — оба демократы.

Поскольку эти сенаторы поддержали одного из кандидатов Трампа на пост федерального прокурора, утверждал Пулти, к самому кандидату следовало относиться с подозрением и заменить его. Кроме того, Пулти настаивал, что Летиции Джеймс и сенатору от Калифорнии Адаму Шиффу, активно поддерживавшему расследование российского вмешательства в выборы 2016 года, необходимо предъявить обвинения. Предполагаемое мошенничество с ипотекой стало настоящей навязчивой темой Пулти. Он использовал свою страницу в X, чтобы публично обвинять людей в преступлениях.

Его сторонники утверждали, что он просто понял, насколько мощным инструментом может стать его ведомство, и пользовался исключительно общедоступной ипотечной документацией. Однако даже в Белом доме некоторые из тех, кто хотел увидеть Шиффа и Джеймс на скамье подсудимых, сомневались, что всё действительно так просто. Как бы то ни было, вскоре Пулти направил в Министерство юстиции уголовное представление с рекомендацией привлечь Джеймс к ответственности. Он утверждал, что она указала и дом в Бруклине, и другую недвижимость в Вирджинии как свое основное место жительства, благодаря чему якобы получила более выгодные ипотечные условия по обоим объектам. В аналогичных нарушениях Пулти обвинил и Шиффа. Роджер Стоун тем временем заранее готовил общественную почву. Еще в феврале он написал в X, что Джеймс сама совершила ипотечное мошенничество того же рода, в котором обвиняла других. А в апреле издевательски обратился к ней в интернете: — Ждите: скоро однажды утром у вашей двери появится ФБР.

III

Пулти был не единственным человеком, умевшим натравить президента на тех, кого тот считал своими врагами. За несколько дней до «Дня освобождения» Лора Лумер устроила в социальных сетях настоящий скандал вокруг якобы существовавшего «кризиса проверки кадров» в администрации Трампа. В Х она писала, что различные сотрудники аппарата национальной безопасности и разведывательного сообщества нелояльны президенту. Лумер рассказывала знакомым, что Трамп увидел ее публикации, позвонил, похвалил проделанную работу и пригласил в Белый дом. Была назначена встреча в Овальном кабинете. Как и Пулти, Лумер когда-то была ученицей Роджера Стоуна.

Ультраправая активистка, называвшая себя «журналистом-расследователем», получила известность прежде всего как распространительница конспирологических теорий и антимусульманских стереотипов. Лумер и Стоуну команда Трампа ставила в заслугу то, что именно они одними из первых начали атаковать Рона Десантиса, когда тот бросил Трампу вызов на республиканских праймериз 2024 года. Ее фанатичная поддержка президента превосходила даже преданность самых усердных льстецов Трампа. Сам он называл ее «потрясающей женщиной, настоящей патриоткой». Лумер же поставила перед собой задачу обнаруживать и уничтожать любые проявления предполагаемой нелояльности среди сторонников MAGA и сотрудников администрации. Она составляла списки и обрушивала на людей смесь реальных и ничем не подтвержденных обвинений.

Готовясь к встрече с Трампом, Лумер сделала маникюр и прическу и купила новый наряд — красный брючный костюм.

В разгар безумно напряженного дня подготовки к речи ко «Дню освобождения» помощница Трампа Марго Мартин вошла в Овальный кабинет и сообщила, что Лумер ждет в приемной. — Впустите ее, — сказал Трамп.

Мартин провела Лумер в кабинет.

Трамп попросил ее немного подождать, пока он закончит править один из фрагментов речи. Вошел Джей Ди Вэнс — проверить, как продвигается подготовка выступления, — и сел. Затем появились Говард Лютник и Сьюзи Уайлс. Присутствовал также конгрессмен от Пенсильвании Скотт Перри, сыгравший значительную закулисную роль в попытках Трампа отменить результаты выборов 2020 года. Директор кадровой службы Белого дома Серджио Гор — ранее политический советник Трампа и издатель его книг, а теперь человек, отвечавший за кадровое наполнение федерального правительства, — сидел у стены.

Через несколько минут Трамп поднял голову от стола, повернулся к Лумер и спросил: — Ну, что у тебя? Что принесла?

— Я хочу поговорить о некоторых людях в вашей администрации, которые подрывают вас, действуют против вашей программы и против вашей администрации, занимая ключевые должности в разведке и национальной безопасности, — сказала Лумер, открывая принесенную папку. — Это серьезная угроза для вас и вашего наследия, особенно учитывая, что люди, о которых я сейчас расскажу, — сторонники Обамы и Байдена. Некоторые из них — Never Trumpers. Некоторые — демократы.

Зная, что президент любит получать информацию на бумаге, Лумер перед встречей заехала в FedEx и профессионально распечатала и переплела список имен. Он выглядел аккуратно, официально и так, чтобы впоследствии никто не мог сказать, будто его не видел. Так Лумер обходила людей, контролировавших доступ к президенту. Она распечатала пять экземпляров и раздала их Трампу и другим присутствующим. Вэнс пошутил: — Зачем нам ЦРУ, если у нас есть Лора Лумер?

Лумер спросила президента: — Зачем вам в администрации люди, связанные с Обамой, бывшим директором ЦРУ Джоном Бреннаном, бывшим директором Национальной разведки Джеймсом Клэппером и Коми, если вы знаете, что они использовали разведывательные органы как оружие против вас и вашей семьи? Трамп повернулся к Уайлс и Гору. — В этом есть смысл, — сказал он. В списке были имена нескольких сотрудников аппарата национальной безопасности президента, которых Лумер объявляла нелояльными.

Не своим обязанностям. Не стране. Не Конституции. А лично Трампу.

Доказательств у нее было мало, а некоторые выглядели просто несостоятельными. Но теперь малое количество доказательств и их сомнительность стали новым стандартом. Президент слушал внимательно. В списке находился четырехзвездный генерал Тимоти Хо — одновременно директор Агентства национальной безопасности и глава Киберкомандования США. Лумер заявила Трампу, что на эти должности Хо якобы «лично подобрал» его заклятый враг — генерал Марк Милли.

По принципу ассоциации Лумер потребовала убрать и заместителя Хо Венди Ноубл, а также нескольких сотрудников Совета национальной безопасности. Она также призвала уволить Алекса Вонга, первого заместителя советника по национальной безопасности, на том основании, что его жена работала при Джо Байдене, а покойный тесть якобы был связан с Коммунистической партией Китая. Для друзей Вонга эти обвинения были особенно возмутительны.

Его семья бежала из коммунистического Китая, а сам он придерживался жесткой позиции по отношению к Пекину. Да, жена Вонга работала при Байдене. Но она также работала и при Дональде Трампе. С 2015 по 2024 год она была помощником федерального прокурора в округе Колумбия. Однако детали теперь мало кого интересовали. Представление о том, что прокуроры должны быть независимы от политики, становилось всё более чуждым Белому дому.

Сама работа в Министерстве юстиции во время президентства Байдена теперь уже выглядела подозрительно — почти как обвинение. Ирония заключалась в том, что Кэндис Вонг была хорошо известной юристкой-республиканкой. Она работала помощником судьи Бретта Кавано и как высокопоставленная сотрудница Министерства юстиции при первой администрации Трампа участвовала в процессе его утверждения в Верховный суд. Еще более нелепым друзьям семьи казалось обвинение против тестя Вонга. Уроженец Тайваня, ставший гражданином США, он работал в гонконгской спутниковой компании AsiaSat. В структуре ее собственности действительно присутствовали британская телекоммуникационная компания и китайская государственная фирма. Позже среди крупных инвесторов появились и американские компании. Но Лумер этого оказалось достаточно, чтобы объявить семью Вонг связанной с Компартией Китая. Она даже публиковала в социальных сетях фотографии со свадьбы Алекса Вонга — словно надеялась, что множество азиатских лиц на снимках само по себе поможет убедить людей в существовании китайского заговора.

По мере того как Лумер зачитывала список, Трамп всё сильнее злился. Он повернулся к Серджио Гору: — Какого хрена, Серджио? Почему мы такое пропускаем?

Формально кадровая команда Гора не отвечала за назначения в Совет национальной безопасности. Но при желании он мог заблокировать найм. Более того, Гора уже критиковали за чрезмерную жесткость процедур проверки кандидатов. Однако обстановка в комнате совершенно не располагала к подобным объяснениям.

— Мы разберемся, — нервно сказал он. — Мы разберемся.

— А почему тогда их вообще наняли? — потребовала ответа Лумер.

— Мы разберемся, — повторил Гор.

Лумер продолжила идти по списку, подробно перечисляя «грехи» каждого человека. Наконец Трамп взорвался: — Увольте их. Увольте. Просто избавьтесь от них. Я хочу, чтобы этих людей, блядь, уволили прямо сейчас!

Лумер продолжала излагать свои обвинения. Но внимание Трампа уже рассеивалось. Ему нужно было возвращаться к подготовке речи — и к сенсационному заявлению, которое он собирался сделать в Розовом саду.

В кабинет вошел Майк Уолтц. Его положение уже было шатким. Всего неделей ранее выяснилось, что он каким-то образом добавил журналиста — главного редактора журнала *The Atlantic* Джеффри Голдберга — в групповой чат Signal, где высшие чиновники администрации координировали действия в связи с предстоящими ударами по поддерживаемому Ираном движению хуситов. Вскоре Пит Хегсет

использовал тот же чат, чтобы передать чувствительную информацию о готовившихся ударах. После утечки скандал получил название **Signalgate**.

Уолтц вошел в кабинет, не подозревая о приготовленной ему засаде. Трамп протянул ему список Лумер.

— Почему они еще не уволены? — спросил президент.

Ошеломленный Уолтц стоял словно на скамье подсудимых, просматривая список и пытаясь придумать ответ. Он возразил, что один из сотрудников, которого Лумер требовала убрать, раньше был руководителем аппарата Марко Рубио в сенатском комитете по разведке. — Он профессионал, — сказал Уолтц. И продолжил: — А Алекса Вонга рекомендовал сенатор от Арканзаса Том Коттон, и он прошел проверку. Всё это насчет того, что его тесть — агент Компартии Китая, просто нелепо. Его семью преследовали китайские власти.

— Я вообще не понимаю, чем вы там занимаетесь, — ответил Трамп. — Просто избавьтесь от них.

Уолтц находился не в том положении, чтобы спорить дальше.

— Черт, у меня сегодня важнейшая речь, а мне приходится разбираться со всей этой херней, — сказал Трамп. — Просто сделайте это. Если сомневаетесь — значит, надо отпускать. Просто, блядь, увольняйте.

— Так, всё, теперь все вон, — сказал президент, уже явно в плохом настроении.

На прощание он обнял Лумер. — Мне надо идти выступать. Нужно почаще тебя сюда приглашать. Заходи в ближайшее время. А затем, прямо при ней, повернулся к Гору:

— Серджио, обязательно работай с Лорой по этим вопросам. Надо чаще ее сюда приглашать. Вонг останется на своем посту до ухода самого Уолтца.

Но шесть чиновников из списка Лумер вскоре будут уволены — без какого-либо расследования и исключительно на основании слов интернет-provокатора. Штат Совета национальной безопасности сократят. Агентство национальной безопасности — организация, отвечающая за важнейшую радиоэлектронную разведку и кибербезопасность страны, — потеряет своего руководителя. Лумер выступила и судьей, и присяжными. Трамп — палачом.

IV

Столкновение Лумер и Уолтца прекрасно легло на давнюю подозрительность Трампа к Совету национальной безопасности.

— Зачем мне целый Госдепартамент с Марко и еще вот эта вся штука под названием Совет национальной безопасности? — время от времени рассуждал он на встречах с советниками. — Может, одну из этих структур просто пустить под DOGE? Скажите мне, зачем мне вообще всё это?

Как-то Уолтц попытался объяснить президенту, что ему нужен своего рода «авиадиспетчер».

— Вам нужен человек, который, когда вы говорите, чего хотите добиться, заставляет все ведомства двигаться в одном направлении, — объяснял Уолтц. — А когда вы спрашиваете, какие у вас есть варианты, нужен кто-то, кто соберет их все и принесет вам.

Трамп перебил: — Да я просто сам всем позвоню.

Должность советника президента США по национальной безопасности десятилетиями была одной из ключевых функций Белого дома. В идеале этот человек должен был выступать беспристрастным посредником между многочисленными агентствами и министерствами огромного федерального правительства. Но Трамп не видел необходимости в посредниках. Уже с февраля близкие к нему люди намекали, что Уолтц долго не продержится.

Джей Ди Вэнс постоянно расходился с ним во взглядах. А Серджио Гор — который в то же время боролся и против других влиятельных фигур, включая Илона Маска, — активно подкапывался под Уолтца. Он рассказывал коллегам, будто Уолтц пытается набить Совет национальной безопасности людьми, ненавидящими Трампа. При этом Гор никогда не упоминал, что его собственная служба одобрила некоторые назначения, впоследствии атакованные Лумер. Сьюзи Уайлс тоже была недовольна

Уолтцем. Позднее она говорила знакомым, что первый в истории «зеленый берет», избранный в Конгресс, так и не смог привыкнуть к роли рядового сотрудника администрации. — Он всегда вел себя так, словно главный здесь он, — говорила Уайлс. Хотя Уолтц входил в кабинет министров, сам он, возможно, вообще не воспринимал себя как обычного сотрудника Западного крыла.

Особенно в вопросах Ближнего Востока и Уайлс, и Вэнс считали его взгляды чрезмерно ястребиными и слишком близкими к израильской позиции. Защитники Уолтца возражали: он лишь из всех сил пытается проводить линию самого президента. И вскоре действия Трампа дадут им веские основания считать, что они были правы. Для антивоенного крыла Республиканской партии существовала одна неудобная, но очевидная реальность: Трамп всегда гораздо спокойнее относился к демонстрации американской силы за рубежом. Он был значительно сильнее привязан к Израилю и гораздо более склонен к жесткой внешней политике, чем Джей Ди Вэнс или Такер Карлсон. Трамп вел кампанию как антивоенный кандидат. Однако оба его президентства показали, что он вполне готов применять военную силу — особенно против Ирана. Произраильские «ястребы» — или «неоконсервативы», как презрительно называли их Карлсон и его единомышленники, хотя большинство этих людей вовсе не разделяли классическую неоконсервативную идею продвижения демократии по всему миру, — вскоре получают от Трампа именно те решительные действия США в Иране и других странах, которых они ждали десятилетиями.

Однако вместо того чтобы просто уволить Уолтца, Трамп предложил ему другую должность — чего обычно не делал с высокопоставленными чиновниками, увольнявшимися во время первого срока. Трамп считал Уолтца верным солдатом. И ему не хотелось, чтобы тот, отказавшийся ради администрации от карьеры в Палате представителей, провел в Белом доме всего сто дней и ушел озлобленным.

На встрече в Овальном кабинете в четверг, 1 мая, Трамп предложил Уолтцу престижную должность посла США при Организации Объединенных Наций — пост, который когда-то он считал подходящим даже для своей дочери Иванки.

— Майк, это гораздо гламурнее, — заверил его президент. — Поздравляю. Это повышение. Ты не аппаратчик. А это вообще не аппаратная работа. Это намного лучше. Гораздо престижнее. Но затем предупредил: — Только не становись Хейли.

Он имел в виду Никки Хейли, своего посла при ООН в первый срок, которую подозревал в том, что она использовала эту должность ради собственных политических амбиций. — И не будь Болтоном, — добавил Трамп.

Речь шла о Джоне Болтоне, советнике по национальной безопасности в первую администрацию Трампа, который позднее написал уничтожающую книгу о своей работе в Белом доме. — Никаких книг, — особо подчеркнул президент.

— Разумеется, господин президент, — ответил Уолтц. — Вы заслуживаете получать совершенно откровенные советы без того, чтобы кто-то параллельно всё это записывал.

— Этот парень постоянно что-то писал, — сказал Трамп о Болтоне, знаменитом своей привычкой подробно вести записи. — Мне кажется, он вообще никогда на меня не смотрел, потому что всё время что-то записывал.

После всего этого Трамп передал Марко Рубио — который к тому моменту уже совмещал должности государственного секретаря, исполняющего обязанности главы USAID и руководителя Национального архива — еще и четвертый пост. Теперь Рубио становился также советником президента по национальной безопасности.

Голоса таких людей, как Лумер и Пулте, подталкивавших Трампа к проявлению самых мрачных его инстинктов, свидетельствовали о растущем влиянии Роджера Стоуна на второй президентский срок Трампа — хотя позднее Стоун и Лумер ополчатся уже друг против друга.

Мечту о президентстве Дональда Трампа дольше всех вынашивал именно Стоун — политический консультант, некогда преуспевавший лоббист, чья карьера много лет назад была разрушена скандалом и который оказался вытеснен на обочину американской политики. И Трамп, и Стоун прошли школу печально известного Роя Кона, и Стоун прекрасно понимал, как играть на недовольстве белых американцев; он безошибочно угадывал природные склонности Трампа. Большинство помощников Трампа в его первый срок терпеть Стоуна не могли. А на фоне расследования связей с Россией его держали от Белого дома еще дальше. Трамп в последний момент, в январе 2021 года, помиловал Стоуна — того самого, кто еще в 2016 году использовал лозунг «Остановить кражу» (*Stop the Steal*), а позднее утверждал, что выборы 2020 года были «сфальсифицированы». Но в Белом доме в тот первый срок Стоун так ни разу и не побывал.

Во время кампании 2024 года все изменилось. Сьюзи Уайлс и другие ведущие советники Трампа давно были знакомы со Стоуном. Они считали его умным человеком и видели в нем жертву той самой «политизации» Министерства юстиции, на которую постоянно жаловался Трамп. У других членов команды была и более практическая причина вернуть Стоуна в ближний круг: его было безопаснее держать рядом, чем отталкивать. За Стоуном прочно закрепилась репутация мастера грязных политических трюков — ярлык, который, по его словам, ему не нравился, хотя прекрасно соответствовал атмосфере тайных интриг и угроз, которую он десятилетиями сознательно создавал вокруг себя. Стоун имел привычку публично нападать на тех, кто отказывался его нанимать. В годы, проведенные на политической периферии, некоторые кандидаты даже платили ему через посредников — просто чтобы он не превращался для них в проблему. За сорок лет отношения Трампа и Стоуна столько раз проходили через ссоры и примирения, что проследить их было почти невозможно. Но в конечном счете Трамп неизменно возвращался к Роджеру Стоуну. Во второй президентский срок он уже перестал делать вид, будто это не так.

Записка секретаря аппарата Белого дома Уилла Шарфа была датирована 29 апреля 2025 года. В строке темы стояло: «**ПРИКАЗ HABEAS CORPUS**». Документ предназначался Сьюзи Уайлс и был помечен как «конфиденциальный». Это был настоящий красный сигнал тревоги — предупреждение о том, что второй Белый дом Трампа, вернувшийся к власти лишь чуть более трех месяцев назад, приближается к крайне опасной черте.

Шарф отнюдь не принадлежал к внутренней оппозиции Трампу. Консерватор, еще в 2008 году сетовавший, что Джон Маккейн слишком умерен для выдвижения в президенты от республиканцев, он был убежден, что уголовные преследования Трампа носили мстительный характер. — В нашей стране результаты выборов оспаривают у избирательных урн, а не в судах, — говорил он в программе ABC *This Week*. Когда Борис Эпштейн привлек его к юридической команде Трампа, Шарф помогал разрабатывать аргументацию, которая позволила добиться прекращения дела о секретных документах Мар-а-Лаго, а затем участвовал в подготовке позиции о широком президентском иммунитете, представленной Верховному суду. Он охотно поддерживал некоторые из наиболее спорных элементов программы президента.

Как секретарь аппарата Шарф был последней инстанцией, через которую проходили документы Белого дома, прежде чем попасть на стол президента. В Западном крыле он держался неприметно, зато был педантично привержен установленным процедурам. Коллеги замечали, что его особенно беспокоило, когда кто-либо нарушал служебную иерархию.

Среди прочего его управление оформляло президентские указы и меморандумы, ставшие юридической основой того, что получило название «программы возмездия». Как бы радикально ни выглядели некоторые карательные действия Трампа, они зачастую были менее радикальными, чем ему самому хотелось. Небольшая группа сотрудников администрации негласно пыталась отговаривать президента от шагов, которые неизбежно застряли бы в судах или были бы ими отменены. Но с каждым месяцем делать это становилось все труднее.

По словам сотрудников Западного крыла, Миллер после короткого периода демонстративной любезности взял Шарфа под прицел и вскоре начал в резком тоне диктовать ему, как именно должен работать его аппарат. Но Шарф был далеко не единственным, кого это тревожило. Юрисконсульт Белого дома Дэвид Уоррингтон говорил коллегам, что с большим сомнением относится к некоторым наиболее радикальным представлениям Стивена Миллера о пределах президентской власти. Ранее в апреле Верховный суд вынес решение, разрушившее надежды администрации на возможность беспрепятственно высылать нелегальных иммигрантов, не предоставляя каждому из них права на индивидуальное судебное разбирательство. Решение было сложным по форме, но его суть отчасти сводилась к следующему: задержанные могли обратиться в суд с ходатайством *habeas corpus*, потребовав проверить законность их содержания под стражей и последующей высылки. Но именно здесь открывалась лазейка. А что, если Трамп просто заявит, что обладает правом приостановить действие *habeas corpus*? Тогда задержанные лишатся возможности добиваться слушаний и получать судебные постановления, способные предотвратить их депортацию.

Это позволяло Трампу заявить о таких полномочиях, на которые он еще ни разу не претендовал за оба своих президентских срока. Право, возможность приостановления которого обсуждали Миллер и Трамп, относится к числу фундаментальных принципов англо-американской правовой традиции и закреплено в Конституции США с первых лет существования государства. Оно гарантирует каждому человеку, которого государство лишило свободы, возможность оспорить законность своего задержания перед судьей. Верховный суд уже давно постановил: любой человек, находящийся на территории Соединенных Штатов и удерживаемый государством, имеет право на такую защиту — даже если власти утверждают, что этот человек не является гражданином страны.

Приостановить действие *habeas corpus* мог только Конгресс — и лишь при самых чрезвычайных обстоятельствах. Однако Трамп, который в первый президентский срок стремился заполнить как можно больше федеральных судов консервативными судьями, теперь с раздражением обнаруживал, что судьи — в том числе те, кого он считал «своими», — продолжают мешать реализации его программы. Его противники не раз находили суды, готовые принять их аргументы и временными постановлениями остановить решения администрации.

Теперь же Миллер подталкивал Трампа к тому, о чем тот давно мечтал: **вообще обойти судей**. Эта тема возникла не впервые. Миллер уже некоторое время с энтузиазмом выступал за приостановление *habeas corpus* в отношении мигрантов, обсуждал это с президентом и поднимал вопрос на более широких совещаниях. Президент расспрашивал помощников о том, как Авраам Линкольн приостанавливал *habeas corpus* во время Гражданской войны.

Миллер поручил Министерству юстиции изучить вопрос. Другие чиновники, узнавшие об этих обсуждениях, были крайне встревожены.

А Уилл Шарф изложил свои опасения письменно. «История *habeas corpus* восходит к самым истокам английского общего права, — писал он в конфиденциальной записке главе аппарата Белого дома. — Отказ в праве на *habeas corpus* был одной из важнейших претензий, лежавших в основе Американской революции, а возможность обращаться в федеральные суды с требованием проверки законности заключения существует со времен основания Республики».

По словам Шарфа, приказ *habeas corpus* защищал людей от произвольного задержания, заключения и казни со стороны государства. Латинское выражение буквально означает «предъявите тело», а заключенный в нем правовой принцип был старше Конституции США, старше самой Республики и даже старше Великой хартии вольностей. Шарф без всяких прикрас изложил действующее американское право.

Конституция допускала приостановление *habeas corpus* лишь во время мятежа или вторжения, причем суды почти единодушно исходили из того, что такое решение требует одобрения Конгресса. Даже когда Конгресс прямо санкционировал приостановление этого права, Верховный суд требовал иных процессуальных гарантий — и почти никогда не соглашался считать их достаточными там, где гражданские суды продолжали нормально работать. Единственным исключением стал военный процесс над захваченными немецкими диверсантами во время Второй мировой войны.

На протяжении всей американской истории, писал Шарф, все три ветви власти крайне неохотно вмешивались в действие *habeas corpus*, поступая так «лишь при самых чрезвычайных обстоятельствах и, как правило, применительно к очень ограниченным категориям лиц».

Лишь один президент в истории США утверждал, что имеет право приостановить действие этого судебного механизма без разрешения Конгресса: **Авраам Линкольн в начале Гражданской войны**, когда Конгресс на длительный срок разошелся на каникулы.

За всю историю Республики *habeas corpus* официально приостанавливался руководителем страны всего четыре раза. Первым стало единоличное решение Линкольна. После того как суд признал его незаконным, в 1863 году Конгресс санкционировал приостановление. Второй случай произошел во время Реконструкции: Конгресс принял в 1871 году Закон о Ку-клукс-клане, а президент Улисс Грант воспользовался им, чтобы подавить террор белых расистов в девяти округах Южной Каролины, направив туда Седьмой кавалерийский полк вместе с федеральными маршалами. Третий случай имел место на Филиппинах в 1905 году, когда губернатор приостановил действие права во время вооруженного восстания против американского колониального правления. Четвертый — на Гавайях после нападения на Перл-Харбор, когда территориальный губернатор ввел военное положение, впоследствии одобренное Франклином Рузвельтом. Даже это приостановление, продолжавшееся почти три года, позднее было осуждено Верховным судом.

В своей записке Шарф упоминал и Джорджа Буша-младшего, чьи крайне широкие представления об исполнительной власти отчасти подготовили почву для второго президентства Трампа. В частности, администрация Буша утверждала, что имеет право бессрочно содержать подозреваемых в терроризме на американской базе Гуантанамо на Кубе и что суды не обладают юрисдикцией для рассмотрения исков *habeas corpus*, оспаривающих законность их заключения. После того как Верховный суд с этим не согласился, Конгресс в 2006 году принял закон, призванный лишить судебную систему права рассматривать подобные обращения. Однако в историческом решении 2008 года Верховный суд постановил, что заключенные по-прежнему обладают конституционным правом подавать такие иски.

Во всех этих случаях страна либо находилась в состоянии войны, либо сталкивалась с вооруженным восстанием. И во всех случаях, кроме первоначального решения Линкольна, исполнительная власть действовала с прямого разрешения Конгресса.

«Из этих дел следует, что право на *habeas corpus* распространяется на всех лиц, содержащихся на территории, фактически контролируемой Соединенными Штатами; а применительно к ограниченной категории военных заключенных должна существовать адекватная альтернатива *habeas corpus*», — заключал Шарф.

Он не писал прямо, что президент должен или не должен делать. Записка представляла собой сухое изложение истории приостановления права на *habeas corpus*. Но вывод был очевиден. Лишь однажды в американской истории президент попытался сделать то, к чему теперь стремились Миллер и Трамп, — причем в самых экстремальных обстоятельствах, какие когда-либо переживала страна. И даже тогда его действия были признаны незаконными. Был и еще один вывод, которого Шарф не сформулировал вслух: **последствия пришлось бы нести президенту, а не Миллеру.**

Приостановление *habeas corpus* было не единственной радикальной идеей, которую поддерживал Миллер. Он неоднократно призывал президента применить Закон о восстании и направить в американские города военнослужащих действующей армии. Большинство сотрудников Западного крыла соглашались, что во время протестов после гибели Джорджа Флойда в 2020 году бывали моменты, когда подобный шаг еще можно было как-то оправдать. Но происходящее сейчас не имело ничего общего с потрясениями того лета. Шарф в частных разговорах говорил коллегам, что в нынешней ситуации *habeas corpus* и Закон о восстании — это две черты, которые Белому дому нельзя переступить.

С этим соглашались многие как внутри Белого дома, так и за его пределами. Некоторые называли идею приостановить *habeas corpus* «безумием», полагая, что она всколыхнет всю страну и парализует президентство Трампа. Но президент проявлял интерес. А значит, предупреждения, адресованные высшим чиновникам, обсуждавшим эту идею, должны были звучать максимально прямо и жестко.

II

Представление Миллера о президентской власти, освобожденной от судебных ограничений, было далеко не отвлеченной теорией. Команда Трампа заранее подготовила указ, который президент должен был подписать в день инаугурации, а позднее — еще одно решение для Министерства внутренней безопасности. Они должны были вооружить Белый дом широкими юридическими обоснованиями и практическими инструментами для проведения массовых депортаций. Первый документ называл приток нелегальных иммигрантов «вторжением» — формулировка, которую впоследствии можно было использовать как основание для применения Закона о восстании или Закона об иностранных врагах. Второй впервые задействовал закон 1996 года, позволявший федеральным властям наделять местные правоохранительные органы полномочиями участвовать в иммиграционных рейдах. В первый год администрация Трампа собиралась опираться на местную полицию, пока не увеличится штат сотрудников ICE, однако сама эта норма оставалась словно заряженное оружие, лежащее на полке. Федеральные судьи раз за разом постановляли, что приток мигрантов в Соединенные Штаты нельзя считать «вторжением».

Но администрация продолжала настаивать на своем. Через шесть недель после того, как Марко Рубио договорился с президентом Сальвадора Найибом Букеле о приеме депортируемых преступников и их заключении в печально известном СЕСОТ — Центре содержания террористов, — Соединенные Штаты отправили туда первые самолеты с мигрантами. Позднее администрация заявит, что СЕСОТ предназначался для «худших из худших».

В дни перед субботой, 15 марта, десятки содержащихся под стражей мигрантов пометили для отправки. Никто не объяснил им зачем. Многие из них вообще еще не появлялись перед судьей.

Вскоре причина стала ясна: этих мужчин отобрали для трех депортационных рейсов в Сальвадор. Позднее федеральное правительство объявит их членами опасных банд — в частности, *Tren de Aragua* и MS-13, — настаивая, что их принадлежность к преступным группировкам подтверждена тщательной проверкой. Но больше всего поражал юридический механизм, с помощью которого администрация собиралась их выслать.

Трамп без лишнего шума подписал распоряжение о применении **Закона об иностранных врагах 1798 года**. Этот почти забытый закон военного времени некогда служил одним из главных юридических оснований для интернирования японских, немецких и итальянских граждан во время Второй мировой войны, а до того применялся в истории страны лишь дважды. Если объявить этих мужчин частью более широкого «вторжения» в Соединенные Штаты, закон позволял выдворить их в упрощенном порядке — без судебного разбирательства. Три самолета должны были вылететь в разное время — в конечном счете между 17:00 и 19:40.

Но за несколько часов до вылета информация о плане просочилась наружу. Американский союз защиты гражданских свобод и организация Demogasy Forward немедленно обратились в федеральный суд Вашингтона, потребовав экстренного вмешательства. Дело случайным образом досталось судье Джеймсу Боасбергу — человеку, которого юридическая команда Трампа хорошо знала и недолюбливала. Именно он руководил работой большого жюри, приведшей к предъявлению Трампу обвинений в связи с его попытками изменить результаты выборов 2020 года. Боасберг немедленно провел виртуальное заседание и распорядился оставить самолеты на земле — либо развернуть их, если они уже успели взлететь.

— Развернуть самолет или никого на него не сажать — либо, если соответствующие лица уже находятся на борту, поступить иным образом, — сказал Боасберг представителям администрации примерно в 18:50. — Как именно вы это сделаете, я оставляю на ваше усмотрение. Но вы должны обеспечить немедленное исполнение постановления. Два самолета к тому моменту уже находились в воздухе. Примерно через тридцать минут после устного распоряжения Боасберг издал письменный приказ, временно запрещающий администрации использовать Закон об иностранных врагах для депортации мигрантов.

Однако третий самолет, который в момент вынесения приказа все еще стоял на земле в Техасе, все равно взлетел. Стивен Миллер хотел, чтобы рейсы продолжились. Дэвид Уоррингтон, Тодд Бланш, Сьюзи Уайлс и другие высшие чиновники быстро посоветовались. Поскольку самолеты уже находились над международными водами, они решили, что юридически защищены. Рейсы продолжили путь в Сальвадор. А через три дня после слушания Министерство юстиции заявило в суде, что на третьем самолете находились исключительно люди, в отношении которых уже были вынесены окончательные решения о депортации. Миллер высоко оценивал шансы администрации в Верховном суде, где консерваторы обладали подавляющим большинством. Он рассчитывал, что благоприятное решение по Закону об иностранных врагах даст Трампу новые инструменты для резкого увеличения числа депортаций.

Но существовала одна серьезная проблема. Именно она наглядно показывала, зачем людям, которых государство задерживает или депортирует, вообще нужно право предстать перед судом: **власти могут**

ошибиться. На борту третьего самолета находился человек, которого отправили в Сальвадор незаконно по совершенно иной причине.

Его история вызовет бурное общественное возмущение и широкое сочувствие. Килмар Абrego Гарсия был гражданином Сальвадора и более десяти лет жил в Мэриленде после того, как в 2012 году нелегально въехал в Соединенные Штаты. У него была семья. В 2019 году полиция задержала его за празднoшатание; позднее федеральные власти заявят, что он являлся членом MS-13. Иммиграционный судья постановил, что правительство представило достоверные доказательства его принадлежности к банде. Но одновременно Абrego Гарсия получил судебный запрет на высылку в Сальвадор: суд установил, что у него имеются «обоснованные опасения» стать жертвой преследований в случае возвращения на родину. Впоследствии он получил разрешение на работу и регулярно отмечался в иммиграционных органах. Его адвокат утверждал, что судимостей у него не было; два заявления жены о домашнем насилии впоследствии были отозваны.

После возвращения Трампа в Белый дом Абrego Гарсию 12 марта 2025 года задержали сотрудники ICE, когда он вез сына домой. Позже юрист Министерства юстиции признает в судебном документе, что его отправка самолетом в СЕСОТ стала результатом **«административной ошибки»**. Федеральное правительство и раньше по ошибке депортировало людей.

Но прежде, когда подобные ошибки вскрывались, администрации обычно добросовестно пытались их исправить и вернуть высланных людей в Соединенные Штаты. На этот раз команда Трампа не собиралась этого делать. Наиболее непримиримые сторонники жестких ограничений внутри администрации считали, что неконтролируемая миграция представляет для Соединенных Штатов экзистенциальную угрозу. По их мнению, сейчас было не время уступать левым.

10 апреля Верховный суд предписал администрации Трампа «содействовать» возвращению Абrego Гарсии, хотя одновременно вернул дело судье нижестоящей инстанции, чтобы тот уточнил, каким именно образом это должно быть сделано. Неопределенность формулировки дала администрации все необходимое пространство для маневра. Миллер и Трамп просто повели себя так, словно никакого указания Верховного суда вообще не существовало. К тому времени, когда Букеле прибыл в Овальный кабинет для окончательного оформления соглашения о депортациях — через четыре дня после решения Верховного суда, — Абrego Гарсия уже месяц находился в сальвадорской тюрьме для террористов. Оба президента держались раскованно и самодовольно, осыпали друг друга похвалами, а присутствовавшие в комнате министры дружно им поддакивали — вполне в духе администрации Трампа.

— Мы знаем, что у вас есть проблема с преступностью, проблема с терроризмом, — сказал Букеле Трампу. — Мы готовы помочь. Дальше разговор продолжался так, будто слова «преступность» и «терроризм» обозначали одно и то же.

Когда журналистка CNN Кейтлан Коллинз из стоявшей в кабинете группы репортеров спросила Трампа, намерены ли США добиться возвращения Абrego Гарсии, президент обрушился на сам вопрос и принялся громить ее телеканал. Затем повернулся к членам кабинета и предложил им ответить.

Коллективный ответ оказался смесью самооправдания и откровенного отрицания реальности.

Тогда Коллинз спросила Букеле, намерен ли он вернуть Абrego Гарсию в США.

Мгновенно уловив настроение присутствующих, Букеле презрительно усмехнулся. — Вопрос абсурден, — сказал он. — Как я могу тайно ввезти террориста в Соединенные Штаты?

До того как в кабинет пустили журналистов, Трамп и Букеле тихо беседовали между собой, не подозревая, что микрофон остается включенным. — Следующими будут наши, местные. Наши, — сказал Трамп Букеле и добавил: — Вам надо построить еще штук пять таких заведений.

Через пять дней судьям Верховного суда вновь придется вмешаться. Первоначальное решение суда уже запретило администрации использовать Закон об иностранных врагах для депортации мигрантов.

III

Миллер откровенно наслаждался вниманием прессы к делу Абrego Гарсии. Если скандал привлекал еще больше внимания к кампании президента по массовым депортациям как раз накануне завершения первых ста дней его пребывания у власти — тем лучше, считал Миллер. Для него это дело было возможностью унизить прессу и демократов. Следовательно, напрашивался только один вывод:

нужно делать еще больше. Администрация развернула масштабную кампанию, стремясь представить Абrego Гарсию опасным членом банды. Однако выяснилось, что та самая «глубокая проверка», о которой говорили иммиграционные чиновники, в некоторых случаях сводилась всего лишь к просмотру страниц в социальных сетях и изучению татуировок задержанных. Один депортированный мужчина объяснил, что его татуировка была сделана в честь дочери, страдающей аутизмом. В случае Абrego Гарсии Белый дом утверждал, что изображения на костяшках его пальцев — лист марихуаны, улыбающееся лицо, крест и череп — якобы обозначали буквы и цифры MS-13.

Семья настаивала, что он никогда не состоял в банде. Спор о предполагаемом прошлом Абrego Гарсии в MS-13 стал фоном для интервью Трампа Терри Морану из ABC News 29 апреля — в тот самый день, когда Уилл Шарф направил Съюзи Уайлс записку о *habeas corpus*.

За несколько дней до этого Трамп опубликовал фотографию, на которой держал снимок кулака Абrego Гарсии. Поверх настоящих, но неоднозначных изображений на пальцах цифровым способом добавили надпись «MS-13». «Это банда, возможно, самая страшная из всех. Что происходит с нашей страной?» — написал Трамп.

Когда Моран указал ему, что фотография была отредактирована, Трамп заявил, что она настоящая. Он продолжал утверждать это и в частных разговорах с помощниками уже после ухода журналиста. Никто не горел желанием сообщить президенту, что буквы были добавлены в фотошопе.

На следующий день, отвечая на вопрос репортера, Трамп впервые публично намекнул на обсуждение возможности приостановления *habeas corpus*.

— Есть один способ, которым пользовались трое очень уважаемых президентов. Но мы надеемся, что нам не придется идти этим путем, — сказал Трамп на заседании кабинета, а затем повторил: — Но есть один способ, которым очень успешно пользовались трое президентов, и все они пользовались большим уважением.

Тем временем Белый дом яростно нападал на всех, кто называл Абrego Гарсию «мужчиной из Мэриленда». — Ничто не изменит того факта, что Абrego Гарсия никогда не станет «отцом из Мэриленда», — заявила Кэролайн Ливитт. — Он никогда больше не будет жить в Соединенных Штатах Америки.

9 мая Кейтлан Коллинз и ее коллеги сообщили, что высказывания Трампа на заседании кабинета относились именно к приостановлению *habeas corpus* и что президент лично участвовал в обсуждении такой возможности. Стивен Миллер не стал отмежевываться от сообщения. Наоборот, он вышел к журналистам у Западного крыла и открыто рассказал об этих разговорах.

— Конституция говорит ясно, и это, разумеется, высший закон страны: действие права на *habeas corpus* может быть приостановлено во время вторжения, — заявил Миллер. — Поэтому это один из вариантов, который мы сейчас активно рассматриваем.

И добавил: — Знаете, многое будет зависеть от того, поступят ли суды правильно или нет.

Позднее, когда Трампа спросили об этом, он отрицал, что когда-либо всерьез задумывался о приостановлении *habeas corpus*.

Но когда президента продолжили расспрашивать, его позиция уже не звучала столь однозначно. — Если идти на такое, это очень серьезный шаг, — сказал он. — Ради одного конкретного человека вы бы этого не делали. Он имел в виду Абrego Гарсию.

Неповиновение администрации судебным решениям очень скоро превратится в характерную черту второго срока Трампа — и грозило зайти еще дальше. На протяжении нескольких недель Миллер и Илон

Маск оказывали давление на Палату представителей, требуя начать процедуру импичмента федеральных судей, блокировавших решения исполнительной власти. Еще одна крайняя мера. Еще один рычаг давления на судебную систему.

Но далеко дело не продвинулось. К июню провалилась и попытка администрации противостоять требованию вернуть Абрего Гарсию. Его все же доставили обратно из Сальвадора — однако только после того, как Министерство юстиции добилось первого в его жизни уголовного обвинения в Соединенных Штатах. Ему вменяли участие в заговоре с целью незаконного ввоза мигрантов в страну.

Основанием для обвинения стала дорожная остановка трехлетней давности. Позднее Боасберг постановит, что десятки других мигрантов, отправленных этими рейсами в СЕСОТ, также были лишены своих прав. Из сальвадорской тюрьмы их перевели в Венесуэлу, а они по-прежнему добивались права на судебные слушания в Соединенных Штатах.

Официального приостановления *habeas corpus*, против которого предостерегал Шарф, в первый год второго президентского срока Трампа так и не произошло. Однако в июле 2025 года ICE выпустила меморандум, по-новому трактовавший действующее законодательство таким образом, чтобы затруднить реализацию этих прав для тысяч иммигрантов внутри США.

Почти тридцать лет иммиграционное законодательство проводило четкую грань между людьми, задержанными непосредственно на границе, и теми, кого арестовывали уже внутри страны. Многие задержанные на границе могли содержаться под стражей в обязательном порядке и без слушаний. Однако у задержанных внутри США — людей, которые порой жили в стране годами и даже десятилетиями, — обычно было гораздо больше шансов предстать перед иммиграционным судьей и попросить об освобождении под залог.

Июльский меморандум эту разницу уничтожил. Согласно новым инструкциям ICE, задержанных следовало рассматривать так, словно они по-прежнему стоят непосредственно на границе, — независимо от того, сколько лет они уже прожили в Соединенных Штатах. А поскольку администрация предельно ужесточила правила предоставления убежища пересекающим границу людям, подавляющее большинство задержанных теперь лишалось возможности даже добиться слушания об освобождении под залог.

Подавляющее большинство федеральных судей отвергли такое толкование иммиграционного законодательства. Они предписывали правительству изменить практику. Но администрация Трампа нередко просто игнорировала решения и продолжала действовать по-своему.

К ноябрю число людей без судимости, содержащихся в центрах ICE, выросло более чем на **2 500 процентов**. Почти **70 процентов** находившихся под стражей ICE никогда не были осуждены за какое-либо преступление. Они месяц за месяцем оставались в центрах содержания по всей стране и подавали ходатайства о рассмотрении дел в порядке *habeas corpus* — слушания, которые, по мнению судей, им обязаны были предоставить. К концу 2025 года тысячи людей по-прежнему ждали. По меньшей мере **31 человек** умер в том году в центрах содержания ICE.

Практический итог всех этих юридических маневров состоял в том, что команда Миллера нашла способ на долгие месяцы парализовать для мигрантов нормальную работу правовой системы. Среди тех, кто по-прежнему оставался в ее жерновах, был и Килмар Абрего Гарсия. После предъявления уголовных обвинений ICE вновь заключила его под стражу. Там он оставался до декабря, пока судья, окончательно потеряв терпение из-за тактики Министерства юстиции, не распорядился его освободить.

К середине года уже отчетливо вырисовывалась картина того, как функционировал Овальный кабинет во второй срок Трампа. Президент проводил дни за столом *Resolute*, погруженный в череду непрерывных, свободных разговоров с узким кругом приближенных. К ним постоянно присоединялись меняющиеся гости: республиканские конгрессмены, промышленные магнаты, бывшие профессиональные рестлеры, исполнители кантри, монархи Персидского залива, криптоэнтузиасты или друзья осужденных преступников, пришедшие хлопотать о помиловании. Люди появлялись и исчезали из комнаты. Некоторым предлагали остаться даже на совещаниях, к которым они не имели никакого отношения. Разговоры неслись стремительно, часто уходя далеко в сторону от первоначальной темы — а иногда и вообще от всего того, ради чего посетители приходили в Белый дом. Президент мог начать предложение об одном, а закончить совершенно другим.

Почти неизменно где-нибудь в стороне сидела Натали Харп — с открытым ноутбуком, слегка склонив голову и внимательно слушая. Сама она в разговор не вмешивалась, если Трамп прямо к ней не обращался. Любое поручение она выполняла мгновенно: принести из комнаты с сувенирами кепку «Trump 2028», что-нибудь быстро поискать в Google или открыть последнюю статью на правых сайтах вроде *Breitbart* или *Gateway Pundit*. Когда в конце 2025 года Дэн Скавино возглавил Управление президентских кадров, он практически полностью передал Харп ведение аккаунта Трампа в Truth Social. Большинство президентов придерживались правила: самое ценное, чем они располагают, — это время. Джордж Буш-младший и Барак Обама расписывали рабочий день буквально по десять-пятнадцать минут.

В идеале глава аппарата Белого дома должен был выполнять функцию «привратника», защищая каждое такое окно от ненужных вторжений. Но Сьюзи Уайлс почти не стремилась контролировать расписание своего начальника до мелочей — возможно, справедливо решив, что это бесполезно. Она могла пытаться определять, кто получит доступ в Овальный кабинет и с какой повесткой. Во всем остальном она позволяла президенту самому задавать темп. В Белом доме Дональда Трампа время было понятием весьма условным. Со стороны администрация казалась ульем, где все непрерывно кипит и движется. Но люди, попадавшие в Овальный кабинет, часто поражались тому, что Трамп, казалось, располагает всем временем мира.

Если только речь не шла о неминуемой военной операции, он обычно был расслаблен, нетороплив и склонен посплетничать. Многих посетителей это очаровывало. Даже люди, которым Трамп не нравился, нередко описывали президента как внимательного и любезного хозяина: он предлагал гостям диетическую колу и конфеты, словно встречал их в одном из собственных клубов. Он рассказывал непристойные анекдоты и говорил гостям, как прекрасно они выглядят. Подписывал кепки MAGA — и еще несколько для их детей. Приглашал приехать на выходные в Мар-а-Лаго или посетить один из его гольф-клубов. Он мог часами обсуждать мельчайшие детали оформления Овального кабинета и планы строительства бального зала, который собирался возвести на территории Восточного крыла. Он обожал демонстрировать гостям качество акустической системы, через которую на террасу Розового сада звучали Паваротти, Шинейд О’Коннор и Джеймс Браун. А еще любил подробно рассказывать посетителям — особенно иностранным лидерам — о своей победе на выборах 2024 года, снова и снова перечислять привычные претензии к «Сонному Джо» и с детским любопытством расспрашивать их об опасных животных, водящихся в их странах.

— Я до сих пор не могу толком описать, что происходит в Овальном кабинете, когда там Трамп, — рассказывал один из посетителей. — Два человека могут одновременно висеть на двух разных телефонах с громкой связью. Еще кто-то разговаривает по мобильному. Никогда не забуду: мы обсуждали совершенно секретную программу, и вдруг входит какой-то мужик — такой простой деревенский парень — и приносит образцы плитки для Розового сада. Вываливает их прямо на стол. Президент прерывает наш разговор, встает, выходит вместе с ним наружу; я вижу через окно, как они там размахивают руками.

Потом Трамп возвращается, а за нашими спинами уже стоит куратор с человеком, который собирается крепить к стене херувимов, привезенных президентом из Мар-а-Лаго. После этого Трамп снова возвращается к людям на телефоне, дает им указания. Потом пытается вернуться к нам — а наше время уже закончилось. Так продолжалось весь день. Последние три встречи президента нередко сливались в одну бесконечную. Торговля. Национальная безопасность. Приехавший глава корпорации. Все перемешивалось в едином разговоре без каких-либо границ.

Трамп организовывал свои дни именно так — бессистемно, импровизируя на ходу — еще со времен работы в уголовном кабинете Trump Tower. Но во второй президентский срок он окончательно превратил Белый дом в собственный дом. И речь шла не только о том, что он переделывал его в соответствии со своими эстетическими вкусами. Он менял сам ритм жизни, внутреннее устройство и порядок работы резиденции. В первый президентский срок Трамп обычно спускался из жилых покоев в Овальный кабинет к 10:30 или 11 часам утра. За ним шли камердинеры с огромными стопками бумаг. Трамп, обладавший почти патологической привычкой ничего не выбрасывать, раньше хранил документы в жилой части Белого дома в коробках, которые сотрудники прозвали *Beautiful Mind boxes* — «коробками “Игр разума”».

Вернувшись в Белый дом в 2025 году, он перенес свой своеобразный способ организации вещей прямо в Западное крыло. Старый кабинет Джареда Кушнера рядом с личной столовой президента превратился в универсальный склад: бумаги, картины, безделушки, атрибутика MAGA и всевозможные подарки, с которыми Трамп не мог заставить себя расстаться. «Коробки “Игр разума”», ставшие символом одного из двух федеральных уголовных дел против него, больше не использовались для перевозки документов. Теперь советники просто носили бумаги в руках. Иногда Трамп вставал рано, звонил по телефону, писал сообщения в социальных сетях и одновременно смотрел телевизор. Но случалось и так, что между восемью и десятью утра помощники не могли с ним связаться. Постепенно они поняли, что это обычно означало одно: президент не спал всю ночь — разговаривал по телефону, смотрел телевизор или делал и то и другое — и лишь около четырех-пяти утра наконец ложился.

Однажды поздним утром, когда президент все еще не давал о себе знать и сотрудники никак не могли до него дозвониться, один помощник решил проверить, все ли в порядке. Трамп по-прежнему спал в жилой резиденции. Все необходимое президенту всегда находилось под рукой. Его давний помощник и личный камердинер Уолт Наута — официально занимавший должность директора по работе Овального кабинета — носил с собой не только обычный набор личных вещей президента: косметику, лак для волос, драже Tic Tac. У него всегда были и ножницы. Если Трамп замечал, что сзади волосы слишком отросли и начинают ложиться на воротник, он мог тут же их подрезать.

Наута держал поблизости и отпариватель, которым разглаживал складки на костюме прямо на стоящем перед ним президенте. Однажды Трамп даже предложил британскому премьер-министру Киру Стармеру воспользоваться услугами Науты и отпарить костюм. Трамп по-прежнему оставался убежденной «совой». Он никогда не отличался любовью ко сну, но теперь сотрудникам казалось, что спит он еще меньше, а распорядок его стал еще более странным, чем в первый срок. И хотя Трамп всегда был домоседом, во время первого президентства он все же часто ездил по стране и выступал на десятках политических митингов.

В первый год второго срока он почти перестал покидать привычные ему места, перемещаясь главным образом между зонами собственного комфорта — Белым домом и своими клубами. После выборов 2024 года Трамп сказал помощникам, что с митингами покончено. С предвыборными кампаниями тоже. После двух покушений на его жизнь это никого особенно не удивило. Еще во время первого срока он беспокоился о безопасности, выезжая за пределы Белого дома. Теперь же осторожность стала значительно сильнее. Но существовал и еще один фактор — тот, который Трамп обсуждать не любил. Четыре года президентства Байдена он издевался над возрастом своего преемника и явно уменьшившейся выносливостью Байдена. Однако тот факт, что после Байдена именно Трамп стал

старейшим человеком, когда-либо принимавшим присягу президента Соединенных Штатов, вовсе не заставил его регулярно сообщать общественности сведения о собственном здоровье.

А то, что с момента его предыдущей жизни в Белом доме он заметно постарел, было очевидно. Во время дневных публичных мероприятий его неоднократно клонило в сон. На руках почти постоянно появлялись синяки, которые сотрудники сначала объясняли частыми рукопожатиями. Сам Трамп, обычно маскировавший синяки косметикой, позднее сказал, что главным образом они связаны с необычно высокой дозой аспирина, который он принимал для разжижения крови. Вскоре после ухода с поста ему сделали операцию по поводу катаракты; на фотографиях один глаз нередко особым образом отражал свет — характерный след подобной операции. В апреле 2025 года новый врач Белого дома после медицинского обследования президента выпустил пространное заключение, подтверждавшее, что Трамп вполне способен исполнять обязанности главы государства.

Через несколько месяцев врачу пришлось опубликовать еще одно сообщение. Фотографы заметили, что у Трампа отеки лодыжки: это становилось видно, когда во время официальных мероприятий он сидел и брючины слегка поднимались. Врачи диагностировали **хроническую венозную недостаточность** — состояние, при котором вены ног недостаточно эффективно возвращают кровь к сердцу.

Трамп был крайне недоволен тем, сколько внимания пресса уделяет его опухшим лодыжкам, и настоял, чтобы Кэролайн Ливитт официально прокомментировала этот вопрос с трибуны Белого дома. Некоторым сотрудникам Западного крыла решение специально обсуждать президентские «толстые лодыжки» казалось довольно странным. Но оно прекрасно отражало болезненную озабоченность Трампа собственной внешностью. Кроме того, он стал хуже слышать и часто просил собеседников повторить только что заданный вопрос. Совместные пресс-конференции с мировыми лидерами теперь чаще проводились в Овальном кабинете, а не в Восточном зале — отчасти потому, что там была лучше акустика, а президенту не приходилось целый час стоять на ногах.

Если прежде у Трампа и существовал хоть какой-то внутренний словесный фильтр, теперь он исчез окончательно. Президент говорил все, что хотел, и тогда, когда хотел. В октябре появилось очередное заключение врача Белого дома — после того как Трамп перед поездкой в Азию посетил Национальный военно-медицинский центр имени Уолтера Рида.

Предстоял долгий перелет в тесном пространстве самолета, а президенту было уже почти восемьдесят, и у него появились отеки ног.

Врач сообщил, что Трампу сделали медицинскую визуализацию, обследование сердечно-сосудистой системы и анализы крови. Какие именно виды визуализации применялись и каковы были конкретные результаты, не сообщалось. Но общее состояние здоровья президента врач назвал **«исключительным»**. И все же некоторые помощники Трампа впервые начали в частных разговорах говорить: **он стал казаться им старым**. Люди, проводившие с ним много времени, замечали признаки — минуты усталости, ладонь, которую он чашечкой прикладывал к уху, пытаясь расслышать собеседника.

Но способность Трампа безраздельно господствовать в любом помещении зачастую заслоняла то, чего его тело уже не могло полностью скрыть. При всей рыхлости его рабочего графика и почти полном отсутствии структуры у совещаний существовала и другая сторона: **информацию теперь охраняли гораздо жестче, а число людей, действительно посвященных в происходящее, резко сократилось**.

Трамп опирался на небольшой внутренний круг под руководством Уайлс — куда более сплоченный, чем любая группа сотрудников его первой администрации. Они держали информацию при себе, скрывая ее не только от прессы, но нередко и от собственного правительства. Высокопоставленные чиновники важнейших ведомств и даже сотрудники Совета национальной безопасности зачастую не знали о важнейших решениях, которые в этот момент вырабатывались на совещаниях. Когда обсуждался особенно чувствительный вопрос — практически независимо от темы — в комнате обычно собирался

один и тот же тесный круг: Сьюзи Уайлс, Джей Ди Вэнс, Марко Рубио, Стив Уиткофф и Стивен Миллер. Если речь шла об экономике, к ним присоединялись Скотт Бессент и Говард Латник.

В военных вопросах Трамп чаще прислушивался к председателю Объединенного комитета начальников штабов Дэну Кейну, чем к министру обороны Питу Хегсету. Сотрудники Белого дома замечали, что самому Хегсету было проще взаимодействовать с президентом, когда рядом находился Кейн. В серьезных разведывательных вопросах Трамп полагался на директора ЦРУ Джона Рэтклиффа. Когда же разведывательная информация требовалась для сведения личных счетов, он мог рассчитывать на директора Национальной разведки Тулси Габбард. За работу с прессой отвечали директор по коммуникациям Стивен Чун и пресс-секретарь Кэролайн Ливитт. Политическими вопросами и кадрами занимались Джеймс Блэр и Серджио Гор, а позднее — Дэн Скавино. Трамп принимал решения настолько быстро и при столь минимальной процедуре согласования, что отсутствие в Западном крыле означало не просто потерю возможности повлиять на политику. Оно означало, что ты рискуешь узнать о принятом решении одновременно со всем остальным миром.

Марко Рубио стал ярчайшим примером этой новой реальности. Будучи государственным секретарем, он являлся главным дипломатом страны, но за границей проводил меньше времени, чем, вероятно, любой госсекретарь за многие годы. После того как к его обязанностям прибавилась должность советника по национальной безопасности, почти все его время проходило в Белом доме. В разговорах с коллегами Рубио признавался, что отсутствие зарубежных поездок его совершенно не беспокоит. При этом перед сотрудниками Госдепартамента он извинялся за то, что так редко бывает в их штаб-квартире в Фогги-Боттом. Он объяснял им: теперь его настоящим рабочим кабинетом стал Овальный кабинет. И если Государственный департамент вообще оставался в курсе происходящего, говорил Рубио своим знакомым, то лишь потому, что он сам постоянно находился рядом с Трампом и присутствовал при принятии решений, вместо того чтобы сидеть в изоляции на седьмом этаже здания Госдепартамента.

Если ты не находился рядом с Трампом каждый день — можно было считать, что тебя вообще не существует.

II

Несмотря на свою безграничную уверенность в себе, Трамп начинал понимать: даже его возможности влиять на ход мировых событий имеют вполне очевидные пределы. Си Цзиньпин, Владимир Путин и Биньямин Нетаньяху прекрасно понимали, что Трамп — это сила, с которой нужно уметь обращаться, и каждый из них время от времени подыгрывал ему, одновременно стараясь воздействовать на его ближайших советников.

Для Нетаньяху главной целью было склонить Трампа на свою сторону и добиться его поддержки кампании по уничтожению ядерного потенциала иранского режима. Противники военного вмешательства из лагеря MAGA уверяли всех, кто готов был их слушать, что Трамп разочаровался в Нетаньяху и категорически не желает ввязываться в его войну с Ираном. Временами сам Трамп лишь подкреплял это впечатление, говоря разным людям разные вещи — в зависимости от того, что именно они хотели услышать. В первые месяцы новой администрации одному из сотрудников своей команды, скептически относившемуся к Израилю, он заявил, что не хочет «иметь никакого отношения» к войне Нетаньяху против Ирана. Другому советнику Трамп сказал, что Нетаньяху — «мошенник»; в его лексиконе это было одним из самых тяжёлых оскорблений — особенно если учесть, что слово «делец» или «ловкач», напротив, звучало из уст Трампа почти как комплимент. Некоторые чиновники администрации с самого начала считали: если Белый дом позволит втянуть себя в конфликт с Тегераном, президентству Трампа придёт конец. По меньшей мере один из них говорил коллегам, что в таком случае уйдёт в отставку. Поэтому вся дипломатическая энергия администрации была брошена на достижение

соглашения с Тегераном. Переговоры уже продвинулись довольно далеко, и вёл их неисправимый оптимист Стив Уиткофф.

Однако за всем этим шумом скрывался один упрямый факт. По самому главному вопросу Трамп уже был полностью согласен с Нетаньяху: Ирану нельзя позволить получить ядерное оружие. Главное различие между двумя лидерами состояло в другом: Трамп гораздо больше верил в возможность договориться с Ираном. Но терпением он никогда не отличался.

Многие в движении MAGA забыли — или предпочли забыть, — что во время своего первого президентского срока Трамп, вопреки советам помощника по национальной безопасности, министра обороны и госсекретаря, разорвал ядерную сделку с Ираном, заключённую при Бараке Обаме. А затем, в январе 2020 года, опять же вопреки мнению некоторых советников, приказал убить самого известного иранского военачальника.

С тех пор его ярость по отношению к Ирану только усилилась. Иран разрабатывал план его убийства во время избирательной кампании, и хотя некоторые помощники Трампа предпочитали не придавать этому значения, отношение президента к иранскому режиму было гораздо более эмоциональным и гораздо менее деловым, чем почти к любому другому внешнеполитическому вопросу.

Через несколько дней после выборов 2024 года главный советник Нетаньяху Рон Дермер вышел с двухчасовой встречи с Трампом и сообщил премьер-министру Израиля: по его оценке, вероятность того, что Трамп согласится присоединиться к израильской военной кампании против Ирана, составляет 80 процентов. Дермер был настолько уверен в успехе, что убедил жену разрешить ему остаться на государственной службе ещё на шесть месяцев сверх намеченного срока — чтобы помочь двум странам вместе уничтожить военную ядерную программу, которую он считал угрозой самому существованию Израиля. Путин оказался для Трампа гораздо более серьёзной головной болью, чем тот рассчитывал. Что касается нескончаемой войны на Украине, то в феврале Соединённые Штаты проголосовали против резолюции ООН, осуждавшей российское вторжение и требовавшей вывода войск. Это был шокирующий шаг, который на какое-то время фактически поставил Вашингтон в один ряд с Москвой. Но уже три месяца спустя Рубио сомневался, что Путин вообще хочет какого-либо соглашения. Постепенно и Трамп, хотя и неохотно, пришёл к тому же выводу. Он решил, что российский президент — просто «мастер вешать лапшу на уши» и всё это время водит его за нос. А для Дональда Трампа едва ли существовал больший грех, чем выставить его дураком.

И хотя вездесущий Уиткофф всё ещё пытался добиться соглашения о прекращении войны, многие сотрудники администрации понимали: весьма вероятно, что Трамп просто потеряет интерес к этому вопросу и отойдёт в сторону. Путин стремился убедить Уиткоффа в своём искреннем желании закончить войну, одновременно продолжая безжалостно бомбить Украину, терроризировать её население и убивать её граждан. Уиткофф охотно поддавался этому обаянию.

Однажды специальный посланник Трампа сказал российскому президенту: — Вы, ребята, многое умеете делать хорошо. Но пиар у вас просто ужасный.

Уиткофф продолжал искать возможность прорыва в переговорах с Путиным, во многом полагаясь на возникшую между ними личную симпатию. Путин словно охотно поддерживал эту игру, при этом не уступая на поле боя буквально ничего. Позднее в том же году, сидя вместе с Уиткоффом в Кремле, Путин что-то рисовал на своём личном бланке — кремовой бумаге с тиснёным в углу гербом президента России.

— Что вы рисуете, господин президент? — спросил Уиткофф.

Путин поднял лист. Толстыми размашистыми линиями ручки на нём было выведено: «3 + 2». Это было условное обозначение территориальной схемы, которую Уиткофф обсуждал с ним: три области Россия оставляет за собой полностью, ещё в двух боевые действия прекращаются по существующей линии фронта.

— Вы можете это подписать, чтобы я забрал лист домой? — спросил Уиткофф. Путин подписал рисунок.

Уиткофф увёз его домой и поместил в чёрную рамку с серо-коричневым паспорту. Но какими бы сложными ни были эти две проблемы, ни одна международная дилемма не тревожила Трампа так сильно, как Китай. Как и в случае с войной на Украине, привычка президента обещать простые решения сложнейших проблем — причём непременно «очень быстро» — дала сбой и в отношениях с Си Цзиньпином. Трамп рассчитывал, что сокрушительные пошлины заставят китайцев уступить. Однако этого не произошло. Более того, сила ответных мер Си и твёрдость его позиции застали Белый дом врасплох, и теперь администрации приходилось спешно искать способ снизить напряжённость, сохранив при этом лицо.

Один из чиновников назвал позицию Трампа по Китаю «шизофренической»: президент понимал, что введённые им пошлины в размере 145 процентов невозможно поддерживать долго и что фактически он установил торговое эмбарго против одной из крупнейших экономик мира. Выяснилось, что у Си Цзиньпина гораздо больше рычагов воздействия, чем предполагал Трамп. В отличие от первого президентского срока Трампа, теперь Си был прекрасно подготовлен к столкновению с ним. Китай не только ввёл ответные пошлины, но и ограничил экспорт в США редкоземельных металлов и магнитов — материалов, критически важных для производства электромобилей, беспилотников, роботов и ракетных систем. За считанные недели американский импорт магнитов сократился до ничтожной доли прежних объёмов, а автомобильные и аэрокосмические предприятия по всему миру оказались перед угрозой остановки.

Хотя прежде Трамп настаивал, что его тарифная политика не приведёт к росту цен для американцев, вскоре он уже говорил: — Ну, может быть, у детей будет две куклы вместо тридцати. И, может быть, эти две куклы будут стоить на пару долларов дороже обычного.

Сотрудников Трампа раздражало это демонстративное безразличие к последствиям собственной политики, особенно потому, что одним из главных обещаний его кампании 2024 года было немедленное облегчение инфляционного бремени. — Фраза Трампа о том, что куклы станут дороже, — очень неудачная, — признавался один высокопоставленный чиновник. — Ему нужно перестать это говорить. Звучит буквально как «пусть едят пирожные».

Столкнувшись с перспективой пустых магазинных полок к рождественскому сезону и заметного скачка инфляции, президент поручил Скотту Бессенту снизить накал торговой войны с Пекином. Впоследствии Бессент говорил знакомым, что взаимная эскалация, доведшая американские пошлины до 145 процентов, была «непреднамеренной». Китай оказался единственной страной, решившейся столь агрессивно ответить на тарифы Трампа, и ни одна из сторон не хотела первой отступать. В какой-то момент, посреди всей этой неразберихи, президент спросил, на каком уровне сейчас находятся американские тарифы против Китая. Ему ответили: — 145 процентов. — Ни хрена себе, —отреагировал Трамп.

К середине мая, после переговоров в Женеве, стороны договорились о девятистодневном перемирии: США снизили пошлины до 30 процентов, Китай — до 10 процентов. Белый дом, с очевидным преувеличением, провозгласил это «исторической сделкой». Наедине с помощниками Трамп говорил: — Я знал, что они сдадутся. Однако нестабильность на рынках сохранялась. И обнаружилось ещё кое-что: наружу вышли несколько серьёзных слабостей Америки. Главная из них заключалась в том, что Соединённые Штаты оказались пугающе зависимы от Китая в поставках целого ряда сырьевых материалов, жизненно необходимых американской экономике.

Прояснилась и ещё одна фундаментальная черта довольно меркантильного отношения Трампа к Пекину. При всей его воинственной риторике о Китае — выражениях вроде «китайский вирус» применительно к Covid, заявлениях на митингах о том, что Китай «насилует» Америку и крадёт её рабочие места, — настоящим ястребом в отношении Китая Трамп вовсе не был. Он всегда смотрел на эти отношения как на сделку. Права человека интересовали его мало. Традиционный американский подход к Тайваню его не трогал. Сам остров представлял для него ценность главным образом потому,

что оттуда поступали полупроводники. Чтобы подчеркнуть своё пренебрежительное отношение, Трамп иногда на частных встречах брал в руки какой-нибудь маленький предмет — например ложку — и говорил:

— Вот Тайвань. Публично он придерживался традиционной американской политики стратегической неопределённости, то есть отказывался прямо отвечать, что сделают США, если Китай вторгнется на Тайвань. Но люди из его ближайшего окружения утверждали, что в частных разговорах его позиция была куда яснее. По существу она сводилась к следующему:

Зачем мне отправлять американских солдат воевать за крохотный остров, который большинство американцев даже не сможет показать на карте? Не особенно беспокоило его и чудовищное обращение Пекина с уйгурами или подавление активистов в Гонконге. Во время первого срока, когда Трампа спросили, почему он не ввёл санкции против Пекина за нарушения прав человека в Синьцзяне, он ответил:

— Ну, мы тогда как раз находились посреди очень крупной торговой сделки. Если нарушения прав человека китайскими властями и вызывали у Трампа какую-то эмоциональную реакцию, то порой это было скорее восхищение. Во время первого срока он хвалил Си Цзиньпина за то, как быстро и жестоко тот расправляется с предполагаемыми наркоторговцами — попросту казня их без долгих церемоний.

Единственной областью, где Трамп действительно занимал жёсткую позицию в отношении Китая, была торговля. Однако по мере того, как шёл его первый президентский срок, становилось всё очевиднее: в конечном счёте он просто хочет заключить с Си грандиозную сделку, которую сможет представить как величайшее соглашение всех времён. Настоящие антикитайские ястребы в той администрации — Майк Помпео, Питер Наварро и другие — постоянно подталкивали его к более жёсткой конфронтации с Китаем, но Трамп их сдерживал. По крайней мере до тех пор, пока не разразилась пандемия Covid, которую Трамп воспринял едва ли не как личное предательство со стороны Си.

Тогда он дал ястребам полную свободу. Теперь почти никого из них в администрации уже не осталось. Си Цзиньпин действовал с определённой мудростью и расчётом. Даже когда ему приходилось реагировать на чужие шаги, за его действиями просматривалась последовательная и вполне понятная стратегия.

Он видел в Соединённых Штатах угасающую державу — страну, которой становится всё труднее управлять и которая именно поэтому, по мере своего ослабления, становится всё опаснее для китайских интересов. В противостоянии, развернувшемся после так называемого Дня освобождения, Китай не просто удержал позиции — он продемонстрировал наличие важнейших рычагов воздействия. В последующие месяцы Трамп продолжал снижать градус конфликта, приказывая своим подчинённым не делать ничего, что могло бы разрушить его надежды на грандиозную сделку с Си.

Позднее он даже потребовал убрать жёсткие формулировки в отношении Китая из стратегии национальной обороны своей администрации. Трамп также хотел заключить соглашение, которое позволило бы сохранить TikTok в США: он понял, насколько популярен на этой платформе и какую пользу она приносит его политическому движению. Это давало Си ещё один рычаг давления.

В Министерстве финансов Бессент формулировал складывавшуюся китайскую стратегию администрации так: **«Снижать риски, но не разрывать связи»**. Он перечислял отрасли, в которых Соединённым Штатам необходимо добиться самодостаточности: фармацевтика, редкоземельные элементы, полупроводники, сталь, судостроение.

Однако Бессент считал, что при полном разрыве экономических связей с Китаем Америка лишится всех оставшихся рычагов влияния. — Мы не хотим создать Северную Корею с населением в 1,4 миллиарда человек, — говорил он. — Для мира это ничем хорошим не закончится. Трамп разделял точку зрения Бессента.

Он часто с подозрением относился к китайской политике, однако ясно дал своей команде понять: идти так далеко, как предлагают наиболее жёсткие противники Китая, и фактически прекращать

торговлю с Пекином он не намерен. Ему нужны были сделки — такие, которыми можно похвастаться перед американскими избирателями. И он продолжал уверять всех, что его «прекрасные отношения» с Си Цзиньпином в конечном счёте всегда возьмут верх.

III

Когда президент готовился отправиться в первую крупную зарубежную поездку своего второго срока — в Саудовскую Аравию, Катар и Объединённые Арабские Эмираты, — Кэролайн Ливитт отвечала в зале брифингов Белого дома на вопросы о целях поездки и маршруте Трампа.

Двадцатисемилетняя Ливитт во время первого президентского срока Трампа была младшим сотрудником его администрации. Затем она безуспешно баллотировалась в Конгресс от Нью-Гэмпшира, после чего присоединилась к кампании Трампа 2024 года. В кругах MAGA она превратилась в настоящую знаменитость и собрала почти 3 миллиона подписчиков в Instagram. В её аккаунте телевизионные выступления в защиту начальника соседствовали с личными роликами — вот она играет со своим маленьким сыном, читает ему книги, ведёт его в Музей Библии. Ливитт стала самым молодым пресс-секретарём Белого дома в истории. Другой политической эпохи, кроме эпохи Трампа, она практически не знала, а президент наслаждался тем, как стремительно и безжалостно она расправлялась на брифингах с представителями «фейковых СМИ».

В одном интервью Трамп говорил о ней: — Ох уж эти губы. Ба-ба-ба-ба-ба. Это прекрасное личико. Ба-ба-ба. Правда?

В ту пятницу, 9 мая, у «фейковых СМИ» действительно было множество вопросов. Журналистов интересовало, не собирается ли Трамп во время зарубежной поездки заниматься собственными коммерческими делами и посещать объекты, связанные с ближневосточными проектами его компании в сфере недвижимости. Ливитт возмутилась и заявила, что президент, напротив, принёс огромные жертвы ради государственной службы.

— По-моему, откровенно нелепо, что кто-либо в этом зале вообще способен предположить, будто президент Трамп делает что-то ради собственной выгоды, — отчитала она журналистов. — Он оставил роскошную жизнь и управление чрезвычайно успешной империей недвижимости ради государственной службы — не один раз, а дважды. И американский народ снова избрал его в Белый дом именно потому, что верит: он действует в интересах нашей страны и ставит американцев на первое место. Перед вами президент, который на президентстве фактически потерял деньги.

Возмущение Ливитт было энергичным, театральным — и совершенно оторванным от действительности.

Всего неделей раньше правительство Объединённых Арабских Эмиратов объявило, что его суверенный инвестиционный фонд вкладывает 2 миллиарда долларов в USD1 — криптовалютный стейблкоин компании World Liberty Financial, принадлежавшей семьям Трампа и Уиткоффа. Эрик Трамп и Дональд Трамп-младший занимали там руководящие должности, а повседневной деятельностью компании управлял сын Уиткоффа Зак. Одна-единственная эмиратская инвестиция превратила USD1 в один из крупнейших стейблкоинов мира. Только продажа токенов принесла сотни миллионов долларов.

А через два дня после возмущённого выступления Ливитт стало известно, что президент собирается принять в подарок от Катара роскошный Boeing 747 стоимостью 400 миллионов долларов. Самолёт, который уже успели окрестить «летающим дворцом», прежде использовал член катарской королевской семьи — бывший премьер-министр Хамад бин Джасим бин Джабер Аль Тани. После переоборудования в соответствии с требованиями национальной безопасности самолёт предполагалось использовать в качестве президентского борта Air Force One.

Трамп давно жаловался на состояние двух находившихся в эксплуатации десятилетиями самолётов Air Force One. По его словам, было просто стыдно, что президент Соединённых Штатов вынужден летать на таких потрёпанных машинах. Решение о том, что он хочет получить катарский самолёт, Трамп принял

сразу после того, как осмотрел его в аэропорту Палм-Бич в феврале 2025 года. На него произвели впечатление спальня, роскошные салоны, обилие деревянных панелей, мебель с золотистой отделкой и белая кожа.

Поначалу Военно-воздушные силы США предложили самолёт купить, поскольку планировали долгие годы использовать его в составе президентского авиапарка. Катарцы просили за него от 150 до 200 миллионов долларов, что с учётом возраста самолёта сочли вполне разумной ценой. Но затем вдруг было объявлено, что самолёт станет подарком. Как впоследствии выразился один высокопоставленный чиновник, эта идея «возникла на уровне POTUS», то есть самого президента Соединённых Штатов.

Затем последовало ещё одно уточнение: после завершения президентства Трампа самолёт будет передан его будущей президентской библиотеке. Однако некоторые советники полагали, что, покинув Белый дом, Трамп станет пользоваться этим самолётом для личных путешествий. Юрисконсульт Белого дома Дэвид Уоррингтон и генеральный прокурор Пэм Бонди — прежде зарегистрированная как лоббист Катара по вопросам борьбы с торговлей людьми — объявили, что, по заключениям их ведомств, закон не запрещает Министерству обороны принять самолёт, а затем передать его президентской библиотеке Трампа.

Никто толком не понимал, каким образом самолёт, который первоначально проходил как предмет купли-продажи, вдруг превратился в подарок. Так или иначе, в тот же день, когда новость стала достоянием общественности, президент написал в Truth Social, что 747-й является:

«ПОДАРКОМ, АБСОЛЮТНО БЕСПЛАТНЫМ». Будь этот подарок предназначен лично Трампу, он совершенно однозначно подпадал бы под запрет Конституции США — положения о вознаграждениях от иностранных государств, которое запрещает должностному лицу принимать подарки от иностранной державы без согласия Конгресса. До появления администраций Трампа президенты традиционно старались избавляться от потенциальных конфликтов интересов или официально выяснять, допустимо ли принимать тот или иной подарок. Ни один президент ещё не испытывал эту конституционную норму на прочность столь решительно.

Но Трамп настаивал: самолёт дарят не ему лично, а американскому правительству. И он немедленно перешёл в наступление против всех, кто ставил под сомнение законность или этичность этой сделки.

— Я считаю это прекрасным жестом со стороны Катара. Я очень это ценю, — говорил он. — Я не из тех, кто станет отказываться от такого предложения. Можно, конечно, быть идиотом и сказать: «Нет, нам не нужен бесплатный, невероятно дорогой самолёт». Но я считаю, что это был прекрасный жест.

Очень скоро выяснилось, однако, что «бесплатный» самолёт в конечном итоге обойдётся американским налогоплательщикам в несколько сотен миллионов долларов: именно столько потребуется для его переоборудования, чтобы президент мог безопасно летать на нём к намеченному сроку — середине 2026 года. Критика «подарка» была оглушительной и временами объединяла даже представителей обеих партий. Лора Лумер, совсем недавно добившаяся своего в деле чистки Совета национальной безопасности, назвала решение президента «позорным пятном» и подкрепила свою мысль карикатурой, на которой Boeing 747 был изображён в виде троянского коня, только вместо греческих воинов внутри прятались вооружённые джихадисты.

Для Трампа кульминацией ближневосточного турне стало посещение Саудовской Аравии. Все его помощники замечали, с каким наслаждением он принимал оказываемые ему королевские почести. О саудовцах Трамп потом говорил: — Уж они-то действительно знают, как встречать гостей. На одном из этапов поездки он даже возбуждённо примчался в салон для прессы на борту Air Force One, чтобы сообщить журналистам: скоро к самолёту пристроятся истребители и будут сопровождать его до следующего пункта назначения. У одного дворца за другим его встречали танцами с мечами и всадниками, сопровождавшими президентский лимузин. Куда бы Трамп ни отправлялся, сотрудники видели на его лице выражение искреннего, глубокого удовлетворения. Улыбка почти не сходила с его лица, пока он восхищался королевской архитектурой Саудовской Аравии: один огромный бальный зал сменял другой, и каждый казался роскошнее предыдущего. Созерцая, возможно, самые изысканные проявления государственного богатства на планете, Трамп одновременно уже планировал строительство собственного бального зала — главной жемчужины проекта, призванного превратить сравнительно скромный Белый дом в подобие американского дворца.

Однако самой насущной проблемой Ближнего Востока оставался Иран. И Трамп всё сильнее чувствовал себя зажатым между загадочным верховным лидером Ирана аятоллой Али Хаменеи — с которым его администрация энергично пыталась вести ядерные переговоры — и Биньямином Нетаньяху, убеждённым, что с иранцами можно разговаривать только языком силы. Ещё с декабря предыдущего года Нетаньяху готовил удары по нескольким объектам на территории Ирана.

Он хотел, чтобы Вашингтон присоединился к операции, поскольку только Соединённые Штаты располагали тридцатитысячечуновыми противобункерными бомбами, способными пробить примерно 300 футов гранита и железобетона, защищавших объект по обогащению урана в Фордо. Фордо был построен внутри горы именно для того, чтобы выдержать обычные авиационные удары. Трамп всё ещё надеялся принудить иранцев к дипломатическому решению.

Тем не менее с первых дней новой администрации президент разрешил Центральному командованию Вооружённых сил США, отвечающему за Ближний Восток, согласовывать с израильтянами возможные варианты военной операции — на тот случай, если удар всё же станет необходим. К середине февраля командующий CENTCOM генерал Майкл Курилла подготовил четыре варианта. Самый ограниченный предусматривал лишь вспомогательную роль США: дозаправку самолётов и передачу разведданных. Второй вариант предполагал совместные американо-израильские удары. По третьему варианту главную роль брали на себя Соединённые Штаты, а Израиль обеспечивал поддержку. Предполагалось задействовать бомбардировщики В-1 и В-2, авиацию с авианосцев и крылатые ракеты, запускаемые с подводных лодок. Четвёртый вариант — от него быстро отказались — предусматривал массированные американские авиаудары одновременно с операцией израильских командос, которых с воздуха поддерживали бы конвертопланы V-22 Osprey или аналогичные машины. В самом главном Нетаньяху и Трамп были полностью согласны:

Иран не должен получить ядерное оружие. Во всём остальном Нетаньяху исходил из того, что сложившееся в регионе сочетание обстоятельств открывает перед ним историческую возможность. Трамп вернулся в Белый дом. А все составляющие иранской «Оси сопротивления» — «Хезболла», ХАМАС и другие прокси-силы — были серьёзно ослаблены. Многие годы Нетаньяху избегал крупного удара по Ирану, опасаясь ответных действий. Теперь же риск был меньше, чем когда-либо прежде. Но, по мнению Нетаньяху, речь шла уже не просто об удобном моменте.

Это становилось чрезвычайной ситуацией. Ссылаясь на разведывательные данные, которые некоторые сотрудники Белого дома считали сомнительными, он утверждал, что Иран находится совсем близко к производству достаточного количества высокообогащённого урана для создания бомбы. Однако ядерные «часы» были лишь одними из нескольких часов, которые, по словам Нетаньяху, тикали против

Израиля. Иран спешно восстанавливал системы противовоздушной обороны, серьёзно повреждённые израильскими ударами предыдущей осенью. Тегеран пытался получить у России новые комплексы С-300, но Москва отказала, сославшись на то, что все имеющиеся ресурсы задействованы на Украине. Тогда Иран приступил к созданию собственных аналогов, одновременно обратившись за помощью к китайцам. Кроме того, Тегеран быстро восстанавливал производство баллистических ракет. Логика Нетаньяху была проста: Израиль не может ждать, пока Иран восстановит такое количество ракет, что они смогут перегрузить израильскую систему перехвата.

Когда это произойдёт, цена удара по иранским ядерным объектам станет неприемлемой. В его интерпретации каждая неделя бездействия сужала окно возможностей.

С наступлением весны Белому дому становилось всё яснее: бесконечно удерживать Израиль от действий не получится. Команда президента — прежде всего Стив Уиткофф и Джей Ди Вэнс — до сих пор сдерживала всё более настойчивые требования Нетаньяху. Один раз, в начале апреля, им уже удалось сорвать его планы. В тот момент на Трампа одновременно оказывал мощнейшее давление Такер Карлсон. К нему присоединились Стив Бэннон и основатель Turning Point USA Чарли Кирк, который выбрал особенно хитрую — и совершенно неконфронтационную — тактику.

Кирк никогда не критиковал Трампа напрямую. Он неизменно начинал с похвалы и использовал лесть как средство убеждения: — База устала от войн, — говорил Кирк публично. — Молодые американцы всю свою жизнь только это и видели: кровь, смерть и песок. Мы хотим прежде всего заниматься проблемами самой Америки. Ситуация в Израиле невероятно сложна, но, слава богу, у нас есть президент, который каждый день, а иногда и посреди ночи, работает над тем, чтобы не дать Америке увязнуть в очередном ближневосточном болоте. В частных беседах Кирк признавался знакомым, что куда сильнее обеспокоен возможными действиями Трампа, чем показывает публично.

Но он прекрасно понимал: если выскажет свои опасения открыто, это лишь вызовет обратный эффект и лишит его возможности влиять на президента. Возглавляя одну из наиболее влиятельных организаций молодых консерваторов в стране, Кирк постоянно общался с республиканцами студенческого возраста и видел, что многие из них начинают отворачиваться от Израиля. Внутри MAGA возникал настоящий раскол. Республиканцы старшего поколения по-прежнему в подавляющем большинстве поддерживали Израиль. Но заметная часть молодых сторонников MAGA на мероприятиях Turning Point задавала вопросы, удивительно похожие на те, что звучали на собраниях молодых левых. Они спрашивали: почему Америка поддерживает израильский «геноцид» в Газе? Почему президент США словно действует по указке крошечного зависимого государства? А в наиболее мрачных уголках движения — которые с каждым днём становились всё заметнее — всё больше сторонников Трампа позволяли себе открытый антисемитизм и конспирологические рассуждения о Нетаньяху и «мировом еврействе». Речь шла уже не только о печально известном интернет-деятеле и стороннике превосходства белых Нике Фуэнтесе. Подобных голосов становилось достаточно много, чтобы среди традиционно произраильских конгрессменов и доноров Республиканской партии началась серьёзная тревога.

Сам Трамп, однако, почти не замечал этой внутренней войны в MAGA. Он жил в своеобразном пузыре, перемещаясь между своими частными клубами и Белым домом, и ему редко показывали что-либо, кроме хороших новостей. В отличие от первого срока, он почти перестал самостоятельно читать Twitter — теперь X. Главными источниками информации для него оставались Fox News, занимавший гораздо более произраильскую позицию, чем значительная часть сторонников MAGA в социальных сетях, а также те фрагменты новостей, которые Натали Харп распечатывала и приносила ему лично. Нетаньяху раздражал Трампа. Но, как говорили некоторые молодые помощники президента, сам Трамп был всё-таки «бумером», и сердцем оставался на стороне Израиля. Они даже размышляли, насколько вообще его теперь волнует мнение избирателей, ведь вновь баллотироваться ему уже не придётся. Теперь он мог позволить себе думать о собственном наследии.

Одним из тех, кого раскол вокруг Израиля беспокоил особенно сильно, был близкий союзник Кирка — Джей Ди Вэнс. Однако, сколь бы скептически вице-президент ни относился к Нетаньяху и сколь бы сильно ни опасался, что распад коалиции MAGA может навредить ему на выборах 2028 года, ему приходилось действовать осторожно. Слишком сильное давление на Трампа могло настроить президента против него. Вэнс опасался, что Соединённые Штаты втянут в израильскую войну против Ирана, целью которой станет смена режима. Его союзники настойчиво убеждали Трампа в необходимости не вмешиваться, пытаясь уравновесить влияние таких ястребов, как правый комментатор Марк Левин. Но сам вице-президент действовал гораздо осторожнее. На одном из совещаний в Ситуационной комнате он обозначил свою красную линию: — Если мы разбомбим их ядерные объекты — прекрасно. Но если нас засосёт в долгую войну, это войдёт в историю как колоссальная ошибка. Позднее, когда стало очевидно, что Трамп всё больше склоняется к позиции Нетаньяху, Вэнс в присутствии президента предпочитал выражаться сдержаннее. Вэнс совершил то, что иначе как головокружительным взлётом в политике назвать трудно.

В 2022 году он успешно избрался в Сенат от Огайо. В 2024 году стал напарником Трампа на президентских выборах. А в 2025-м принёс присягу в качестве вице-президента Соединённых Штатов.

Он был популистом, социальным консерваторм, яростным противником левых и столь же убеждённым противником участия США в зарубежных войнах. Его окружение представляло собой любопытную смесь молодых влиятельных фигур из мира MAGA и миллиардеров венчурного капитала Кремниевой долины. Как и Рубио, Вэнс имел молодую, фотогеничную семью. И, как и у Рубио, его ранняя биография была далека от стандартного благополучного американского сценария. В мемуарах 2016 года *Hillbilly Elegy* («Элегия Хиллбилли») Вэнс описал детство в тени аппалачской культуры: неудачные отношения матери, окружение, пропитанное наркотиками и алкоголизмом. В конечном счёте его спасла бабушка: она взяла мальчика под свою опеку и настойчиво направляла его к образованию. Одни читатели увидели в книге трогательную историю искупления через любовь и тяжёлый труд.

Другие — прямолинейное описание бедности, чрезмерно опиравшееся на мифы о зависимости от социальных пособий как объяснение отчуждения белого рабочего класса. В восемнадцать лет Вэнс поступил на службу в Корпус морской пехоты США и четыре года работал военным журналистом. Затем окончил Университет штата Огайо и юридический факультет Йеля — именно там он в свободное время начал писать *Hillbilly Elegy*. После университета Вэнс занялся корпоративным правом, а затем нашёл своё место в мире финансов и венчурного капитала, устроившись в Mithril Capital Питера Тиля. Когда-то он был яростным критиком Дональда Трампа и относил себя к лагерю Never Trump — «Никогда Трамп». Но когда Вэнс задумался о кресле сенатора от Огайо, началось постепенное отступление от прежней позиции. Через месяц после того, как Трамп покинул Белый дом в январе 2021 года, Вэнс начал искать его расположения. Первым шагом стало извинение перед бывшим президентом за то, что когда-то он назвал Трампа «культурным героинем». В течение следующего года Трамп наблюдал, как Вэнс участвует в дебатах и публичных политических баталиях. Трамп, который больше всего на свете любил обращённых противников, был впечатлён умом и внешностью Вэнса. Хотя некоторые сотрудники Белого дома замечали: с Рубио у Трампа всё-таки складывались куда более естественные личные отношения.

II

До конца мая Трамп продолжал надеяться на соглашение с Ираном.

7 апреля Нетаньяху неожиданно прилетел в Вашингтон. Он снова настаивал на необходимости скорейших военных действий и отдельно просил предоставить Израилю противобункерные бомбы. В ответ команда Трампа развернула настоящую кампанию давления, давая израильтянам понять: они не должны наносить удар по Ирану самостоятельно — и уж тем более без предварительного уведомления Соединённых Штатов. Это послание Нетаньяху передавали и сам президент, и Уолтц, и Рубио. Разговоры проходили напряжённо. Как впоследствии сформулировал один из высокопоставленных чиновников

администрации, Трамп действительно всерьёз хотел заключить соглашение. Это не было уловкой, как позднее пытались утверждать некоторые.

Президент искренне верил, что способен договориться. Трамп уже сообщил команде, что хочет лично написать письмо аятолле Али Хаменеи. Первый вариант подготовили Уиткофф и Уолтц. Требования были изложены предельно жёстко: прямые переговоры по ядерной программе; соглашение должно быть достигнуто к определённому сроку; никакого обогащения урана; никакой разработки ядерного оружия;

никаких ракет большой дальности; полный доступ международных инспекторов. Трамп надеялся решить вопрос мирным путём. Но письмо ясно давало понять: в противном случае Иран ждут очень плохие последствия. Получив черновик, Трамп добавил к тексту собственные штрихи, чтобы письмо стало, по его выражению, «красивым». Он хвастался им перед членами кабинета и сотрудниками администрации и даже вслух зачитывал избранным посетителям Овального кабинета. Когда Трамп решил, что текст наконец получился идеальным, он отправил Уиткоффа в Абу-Даби, чтобы тот лично передал письмо президенту Объединённых Арабских Эмиратов, который, в свою очередь, должен был доставить его аятолле.

Но муллы оказались не особенно восприимчивы к «красивым письмам». Никакой дипломатии личных отношений — никакой почти любовной переписки между Трампом и лидером государства-изгоя, подобной той, что во время первого срока возникла у Трампа с северокорейским Ким Чен Ыном, — на этот раз не получилось. Вместо этого начались куда более традиционные переговоры. В апреле и мае Уиткофф провёл несколько раундов консультаций со своим иранским коллегой, министром иностранных дел Аббасом Арагчи. Посредниками выступали оманцы. Встречи попеременно проходили то в Дипломатическом клубе Маската — который один американский чиновник назвал «светским клубом оманского глубинного государства», — то в резиденции посла Омана в Риме.

Переговоры были непрямыми. Министр иностранных дел Омана передавал сообщения между американской и иранской делегациями. Те целыми днями сидели в отдельных роскошных помещениях дипломатического комплекса и так ни разу и не встретились лицом к лицу. Если бы условия соглашения зависели исключительно от Уиткоффа и Арагчи, Соединённым Штатам и Ирану, возможно, действительно удалось бы достичь компромисса. За два месяца переговоров между ними установились тёплые отношения. Оба по натуре были оптимистами, причём Уиткофф, по крайней мере, совершенно не чувствовал на себе тяжести прошлого.

При этом в деталях он разбирался не слишком глубоко. А когда речь идёт о столь сложном вопросе, как обогащение урана, именно в деталях и прячется дьявол. Но неутомимого Уиткоффа это не останавливало: он продолжал верить, что сумеет что-нибудь придумать. На первой встрече с Арагчи 14 апреля Уиткофф предложил разрешить Ирану сохранить гражданскую ядерную программу на уровнях, установленных Совместным всеобъемлющим планом действий 2015 года — той самой «иранской ядерной сделкой», заключённой администрацией Обамы.

То есть речь шла о соглашении, из которого сам Трамп в 2018 году вышел, назвав его: **«ужасной, односторонней сделкой, которой вообще никогда не должно было существовать»**. Если отбросить гиперболы, главные содержательные претензии Трампа относились прежде всего к дополнительным положениям СВПД. Он резко критиковал так называемые «закатные положения» соглашения — в частности, пункт, согласно которому в 2030 году истекали ограничения на уровень обогащения урана.

Трамп также осуждал решение государств — участников сделки — США, Великобритании, Франции, России, Китая и Германии — разморозить примерно 50 миллиардов долларов иранских активов. Он мог подолгу разглагольствовать о «поддонах с наличными», которые Обама якобы передал иранцам, утверждая, что эти миллиарды финансируют терроризм. Прямых доказательств именно этому утверждению не существовало.

Однако размороженные средства, несомненно, помогали режиму в Тегеране держаться на плаву. И всё же до того, как Трамп вышел из соглашения, условия СВПД, подкреплённые строгой системой международного контроля — включая навязчивые инспекции и угрозу возобновления санкций, — действительно удерживали Иран за пределами ядерного клуба. Рабочий график Уиткоффа был чудовищно перегружен. Он одновременно пытался добиться соглашений о прекращении войн на Украине и в Газе и в то же время вёл сложнейшие переговоры с Тегераном по ядерной программе.

При этом публично и непублично он посылал противоречивые сигналы. Когда показалось, что Уиткофф готов фактически принять стандарты, установленные в эпоху Обамы для иранской ядерной программы, израильские ястребы обрушились на него. Газета Руперта Мёрдока *New York Post* публиковала убийственно критические материалы об Уиткоффе, и сотрудникам Белого дома приходилось поспешно вставать на его защиту.

Под давлением критики и после консультаций с президентом Уиткофф резко изменил позицию. Теперь он настаивал: Иран должен полностью демонтировать свои ядерные объекты и программу обогащения. **Никакого обогащения урана — ни в каком объёме и ни с какой целью — на иранской территории допущено не будет.**

Этот внезапный поворот застал врасплох даже некоторых сотрудников администрации и вызвал ярость у иранцев. Один высокопоставленный чиновник администрации в частной беседе с раздражением сформулировал американскую политику следующим образом: — Наша позиция по любому вопросу — это то, что Дональд Трамп сказал об этом последним.

А затем добавил: — И через двадцать четыре часа она изменится. Или через два часа. Или через час. Или через минуту. Так что в каком-то смысле люди, которые говорят: «Вся эта процедура — полная хрень», правы. Конечно, не так-то просто начать сочувствовать иранцам, но они были просто в бешенстве. Их это довело. Новые условия были для Тегерана неприемлемы.

Для иранцев способность самостоятельно обогащать уран стала вопросом национальной гордости. Много лет до соглашения Обамы международное сообщество требовало от Ирана полного отказа от обогащения. Но теперь для Тегерана это превратилось в красную линию, по которой компромисс был невозможен.

Весь май Уиткофф и Арагчи продолжали переговоры. Одновременно Белый дом начал получать информацию о том, что израильтяне теряют терпение и готовятся начать бомбардировки Ирана самостоятельно, без помощи Вашингтона. Показательно, насколько непрозрачными порой оставались отношения даже между самыми близкими союзниками: эта информация поступила не от израильтян, а от ЦРУ. Некоторые советники Трампа опасались, что Нетаньяху нанесёт удар сразу после того, как президент завершит свою майскую поездку по региону.

Внутри администрации росло раздражение поведением израильтян. Создавалось впечатление, что они вообще не готовы рассматривать никакой вариант, кроме военной кампании против Ирана, и последовательно пытаются выбить Белый дом с дипломатического пути.

Главный страх израильтян состоял в том, что Трамп настолько жаждет сделки, что согласится на условия, с которыми Израиль не сможет смириться. Иранцев же всё больше выводило из себя нежелание Уиткоффа фиксировать какие-либо предложения на бумаге. На последней встрече делегация Арагчи потребовала письменный проект, который можно было бы представить верховному лидеру. Лишь в последний день мая Уиткофф наконец передал документ объёмом полторы страницы. Это был настоящий памятник неопределённости: в тексте даже отсутствовали конкретные положения о позиции Белого дома по вопросу обогащения урана.

Получив проект Уиткоффа, иранцы больше недели его изучали. В самый критический момент переговоров предложение словно провалилось в пустоту. Команде Уиткоффа казалось, будто управляющие Ираном муллы существуют в эпохе, предшествовавшей мгновенной связи, и выбрали особенно неудачный момент, чтобы погрузиться в непроницаемое молчание и неспешные размышления.

Именно этот период, когда между участниками переговоров практически прекратились контакты, оказался смертельным для надежды на мирное урегулирование иранского ядерного вопроса. Именно тогда Нетаньяху воспользовался моментом. И нанёс удар.

В понедельник, 9 июня, во время телефонного разговора премьер-министр сообщил Трампу, что собирается атаковать Иран. В тот момент у Трампа было по меньшей мере три способа попытаться остановить Нетаньяху. Он мог прекратить обмен разведывательной информацией. Мог остановить поставки Израилю военной техники и боеприпасов. Или мог пойти на крайний шаг — публично осудить Нетаньяху и объявить себя противником задуманной войны. Но Трамп не воспользовался ни одним из имевшихся у него рычагов давления.

III

Утром 12 июня, в день начала израильского наступления, Джей Ди Вэнс, Марко Рубио и Сьюзи Уайлс собрались в кабинете вице-президента на католическую мессу с причастием. Службу проводил священник Вэнса. Позднее Уайлс объясняла: — Мы молились за людей. Разным людям президент говорил разные вещи.

Его союзники-ястребы часто уходили от него с впечатлением, что он намерен поддержать Израиль до конца и сделать всё необходимое, чтобы не допустить появления у Ирана ядерного оружия. Однако Чарли Кирк, разговаривавший с Трампом в выходные перед нанесением ударов, рассказывал другим, что президент не поддерживал решение Нетаньяху начать военную операцию, пока Соединённые Штаты ещё пытались заключить соглашение. Даже в день нападения Трамп, похоже, продолжал оставлять себе все возможные варианты.

Он поручил Вэнсу и Уиткоффу ещё раз связаться с иранцами и выяснить, готовы ли они принять предложение. Некоторым знакомым президент говорил, что пытался отговорить Нетаньяху от нападения. Всего за несколько часов до ударов он признался одному из помощников: — Не знаю я насчёт всего этого. Я сказал Биби: не делай этого.

И первые несколько часов после начала израильских бомбардировок Трамп вообще отказывался комментировать происходящее. Высказываться в поддержку Израиля он предоставил другим республиканцам — например, лидеру сенатского большинства Джону Тьюну. Если кампания обернётся провалом, Трамп хотел быть от неё как можно дальше. Первое официальное заявление администрации появилось вечером в четверг и исходило от Рубио.

Необычным образом оно отходило от традиции американских администраций обеих партий автоматически вставать на сторону Израиля во время войны. Тон был нарочито сдержанным, а Соединённые Штаты всячески дистанцировались от нападения. Осторожность формулировок была не случайностью. Но и настоящим осуждением Израиля она тоже не являлась.

Американская разведка заранее выявила разработанный Ираном план действий на такой случай: постоянный приказ, уже доведённый до командиров на местах, предписывал в момент нападения на Иран одновременно ударить по американским и израильским объектам. Среди целей находились и американские военные базы в регионе. Если бы эти базы подверглись атаке, у Соединённых Штатов почти не осталось бы выбора — пришлось бы напрямую вступить в войну. А именно этого Трамп хотел избежать. Поэтому демонстративная нейтральность первого заявления была сигналом, направленным непосредственно Тегерану: **Это операция Израиля. Америка к ней отношения не имеет.**

Администрации Трампа требовалось выиграть время, прежде чем вступить в конфликт — если вступить вообще — на собственных условиях. Но к утру пятницы стало очевидно, что первая волна израильских ударов оказалась ошеломляюще успешной. Трамп смотрел восторженные репортажи Fox News — и вскоре уже начал приписывать успех себе. В серии телефонных разговоров с журналистами он хвалил удары, утверждал, что сыграл центральную роль в координации действий с израильтянами, и предупреждал Иран: продолжение последует.

В Truth Social он написал: «Иран должен заключить сделку, пока там ещё хоть что-то осталось... ПРОСТО СДЕЛАЙТЕ ЭТО, ПОКА НЕ СТАЛО СЛИШКОМ ПОЗДНО».

Один из чиновников, служивший ещё в первой администрации Трампа и наблюдавший за всем происходящим, вспомнил старую закономерность: — Ничто так не привлекает внимание Трампа, как успех. Он уже видел нечто похожее во время заключения Авраамовых соглашений. Поначалу Трамп не особенно ими интересовался. Но как только первое соглашение вызвало восторженные отклики прессы, президент внезапно полностью включился:

— Он сразу проникся этим, потому что это выглядело огромным дипломатическим успехом. Теперь, наблюдая на Fox News нескончаемый поток восторгов по поводу израильских бомбардировок, Трамп уже не мог смириться с ролью стороннего наблюдателя истории. Ему хотелось принять участие. Причём более масштабно и более эффектно. Почти сразу в частных разговорах он заговорил о том, чтобы сбросить то, что сам называл: «**большой штукой**» — ту самую тридцатитысячечуновую противобункерную бомбу, о которой давно мечтал Нетаньяху.

Только Соединённые Штаты располагали таким оружием. И это был именно тот тип драматического вмешательства, который нравился Трампу: демонстрация подавляющей силы, но без необходимости отправлять на землю американских солдат. Противники вмешательства внутри коалиции Трампа бросились всеми силами охлаждать его пыл. Карлсон снова предупредил президента, что враги пытаются манипуляциями втянуть его в войну.

Но Трампа уже раздражала критика Карлсона. Днём в пятницу, 13 июня, через сутки после начала первых израильских ударов, между ними произошёл довольно резкий телефонный разговор. Карлсон находился на празднике по случаю помолвки дочери, когда около пяти часов вечера у него зазвонил мобильный телефон. Трамп начал мягко, уверяя, что с Израилем и Ираном всё будет хорошо.

Но Карлсон был зол из-за начавшихся бомбардировок и на этот раз говорил с президентом необычайно резко. — Думаю, вы должны знать: все считают, что Израиль водит вас за нос, — сказал Карлсон Трампу. — Вы управляете огромной страной. А они — крошечное государство, у которого нет ресурсов и, если уж говорить прямо, почти нет реальной стратегической ценности. Поэтому условия должны диктовать вы, а не принимать их от них. Именно так это должно работать.

— Нет, нет, нет, всё будет отлично, — ответил Трамп. — Думаю, ты ещё удивишься. Мы их уничтожим. Всё будет хорошо. Чтобы прийти к миру, нужно применять силу.

Трамп повторял Карлсону свои обычные тезисы. Но злость в голосе выдавала: критика журналиста задела его за живое.

— Вы уничтожите своё президентство, — сказал Карлсон. — После этого вы уже ничего не сможете сделать. Если вы ввяжетесь в войну с Ираном ради смены режима — всё кончено. Это ловушка, которую устроили ваши враги. А люди, которые уговаривают вас это сделать, ненавидят вас.

На следующий день журналист *The Atlantic* Майкл Шерер спросил Трампа о тревогах людей вроде Такера Карлсона и о том, как помощь Израилю в войне против Ирана согласуется с принципом «Америка прежде всего». Трамп ясно дал понять: выражение **America First** означает то, что решит лично он. — Учитывая, что именно я придумал «Америка прежде всего», и учитывая, что до моего появления никто этого выражения не использовал, думаю, именно мне и решать, что оно означает, — заявил Трамп. На самом деле этот лозунг использовался американскими изоляционистами ещё во времена Второй мировой войны.

А затем Трамп добавил: — Тем замечательным людям, которые говорят, что хотят мира, я отвечаю: мира не может быть, если у Ирана есть ядерное оружие. Поэтому всем этим прекрасным людям, которые ничего не хотят делать с тем, что Иран может получить ядерное оружие, я скажу: это не мир.

IV

На четвертый день израильской кампании Трамп едва не разрушил тщательно поддерживаемую версию о том, что Соединенные Штаты не участвуют в боевых действиях. В половине седьмого вечера 16 июня он написал в Truth Social: «Все должны немедленно эвакуироваться из Тегерана!»

Американские силы не выполняли боевых задач над Ираном. Но пост Трампа звучал так, словно выполняли. Не прошло и часа, как израильские журналисты начали ошибочно сообщать, будто США атакуют Иран. Высокопоставленные представители Пентагона встревожились: они опасались, что Тегеран воспользуется этими сообщениями как предлогом для удара по американским базам в Катаре или Ираке. Министерство обороны срочно принялось исправлять ситуацию. В 20:20 главный представитель Пентагона Шон Парнелл опубликовал тщательно выверенное заявление, разъяснив, что американские силы не участвуют в наступательных операциях в воздушном пространстве Ирана. «Американские вооруженные силы сохраняют оборонительную позицию, и в этом ничего не изменилось, — написал Парнелл в X. — Мы будем защищать американских военнослужащих и наши интересы».

Узнав о разъяснении Пентагона, Трамп пришел в ярость. Он потребовал объяснить, какого черта вообще делают его подчиненные. Ему не нужны были разъяснения. Он хотел, чтобы иранцы были напуганы и сбиты с толку, чтобы они не понимали, что произойдет дальше. В военных вопросах Трамп предпочитал туманность и угрозу.

На следующее утро он пошел еще дальше, заявив в Truth Social, что Соединенные Штаты обладают «полным и абсолютным контролем над небом Ирана». А затем выдвинул требование, ошеломившее даже самых воинственно настроенных членов собственной администрации: «БЕЗОГОВОРОЧНАЯ КАПИТУЛЯЦИЯ!»

Его публикации были достаточно противоречивыми, чтобы поддерживать всеобщую атмосферу паники. С этого момента информационные команды Белого дома и Министерства обороны фактически сложили руки до самого конца двенадцатидневной войны. Никто не хотел опережать президента. Когда журналисты звонили с просьбой разъяснить, что именно делают американские силы, их отправляли читать ленту Трампа в Truth Social. Никакой единой стратегической коммуникации вокруг войны не существовало — и существовать не могло. Главным говорящим лицом был сам Трамп, а все остальные в очередной раз усвоили: лучше отойти в сторону и не мешать ему.

Однако «оборонительная» позиция, о которой говорил Парнелл, продержалась еще всего пять дней.

Через девять дней после начала бомбардировок Соединенные Штаты сами вступили в войну — правда, только на один день, начав операцию «Полуночный молот» (*Operation Midnight Hammer*), высокоточную военную операцию против важнейших иранских ядерных объектов. Эти удары стали самой мощной прямой атакой США на Иран за многие десятилетия. По укрепленному ядерному комплексу в Фордо было сброшено двенадцать противобункерных авиабомб. Трамп объявил, что объект был «уничтожен полностью».

К этому времени почти все высокопоставленные представители администрации уже похоронили свои сомнения и поддержали решение Трампа, понимая, что переубедить его они все равно не способны. Однако некоторым смириться с этим решением оказалось легче, чем другим. В субботний вечер, когда США нанесли удары, Джей Ди Вэнс выглядел встревоженным. Некоторые объясняли это его опасением, что война может выйти из-под контроля. Тем вечером, уже после бомбардировки, в Голубой комнате Белого дома Трамп вносил последние правки в свое обращение к нации, когда вице-президент предложил немного смягчить формулировки. — Я знаю, что делаю, — резко бросил Трамп. Раздраженный тем, что Вэнс подвергает его решения сомнению, Трамп повернулся к вице-президенту спиной и больше ничего не сказал.

На следующее утро, в воскресенье 22 июня, Трамп разозлился на Вэнса еще сильнее. Посмотрев выступление вице-президента в программе ABC News *This Week*, Трамп стал жаловаться окружающим, что Вэнс не повторил его новое любимое выражение: ядерная программа Ирана была «полностью

уничтожена». Одному из собеседников Трамп сказал: — Все должны, черт возьми, говорить «уничтожена». Вот это слово. Всем надо просто повторять за мной. Уничтожена. Уничтожена.

На тот момент точный масштаб повреждений ядерных объектов еще не был известен. Первоначальный разведывательный доклад, о котором сообщили CNN и *The New York Times*, указывал, что ущерб мог оказаться гораздо менее серьезным, чем утверждал Трамп. Поэтому осторожные формулировки Вэнса в эфире *This Week* были вполне оправданны. Но Трамп хотел слышать одно слово: «Уничтожена».

Как до него Рубио и Хегсет в телевизионных интервью, Вэнс подчеркивал на ABC News, что США не намерены добиваться смены режима в Иране. Речь шла об ограниченной операции, призванной устранить иранскую ядерную угрозу. Сам Трамп неоднократно говорил то же самое в частных разговорах. Но всего через несколько часов после того, как Вэнс и другие члены администрации это заявили, Трамп сказал прямо противоположное.

Опьяненный успехом, президент словно забыл о собственном страхе быть втянутым в новую ближневосточную войну ради смены режима. Особенно жестко он всегда критиковал президента Джорджа Буша-младшего за войну в Ираке — войну, последствия которой регион ощущал до сих пор. Но теперь, наслаждаясь победой, которая, казалось, обошлась ему совершенно без последствий, Дональд Трамп снова не удержался. В воскресенье он написал в Truth Social: «Сейчас политически некорректно употреблять выражение “смена режима”. Но если нынешний иранский режим не способен СНОВА СДЕЛАТЬ ИРАН ВЕЛИКИМ, то почему бы не сменить режим??? MIGA!!!»

Вскоре Трамп отказался от этой идеи. На следующий вечер, в понедельник 23 июня, Вэнс появился в программе Брета Байера *Special Report* на Fox News. И прямо во время эфира ему пришлось реагировать на публикацию Трампа в социальных сетях, где президент объявил о прекращении огня. На этот раз Вэнс позаботился о том, чтобы несколько раз употребить слово «уничтожены», говоря об иранских ядерных объектах.

Двенадцатидневная война, похоже, закончилась. Трамп, конечно, преувеличивал, утверждая, будто с иранской ядерной программой покончено навсегда, но серьезный удар ей действительно был нанесен. И, что было не менее важно, последствия для США оказались минимальными. Ни один американец не погиб, а ответ униженного Ирана свелся к вялым ударам по американской базе в Катаре. Возможно, несколько пристыженный — а возможно, просто воспользовавшийся удобной возможностью, — Вэнс вскоре начал представлять эту короткую кампанию как доказательство гениальности Трампа.

Как обычно, он постарался подвести под действия президента интеллектуальную основу. 24 июня Вэнс написал в X: «Мы видим формирование внешнеполитической доктрины, которая изменит страну — и весь мир — к лучшему: четко определить американский интерес; вести агрессивные переговоры ради достижения этого интереса;

1. если потребуется — применить подавляющую силу». Он разместил этот текст над публикацией Трампа: «ИРАН НИКОГДА НЕ ВОССТАНОВИТ СВОИ ЯДЕРНЫЕ ОБЪЕКТЫ».

Однако формула Вэнса плохо соответствовала фактам. Трудно было утверждать, что Трамп исчерпал все возможности дипломатии с Ираном.

На самом деле он скорее реагировал на события, чем направлял их стратегически. За рулем находился Нетаньяху. Но весь этот эпизод вновь показал, насколько трудно уложить Трампа в какую-либо идеологическую схему или представить его действия как часть последовательного мировоззрения. Несмотря на риторику «Америка прежде всего», презрение к интервенционизму времен Буша, личное раздражение Нетаньяху и огромные риски, Трамп все же решил бомбить Иран — и ему это сошло с рук. Как всегда, те, кто пытался найти в его действиях глубокую геополитическую или стратегическую мотивацию, оставались ни с чем.

Некоторые из присутствовавших при принятии решения поддержать израильскую бомбардировочную кампанию позже вспоминали главное впечатление: президент восхищался военной

мощью Израиля, завидовал тому, как хорошо выглядели израильские действия в прессе, и сам хотел присоединиться. Во время второго президентского срока Дональд Трамп делал то, что хотел, почти не встречая серьезного сопротивления.

Примечательно, что самые мрачные прогнозы противников вмешательства не сбылись. А теперь, имея за плечами успешный военный удар, Трамп мог почувствовать себя еще увереннее.

Лонни Дж. Банч III, секретарь Смитсоновского института, извинился перед участниками видеоконференции и вышел, чтобы ответить на телефонный звонок. Через несколько минут он вернулся — и почти сразу снова извинился и вышел к телефону. Так повторилось несколько раз во время экстренного заседания Попечительского совета Смитсоновского института. Звонки не прекращались, несмотря на кризис, в котором оказалась вся музейная система.

Это происходило 2 июня. Банч и попечители Смитсоновского института, среди которых был и вице-президент Джей Ди Вэнс, собрались в спешке. За три дня до этого Трамп объявил, что увольняет директора Национальной портретной галереи Ким Сажет, назвав ее «крайне политизированной» и «убежденной сторонницей DEI». Было совершенно неясно, обладал ли Трамп полномочиями вот так, одним решением, увольнять Сажет, которая занимала этот пост двенадцать лет и формально подчинялась совету Смитсоновского института. И еще менее понятно было, что произойдет дальше.

Пока Банч пытался вести виртуальное заседание, участники позже узнали, что звонил ему сам Трамп. Пока Банч разговаривал с президентом, совет продолжал обсуждение, пытаясь понять, что именно так разгневало Трампа. Вскоре выяснилось: президент был в ярости из-за собственной фотографии, висевшей в Национальной портретной галерее.

Он считал снимок ужасным. Кроме того, ему не нравилась сопровождавшая фотографию табличка, где упоминалось, что Трампу дважды объявляли импичмент. В какой-то момент Банч просто перестал отвечать на звонки президента: проблем на видеоконференции у него и без того хватало.

Вэнс и новый член совета Смитсоновского института Карлос Хименес были возмущены поведением остальных попечителей и повторяли позицию Трампа: Сажет должна уйти. В конце концов участники заседания решили вернуться к этому вопросу на следующей очной встрече совета через неделю. Когда в 2025 году Трамп вернулся к власти, его кампания против институциональных программ DEI очень быстро переросла в нечто гораздо большее — попытку переделать саму американскую культуру. Всего через несколько недель после начала второго срока Трамп взял под контроль Центр исполнительских искусств имени Джона Ф. Кеннеди, заменив многолетнего председателя совета, инвестора и филантропа Дэвида Рубенштейна, самим собой. Любители искусства с нарастающим ужасом наблюдали, как Трамп и новый временный исполнительный директор Рик Гренелл радикально меняли программу, увольняли сотрудников, выдавливали членов совета и навязывали учреждению собственные вкусы. Трамп также назначил себя ведущим престижной ежегодной церемонии вручения наград за достижения всей жизни. Для идеологов из Западного крыла Белого дома захват культурных учреждений был важной частью борьбы с «воукизмом».

Трампа это тоже устраивало. Но была и другая причина. Он получал возможность наконец реализовать театральные амбиции, которым не удавалось осуществиться с юности. На первом заседании нового совета, уже после массовых увольнений, президент удивил присутствующих рассказом о своих музыкальных способностях в детстве — способностях, которые, по его словам, раздражали отца. Трамп хотел учиться в киношколе, но Фред Трамп был против. Позже, в 1970 году, Дональд попытался продюсировать бродвейский спектакль, который провалился. Теперь же, овладев Центром Кеннеди, он мог наконец стать звездой и лично вручать награды.

Следующей целью стал огромный комплекс Смитсоновского института.

II

Союзники Лонни Банча давно полагали, что Трамп попытается добиться его увольнения, хотя президент не имел прямых полномочий это сделать. Позднее Трамп совершенно открыто выскажется о своем отношении к тому, сколько внимания Смитсоновский институт уделяет истории рабства в США:

«Смитсоновский институт ВЫШЕЛ ИЗ-ПОД КОНТРОЛЯ. Все, о чем там говорят, — насколько ужасна наша страна, насколько ужасным было рабство и насколько беспомощны были угнетенные. Ничего об успехах, ничего о светлом, ничего о будущем».

Это было одновременно нападением на попытки полноценно рассказывать историю рабства в Америке и сигналом о том, что Трамп собирается использовать исполнительную власть президента для создания новой историографии — очищенной от темных пятен, без которых невозможна никакая серьезная история, но дополненной личной точкой зрения президента. Лонни Банч воплощал тот вариант американской истории успеха, который мало интересовал Трампа. Семидесятидвухлетний Банч стал первым чернокожим секретарем Смитсоновского института. Он занял этот пост в 2019 году, во время первого президентского срока Трампа. Он был внуком издольщика, вырос в Белвилле, штат Нью-Джерси, сделал карьеру профессора и преподавателя и большую часть жизни проработал в музеях Смитсоновского института, прежде чем стать первым директором Национального музея афроамериканской истории и культуры. Музей открылся в 2016 году и был встречен с огромным энтузиазмом. На церемонии открытия присутствовал президент Обама.

Во второй половине первого срока Трампа Банч опубликовал мемуары о десяти годах работы по созданию этого музея практически с нуля. Книга называлась *A Fool's Errand*. В ней был эпизод о том, как в 2017 году Банч проводил для Трампа экскурсию по музею. Трамп выглядел поразительно равнодушным к истории рабства в стране, которой ему предстояло руководить. Когда они остановились перед экспозицией, посвященной участию Нидерландов в работорговле, Трамп на мгновение задержался, а затем повернулся к директору и заметил:

— Вы знаете, в Нидерландах меня любят. «Я был глубоко разочарован такой реакцией на одно из величайших преступлений против человечества в истории», — писал Банч.

27 марта 2025 года на сайте Белого дома появился новый президентский указ под названием «Возвращение истины и здравого смысла в американскую историю». В нем Трамп атаковал финансируемые государством культурные учреждения за их приверженность «разобщающей идеологии, сосредоточенной на расе», которая изображала «американские и западные ценности как изначально вредные и угнетающие». Указ № 14253 отдельно называл несколько музеев Смитсоновского комплекса и сам Смитсоновский институт.

Линдси Халлиган, бывший страховой юрист, которая между президентскими сроками Трампа работала в его юридической команде, в самом начале второго срока пришла к президенту после посещения нескольких музеев Смитсоновского института. Халлиган сказала Трампу, что была потрясена тем, что называла «воукизмом». Президент поручил Халлиган и вице-президенту Вэнсу обеспечить исполнение указа и очистить Смитсоновский институт от «неправильной идеологии». Программы, которые «приносили американские ценности» или «разделяли американцев по расовому признаку», должны были запрещаться. Вэнсу и Халлиган также поручили назначать в высший совет Смитсоновского института новых гражданских членов, разделявших взгляды президента.

Само выражение «неправильная идеология» звучало для многих американцев непривычно и отчетливо напоминало язык государственной цензуры. Правительство собиралось установить новый стандарт искусства и научной работы, хотя на деле этот стандарт оставался совершенно расплывчатым и зависел от прихоти одного человека. Все было готово к необычайно ожесточенной борьбе — как внутри, так и за пределами «Замка», как называли главное здание Смитсоновского института. Тем временем под увеличительное стекло попадали все культурные учреждения, получавшие федеральное финансирование: власть искала в них нарушения новой эстетической линии. 6 апреля Попечительский совет собрался на традиционный ужин накануне пленарного заседания. Такие ужины проводились каждый раз в разных учреждениях Смитсоновской системы. На этот раз гостей принимал Национальный почтовый музей. Попечительский совет состоял из семнадцати человек. Главный судья Верховного суда Джон Робертс исполнял обязанности канцлера и председательствующего. В совет также входили три

сенатора, три члена Палаты представителей, девять гражданских членов и вице-президент. Вместе они управляли огромным лабиринтом музеев и исследовательских центров Смитсоновского института.

Такая структура совета специально создавалась для того, чтобы защитить институт от партийной политики. Обычно ужины проходили вполне светски, хотя сервированные скатертями столы, официанты и три перемены блюд придавали им официальность. В тот вечер впервые присутствовал новый попечитель от Флориды Карлос Хименес. И светские любезности с новыми коллегами интересовали его мало.

Хименес, бывший пожарный и мэр, сидел через два кресла слева от Банча и слушал, как другие члены совета один за другим выражали поддержку секретарю на фоне резкой критики со стороны Белого дома. — Мы вас поддерживаем, — сказал один. — Мы считаем, что вы прекрасно справляетесь, — добавил другой. Когда очередь дошла до Хименеса, смысл его выступления свелся примерно к следующему: «Я вас не знаю, поэтому поддерживать вас не могу». Слова были мягче, чем тон, в котором они прозвучали. Высокомерие Хименеса потрясло Банча и остальных присутствовавших. Но никто не встал на защиту Банча — и позднее он с горечью напомним об этом некоторым членам совета.

Вечер завершился в напряженной атмосфере. На заседании следующим утром Хименес уже был готов к бою. Под конец встречи он задал на первый взгляд безобидный вопрос: Существует ли процедура проверки музейных выставок?

Ответ оказался непростым. Традиционно проекты выставок проходили оценку через систему комитетов, призванную обеспечить точность материалов, уместность тематики и отсутствие предвзятости. Эти проверки опирались на научные исследования и экспертное рецензирование специалистами в соответствующих областях. Крупные решения окончательно утверждались секретарем Смитсоновского института и Попечительским советом, а не федеральными ведомствами. В последние годы в процесс начали включать больше данных о реакции посетителей и учитывать их предпочтения. Но даже по мере того, как система менялась, стремясь лучше работать с аудиторией, подходы различных музеев оставались неодинаковыми.

Смитсоновский институт был слишком огромен: двадцать один музей, Национальный зоопарк и четырнадцать исследовательских и образовательных центров. Единой схемы или стандартной процедуры проверки выставок не существовало. Вместо этого использовался целый набор различных практик. Один музей мог действовать совершенно иначе, чем другой. Если Белый дом искал слабое место, через которое можно было бы взять Смитсоновский институт под контроль, то вот оно.

Чем настойчивее Хименес расспрашивал, как именно оцениваются выставки и какие фильтры они проходят, тем очевиднее становилось: администрация нашла точку входа. Вскоре это поняли и остальные члены совета. Банч заверил, что уже работает над совершенствованием системы. Но некоторые участники заседания покидали зал с тяжелым предчувствием того, что теперь могут предпринять союзники президента.

III

Через два месяца, в понедельник 9 июня, попечители собрались на очередное сезонное заседание. Всего неделю назад прошла экстренная видеоконференция, посвященная требованию Трампа уволить директора Национальной портретной галереи. Накануне вечером попечители ужинали в Музее азиатского искусства, где смогли посмотреть выставку *Ruffled Feathers*, посвященную знаменитой «Павлиньей комнате» Джеймса Макнила Уистлера и его остроуму, а в свое время еще и скандальному размышлению об отношениях искусства и коммерции.

Заседание 9 июня проходило в большом помещении на первом этаже Национального музея американской истории, среди витрин с историческими экспонатами — от старинных настольных игр до игрушек. Столы поставили буквой П. В центре сидел Лонни Банч, рядом с председателем Попечительского совета, специалистом по политике здравоохранения Рисой Лавиццо-Мури, вице-

президентом Вэнсом и главным судьей Джоном Робертсом. Остальные члены совета разместились по сторонам. Конгрессмен Хименес сидел в самом конце.

Вэнс сказал собравшимся, что они обязаны выполнить приказ Трампа. Президент уже ясно дал понять, чего хочет от них в отношении Национальной портретной галереи. Несколько минут Вэнс продолжал давить на участников заседания. — Вы не можете ему отказать. Трамп — президент, напомнил он, а значит, у него есть власть.

— Он подписывает чеки, — добавил Вэнс без обиняков. — Это должно быть учреждение для всех, — продолжил вице-президент. — Я не требую, чтобы мы наняли человека с правыми политическими взглядами. Я всего лишь прошу не делать лицом этого учреждения какого-нибудь сумасшедшего левака.

Хименес, становившийся все агрессивнее после своего апрельского появления, вел себя еще враждебнее, чем Вэнс. Конгрессмен настаивал: директор Портретной галереи Ким Сажет должна быть уволена немедленно. Несколько попечителей попытались затормозить обсуждение.

Кадровые решения, утверждали они, относятся к компетенции совета, а не Белого дома. Этот вопрос, как и страсти их могущественных коллег, следовало рассмотреть спокойно. Еще до заседания встревоженные члены совета договорились между собой принять резолюцию, прямо закреплявшую: вопрос относится к их компетенции, и президент не имеет полномочий принимать кадровые решения. Они хотели поставить свою резолюцию на голосование раньше, чем Вэнс и Хименес успеют предложить собственную — о немедленном увольнении Сажет. Несмотря на заявление Трампа о ее увольнении, Сажет по-прежнему приходила на работу.

— Она должна уйти, — снова вмешался Хименес. — Должна уйти прямо сейчас.

Вэнс вновь дал понять: если Сажет не уволят, Белый дом рассмотрит возможность лишить Смитсоновский институт финансирования. Эта угроза вызвала резкое сопротивление. Белый дом не имеет таких полномочий, возразили несколько членов совета. Особенно жестко выступили Джон Фэйхи, бывший глава Time Life Inc. и National Geographic, и сенатор-демократ от Мичигана Гэри Питерс.

Вэнс заявил, что Смитсоновский институт политизирует историю страны. Питерс ответил предельно коротко: — Вы приходите сюда и угрожаете перекрыть Смитсоновскому институту финансирование, если мы не нарисует ту картину, которую хотите видеть вы. Вот это и есть политизация.

Вэнс не согласился.

Но заседание явно шло не в его пользу. Вскоре он неожиданно ушел на другую встречу, оставив вместо себя своего директора по политике Бена Мосса. Тридцатидвухлетний Мосс сразу же открыл на iPad изображение Статуи Свободы в образе чернокожей трансгендерной женщины, поднявшей над головой светильник, наполненный цветами. Это была картина художницы Эми Шеральд. Ее собирались показать в сентябре в Национальной портретной галерее в рамках большой персональной выставки. — Вот это изображение, — объявил Мосс, — тоже проблема.

Шеральд была одной из самых известных современных американских художниц. Ее официальный портрет бывшей первой леди Мишель Обамы, написанный в 2018 году, сделал имя художницы известным всей стране. Предстоящая выставка в Национальной портретной галерее называлась *American Sublime* и включала десятки работ в характерной для Шеральд манере — портреты обычных чернокожих американцев. До этого выставку уже показывали в Музее современного искусства Сан-Франциско и в нью-йоркском Музее Уитни. Вашингтонский художественный мир с нетерпением ждал ее приезда в столицу.

Мосс поднял изображение картины *Trans Forming Liberty*.

— Вот это, — сказал он, — не то, что американцы хотят видеть.

В комнате воцарилась ошеломленная тишина. Так вот что Белый дом называл «неправильной идеологией»? Джон Робертс, которого остальные попечители называли просто «Шеф», выглядел застигнутым врасплох столь резкой сменой темы. Однако команда Банча и советники Робертса ожидали

подобного момента — момента, когда администрация Трампа напрямую начнет оспаривать художественное содержание.

Дискуссия за столом Банча все больше напоминала шахматную партию, где разные члены совета пытались удержать позиции перед напором Хименеса. Наконец была внесена резолюция, закреплявшая право совета решать вопрос о должности Ким Сажет. Хименес попытался противопоставить ей собственное предложение — немедленно ее уволить. Джон Робертс, со спокойной ясностью человека, привыкшего следить за соблюдением процедур, заметил, что одна резолюция уже внесена. Сначала необходимо проголосовать по ней, пояснил он, и лишь после этого можно выносить следующую.

Резолюция, подтверждавшая полномочия совета распоряжаться должностью Сажет, была принята. Предложение Хименеса автоматически потеряло смысл. Позже в тот же день Попечительский совет Смитсоновского института опубликовал заявление, отражавшее принятое решение и фактически отвергавшее попытку Трампа и Вэнса вмешаться в управление учреждением. «Все кадровые решения принимаются секретарем и находятся под надзором совета», — говорилось в заявлении.

Но через четыре дня все равно все закончилось. 13 июня Ким Сажет ушла в отставку, объяснив сотрудникам в письме, что считает это «лучшим способом послужить учреждению». От имени Смитсоновского института Банч поблагодарил ее за то, что она поставила интересы организации выше собственной должности.

23 июля Эми Шеральд неожиданно отменила свою предстоящую выставку в Национальной портретной галерее. В письме Банчу она ясно дала понять: по ее мнению, галерея нарушила данное ей слово. Шеральд сообщила, что Банч обсуждал с ней идею установить рядом с картиной *Trans Forming Liberty* видеоматериал с уличными интервью людей, поддерживающих и не поддерживающих права трансгендеров. Для Шеральд это было уже слишком. Она писала, что такое видео «превратило бы саму ценность видимости трансгендерных людей в предмет спора», чего она не хотела видеть рядом с *American Sublime*. Возмущенная тем, что институт, по ее мнению, уступает политическому давлению, Шеральд решила действовать первой и полностью отменила выставку, потрясши художественный мир.

В заявлении для СМИ Линдси Халлиган обвинила картину Шеральд в том, что она изображает национальный символ «через призму раскола и идеологии». Статуя Свободы, заявила она, — это не «абстрактный холст для политических высказываний».

«Это почитаемый и торжественный символ свободы, вдохновения и национального единства, воплощающий американский дух», — заявила Халлиган.

По ее словам, отказ от произведения был принципиальным и необходимым шагом, а администрация намерена добиться того, чтобы Смитсоновский институт был свободен от идеологического давления и политических искажений.

IV

Несколько недель спустя Белый дом письмом Смитсоновскому институту предельно ясно обозначил свои намерения. «Уважаемый секретарь Банч», — начиналось оно.

Далее излагалась программа масштабной ревизии в соответствии с президентским указом о «возвращении истины и здравого смысла» в американскую историю. Белый дом требовал провести всестороннюю проверку буквально всего — от пояснительных текстов на музейных стенах до сайтов и публикаций в социальных сетях. Подписавшие письмо представители администрации намеревались контролировать интервью с кураторами и сотрудниками, чтобы разобраться в механизмах отбора и утверждения выставок. Они собирались проверять как действующие, так и будущие экспозиции, уделяя особое внимание 250-летию Декларации независимости. Музеям предоставлялось четыре месяца на выполнение этих официальных требований. После этого администрация собиралась подготовить собственный итоговый отчет, который должен был быть представлен для рассмотрения в начале 2026

года. Письмо подписали Халлиган, помощник президента и директор Совета по внутренней политике Винс Хейли и Рассел Воут.

По сути, Смитсоновский институт предупреждали: готовьтесь к масштабной перестройке на всех уровнях самого влиятельного культурного учреждения Америки. Банч подумывал написать для газеты статью с изложением своей позиции по происходящему, но в итоге отказался от этой идеи. После нового удара исполнительный комитет Смитсоновского института назначил экстренное заседание на следующий день. На нем присутствовали Джон Робертс, Банч, трое членов исполнительного комитета, высокопоставленные сотрудники и юристы. Заседание продолжалось пятьдесят две минуты и сразу сосредоточилось на письме Белого дома.

Банч предложил опубликовать открытый ответ администрации, жестко обозначив позицию: любая проверка работы Смитсоновского института относится исключительно к компетенции самого института. Но члены исполнительного комитета сразу выразили опасение. Публичное письмо означало бы прямое противостояние с президентом и почти наверняка превратилось бы в политическую войну с Трампом — войну, способную нанести Смитсоновскому институту серьезный ущерб. Когда остальные высказались, стало ясно, что Робертс, привыкший мыслить в институциональной перспективе и заботившийся о долгосрочных интересах Смитсоновского института, разделяет эти опасения. Особенно в его случае подобное письмо могло поставить главного судью Верховного суда в положение человека, который напрямую конфликтует с президентом — причем не по юридическому вопросу, а по поводу культурной интерпретации того, как страна должна воспринимать саму себя. Исполнительный комитет был того же мнения. От идеи отказались.

Для Банча настал момент задуматься о собственном будущем. Он был таким же институционалистом, как Робертс, и пытался смотреть далеко вперед, стремясь не допустить долговременного ущерба для Смитсоновского института и его финансирования. Но союзникам он признавался, что чувствует себя униженным отношением Вэнса и Хименеса. Одновременно на него обрушивалась полномасштабная атака администрации Трампа, а некоторые ближайшие союзники — влиятельные филантропы и друзья — давили на него с другой стороны, требуя либо уйти в отставку, либо наконец открыто выступить в этот критический момент истории. Что ему было делать? Вскоре Трамп сам попросил о личной встрече с Банчем. Небольшая группа попечителей помогла ему подготовиться.

Никто не забыл февральские сцены, когда Владимир Зеленский оказался под огнем трамповской ярости. В четверг 28 августа Банч прибыл в Белый дом на обед с Трампом, Линдси Халлиган и главой президентской кадровой службы Серджио Гором. Встреча была рассчитана на час. Она продлилась два с половиной. Некоторое время они сидели в Овальном кабинете, затем обедали курицей, а Трамп показывал Банчу масштабные модели нового бального зала Белого дома. После обеда президент повел Банча и Халлиган на экскурсию по резиденции, останавливаясь в разных помещениях и высказывая собственные оценки.

Трамп подробно рассказывал Банчу о своем мастерстве в подборе рам для картин и объяснял, какие произведения оформлены правильно, а какие нет. Если Банч и допустил ошибку, способную задеть президента, то, возможно, в тот момент, когда поправил Трампа в вопросе о том, какой президент первым жил в Белом доме. Трамп считал, что это был Джон Куинси Адамс. Правильный ответ — его отец, Джон Адамс, поселившийся там в 1800 году. Трамп не привык, чтобы собственные сотрудники указывали ему на ошибки в фактах, но на этот раз воспринял поправку спокойно. Затем президент устроил Банчу очередную викторину — игру, в которой победить мог только сам Трамп. — Какое здание в Вашингтоне самое красивое?

Банч предложил Смитсоновский замок. — Нет, — ответил Трамп. — Исполнительное офисное здание имени Эйзенхауэра рядом с Белым домом. Президент сообщил, что собирается перекрасить его в белый цвет. После этого Трамп перешел к одной из любимых тем:

— Какие три вида света может давать люстра? И сам же подсказал:

— Белый, серебряный и золотой. Угадайте, какой из них лучший? — Золотой, — ответил Банч. Трамп остался доволен. Во время встречи президент почти не проявлял интереса к обсуждению проверки Смитсоновского института. Он лишь коротко сказал Банчу, что тот хорошо работает, после чего стал расспрашивать, как организация собирается отмечать 250-летие Соединенных Штатов в следующем году.

При всей ярости, которую Трамп изливал в социальных сетях по поводу Смитсоновского института и рабства, его давнее нежелание вступать в прямые личные конфликты один на один никуда не исчезло. Банч сообщил Халлиган, что собирается направить Белому дому письмо, в котором изложит позицию Смитсоновского института против вмешательства в его программу. Халлиган позже рассказывала коллегам, что он упомянул это вскользь, не раскрывая содержание.

Как бы то ни было, Банч все больше убеждался, что сможет пережить бурю. Истинные намерения Трампа, как всегда, было трудно понять. Осенью уходящий председатель исполнительного комитета Смитсоновского института передал Банчу слова одного представителя Белого дома: президент якобы говорил, что обед с Банчем был одним из лучших в его жизни.

На самом деле после встречи Трамп повернулся к своим помощникам и мрачно подвел итог: — Он не изменился.

На поверхности картины маслом светилась ярко-красная точка.

Был День независимости — пятница, 4 июля. Над Белым домом с ревом проходили бомбардировщики В-2. Ожидая вечернего фейерверка, президент Трамп ушел с праздничной Южной лужайки внутрь и решил устроить для спикера Майка Джонсона собственное световое представление. Сидя за письменным столом, президент держал лазерную указку и направлял луч на картину над камином — портрет Джорджа Вашингтона с парадной шпагой.

— Видите лазер? Он тускнеет. Знаете, как это называется? Дорогая масляная краска. Хорошая масляная краска.

Затем президент перевел указку на портрет Рональда Рейгана. — Нет. А тут использовали дешевую краску. Видите? Указка не тускнеет. На Рейгане не тускнеет. На Вашингтоне тускнеет.

Трамп улыбался, словно гордый хозяин, демонстрирующий гостям собственный музей. Прежде чем собравшиеся успели как следует понять его теорию о качестве краски, красная точка перескочила на лепнину. — Посмотрите сюда, наверх, — сказал Трамп, направляя лазер к краю потолка. — Вот сюда. Может быть, просто провести золотую линию. Как вам? Тут золота на два миллиона долларов. Но я хочу еще больше. Тут появилась Мелания.

Было видно, что она от обилия золота не в восторге. Трамп пояснил Джонсону: — Она минималистка. Но это Овальный кабинет. Здесь так лучше. Последние несколько недель приносили Трампу одну победу за другой.

Две недели назад — успешные удары по иранским ядерным объектам. А теперь, ранее в тот же день, он подписал главный внутриполитический закон своего второго срока — «Один большой прекрасный закон» (*One Big Beautiful Bill Act*). Трамп уже хотел вместе с Джонсоном предаться воспоминаниям о победе, ради которой ему пришлось глубокой ночью обзванивать колеблющихся республиканцев и заставлять их голосовать.

— Майк, мы приняли Большой прекрасный закон, и я вам вот что скажу: каждому из этих сукиных сынов я звонил и вообще ничего не успевал сказать. Они снимали трубку и сразу: «Мы с вами на сто процентов, сэр», — рассказывал Трамп. — А я такой: «Ого. Вы даже не знаете, что я собирался спросить». Потом я подумал: а он ведь соображает. Если я звоню тебе в половине третьего ночи, ты и так понимаешь зачем. Не поболтать же я звоню. И он говорит: «Мы с вами на сто процентов, сэр». И они действительно были с нами. Как я только что сказал, Майк, голоса выбивать — легко. На самом деле провести закон было совсем не легко. Потребовалась грандиозная демонстрация грубой политической силы.

Успех стал возможен лишь потому, что Трамп почти полностью контролировал Республиканскую партию в Конгрессе — сильнее, чем любой президент до него. Сам закон представлял собой противоречивую смесь. В нем было немало того, что нравилось республиканцам.

Он отменял субсидии эпохи Байдена на солнечную и ветровую энергетику и электромобили. Он выполнял крупные предвыборные обещания Трампа по охране границы, выделяя Министерству внутренней безопасности дополнительные 170 миллиардов долларов. Были и популярные меры вроде отмены налога на чаевые и инвестиционных счетов для детей, рожденных во время президентства Трампа. Но многие республиканцы, в конце концов проголосовавшие за закон, были крайне встревожены несколькими его положениями.

Закон сокращал финансирование Medicaid — медицинской страховки для миллионов самых бедных и уязвимых американцев — на ошеломляющий триллион долларов. Под угрозой оказывалось финансирование сельских больниц и программы продовольственной помощи. Причем многими из этих программ пользовались самые преданные сторонники самого Трампа. Одновременно закон резко увеличивал государственный долг. Потолок долга повышался на пять триллионов долларов — прямое

отступление от принципов фискальных консерваторов, которые годами обещали избирателям сокращать дефицит. Расходы «Большого прекрасного закона» многократно перекрывали любую экономию, которой добился DOGE.

Не помогало и то, что самый влиятельный донор республиканцев Илон Маск сделал своей личной задачей провалить закон и публично пригрозил финансировать конкурентов на праймериз против любого республиканца, который проголосует за него.

«Извините, но я больше не могу это терпеть, — написал Маск о законопроекте в Х. — Этот гигантский, возмутительный, набитый бессмысленными расходами законопроект Конгресса — отвратительная мерзость.

Позор всем, кто за него проголосовал. Вы знаете, что поступили неправильно. Вы это знаете». При этом Маск не упомянул, что в частных разговорах жаловался: закон нанесет ущерб его компании Tesla.

Когда Трамп увидел публикацию Маска, он несколько секунд молча смотрел на экран. На лице у него появилось почти задумчивое выражение.

— Они всегда от меня уходят, — наконец сказал он. — Всегда так делают. Вот почему у меня не может быть друзей.

Затем президент позвал Натали Харп, произнося ее имя на французский манер: — Натали, принеси мне телефон.

Но вместо того чтобы немедленно отвечать Маску в социальных сетях, Трамп попытался ему позвонить. Телефон сразу переключился на голосовую почту.

Он позвонил снова. И опять голосовая почта.

Трамп выглядел почти растерянным. — Он никогда не берет мои звонки.

Несмотря на опасения Трампа по поводу Маска, расчет Майка Джонсона оказался верным. Он был убежден: единственный способ провести столь взрывоопасную смесь мер — собрать все в один огромный законопроект, слишком большой, чтобы ему позволили провалиться. Трамп согласился. И теперь закон был принят.

II

Никогда прежде отношения между президентом и спикером Палаты представителей не выглядели так, как рабочий союз Дональда Трампа и пятидесятилетнего луизианца Майка Джонсона. Давние наблюдатели за Конгрессом не могли вспомнить ни одного спикера, который настолько подчинялся бы президенту. В течение последних тридцати лет власть в Конгрессе постепенно уходила от отдельных депутатов и комитетов и концентрировалась в руках партийного руководства. Но при втором сроке Трампа возникло новое явление: власть стала перетекать из кабинета спикера прямо в Овальный кабинет. Подчиненность Джонсона Трампу была столь очевидной, что вашингтонские журналисты, освещавшие работу Конгресса, начали называть Дональда Трампа еще и «спикером Дональдом Трампом» — метким обозначением того, насколько быстро размывалось разделение властей. Отношения Трампа с Конгрессом теперь совершенно не походили на его первый президентский срок. Тогда, особенно в 2017 году, в первый год его работы в Вашингтоне, многие республиканцы считали победу Трампа случайностью, а его президентство — временным приступом безумия.

Конгрессмены нередко позволяли себе публично критиковать его. Для партийных лидеров — Пола Райана в Палате представителей и Митча Макконнелла в Сенате — Трамп был скорее грубоватой диковинкой, чем объектом поклонения. Его поведение они часто просто старались игнорировать. Но если Райан держался как интеллектуально превосходящий Трампа человек, Джонсон охотно принял роль младшего партнера президента. В конце концов, своим постом спикера он был целиком обязан Трампу, который поддержал его в решающий момент борьбы за лидерство. А значит, теперь Трамп владел Джонсоном в таком смысле, в каком никогда не мог владеть Райаном.

Райан пытался определять политический курс. Джонсон же ясно дал понять: его задача — превращать желания Трампа в реальность. Помогало и то, что сам Трамп многому научился. Во время первого срока он постоянно врывается в работу Конгресса в самый неподходящий момент, выдвигая нереалистичные требования именно тогда, когда лидерам казалось, что они почти договорились по законопроекту. Теперь, во время принятия Большого прекрасного закона, Трамп вел себя гораздо сдержаннее. Он доверял Джонсону работу и вмешивался лишь тогда, когда требовалось применить грубую силу и сломить сопротивление конкретного конгрессмена. Динамика изменилась и в Сенате, хотя менее заметно. В отличие от Митча Макконнелла, гиганта Сената, со временем превратившегося в самостоятельный центр силы в Вашингтоне, сенатор от Южной Дакоты Джон Тьюн был вынужден восстанавливать отношения с Трампом после того, как критиковал его за события 6 января.

По мере приближения выборов 2024 года Тьюн начал приезжать с дружескими визитами в Мар-а-Лаго и регулярно тепло разговаривать с Трампом по телефону. Трамп не стал мешать Тьюну бороться за должность лидера сенатского большинства. А Тьюн отплатил ему, расчистив путь для утверждения членов кабинета, в том числе Пита Хегсета и Бобби Кеннеди — кандидатов, которые в республиканском Сенате первого срока Трампа вряд ли получили бы одобрение. Майк Джонсон был глубоко религиозным человеком, известным своим вежливым, спокойным характером и привычкой постоянно рассылать знакомым библейские стихи. Его было легко недооценить. Но Джонсон прекрасно понимал природу отношений Трампа с республиканцами в Конгрессе.

Ведь он и сам был одним из них — молодым конгрессменом, чья политическая карьера пришлась на эпоху Трампа. Поэтому Джонсон хорошо знал, какой страх внушает президент. Трамп обладал и возможностью, и готовностью уничтожить политическую карьеру любого республиканца, решившего ему перечить. Но дело было не только в угрозах. Джонсон, как и его коллеги, понимал, что связь Трампа с республиканскими избирателями куда сильнее, чем у любого из них. Он также видел, насколько сами конгрессмены очарованы Трампом. Президент умело этим пользовался. Он понимал, что многие республиканские законодатели ведут себя рядом с ним не как избранные представители равноправной ветви власти, а как восторженные поклонники знаменитости.

Трамп давал им больше личного доступа, чем любой современный президент. С 2017 года он щедро раздавал номер своего мобильного телефона даже самым младшим членам Конгресса, которые прежде и представить не могли, что смогут писать президенту сообщения или звонить ему напрямую. Он приглашал их играть с ним в гольф в своих клубах, ужинать в Мар-а-Лаго и летать на его частном самолете. Он подписывал кепки MAGA для их жен, мужей и детей. Катал их на президентском вертолете Marine One. «Знаете, кто сидит на этом месте? Это место Мелании, — говорил Трамп конгрессменам, летевшим с ним на Marine One, как сообщала *The New York Times*. — Только она там сидит. Понимаете, насколько вы особенный человек, если сидите на этом месте?» Большинство прежних президентов поручали своим сотрудникам общение с рядовыми членами Конгресса, а сами разговаривали преимущественно с лидерами и наиболее влиятельными законодателями.

Теперь же малоизвестные республиканцы с восторгом рассказывали о возможности напрямую общаться с Трампом. «Он был очень любезен — он называет меня Тимом», — восхищенно рассказывал конгрессмен от Теннесси Тим Бёрчетт журналистке *The New York Times* Энни Карни после того, как телефонный звонок Трампа заставил его изменить свой голос по бюджетной резолюции президента в феврале 2025 года. «Он знает, что мой округ очень консервативный, и разделяет мою страсть к финансовой дисциплине, и мне это очень нравится, — говорил Бёрчетт. — Классно, что президент знает мое имя. Мне это нравится». Трамп прекрасно понимал: многие конгрессмены уже чувствовали себя эмоционально обязанными ему. Он годами и упорно создавал эту преданность — за кулисами выстраивал личные отношения, одновременно используя прямые и скрытые угрозы против тех, кто осмеливался ему перечить.

Во время второго президентского срока эта работа принесла огромные дивиденды. Тем, кто теперь находился рядом с Трампом, уже трудно было поверить, что всего четыре года назад, 20 января 2021 года, ни один сколько-нибудь заметный избранный республиканец не приехал на авиабазу Эндрюс проводить его после поражения на выборах. Во время второго импичмента Трампа в том же месяце против президента выступило больше членов его собственной партии, чем при любом предыдущем импичменте американского президента.

Руководители республиканцев в Палате представителей говорили друг другу, что с Трампом покончено, а на партийных конференц-звонках обсуждали, какой может стать Республиканская партия «после Трампа». Но уже за неделю до кокусов в Айове, в январе 2024 года, каждый член республиканского руководства Палаты представителей поддержал возвращение Трампа.

К тому времени, когда он вновь вошел в Белый дом, на Капитолийском холме его уже встречали почти как божество. Конгрессмены соревновались друг с другом в том, кто окажет ему самые пышные почести. Некоторые из этих унизительно подобоострастных инициатив могли бы поразить историков. Но они следовали одна за другой. Только в 2025 году: конгрессвумен от Флориды Анна Паулина Луна внесла законопроект о том, чтобы высечь лицо Трампа в граните мемориала Маунт-Рашмор в Южной Дакоте;

конгрессвумен от Нью-Йорка Клаудия Тенни предложила переименовать 14 июня, день рождения Трампа, из «Дня флага» в «День рождения Трампа и День флага»; конгрессмен от Северной Каролины Аддисон Макдауэлл предложил переименовать международный аэропорт Вашингтон-Даллес в «Международный аэропорт Дональда Дж. Трампа»; законопроект *Make Autorail Great Again Act*, внесенный конгрессменом от Флориды Грегом Стюби, предусматривал прекращение всего федерального финансирования Управления общественного транспорта Вашингтонской агломерации — WMATA — если организация официально не переименует себя в *Washington Metropolitan Authority for Greater Access*, то есть WMAGA, а вашингтонское метро не назовет «Поездом Трампа»; конгрессмен от Огайо Уоррен Дэвидсон внес «Закон об исследовании синдрома помешательства на Трампе 2025 года», который обязывал Национальные институты здравоохранения изучать «психологические и социальные корни так называемого синдрома помешательства на Трампе — явления, характеризующегося крайне негативными реакциями на президента Дональда Дж. Трампа»; конгрессмен от Техаса Брэндон Гилл предложил помещать портрет Трампа на лицевой стороне каждой 100-долларовой купюры; а конгрессмен от Южной Каролины Джо Уилсон решил превзойти его и внес законопроект о выпуске новой купюры номиналом 250 долларов с изображением Трампа — в честь 250-летия Соединенных Штатов. Для принятия этих законов пришлось бы отдельно отменить действующее правило, запрещающее изображать на американских денежных знаках живых людей.

III

Контроль Трампа над Конгрессом во многом объяснялся тем, что впервые за всю свою национальную политическую карьеру он позволил одному советнику выстроить вокруг себя единую политическую машину.

Во время первой президентской кампании и первого срока его команда была раздираема внутренними конфликтами и борьбой группировок. Теперь этого стало гораздо меньше. Начиная с 2021 года Сьюзи Уайлс постепенно собрала сплоченный внутренний круг, и Трамп сохранил эту команду практически без изменений. В нее входили два опытных республиканских стратега — Тони Фабрицио и Крис ЛаСивита. Вместе с Уайлс они образовали своего рода триумвират во главе кампании. ЛаСивита был награжденным ветераном морской пехоты, десятилетиями работавшим в большой политике и имевшим репутацию человека, предпочитающего жесткие методы. Особенно широко он прославился как один из авторов кампании «Swift Boat», направленной против военного прошлого Джона Керри на президентских выборах 2004 года. Фабрицио считался одним из самых уважаемых политических

социологов в Америке. Его цифрам в штабе Трампа верили почти как догме. В самые тревожные моменты сотрудники даже шутили между собой:

— На Тони уповаем. Уайлс привлекла и более молодых, преданных помощников. Среди них был Джеймс Блэр — политический организатор из Флориды, с которым она работала еще перед губернаторской кампанией 2018 года. Большинство членов команды признавали: Блэр настолько точно читал электоральные данные, что уже к восьми часам вечера в день выборов им было ясно — Трамп победил с большим перевесом. Все они были жесткими людьми.

И ни одна предыдущая версия политической машины Трампа не умела столь эффективно навязывать дисциплину всей партии. Когда члены комитета по подготовке республиканской платформы 2024 года приехали на съезд в Милуоки, рассчитывая на привычное коллективное обсуждение, их фактически застали врасплох. У них забрали телефоны. Обсуждения и поправки запретили. А проект платформы, подготовленный самим Трампом, положили перед ними как окончательный текст. Изменить нельзя было ни слова. Делегатам оставалось лишь механически поставить печать одобрения.

Утром после победы на выборах, 6 ноября 2024 года, Трамп позвонил своему главному специалисту по сбору средств Мередит О’Рурк. Он велел ей не сбавлять темп. Политическое влияние Трампа находилось на пике, и он собирался выжать из этого момента максимум.

К этому времени ему уже начали звонить руководители компаний из списка Fortune 500 — в том числе многие из тех, кто прежде публично его критиковал. Вскоре Трамп получал власть либо серьезно навредить их бизнесу, либо, наоборот, вознаградить — если ему того хотелось. Цена за расположение Трампа становилась высокой. В разговорах с О’Рурк он сам называл сумму — точную цифру в долларах, — которую хотел получить от того или иного генерального директора. Через несколько дней миллионы, затем десятки и сотни миллионов долларов потекли на различные счета политических структур Трампа. Деньги поступали в таком объеме и с такой скоростью, что внешние политические организации Трампа вскоре имели на счетах больше средств, чем Национальный комитет Республиканской партии, предвыборный штаб республиканцев в Палате представителей и республиканский сенатский комитет — вместе взятые.

Ни один президент в статусе уходящего после второго срока не контролировал прежде столь огромного политического капитала. Средств стало столько, что инаугурационные мероприятия оказались буквально переобеспечены деньгами, и Трампу пришлось думать, на что еще их потратить. Предстояло построить бальный зал. Президентскую библиотеку. Огромную триумфальную арку в Вашингтоне, неподалеку от Мемориала Линкольна.

И, конечно, собственную политическую машину. Официально внешние политические структуры Трампа должны были помочь республиканцам сохранить контроль над Палатой представителей и Сенатом на промежуточных выборах 2026 года — а значит, избежать лавины повесток, расследований и почти неизбежной третьей процедуры импичмента в случае победы демократов.

Но эти структуры намеревались использовать и как оружие принуждения. Республиканское большинство в обеих палатах было очень небольшим. Чтобы провести свою программу, Трампу необходимо было держать сомневающихся республиканцев в строю. Уайлс, ЛаСивита и Фабрицио прекрасно помнили 2017 год, когда первая крупная законодательная инициатива Трампа — отмена Обамаске — провалилась после знаменитого жеста Джона Маккейна в Сенате: большой палец вниз. Трамп этого унижения не забыл. И его советники поклялись, что при них такое больше не повторится. ЛаСивита говорил знакомым, что Трамп временами бывает чересчур снисходителен к конгрессменам, которые ему нравятся.

Он мог неожиданно смягчиться и сказать что-то вроде: — Да ладно, дайте человеку послабление. Другие советники тоже считали, что Трамп иногда слишком охотно входит в положение законодателей и прощает им непослушание, если те объясняют, что определенное голосование может навредить их избирателям. ЛаСивита и Фабрицио видели свою задачу иначе. Они должны были следить за тем, чтобы

страх политической смерти никогда не покидал сознание республиканцев. Несмотря на законы, запрещавшие сбор средств на федеральной территории, Трамп и его команда вскоре нашли способы их обходить.

Для крупных доноров стали устраивать «ужины доброй воли» в месте, которое Трамп называл **«Клубом Розового сада»** — вымощенной площадке с полосатыми зонтами там, где прежде находился знаменитый Розовый сад Белого дома. Осенью 2025 года Axios сообщал, что Трамп «собрал около 1,9 миллиарда долларов от различных корпоративных доноров для финансирования своих политических комитетов, строительных проектов Белого дома и мероприятий к предстоящему 250-летию страны». О вечерних сборах средств в частных клубах Трампа один помощник сказал Axios: — Раньше десять миллионов долларов казались огромной суммой. Теперь это просто обычный вечер. Когда Трамп начал управлять страной, гигантская и постоянно растущая политическая касса лишь усилила и без того внушительную систему запугивания.

Ласивита объяснял роль внешних политических групп так: — Именно поэтому члены Палаты представителей, руководство Палаты и руководство Сената готовы так быстро принимать и превращать в законы многие вещи, о которых президент говорил во время кампании — без разногласий, без споров. А если ты выступаешь против, тебе, черт возьми, сносят голову. Помогло и то, что республиканские сенаторы очень быстро получили наглядный урок того, что происходит с теми, кто выступает против кандидатур Трампа в кабинет. После того как Мэтт Гетц снял свою кандидатуру, команда Трампа решила: больше они не уступят ни по одному крупному назначению.

При прежних президентах кандидат вроде Пита Хегсета — которого обвиняли в чрезмерном употреблении алкоголя, финансовых нарушениях и который тайно заключил соглашение с женщиной, обвинявшей его в изнасиловании, что он отрицал, — практически наверняка не имел бы шансов. Влиятельный сенатор просто пришел бы к президенту и сказал, что поддержать такую кандидатуру невозможно. Но во второй срок Трампа подобные разговоры стали опасными. Самому Трампу почти не приходилось ничего делать. С первого срока MAGA-машина настолько развилась, что теперь действовала почти как беспилотный автомобиль. Дело было не только в хорошо финансируемой политической структуре Трампа и его глубокой, эмоциональной связи с республиканским электоратом.

Теперь у него появилась настоящая армия в социальных сетях: Дональд Трамп-младший, Чарли Кирк, Стив Бэннон, правый блогер Джек Посолец и многие другие. У каждого были огромные аудитории. И любого республиканца, который задумывался о голосовании против кандидата Трампа, они могли подвергнуть массовой атаке. Сенатор от Айовы Джони Эрнст стала одним из первых примеров того, как работает новая система. Она сама пережила сексуальное насилие и была первой женщиной — ветераном боевых действий, избранной в Сенат. Поэтому кандидатура Хегсета вызывала у нее серьезные сомнения.

Кроме того, он публично выступал против участия женщин в боевых подразделениях. Стоило Эрнст ненадолго высказать сомнения, как на нее обрушилась армия Трампа в социальных сетях. Группа темного финансирования, связанная с Илоном Маском, начала размещать цифровую рекламу в Айове, призывая жителей давить на Эрнст и требовать от нее голосовать за Хегсета. Союзники Трампа применяли и более прямые методы давления: грозились выставить против нее соперника на республиканских праймериз. В окружении Трампа, казалось, не существовало запретных приемов. Подробности тяжелого развода Эрнст начали всплывать в социальных сетях. В итоге она отступила и проголосовала за Хегсета. Но менее чем через год сенатор, которую прежде считали восходящей звездой партии, объявила, что больше не станет баллотироваться.

Когда конгрессмен от Кентукки Томас Мэсси проголосовал против Трампа по законопроекту Big Beautiful Bill, политическая машина Трампа почти мгновенно создала в Кентукки super PAC с финансированием более миллиона долларов. Единственная задача структуры — победить Мэсси на следующих республиканских праймериз.

Республиканские конгрессмены наблюдали за происходящим одновременно со страхом и восхищением. Никто не хотел испытать на себе «метод Мэсси». В итоге десятки республиканцев проголосовали за Big Beautiful Bill, хотя опасались реакции собственных избирателей. Выступить против главного законопроекта Трампа означало поставить под угрозу собственную политическую карьеру.

Именно этот путь выбрал Том Тиллис, республиканский сенатор от Северной Каролины. Он понимал, что сокращения Medicaid нанесут его штату огромный ущерб: будут потеряны миллиарды долларов, а сильнее всего пострадают сельские больницы. После долгих мучительных раздумий Тиллис решил, что не может с чистой совестью голосовать за законопроект.

Перед голосованием он сказал с трибуны Сената: — Что я скажу 663 000 человек через два или три года, когда президент Трамп нарушит свое обещание и лишит их Medicaid, потому что денег на программу больше не будет? Но к тому времени его судьба уже была решена.

Трамп обрушил на него поток оскорблений и пригрозил поддержать соперника Тиллиса на праймериз. На следующий день после атаки Трампа, 29 июня, сенатор, отработавший два срока, объявил, что уходит из политики. Его коллеги были потрясены. Сочетание истории Тиллиса и беспощадной кампании против Мэсси, по словам одного близкого наблюдателя, «вновь установило правило: с Трампом лучше не связываться». Он добавил: — Это напомнило всем, что у этого человека есть средства, возможности, способности и желание топить людей. Топить любого, кто встанет у него на пути.

Сенат одобрил One Big Beautiful Bill со счетом **51–50**. Решающим стал голос вице-президента Вэнса.

Илон Маск и Дональд Трамп окончательно разошлись в конце мая 2025 года — с потоком взаимных оскорблений и разрушенным доверием, как после распада тяжелого брака. После публичного срыва из-за трамповского Big Beautiful Bill Маск 5 июня нанес президенту еще один удар.

В X он написал, что Трамп — один из тех злодеев, о которых Маск годами предупреждал своих сторонников: «Пора сбросить настоящую бомбу: @realDonaldTrump есть в файлах Эпштейна. Именно поэтому их до сих пор не опубликовали. Хорошего дня, DJT!» Следом появился еще один пост:

«Запомните это сообщение. Правда всплывет». Через месяц, 7 июля, Министерство юстиции и ФБР опубликовали неподписанный меморандум объемом полторы страницы. В нем говорилось, что после исчерпывающего поиска по «базам данных, жестким дискам и сетевым хранилищам, а также физических обысков служебных помещений, запертых шкафов, столов, кладовых и других мест, где могли храниться соответствующие материалы», и после изучения более чем трехсот гигабайт доказательств Министерство юстиции не обнаружило подтверждений тому, что печально известный сексуальный преступник Джеффри Эпштейн вел какой-либо **«список клиентов»**.

Меморандум также подтверждал первоначальный официальный вывод: смерть Эпштейна в 2019 году была самоубийством. Из документа следовало, что администрация Трампа больше не намерена публиковать дополнительную информацию по делу Эпштейна и не считает необходимым расследовать действия третьих лиц, которым не были предъявлены обвинения. Одновременно были опубликованы видеозаписи из федеральной тюрьмы Манхэттена, где умер Эпштейн. По словам чиновников, эти записи подтверждали версию самоубийства.

Менее чем через пять месяцев после того, как генеральный прокурор Пэм Бонди говорила о тайном «списке клиентов» с именами влиятельных хищников, дело было закрыто. Или, по крайней мере, так казалось.

Если администрация рассчитывала, что этот меморандум поставит точку в истории Эпштейна и что самые преданные сторонники президента просто примут выводы Министерства юстиции потому, что теперь оно находится под контролем Дональда Трампа, то она сильно ошиблась. Документ вызвал политическое землетрясение. Для части MAGA-электората это выглядело как предательство. Администрация внезапно отказалась от мрачных конспирологических теорий, которые некоторые ближайшие союзники Трампа годами раздували при Байдене и обещали разоблачить после возвращения Трампа к власти. В сентябре 2024 года в подкасте Лекса Фридмана Трампа спросили о «списке клиентов».

Он ответил: — Я, безусловно, посмотрел бы на него... У меня нет никаких проблем с этим. Список «вероятно, будет» опубликован, добавил он, хотя прозвучало это без особого энтузиазма. Зато союзники и представители кампании Трампа были куда менее осторожны.

Дональд Трамп-младший и Джей Ди Вэнс постоянно ссылались на файлы Эпштейна, доказывая, что «влиятельные люди» в правительстве скрывают от американцев правду. Всего за несколько недель до выборов Вэнс сказал ведущему подкаста Тео Вону: — Серьезно, нам нужно опубликовать список Эпштейна. Это действительно важно. Во время кампании 2024 года файлы Эпштейна стали мощным топливом для двигателя MAGA.

Существовала целая экосистема правых инфлюенсеров, которые бесконечно подбрасывали уголь в эту топку. Илон Маск неоднократно использовал свою социальную платформу, спрашивая, почему «список клиентов» до сих пор не опубликован. Его публикации видели сотни миллионов человек. Ультраправый конспиролог Алекс Джонс через Infowars активно распространял теории о глобальной сети педофилов. Такер Карлсон и Чарли Кирк утверждали, что государство обязано опубликовать документы, и намекали на существование гигантской операции по сокрытию правды. Конгрессвумен Марджори Тейлор Грин, казалось, не встречала теории заговора, которую не была бы готова поддержать,

и потратила значительную часть своего политического капитала на требования раскрыть файлы. Были и многие другие.

Лора Лумер. Консервативный активист Скотт Преслер. Чая Райчик из Libs of TikTok. Близнецы Hodgetwins. Но особенно активно файлы Эпштейна подавали как доказательство преступного «глубинного государства» два подкастера. На своей программе *Kash's Corner* и в выступлениях на шоу вроде *The Benny Show* Бенни Джонсона Кэш Пател — бывший директор по контртерроризму в Совете национальной безопасности и глава аппарата Пентагона в первую администрацию Трампа — неоднократно заявлял, что государство скрывает «черную книжку» Эпштейна или «список клиентов»-педофилов. В интервью 2023 года он призвал чиновников «надеть взрослые штаны и сказать нам, кто эти педофилы».

Пател регулярно утверждал, что ФБР сознательно скрывает имена, защищая влиятельных людей. Он обещал, что при второй администрации Трампа будет опубликовано **«всё»**, чтобы вернуть доверие общества. У Дэна Бонгино был другой козырь. Его прошлое агента Секретной службы придавало вес заявлениям о сокрытии информации.

— Что, черт возьми, они скрывают в деле Джеффри Эпштейна? — спрашивал он огромную аудиторию своего шоу. Публикация документов, обещал Бонгино, **«потрясет политический мир»**. «Вашингтонское болото», говорил он, «не говорит вам правду». А теперь именно Бонгино и Пател — чьи назначения руководить ФБР сторонники раскрытия файлов Эпштейна встречали с восторгом — оказались напрямую связаны с меморандумом, где черным по белому утверждалось:

да, имеющиеся у правительства материалы содержат множество доказательств преступлений самого Эпштейна, но никаких доказательств масштабного заговора нет. Оба уже предупреждали внутри администрации, что кризис вокруг Эпштейна начинает серьезно тревожить электорат. Бонгино ненавидел этот меморандум. Он говорил Пателю, что документ совершенно не соответствует их обещаниям прозрачности после прихода к руководству ФБР.

Он также выступал против размещения на документе официальной печати ФБР. Но его возражения отклонили. Пател в частном порядке разделял многие опасения Бонгино.

Тем не менее в служебном письме от среды, 2 июля, директор ФБР поддержал документ. Он написал небольшой группе коллег, включая заместителя генерального прокурора Тодда Бланша: «Спасибо за правки. Я по-прежнему считаю, что это правильный способ двигаться дальше. Готов добавить любые дополнительные предложения, чтобы устранить недостаток. Но думаю, мы достаточно конкретно объяснили, почему нельзя раскрыть больше по отдельным темам — например, судебные запреты, материалы сексуального насилия над детьми, защита жертв и так далее».

Бонди редко пользовалась электронной почтой Министерства юстиции и не участвовала в переписке, где дорабатывался меморандум, вызвавший кризис. Она знала и о готовящемся документе, и о публикации тюремного видео, но непосредственно текст не редактировала.

В Белом доме сам Трамп совершенно не хотел ничего публиковать. Поначалу и высокопоставленные сотрудники, включая Сьюзи Уайлс и ее заместителя Джеймса Блэра, сомневались, что скандал вокруг Эпштейна действительно имеет большой политический масштаб. Они говорили коллегам, что республиканским избирателям это неинтересно, и ссылались на опросы Тони Фабрицио. По их мнению, вся шумиха вокруг Эпштейна создавалась маргинальными конспирологами и усиливалась шумными интернет-инфлюенсерами, не представлявшими значимой группы избирателей.

Бонгино каждому, кто был готов его слушать, говорил, что это серьезнейшая ошибка.

— Это не просто интернет-история. Вы не понимаете, — повторял он советникам Белого дома.

Уайлс, Блэр и другие считали, что если Белый дом начнет активно реагировать на историю Эпштейна, то только сделает ее еще больше и придаст ей официальный вес. К тому же Трамп годами переживал один скандал за другим. Почему этот должен был оказаться чем-то особенным? Тем не менее президент попытался усмирить разгневанных сторонников. 12 июля он выступил в Truth Social в защиту

Пэм Бонди и призвал своих «мальчиков» и «девочек» перестать «тратить время и энергию на Джеффри Эпштейна, который никому не интересен». Помощникам Трамп говорил, что крайне недоволен рядом своих влиятельнейших сторонников, включая Чарли Кирка, Такера Карлсона и Мегин Келли. Все они публично требовали от администрации раскрыть правду. Накануне Кирк провел мероприятие Turning Point USA, которое фактически превратилось в фестиваль возмущения историей Эпштейна: один выступающий за другим атаковал Бонди за то, как она ведет дело.

Трамп позвонил Кирку и отчитал его. Как и в вопросе Израиля, никто в окружении Трампа не чувствовал молодую часть MAGA-электората лучше Кирка. Он видел, что предполагаемое «сокрытие» дела Эпштейна начинает проникать в эту среду намного глубже, чем ожидалось. Дональд Трамп-младший и Джей Ди Вэнс — оба много времени проводили в Х и прекрасно понимали ту же молодую, живущую онлайн часть электората — тоже были серьезно обеспокоены. Они призывали Белый дом изменить курс и заставить Министерство юстиции опубликовать больше материалов. Вэнс опасался потерять так называемых **«редко голосующих избирателей»** — молодых мужчин, которые не были традиционными республиканцами, но в 2024 году проголосовали за Трампа и Вэнса.

Это была аудитория, постоянно слушавшая подкастеров из «маносферы», например Джо Рогана. И особенно тревожным было то, что теперь сами эти подкастеры начали бунтовать. Но существовало одно огромное препятствие. Сам президент по-прежнему не хотел никакой прозрачности. Более того, он хотел, чтобы историю Эпштейна вообще похоронили, и раздраженно срывался на каждом, кто ее упоминал.

В следующие дни сотрудники старались не говорить с Трампом об Эпштейне и обсуждали проблему между собой. 8 июля, когда журналисты вновь продолжили задавать вопросы, Трамп вспылил:

— Люди все еще говорят об этом типе, об этом мерзавце? Невероятно. Вы действительно хотите тратить на это время? Наконец 16 июля он опубликовал в Truth Social раздраженный пост, где, явно пытаясь подобрать язык, который понравится его сторонникам, довольно бессвязно назвал дело Эпштейна «мистификацией демократов». А затем обрушился уже на собственную партию и собственных сторонников. Он назвал их **«БЫВШИМИ сторонниками»** и «слабаками», которые «повелись на эту чушь полностью, с потрохами».

Злость президента и его оборонительная реакция лишь усиливали впечатление, будто ему есть что скрывать. И снова на поверхность всплывала история, от которой Трамп никак не мог избавиться: его давняя дружба времен вечеринок с Джеффри Эпштейном — человеком, который в последующие годы будет разоблачен как один из самых отвратительных сексуальных хищников и педофилов, сумевших войти в круги влиятельнейших людей. Все в этой истории было отвратительно.

Но для женщин, попавших в сеть Эпштейна, многие из которых были несовершеннолетними, все было несравненно страшнее. Если 16 июля для Белого дома выдалось тяжелым днем, то следующий должен был стать еще хуже. Официальная версия звучала так: да, Трамп и Эпштейн много лет дружили в Нью-Йорке и Палм-Бич — отрицать это было невозможно, поскольку в интернете имелось множество документальных свидетельств их близкого общения. Но около двадцати лет назад Трамп якобы порвал с Эпштейном и с тех пор относился к нему резко отрицательно. Помощники Белого дома объясняли разрыв отвратительным поведением Эпштейна с молодыми девушками.

Позднее сам Трамп говорил, что разошелся с ним потому, что Эпштейн якобы «уводил» девушек, работавших в спа-салоне Мар-а-Лаго. Некоторых помощников Белого дома передергивало от такого объяснения.

Теперь команде Трампа предстояло столкнуться с новой публикацией The Wall Street Journal, которая вновь возвращала к жизни крайне неприятную историю слишком теплых отношений Трампа и Эпштейна. Статья переносила читателей в 2003 год. Эпштейн, уже тогда известный холостяк, отмечал пятидесятилетие. Газета собиралась сообщить, что Дональд Трамп и многие другие подготовили поздравительные открытки и письма, которые затем собрали в специальную юбилейную книгу. За год до этого в профиле Эпштейна в журнале *New York* приводились слова Трампа о друге: «Я знаю Джеффа

пятнадцать лет. Отличный парень. С ним очень весело. Говорят даже, что он любит красивых женщин так же, как я, и многие из них — помоложе».

Поздравительная открытка Трампа Эпштейну носила непристойный характер и вполне соответствовала их общим вкусам. На ней была нарисована от руки обнаженная женщина, а внутри — вымышленный диалог двух мужчин о некой «чудесной тайне». Подпись, похожая на характерный резкий автограф Трампа маркером Sharpie, была поставлена на месте лобковых волос женщины. Советники Трампа в частных разговорах посмеивались над описанием рисунка, но большинство утверждало, что открытка поддельная.

Трамп лично позвонил главному редактору *The Wall Street Journal* Эмме Такер, пытаясь остановить публикацию. Практически крича, он сказал ей, что она, должно быть, «ненавидит Америку». И пригрозил подать в суд.

Трамп также позвонил начальнику Такер — генеральному директору News Corp Роберту Томсону — и напрямую владельцу News Corp Руперту Мердоку.

Президентская истерика ненадолго задержала публикацию. Но ненадолго. Один человек, хорошо знавший Мердока, заметил: — Он не любит, когда ему угрожают.

II

Ситуационная комната — это круглосуточный защищенный центр разведывательной информации и управления кризисами на первом этаже Западного крыла. Фактически это нервный центр системы национальной безопасности для президента и его высших советников. Там обеспечивается защищенная связь, позволяющая президенту в режиме реального времени получать и анализировать данные от военных, разведывательного сообщества и Министерства внутренней безопасности, принимать решения в кризисах и вырабатывать государственную политику. Несмотря на название, это не одна комната, а целый комплекс защищенных конференц-залов, кабинетов и рабочих мест для самых важных и секретных обсуждений и операций американского правительства. 1 мая 2011 года фотограф Белого дома Пит Соуза сделал знаменитый снимок Барака Обамы и его команды по национальной безопасности — включая вице-президента Джо Байдена и госсекретаря Хиллари Клинтон, — которые в прямом времени получали сообщения о рейде спецназа Navy SEALs на убежище Усамы бен Ладена в Пакистане. В ходе операции бен Ладен был убит. Так завершилась десятилетняя охота за организатором одного из самых страшных преступлений, совершенных на территории США, — терактов 11 сентября, унесших жизни почти трех тысяч американцев.

Обычно Ситуационную комнату не использовали для политических проблем вроде файлов Эпштейна. Но 17 июля 2025 года примерно в шесть часов вечера именно здесь собрались самые высокопоставленные советники Трампа, чтобы попытаться хоть как-то взять под контроль кризис, охвативший администрацию. Необходимо было наконец договориться о единой линии поведения и погасить медийный пожар вокруг Эпштейна.

Игнорирование не работало. Нужен был хотя бы жест прозрачности, чтобы успокоить все более разгневанный электорат и показать, что президент сочувствует его обеспокоенности. Проблема состояла в том, что президент явно не сочувствовал. Во главе стола в конференц-зале имени Джона Кеннеди сидел вице-президент Вэнс.

Вокруг расположились руководитель аппарата Сьюзи Уайлс, юридический советник Белого дома Дэвид Уоррингтон, пресс-секретарь Каролин Левитт, заместитель главы аппарата Тейлор Будович, директор по коммуникациям Стивен Чанг, заместитель генерального прокурора Тодд Бланш, помощник генерального прокурора Стэнли Вудворд и заместитель главы аппарата Джеймс Блэр. Генеральный прокурор Пэм Бонди и директор ФБР Кэш Пателль подключились по громкой связи. Телефон стоял на столе перед Вэнсом. Вице-президент, пожалуй, лучше всех чиновников Белого дома понимал, насколько глубоко история Эпштейна раскалывает коалицию MAGA. Он сразу заявил: — Это огромная проблема.

Позднее один высокопоставленный чиновник рассказывал, что после публикации меморандума Вэнс постоянно бил тревогу из-за Эпштейна и говорил коллегам, что Бонди должна публично и полностью признать ошибки. Он требовал опубликовать все материалы Эпштейна и призывал Конгресс начать расследование. Внутри администрации Вэнс даже предложил необычную пиар-идею: Белый дом мог попросить Такера Карлсона взять в тюрьме интервью у бывшей подруги и сообщницы Эпштейна Гислейн Максвелл. Если Максвелл публично скажет, что Трамп не совершал вместе с Эпштейном ничего преступного, это могло бы помочь президенту. Вэнс настаивал, что все документы следует опубликовать как можно быстрее.

Он приводил не только моральный аргумент — общество имеет право знать правду, — но и прагматический, который многим в комнате очень не хотелось слышать. Конгресс все равно рано или поздно заставит администрацию раскрыть документы, говорил Вэнс. Уже было видно, что на Капитолийском холме формируется двухпартийная коалиция, и движение идет только в одном направлении. Если администрация опередит Конгресс и добровольно опубликует всё — включая любые материалы о самом президенте, — то хотя бы сможет получить политические очки за прозрачность. Альтернатива — позволить истории тянуться месяцами, пока информация будет просачиваться по капле, а каждое новое разоблачение будет запускать очередной виток подозрений и ярости.

Лучше одним движением сорвать пластырь и идти дальше. Вэнс утверждал, что следует опубликовать даже неподтвержденные рассказы о Трампе. Все равно они всплывут. Но если их выпустит сама администрация, это покажет добросовестность и лишит конспирологические теории воздуха. Никто другой в комнате не был готов зайти настолько далеко.

Некоторые предлагали, чтобы представители Министерства юстиции провели пресс-конференцию и подробно объяснили позицию ведомства по делу Эпштейна, а не ограничивались коротким заявлением, которое и спровоцировало кризис. Тогда вмешался Джеймс Блэр. — При всем уважении, — сказал он, — именно коммуникационная стратегия этой группы привела нас сюда. Я не уверен, что она же нас отсюда выведет. И если вы собираетесь выходить к прессе, вам предстоит очень серьезно подготовиться. Он начал задавать острые вопросы, показывая, насколько тяжелой может оказаться такая пресс-конференция. Министерство юстиции с самого начала второго срока не могло понять, как вообще закрыть тему Эпштейна. Для политической базы президента эта история имела огромное значение. Но одновременно она могла оказаться потенциально опасной и для самого Трампа — причем новые чиновники администрации до конца даже не понимали, насколько.

Любой вариант был рискованным. К тому же Министерство юстиции Трампа испытывало давление, с которым обычное DOJ практически никогда не сталкивается. Часть ущерба Бонди нанесла сама. В самом начале она совершила две ошибки, которые многие считали вопиющими.

Первая произошла 21 февраля в интервью Fox News. Когда Бонди спросили, собирается ли Министерство юстиции публиковать список клиентов Джеффри Эпштейна, она словно одновременно подтвердила его существование и намекнула на скорую публикацию: — Он прямо сейчас лежит у меня на столе, я его изучаю.

27 февраля отдел коммуникаций Белого дома организовал в Рузвельтовской комнате серию встреч членов кабинета с популярными правыми инфлюенсерами. Сначала выступил вице-президент. Затем госсекретарь. Они рассказывали гостям о программе администрации. В комнате собралась настоящая элита MAGA-интернета: Майк Чернович. Лиз Уилер. Коллин Рагг. DC Draino. Сам президент пригласил их всех в Овальный кабинет и в знак благодарности подарил специально изготовленные памятные монеты.

До того как все пошло наперекосяк, один из гостей восторженно сказал: — Это лучший день в моей жизни. Затем настала очередь встречи с генеральным прокурором. Бонди и ее сотрудники вошли в Рузвельтовскую комнату с коробками. Она принесла инфлюенсерам папки в качестве раздаточного материала. Позднее помощники Бонди говорили коллегам, что эти материалы подготовило ФБР и

убедило ее: там содержатся сенсационные сведения. Один сотрудник даже сказал: — Смотрите, сейчас будет круто. Это будет эпично. Сотрудники Белого дома понятия не имели, что находится внутри. Когда команда Бонди начала раздавать папки, у других чиновников в комнате буквально подскочило давление.

Они поняли, что происходит: генеральный прокурор раздает нечто, что она называет «**файлами Эпштейна**», хотя никто в Белом доме эти материалы предварительно не проверял. Один чиновник открыл папку и принялся быстро листать страницы, пытаясь понять, встречается ли там имя Трампа. Через несколько страниц он увидел его. Прямо посреди страницы.

В тот день в Белом доме находился премьер-министр Великобритании Кир Стармер. Если бы новость о публикации файлов Эпштейна появилась до совместной пресс-конференции президента и премьер-министра — пусть даже речь шла всего лишь о каком-то странном рекламном трюке, — журналисты говорили бы исключительно об этом. Трамп оказался бы застигнут врасплох. Один из помощников президента поспешно вывел инфлюенсеров из Белого дома, объяснив, что содержимое папок находится под эмбарго до окончания пресс-конференции со Стармером. После этого, заверил он, пресс-служба с удовольствием обсудит документы. Уходя, гости начали фотографироваться с папками на фоне Белого дома и тут же выкладывать селфи в соцсети. Так они создали огромную волну ожиданий. Все хотели знать, что внутри.

А следом на самих инфлюенсеров обрушился поток критики за то, что они не раскрывают информацию. Как вообще можно накладывать эмбарго на настолько важные материалы? Администрация Трампа решила поиграть с инфлюенсерами? Как оказалось — да. Папки Бонди содержали сведения об Эпштейне и его деятельности, которые уже давно находились в открытом доступе. Практически ничего нового там не было. Но процесс был запущен. Во время встречи в Рузвельтовской комнате Бонди заверила инфлюенсеров, что это лишь первая партия документов.

Будет еще. Пообещала она. Но вскоре и эта версия изменилась. К началу июля администрация фактически сообщила: **Забудьте. Ничего больше не будет.** Как и некоторые сотрудники Белого дома, Бонди либо чудовищно недооценила, либо вообще не увидела, насколько сильно электорат Трампа хочет узнать правду об Эпштейне, его окружении и добиться хотя бы ощущения свершившегося правосудия.

Каким-то образом она одновременно и разрекламировала файлы Эпштейна, и превратила их в фарс. Когда сотрудники Министерства юстиции начали внимательно изучать часть материалов Эпштейна, содержание оказалось тяжелым. Особенно Бонди потрясла коллекция порнографии Эпштейна, которую ей показали следователи. Она хотела, чтобы другие представители администрации Трампа поняли сам масштаб этих материалов. Но еще несколько месяцев Министерство юстиции не осознавало полной сложности и объема всего архива.

III

За несколько недель до публикации меморандума DOJ Бонди и Тодд Бланш проинформировали президента о ходе проверки материалов Эпштейна. Бланш сказал Трампу:

— Мы просмотрели файлы. Там не так много. Очень много детской порнографии — понятно, что это мы публиковать не можем. Есть несколько упоминаний о вас, но ничего существенного. В материалах содержалась огромная коллекция так называемых **форм 302** — протоколов интервью ФБР со свидетелями.

Имя Трампа встречалось там неоднократно. Как и имена других известных мужчин. О публикации этих форм не могло быть и речи. Но бездействие сделало ситуацию только хуже.

Неделями Патель и Бонгино все сильнее приходили в ярость, осознавая масштаб катастрофы, публичным лицом которой они сами стали. В социальных сетях и частных разговорах они заверяли союзников, что относятся к вопросу серьезно. Но давление нарастало. Бонгино хотел дать MAGA-электорату какой-нибудь окончательный ответ. Он и Патель настояли на немедленной публикации записи видеонаблюдения из федерального учреждения, где умер Эпштейн. Это обернулось катастрофой.

Министерство юстиции опубликовало около одиннадцати часов тюремного видео, которое должно было показать, что ничего зловещего не произошло. Но в записи обнаружилась «пропавшая минута». Видимый временной код перескакивал с 23:58:58 сразу на полночь. DOJ объяснило это ночной перезагрузкой системы. Для многих сторонников Трампа это стало еще одним доказательством сокрытия правды. Чиновники Белого дома утверждали, что до публикации им вообще не сообщили о разрыве в записи. Социальные сети взорвались обвинениями.

Теперь доставалось уже не только Бонди, но и Пателю с Бонгино. Никто из троих никогда прежде не сталкивался с такой яростью собственной политической базы. Это выбивало почву из-под ног — особенно у Пателя и Бонгино, чьи влияние и карьера во многом выросли именно в интернете. Движение, которое вчера считало их героями, теперь оборачивалось против них. После публикации меморандума и предсказуемого взрыва негодования Кэш Патель все еще пытался сохранить хорошие отношения с Белым домом.

Дэну Бонгино терпения уже не хватило. В понедельник, 7 июля — в день широкого распространения меморандума — заместитель директора ФБР пришел на ежедневное совещание Министерства юстиции с участием сотрудников ФБР и генерального прокурора. Бонгино был в состоянии вулкана перед извержением.

Едва войдя в комнату, он набросился на Бонди и начал кричать. — Ты, черт возьми, угробила все с самого начала! Весь этот идиотский цирк с файлами Эпштейна, все эти «они лежат у меня на столе», все обещания людям!

И Патель, и Бонгино сообщили представителю Белого дома, что Бонди должна уйти в отставку.

Через два дня, в среду 9 июля, обоих вызвали на встречу с Уайлс и Бонди в комплексе Ситуационной комнаты. Они вошли последними. В небольшом помещении с деревянными панелями уже сидели Бонди, Уайлс, Бланш и Тейлор Будович. Как только Бонгино сел, Уайлс сообщила ему, что получила информацию: якобы он слил ABC News чувствительный материал об Эпштейне и Трампе.

Бонгино ответил: — Знаешь что? Я прямо сейчас дам тебе сто тысяч долларов наличными. Я не шучу. Выйдем на West Exec, позвони этому журналисту по громкой связи и заставь его сказать, что информацию слил я. Сто тысяч долларов.

Уайлс резко ответила: — Ну, мы все сами в это влезли...

Бонгино перебил ее.

— Нет-нет-нет-нет. Мы никуда не влезали. Я все это время предупреждал вас, а вы меня игнорировали. И произошло ровно то, о чем я говорил. А теперь вы делаете вид, будто я был частью этого. Я никогда не был частью этого.

Агрессивный выпад Бонгино против Уайлс потряс остальных. Все-таки она была главой аппарата Белого дома — практически представителем самого президента.

Уайлс поставила вопрос ребром: — С этого момента мы все вместе. Все соглашаемся двигаться вперед единым фронтом. Ты с нами или нет?

— Нет. Я не с вами, — ответил Бонгино. — Это не мой план. Я больше не участвую. Забудьте. Я ухожу.

Он выскочил из Ситуационной комнаты, вышел на West Executive Avenue, сел на заднее сиденье бронированного внедорожника Пателя и велел водителю ехать в штаб-квартиру ФБР. Некоторые друзья Бонгино надеялись, что он тут же подаст в отставку.

Такой демонстративный уход в знак протеста против предполагаемого сокрытия материалов Эпштейна превратил бы его в мученика MAGA и только увеличил аудиторию. Но советники Белого дома убеждали его остаться. Если он уйдет из-за Эпштейна и публично расскажет о причинах, удар по президенту будет огромным. Бонгино говорил знакомым, что останется ради Трампа. И продолжит добиваться раскрытия большей части материалов Эпштейна.

Но в частных разговорах он кипел от ярости. Близким друзьям Бонгино жаловался, какую цену заплатил за государственную должность. По его словам, он потерял десятки миллионов долларов доходов от подкаста, время с семьей и собственную аудиторию. И теперь его уничтожали за стратегию, против которой он выступал с самого начала.

Отношения на вершине Министерства юстиции к тому времени стали совершенно токсичными. На другой июльской встрече в кабинете Сьюзи Уайлс Бонгино и Патель сказали главе аппарата, что подозревают Бонди в утечках против них.

Позднее Бонгино сказал одному близкому человеку, употребив насмешливое прозвище генерального прокурора, придуманное Лорой Лумер: — *Blondie* всю эту историю, черт возьми, запорола. Именно она снова и снова выступала по телевизору и говорила, что у них есть все эти материалы. А там никогда ничего не было. Мы всегда это ясно говорили. Но теперь все думают, что ошиблись мы. А я ради этого отказался от всего. У меня было шоу номер один на радио. Я отказался от сорока четырех миллионов долларов. Жил лучшую жизнь. А теперь все исчезло, потому что люди считают, будто мы напортачили с Эпштейном. Бонгино замолчал.

А затем сказал:

— Это станет «Иран-контрас» президента Трампа. На совещании в Ситуационной комнате 17 июля — через десять дней после выхода меморандума, который не успокоил никого, — Тодд Бланш изложил, по его мнению, лучшие варианты дальнейших действий.

Первый вариант — обратиться в суд с просьбой рассекретить показания перед большим жюри. Практически наверняка там не содержалось ничего существенно нового. Все согласились, что идея хорошая. По Федеральным правилам уголовного судопроизводства тайна материалов большого жюри считается большинством федеральных судей почти неприкосновенной, и добиться раскрытия таких документов чрезвычайно трудно. Если либеральный судья откажется их рассекретить — а Бланш именно этого и ожидал, — ответственность за предполагаемое сокрытие материалов Эпштейна можно будет переложить с администрации Трампа на демократов.

То есть предложение Бланша позволяло создать впечатление, будто Белый дом очень хочет опубликовать документы, хотя практически наверняка сделать это будет невозможно. **Второй вариант** — юристы Министерства юстиции могли допросить Гислейн Максвелл. Бланш был готов сделать это лично. Из всего высшего руководства DOJ именно он наиболее глубоко погрузился в материалы Эпштейна. Отношения Министерства юстиции с частью федеральной прокуратуры Манхэттена оставались враждебными практически с первой недели второго срока Трампа. А Морин Коми — дочь бывшего директора ФБР, которого Трамп уволил в 2017 году, — была главным прокурором по делу Эпштейна. За день до совещания в Ситуационной комнате ее уволили без объяснения причин.

Коллеги относились к ней хорошо, и команда Трампа в DOJ не рассчитывала на серьезную помощь со стороны манхэттенской прокуратуры.

— А что, если заставить ее выступить перед Конгрессом? — предложил Вэнс, имея в виду Гислейн Максвелл.

Бланш заметил, что адвокат Максвелл, вероятно, захочет чего-нибудь взамен за ее откровенность. Юридический советник Белого дома Дэвид Уоррингтон перечислил возможные варианты, не поддерживая ни один из них. Можно ее помиловать, сказал он.

Или добиться сокращения срока. Тут сразу несколько человек за столом резко возразили.

Стивен Чанг сказал: — Помилование Максвелл, торговавшей молодыми девушками, создаст гигантскую пиар-катастрофу. Он предсказал, что после такого решения женщины, обвинявшие Эпштейна, заполнят телевизионные эфиры, рассказывая свои истории и уничтожая администрацию.

Джеймс Блэр также категорически выступил против помилования. — Мы не можем предлагать Гислейн Максвелл вообще ничего. Во-первых, я не понимаю, зачем нам это делать. Во-вторых, если мы дадим ей хоть какое-то послабление, а потом она начнет говорить о нас что-нибудь хорошее — или

сначала скажет хорошее, а потом получит послабление, — это полностью обесценит ее слова. Это только подпитает теорию заговора. Точка. Если у нее действительно нет ничего, что могло бы нам навредить, нам вообще не нужно ей ничего предлагать.

В итоге все сошлись на том, что лучший путь — первый вариант. Уайлс сказала, что сама поговорит с Трампом и попросит его опубликовать в Truth Social призыв рассекретить показания большого жюри. И именно в этот момент вышла статья *The Wall Street Journal*.

Сотрудник Ситуационной комнаты принес распечатанные экземпляры. Все молча сидели и читали. Тем временем Уайлс уже готовила для президента очередное опровержение, которое он должен был разместить в социальных сетях.

IV

В конце июля в Ситуационной комнате состоялось еще одно кризисное совещание по делу Эпштейна. Состав был почти тот же: Уайлс и Вэнс, Тодд Бланш, Дэвид Уоррингтон, Кэш Патель, Пэм Бонди, Джеймс Блэр, Стивен Чанг, Тейлор Будович и Каролин Левитт. Почти одновременно помощников Трампа застало врасплох известие о том, что Комитет Палаты представителей по надзору, возглавляемый республиканцем Джеймсом Комером, вскоре направит официальную повестку. Белый дом не ожидал этого шага. Продвигали его демократы комитета при поддержке республиканцев Томаса Мэсси и Марджори Тейлор Грин.

Повестка требовала предоставить огромный массив материалов по Эпштейну, находившихся в распоряжении Министерства юстиции. Одновременно, столкнувшись с отказом DOJ раскрывать информацию, Мэсси и конгрессмен-демократ Ро Ханна внесли в Палату представителей законопроект **H.R. 4405 — Epstein Files Transparency Act**, Закон о прозрачности файлов Эпштейна. Необходимого количества голосов у них пока не было. Но борьба уже началась всерьез. Именно этот законопроект должен был стать следующим полем сражения вокруг материалов Эпштейна, поскольку президент все упорнее сопротивлялся их публикации.

На совещании Блэр сообщил коллегам, что администрация постарается полностью сотрудничать с повесткой Палаты представителей. Однако главным приоритетом станет публикация информации, подтверждающей, что Трамп не был причастен к преступлениям Эпштейна. Тодд Бланш рассказал о материалах, которые изучил лично или о которых ему докладывали. Среди них был большой объем материалов сексуального характера с участием детей. Затем разговор перешел к вопросу о том, как вообще публиковать документы. К тому моменту уже обсуждался план разместить **все материалы, связанные с Эпштейном, на открытом общедоступном сайте**. Идея заключалась в том, чтобы буквально завалить MAGA-среду огромным массивом реальной информации — создать гигантскую базу данных. Сам сайт построить оказалось несложно.

Его даже собирались запустить в течение недели. Уже накопилась огромная гора материалов, которые просматривал Бланш. Там были массивы документов и из гражданских, и из уголовных дел. План предполагал опубликовать всё. После этого Бланш мог бы прийти на подкаст Джо Рогана и публично рассказывать о беспрецедентной прозрачности Белого дома. Но этого не произошло. По первоначальному графику поисковый общедоступный сайт на следующей неделе так и не запустили. А версия сайта, которую задумывали изначально, **никогда не была представлена публике**.

Две недели спустя, 13 августа, в Ситуационной комнате состоялось еще одно совещание по делу Эпштейна. Оно началось в шесть вечера и продолжалось два часа: участники снова пытались отточить стратегию. На встрече вновь присутствовали Уайлс, Бонди, Бланш, Патель, Блэр, Будович, Чунг и Левитт. Вэнс подключился по телефону из Великобритании, где у него проходили встречи, в том числе с заместителем премьер-министра Дэвидом Лэмми.

Вэнс снова настойчиво выступал за то, чтобы опубликовать как можно больше материалов по Эпштейну. Думая о том, как представить это публике, он предложил самому появиться в популярном подкасте Джо Рогана. Вэнс только что разговаривал с Роганом по телефону и позднее рассказывал, что тот не хотел приглашать к себе Бланша, зато был готов принять Вэнса.

На совещании Вэнс объяснял: если именно он пойдет к Рогану, разговор не придется целиком посвящать Эпштейну. Часть интервью можно будет посвятить недавно принятому при поддержке президента закону и тому, что он даст работающим американским семьям. Но главный вопрос заключался в другом: как справиться с возможными репутационными рисками для администрации.

Особую проблему представляли любые унижительные или компрометирующие обвинения в адрес президента — даже ничем не подтвержденные. Если выложить все доступные материалы на одном огромном сайте, там неизбежно окажется немало потенциально позорной информации. Один из участников совещания в Ситуационной комнате поднял тему особенно мерзкого и ничем не подтвержденного обвинения в адрес Трампа. Оно всплыло в рассекреченных документах по делу о клевете, которое Вирджиния Джуффре в 2015 году подала против Гислейн Максвелл. Дело было урегулировано двумя годами позже.

Джуффре, познакомившаяся с Эпштейном еще подростком, когда работала помощницей в спа-салоне Мар-а-Лаго, стала одной из самых известных и открытых его жертв. В апреле 2025 года она покончила с собой. При этом еще в 2016 году Джуффре говорила, что, насколько ей известно, Трамп не совершал ничего предосудительного. В материалах ее дела содержались электронные письма, отправленные журналисту другой жертвой Эпштейна — Сарой Рэнсом, которая впоследствии сама подала иск против Эпштейна и Максвелл. Эпштейн урегулировал и это дело.

В письмах Рэнсом утверждала, что знала девушку из сети сексуальной эксплуатации Эпштейна по имени Джен. По словам Рэнсом, Джен рассказывала, что вступала в сексуальную связь с Дональдом Трампом и что тот якобы проявлял особый интерес к ее груди. Рэнсом писала, что видела последствия этого сама, когда пользовалась с Джен одной ванной комнатой. Она утверждала, что грудь девушки выглядела болезненно, была покрасневшей и опухшей. Однако с достоверностью заявлений Рэнсом все было далеко не просто.

Она выдвигала и другие утверждения, от которых позднее отказалась, поясняя, что сделала это из страха за себя и свою семью. В декабре 2023 года федеральный судья распорядился рассекретить часть материалов дела Джуффре. Документ, связывавший Трампа с этим обвинением, стал публичным уже в следующем месяце. Это было лишь заявление третьего лица, а сама «Джен» никогда публично такого не утверждала. Тем не менее публикация породила несколько крайне неприятных для Трампа материалов в прессе.

Даже те советники Трампа в Ситуационной комнате, которые знали об этом эпизоде, помнили его лишь в общих чертах. Многие считали всю историю давно опровергнутой чепухой. Но некоторые предупреждали: все сомнения в достоверности заявления потеряют значение, если оно появится в официальной государственной базе данных. В среде MAGA существовала огромная армия людей, одержимых делом Эпштейна, и они жаждали имен богатых и влиятельных мужчин, которых можно было бы публично растерзать.

Один чиновник администрации уже искал материалы о Трампе в тестовой, пока еще закрытой версии сайта Министерства юстиции, посвященного Эпштейну. И обвинение Рэнсом появилось среди первых результатов поиска.

Другие участники совещания быстро поняли: если эти фрагменты писем попадут в публичную, доступную для поиска библиотеку материалов по Эпштейну под официальным брендом Министерства юстиции, они получат вторую жизнь. — Это уже существует, — сказал один из чиновников. — Они устроят из этого огромный скандал, хотя это неправда и все это знают.

Бланш возражал, что если опубликовать документ целиком, вместе с контекстом и сведениями о том, что Рэнсом отказалась от части других своих утверждений, станет понятно, почему обвинения против Трампа не стали основанием для уголовного преследования. К тому же, добавлял он, эти материалы уже давно есть в интернете. Так зачем исключать их с официального сайта Министерства юстиции? Вице-президент сказал, что, по его мнению, президент спокойно отнесется к публикации. — Его обвиняли и в вещах похуже, — сказал Вэнс. — Думаю, нам стоит это выложить. Тогда люди скажут, что мы открыли даже больше, чем обязаны. Уайлс немедленно ответила:

нет, президент вовсе не будет этим доволен. Спорить дальше никто не захотел. Позднее один из чиновников назовет совершенно «сюрреалистичным» тот факт, что в Ситуационной комнате Белого дома они всерьез обсуждали Дональда Трампа и подобные интимные обвинения. Таков был итог выбора в пользу непрозрачности вместо открытости. Эта история в миниатюре отражала всю проблему Белого дома с материалами Эпштейна. Существовали горы обвинений, которые невозможно было ни окончательно опровергнуть, ни заставить исчезнуть. Каждая открытая дверь вела в следующую комнату.

А в каждой комнате обнаруживались новые утверждения новых женщин. И теперь вся эта лавина угрожала обрушиться на президента, который хотел лишь одного — не иметь со всем этим ничего общего. Но обсуждение подсказало и возможный выход. Повестка, направленная комитетом Джеймса Комера, конкретно требовала материалы Министерства юстиции и документы уголовных дел. Можно было просто выполнить ее буквально. Запрос Палаты представителей не распространялся на материалы гражданских процессов — вроде обвинения Рэнсом, — которые вообще не исходили от Министерства юстиции.

Это были отдельные дела, никак не входившие в компетенцию ведомства. Следовательно, администрация обязана была соблюдать только саму повестку. Очень скоро станет очевидно: кризис, начавшийся в тот месяц, приведет к беспощадному изучению всей прежней жизни Трампа. Этот скандал, созданный во многом собственными руками Белого дома, парализует администрацию до конца года почти так же сильно, как восемь лет назад расследование о России. Вэнс предвидел именно такой сценарий. И по мере того как месяцы шли, а кризис лишь углублялся, становилось все труднее спорить с его ранними настойчивыми предупреждениями: администрация сама теряет контроль над историей.

V

Пока кризис вокруг Эпштейна не утихал, Трамп неожиданно получил приятную новость из совершенно неожиданного источника.

Директор национальной разведки Тулси Габбард находилась у президента в глубокой немилости. Ее перестали приглашать на важные совещания, отстранили от ключевых решений в сфере национальной безопасности, а Трамп и ближайшее окружение воспринимали ее почти как незначительную фигуру — иногда даже как объект насмешек. Менее чем за шесть недель до этого Трамп жестко отчитал Габбард в присутствии множества людей из-за видеоролика, который она сняла во время поездки в Хиросиму — один из двух японских городов, уничтоженных американскими атомными бомбами во Вторую мировую войну. В ролике Габбард предупреждала о возможном «ядерном холокосте», к которому могут привести воинственные «поджигатели войны».

Трамп, в тот момент уже близкий к решению присоединиться к израильским ударам по Ирану, пришел в ярость. По его словам, Габбард использовала свою должность в администрации для продвижения личного политического бренда. — Если хочешь стать президентом, — резко сказал он ей, — тогда уходи с этой работы.

Но теперь Габбард нашла способ вернуть расположение Трампа. 23 июля, через шесть дней после совещания в Ситуационной комнате, на котором Бланш говорил о возможном допросе Гислейн Максвелл, Габбард вышла к трибуне в пресс-центре Белого дома с сенсационным заявлением. Она объявила, что президент Обама и его высшие советники по разведке участвовали в «многолетнем перевороте и

предательском заговоре», целью которого было нанести вред Трампу. Габбард сообщила, что передала материалы в Министерство юстиции для уголовного преследования.

Трамп был в восторге. Он давно хотел, чтобы демократов привлекли к ответственности за то, что снова и снова называл «российской мистификацией» — расследование специального прокурора, которое привело к обвинениям против Роджера Стоуна, Пола Манафорта и Майкла Коэна, а также к повесткам членам семьи Трампа и его бизнесу. Трамп так никогда и не согласился с выводом, что Россия вмешивалась в выборы 2016 года с целью помочь ему победить. С юридической точки зрения уголовное обращение Габбард было, мягко говоря, проблемным.

Обаму защищал тот же принцип президентского иммунитета, который Верховный суд сформулировал еще до возвращения Трампа в Белый дом. Теперь эта история стала очередной раскаленной картофелиной, упавшей в руки Пэм Бонди. Реальные результаты инициативы Габбард появятся только спустя несколько месяцев. Но уже тогда она дала Трампу то, в чем он отчаянно нуждался: тему, способную отвлечь внимание от катастрофы вокруг Эпштейна. И одновременно запустила процесс, который, как надеялся Трамп, навсегда смоет пятно «Рашагейта» с его исторического наследия.

Практически сразу после победы на выборах 2024 года Трамп начал размышлять: что делать с Джеромом Пауэллом?

Из всех институтов Вашингтона ничто не раздражало Трампа сильнее Федеральной резервной системы. По закону ФРС независима от президента. Это один из немногих рычагов национальной власти, который находился вне его прямого контроля. А власть эта была чрезвычайно привлекательна для Трампа. Власть над экономикой. Власть буквально создавать деньги из воздуха.

Во время первого срока Трамп уже хотел диктовать ФРС ее решения. Хотел и уволить Пауэлла. Но советники его отговорили, и в итоге президент ограничился главным образом жалобами в Twitter. Во второй срок он был намерен подчинить ФРС своей воле. И на его пути вновь стоял тот же упрямый человек, с которым он конфликтовал еще в первый раз. Во время переходного периода 2024 года, выбирая министра финансов для второй администрации, Трамп встретился в Мар-а-Лаго с Кевином Уоршем — бывшим членом Совета управляющих ФРС, которого знал еще по первому президентскому сроку. История могла сложиться иначе. В 2017 году Трамп уже беседовал Уорша на должность председателя Федеральной резервной системы.

Но в итоге выбрал Пауэлла. Позднее он горько пожалел об этом решении. Трамп говорил окружающим, что считает Уорша красивым мужчиной. До того как окончательно назначить Скотта Бессента министром финансов, президент всерьез рассматривал возможность отдать этот пост Уоршу. Или даже досрочно поставить его во главе ФРС, еще до окончания срока Пауэлла. Два года спустя, в начале 2026 года, Уорш наконец увидит свой шанс возглавить ФРС, когда его выдвинут преемником Пауэлла. Но прежде центральный банк окажется в эпицентре настоящей бури в стиле Трампа: президент и Пауэлл вступят в жесткую схватку за независимость ФРС.

Как и в первый срок, Трамп расспрашивал советников: можно ли уволить Пауэлла? И что произойдет, если это сделать? Во время переходного периода советники повторяли те же предупреждения, что и прежде: дело почти наверняка дойдет до Верховного суда. И президент вполне может проиграть. А пока будет идти судебная тяжба, финансовые рынки, скорее всего, переживут обвал. Трамп неохотно прислушался.

Но Пауэлл продолжал не давать ему покоя. Хотя президент далеко не всегда считал его врагом. Именно Трамп осенью 2017 года повысил Пауэлла с члена Совета управляющих ФРС до председателя центрального банка — по рекомендации тогдашнего министра финансов Стивена Мнучина. Трамп почти не знал Пауэлла. Но первое впечатление — а порой именно его президенту было достаточно для кадрового решения — оказалось благоприятным. Бывший инвестиционный банкир в безупречно сидящих костюмах и фиолетовых галстуках выглядел, по любимому выражению Трампа, «словно из центрального кастинга».

— Ты отлично справишься. Я тебе доверяю, — сказал Трамп Пауэллу, сообщая о назначении. — Я знаю, что ты будешь независим. Я доверяю тебе поступать правильно. Очень скоро Трамп пожалел об этих словах. Он начал обвинять Пауэлла в том, что тот саботирует его президентство повышением процентных ставок. Спустя восемь лет Трамп по-прежнему ворчал помощникам: — Мнучин меня подставил.

Если оглянуться назад, фиолетовые галстуки, которые Пауэлл упорно носил, действительно могли показаться предупреждением. Пауэлл, человек подчеркнуто принципиальный, объяснял знакомым: он не хотел носить цвет, который мог бы визуальным образом связывать его с одной из партий. Синий — цвет демократов. Красный — республиканцев. — Мы вне политики, — говорил Пауэлл на встрече с деловыми журналистами. — Поэтому фиолетовый для нас подходит. Трампу фиолетовый был ни к чему.

Ему нужен был председатель ФРС, который вел бы себя как вассал. Причем приоритеты такого председателя имели бы мало общего с реальной задачей центрального банка — обеспечивать

долгосрочные интересы экономики США, балансируя между стабильностью цен и низкой безработицей. Трамп хотел другого: чтобы ФРС разгоняла экономику здесь и сейчас, повышая популярность президента. Еще в начале лета 2018 года, всего через пять месяцев после вступления Пауэлла в должность, Трамп начал публичную кампанию давления на ФРС с требованием снизить ставки. Американские президенты давно не предпринимали столь целенаправленных попыток вмешиваться в работу центрального банка. ФРС исторически выдерживала политическое давление Белого дома. После Ричарда Никсона президенты в основном уважали ее независимость.

Но Трамп вмешивался агрессивнее и бесцеремоннее любого предшественника. Позднее Пауэлл назовет это «шокирующим опытом» и «невероятным нарушением всех норм». В 2018 году ФРС четырежды повышала процентные ставки. С каждым повышением Трамп злился на Пауэлла все сильнее. В 2019 году ярость только нарастала. Поначалу нападки президента задевали Пауэлла.

Он говорил знакомым, что ему неприятно. Но со временем стал гораздо менее чувствительным. Пауэлл и сам прекрасно понимал политическую механику Вашингтона. Он знал, что пользуется широкой поддержкой обеих партий в Конгрессе. Республиканские сенаторы в частных разговорах советовали ему именно то, что он и сам считал правильным: просто игнорируй Трампа. Не отвечай. — Он хочет, чтобы ты вступил в игру, — объяснял потом Пауэлл. — Если отвечаешь, значит, играешь по его правилам.

Отношение Трампа к Федеральной резервной системе становилось понятнее, если рассматривать его общее представление о президентской власти: власть должна быть максимально неограниченной. Президент должен доминировать.

С этой точки зрения его понимание роли центрального банка совершенно расходилось с самим смыслом мандата ФРС. Создатели американской конституционной системы специально старались не допустить, чтобы президент получил возможность создавать деньги. Поэтому в статье I, разделе 8 Конституции полномочие чеканить монету и регулировать ее стоимость было передано Конгрессу. Позже Конгресс сам стал выстраивать механизмы, которые должны были гарантировать, что денежная политика служит долгосрочным интересам страны. Начиная с закона о Федеральной резервной системе 1913 года, вокруг ФРС создавались все новые уровни защиты ее независимости. Система специально строилась так, чтобы ни один президент не мог просто заполнить Совет управляющих своими людьми.

Именно эти стены Трамп и хотел снести. Защищая независимость ФРС, Пауэлл неизбежно шел к столкновению с президентом. Летом 2019 года Трамп написал в Twitter: — У меня только один вопрос: кто для нас больший враг — Джей Пауэлл или председатель Си?

Раздражение усиливалось еще и тем, что Пауэлл представлял собой именно тот тип вашингтонского истеблишмента, одобрения которого Трамп одновременно жаждал и ненавидел. Профессионал в политике и экономике. Человек, время от времени ссылающийся на высокие принципы. В частных разговорах Трамп называл таких людей «бойскаутами». И это вовсе не было комплиментом.

Сам Пауэлл говорил знакомым, что, по его мнению, со вторым сроком Трампа «можно будет справиться». Он считал, что новый президент получает «чертовски хорошую экономику»: высокие темпы роста, низкую инфляцию, низкую безработицу. Пауэлл видел Трампа человеком с сильнейшим инстинктом выживания, обладающим своего рода «животным умом». Он предполагал, что президент просто оседлает экономическую волну. Пауэлл не ожидал, что Трамп станет делать что-либо, способное сорвать мягкое приземление после высокой инфляции первых лет Байдена.

II

Ирония заключалась в том, что именно Трамп сделал снижение ставок для Пауэлла еще труднее.

Пошлины, введенные президентом в первые месяцы второго срока, внесли в экономику огромную неопределенность. Рост цен был практически неизбежен. А вместе с ним возникал риск нового ускорения инфляции. Пауэллу вскоре пришлось одновременно бороться с ослаблением рынка труда и инфляцией, остававшейся выше целевого уровня ФРС в 2 процента.

По его мнению, тарифы не помогали ни с одной из этих проблем. 16 апреля, через две недели после «Дня освобождения», Пауэлл выступил на мероприятии Экономического клуба Чикаго. Он заявил, что тарифный режим Трампа представляет собой «очень фундаментальные изменения» и что «современного исторического опыта, позволяющего понять, как с этим работать, практически нет».

Пауэлл подчеркнул: масштаб уже объявленного повышения пошлин «значительно превосходит ожидания».

И предупредил о рисках одновременно для инфляции и рынка труда. На следующий день Трамп взорвался в Truth Social: «Увольнение Пауэлла не может произойти достаточно быстро!» Финансовые рынки все еще оставались крайне нервными после «Дня освобождения». И двое ближайших помощников президента убеждали его успокоить мир и не создавать новое потрясение угрозами уволить председателя центрального банка. Сьюзи Уайлс и Скотт Бессент в частных разговорах говорили Трампу, что сейчас особенно важно продемонстрировать стабильность.

Уайлс спросила прямо: зачем ты вообще пригрозил уволить Пауэлла? — Ты же знаешь, что это вызывает нестабильность. А сейчас нам нужна именно стабильность. Бессент тоже советовал президенту публично заявить, что увольнения не будет. — Вы сказали мне, что не собираетесь его увольнять, — напомнил он Трампу. — Тогда вы должны сказать это вслух, потому что ваши угрозы вредят нам. Если вы не собираетесь его увольнять, просто скажите об этом.

22 апреля Трамп наконец это сделал. Он заявил, что «никогда и не собирался» увольнять Пауэлла и обвинил прессу в неправильном толковании его слов. Сам факт того, что Трамп согласился публично исключить возможность увольнения главы центрального банка — хотя очевидно по-прежнему хотел от него избавиться, — показывал, насколько сильным было давление после того, как всего двумя неделями ранее тарифная политика чуть не довела страну до финансового кризиса. Но от желания подчинить ФРС Трамп не отказался. Нужно было просто зайти с другой стороны. В мае он сказал советникам, что хочет попробовать новый подход к Пауэлли.

Публичное давление не помогло. А вдруг поможет личный разговор? Может быть, удастся убедить Пауэлла снизить ставки в частной беседе. Сначала Трамп размышлял, не пригласить ли его на обед в Белый дом. Но быстро передумал. Он сказал помощнику: если разговор пойдет плохо, ему придется потом еще сидеть с Пауэллом за обедом.

Лучше провести короткую встречу в Овальном кабинете. Председателю ФРС направили приглашение. Пауэлл был от него далеко не в восторге. Позже он скажет знакомым: — Идеальное число встреч между президентом и председателем ФРС — ноль. Но отказываться он тоже не хотел: это могло еще сильнее обострить ситуацию.

К тому же Пауэлл прекрасно знал, что собирается сказать. Он славился тем, что готовился к встречам до мельчайших деталей. Но на этот раз готовиться особенно не требовалось. Он и так понимал, что скажет Трамп. И заранее знал свой ответ. 29 мая Трамп только что закончил разведывательный брифинг, когда ему сообщили:

Пауэлл ждет в вестибюле Западного крыла. Председатель пришел один. Он вошел в Овальную кабинет и сел напротив Трампа. По обе стороны от Пауэлла расположились Вэнс и Бессент.

Присоединились и другие советники.

Трамп начал с монолога.

Он повторил все те аргументы, которые до этого высказывал публично: экономические условия идеальны для снижения ставок; отказываясь снижать их, Пауэлл ставит Америку в невыгодное положение; все остальные снижают; вы тоже должны снижать; европейцы над нами смеются;

инфляции нет; в страну вливаются триллионы долларов. Пауэлл молча сидел и слушал. Так продолжалось минут шесть или семь. Когда Трамп закончил, возникла пауза. Наконец президент спросил:

— Ну? — Вы хотите, чтобы я ответил, господин президент? — уточнил Пауэлл. — Пожалуйста, — сказал Трамп. Ответ оказался совсем не тем, на который он надеялся. — Пока рынок труда остается настолько устойчивым — а сейчас он действительно в очень хорошем состоянии, — сказал Пауэлл, — мы и практически все другие прогнозисты ожидаем волну повышения цен из-за тарифов.

Он продолжил: — Часть этих расходов неизбежно будет переложена на потребителей. Нам необходимо управлять этим риском и следить, чтобы он не превратился в полноценную инфляционную проблему. Это отвечает интересам всех.

Пауэлл добавил: — Мы не хотим оказаться в положении, когда снизим ставки слишком сильно и слишком рано, а инфляция окажется более устойчивой, чем мы думаем. И вот уже следующий год, ставки слишком низкие, а инфляция слишком высокая. Вам это не нужно. Нам это не нужно. Наша задача — не допустить такого сценария.

— Этого не произойдет, — ответил Трамп. — А если произойдет, я первым попрошу тебя поднять ставки. — Мы наблюдаем, — сказал Пауэлл. — И если окажется, что инфляция действительно гораздо слабее или лучше контролируется, чем мы ожидаем, это, конечно, будет учитываться в наших решениях. Встреча была необычно короткой по меркам Трампа — всего около получаса. Пауэлл держался вежливо и спокойно.

Даже слегка пошутил. Когда Трамп назвал его Джеромом, а не Джеем, как его называли почти все, Пауэлл заметил: — Так меня называет только мама. Но за всей внешней вежливостью он ясно дал понять: запугать себя не позволит.

И вышел из кабинета, не уступив Трампу ни в чем. Тем не менее завершилась встреча мирно. Косвенно намекая на прежние публичные угрозы увольнения, президент сказал:

— Все то, что я про тебя говорил, — не переживай. Я ничего не собираюсь делать. Но, несмотря на примирительный тон, после встречи Трамп был раздражен. И очень скоро гнев снова вырвался наружу. 18 июня во время спонтанной встречи с журналистами на Южной лужайке Белого дома — Трамп специально позвал прессу, чтобы похвастаться новыми 88-футовыми флагштоками, — президент вдруг начал яростно жаловаться на Пауэлла.

И практически вслух рассказал, какие методы давления и запугивания пытался использовать против председателя ФРС. — У нас есть человек, который просто отказывается снижать ставку ФРС. Просто отказывается, — сказал Трамп. — Думаю, он меня ненавидит. Но ничего страшного. И правильно. Пусть ненавидит. — Я его как только ни называю, чтобы заставить хоть что-нибудь сделать. Я был с ним таким добрым, ребята, вы не поверите. Я перепробовал все. Я жесткий — не помогает. Я добрый — не помогает. Ничего не работает. Он просто какой-то глупый человек.

Во второй срок Трамп уже не раз демонстрировал поразительную готовность рисковать. Но увольнение Пауэлла было слишком опасным даже для него.

Один близкий помощник тогда сказал: — Он его не уволит. И добавил: — Он просто будет его мучить.

III

Примерно через две недели после этой вспышки на лужайке Белого дома Трамп снова совещался в Овальном кабинете с высокопоставленными помощниками. Среди них были директор Административно-бюджетного управления Расс Воут и Джеймс Блэр. Они пришли обсуждать вопрос, никак не связанный с Федеральной резервной системой. Но внимание Трампа привлек большой плакат из пенокартона, установленный рядом на мольберте. Заголовок гласил: «Ставки центральных банков мира». На плакате американские процентные ставки сравнивались со ставками в других странах. Этого оказалось достаточно. Трамп пустился в монолог о том, насколько «чертовски нелепо», что Пауэлл держит американские ставки выше, чем у других.

— Я хочу по-настоящему прижать этого ублюдка, — сказал Трамп о Пауэлле. — А что там с этим чертовым зданием? Мы можем это остановить? Можем остановить стройку? Я просто хочу как следует его достать. К черту его.

Неудивительно, что Трамп заинтересовался реконструкцией комплекса штаб-квартиры Федеральной резервной системы в Вашингтоне. Масштаб проекта был огромным. Предстояла полная внутренняя реконструкция здания Марринера Экклза и соседнего здания Мартина, строительство которого было завершено в 2020 году. Оба комплекса изначально проектировались под условия работы 1930-х годов. При реконструкции требовалось сохранить исторические фасады, каменную кладку и внутренние архитектурные элементы. Все это усложняло и без того чрезвычайно дорогой проект, стоимость которого оценивалась в 2,5 миллиарда долларов. 25 июня, выступая перед Банковским комитетом Сената, Пауэлл признал, что проект несколько изменился по сравнению с первоначальными планами.

И вот тут Трамп увидел возможность. Позднее один советник заметил: — Он же строитель. Он прекрасно знает, какой ад начинается, когда тебе не дают нормально строить.

Трамп спросил, можно ли остановить стройку. — Я изучу вопрос, — сказал Воут.

— Нет, не изучай, — ответил Трамп. — Принеси мне план.

Юридическому советнику Административно-бюджетного управления Марку Паолетте понадобилось совсем немного времени, чтобы такой план найти. Воут сообщил Блэру, что существует организация под названием Национальная комиссия по планированию столицы. Именно она контролирует вопросы градостроительства в Вашингтоне. По словам Воута, президент имеет право назначать трех членов комиссии, включая председателя. Они могли заявить, что Пауэлл нарушил первоначально утвержденный план проекта ФРС, поскольку сам признал перед Конгрессом, что некоторые элементы реконструкции изменились. Это было именно то мелкое бюрократическое вредительство, которое когда-то связывало по рукам администрацию Трампа в первый срок.

Теперь Трамп собирался сыграть в ту же игру сам. Воут отправил Блэру одностороннее резюме исследования и назначил на утро среды, 9 июля, встречу с Трампом, Сьюзи Уайлс, Марком Паолеттой и Блэром.

— О-о-о, — протянул Трамп, когда Воут и Паолетта рассказали ему о комиссии. — И я просто могу назначить туда новых людей?

Ответ был: да. Его люди смогут взять комиссию под контроль.

— Хорошо, тогда почему бы тебе самому туда не войти, Джеймс? — сказал Трамп Блэру. — Это как двухнедельная кампания. Ты знаешь, что делать. Я просто назначаю тебя. Развлекайся, будь безжалостным и сделай дело. — Понял, господин президент, — ответил Блэр.

Хотя вообще-то его основная работа включала куда более серьезные вопросы: он курировал политические и законодательные операции Белого дома. — Выберите остальных, кого хотите, и вернитесь ко мне, — распорядился Трамп.

Команда поспешно вышла из Овального кабинета. Но возникла проблема:

никто из них вообще ничего не знал о Национальной комиссии по планированию столицы. Воут быстро выяснил, что существуют требования к месту проживания членов комиссии и желательно иметь хотя бы какой-то опыт в градостроительстве. Планка оказалась невысокой. И они тут же принялись ее преодолевать. Блэр жил в Вирджинии и мог сослаться на опыт работы в администрации губернатора Флориды, где курировал департамент транспорта. — Это же планирование, — рассудил он. Воут нашел сотрудника собственной службы — Стюарта Левенбаха, подходившего по требованию проживания в Мэриленде.

Оставалось найти председателя. Блэр заглянул в кабинет Уилла Шарфа, секретаря президента по работе с документами.

— Есть хоть какой-нибудь опыт в планировании? Как оказалось, был. Шарф рассказал, что сталкивался с этим еще во время работы в правительстве штата Миссури. Этого оказалось вполне

достаточно. Через несколько минут Шарфа назначили председателем федеральной комиссии, о которой он практически ничего не знал.

И тут же сообщили: первое заседание состоится уже завтра. Трамп утвердил назначения в тот же день. Шарф не спал всю ночь, читал документы и готовился председательствовать на заседании.

На следующий день, 10 июля, представители администрации Трампа заняли места за изогнутым столом в офисе Национальной комиссии по планированию столицы. Шарф сообщил присутствующим, что президент назначил его председателем. Он и Блэр подчеркнули, что считают честью работать вместе с профессиональными сотрудниками комиссии. И заявили, что их миссия проста: улучшать и украшать Вашингтон — цель, близкая сердцу президента. Следующие два часа они вынуждены были слушать усыпляющее обсуждение планов землепользования, концепций высадки местных растений и вопросов защиты исчезающей бабочки-монарха.

Для двух чрезвычайно влиятельных чиновников Белого дома это выглядело довольно странным способом проводить время. Но примерно через два часа, когда формальная повестка наконец была исчерпана, Шарф передал слово Блэру. Атмосфера мгновенно изменилась. Сонное заседание превратилось почти в атаку. Блэр, который двумя часами раньше говорил подчеркнуто вежливо, теперь начал яростную речь об одном конкретном проекте:

комплексе Федеральной резервной системы. — Некоторые уже называют его Тадж-Махалом у Национальной аллеи, — сказал Блэр. Сидевший рядом Шарф улыбнулся. Зачитывая данные с листа бумаги и своего iPhone, Блэр сравнил стоимость реконструкции ФРС с исторической стоимостью — в современных долларах — Версальского дворца, здания Капитолия США и Каср аль-Ватан, президентского дворца Объединенных Арабских Эмиратов. Блэр и Шарф недавно видели этот дворец во время поездки с президентом на Ближний Восток. По словам Блэра, реконструкция ФРС стоила дороже даже этого роскошного дворца.

— Это аморально, — заявил он.

Остальные члены комиссии слушали молча. Блэр объявил, что требует «полной проверки планов проекта Федеральной резервной системы», детального объяснения любых отклонений от первоначальной документации и посещения строительной площадки. Шарф поблагодарил участников и завершил заседание.

Эта встреча запустила шестинедельную атаку, которая покажет, насколько далеко Трамп готов зайти в борьбе против независимости Федеральной резервной системы. Тем временем в самой ФРС Пауэлл и его команда пытались понять: что вообще задумал Трамп со своей внезапной одержимостью стоимостью реконструкции? Сначала Пауэлл подумал: что, черт возьми, происходит? Но когда люди Трампа взяли под контроль Планировочную комиссию, он сделал вывод:

вероятно, они хотят найти формальный повод для увольнения. Например, обвинить его в плохом управлении строительством. Пауэлл был намерен бороться. И за свою должность. И за сам принцип независимости центрального банка.

К тому же денег на долгую судебную войну у него хватало: он был весьма состоятельным человеком еще со времен работы инвестиционным банкиром. Во время первого срока Трампа Пауэлл уже за собственный счет нанимал высококлассных адвокатов, готовясь оспаривать возможное увольнение. Когда Трамп угрожал ему, Пауэлл говорил тогдашнему министру финансов Стивену Мнучину, что «почти уверен в победе», если дело дойдет до суда. Во время пандемии COVID напряжение спадет. Пауэлл снизит ставки практически до нуля и запустит масштабную программу покупки облигаций. Трамп даже вручит ему словесную «награду самому прогрессирующему игроку».

Позднее Пауэлл говорил знакомым, что никогда не сомневался: если Трамп действительно попытается его уволить, президент проиграет в Верховном суде. — Видно, что Верховный суд вообще не хочет связываться с ФРС, — говорил Пауэлл. — Они уже практически прямым текстом это сказали.

Но, как часто случалось в мире Трампа, вокруг президента быстро появлялись люди, готовые придумать новый способ атаковать врага в надежде заслужить его благосклонность.

Билл Пулти, директор Федерального агентства жилищного финансирования, ранее помогавший создавать юридическое основание для атаки на Летицию Джеймс, нашел свой путь и к теме центрального банка. Он сослался на жилищную проблему. А точнее — на процентные ставки. Один человек, присутствовавший при разговоре Пулти с Трампом, вспоминал, что тот говорил со скоростью «сто миль в минуту» и неделями разжигал в президенте злость на Пауэлла.

По словам свидетеля, Пулти говорил Трампу: — ФРС делает покупку жилья невозможной для обычных людей. Надо избавиться от этого чертова типа. 14 июля Пулти вошел в Овальный кабинет с привычной стопкой больших пенокартонных плакатов, на которых были изображены противники Трампа.

Среди них оказался увеличенный вариант черновика письма об увольнении Пауэлла, оформленного на бланке Белого дома. Трамп был в восторге. На следующий день во время встречи с республиканцами Палаты представителей президент размахивал копией «письма об увольнении Пауэлла». Он спросил законодателей: стоит ли отправить? А потом заявил, что, вероятно, именно так и поступит. Одна из конгрессвумен, Анна Паулина Луна из Флориды, ранее предлагавшая высечь изображение Трампа на горе Рашмор, сказала, что хочет написать в социальных сетях:

Пауэлла скоро уволят. Трамп разрешил. Она написала. А через четыре дня пошла еще дальше — направила материалы о Пауэлле в Министерство юстиции с требованием уголовного расследования. Тем временем Трамп в частных беседах размышлял:

а не назначить ли председателем ФРС вице-президента Вэнса? Хотя бы временно. Пулти он сказал продолжать в том же духе и «выбивать дерьмо» из Пауэлла. Через пять дней после обращения в Министерство юстиции, 24 июля, Пауэлл показал характер. Трамп прибыл с крайне необычным визитом на строительную площадку ФРС — именно такого визита Блэр потребовал на первом заседании комиссии. Пулти маячил у них за спиной. Вместе с президентом приехал и Рассел Воут, надевший под костюм походные ботинки.

Пауэлл был в каске и своем привычном фиолетовом галстуке. И прямо в прямом эфире поправил президента. Трамп говорил, что стоимость реконструкции составляет 3,1 миллиарда долларов, а не 2,5 миллиарда. Пауэлл объяснил: эта цифра неверна, потому что в нее включено дополнительное здание, строительство которого уже давно завершено. Во время самой экскурсии Трамп, впрочем, вел себя вполне любезно. А после сделал типичный для себя резкий поворот от той линии, к которой за кулисами подталкивал Воута и Блэра. Перед телекамерами президент вдруг заговорил примирительно.

— Всегда найдутся умники, которые задним числом объясняют, как надо было делать, — сказал Трамп. — Я не хочу быть таким. Я хочу помочь им закончить стройку.

Пауэлл мгновенно воспользовался моментом. ФРС выпустила заявление, поблагодарив президента за поддержку завершения строительства. На какое-то время казалось, что вся затея использовать реконструкцию против Пауэлла развалилась прямо на месте. Причем руками самого Трампа.

Однако семь месяцев спустя прокурор США по округу Колумбия Джанин Пирро, бывшая ведущая Fox News, направит Федеральной резервной системе повестки в связи с реконструкцией. Особой целью станет сам Пауэлл. Генеральный прокурор и его заместитель потом будут рассказывать знакомым, что чрезвычайный шаг Пирро застал их врасплох. Сама Пирро скажет представителям Белого дома, что у нее имелись все необходимые полномочия. Но прямо не уточнит, исходили ли они от Трампа. Пауэлл сразу предаст расследование огласке и публично назовет его атакой на независимость центрального банка.

IV

Если Трамп не собирался увольнять Пауэлла напрямую, он продолжал искать другие способы склонить ФРС на свою сторону. Команда президента начала искать слабые места ниже уровня председателя.

У Билла Пулти и для этого нашелся пенокартонный плакат.

На нем было сильно увеличено лицо женщины — причем фотографию специально растянули так, чтобы она выглядела как можно менее выигрышно. Надпись сверху гласила: «Мошенница». Рядом помещались фотографии двух документов с подписями, которые Пулти называл доказательством мошенничества. Женщину, объяснил он Трампу, зовут Лиза Кук.

Президент заинтересовался. Кук была первой чернокожей женщиной в истории, вошедшей в Совет управляющих Федеральной резервной системы. Байден назначил ее в 2022 году, а затем повторно утвердил на срок до января 2038 года. Она выросла в небольшом городе штата Джорджия и была одной из первых чернокожих учениц, участвовавших в десегрегации местных школ.

Ее научные исследования были посвящены экономическим последствиям расового насилия. Первые три года в Совете ФРС Кук почти всегда голосовала вместе с Пауэллом и в целом избегала внимания прессы. Теперь все должно было измениться.

Продолжая свою прежнюю практику атак на реальных или предполагаемых врагов Трампа, Пулти опубликовал в социальных сетях письмо, которое направил в Министерство юстиции. Он требовал расследовать Лизу Кук по подозрению в ипотечном мошенничестве. В письме утверждалось, что Кук якобы «фальсифицировала банковские документы и сведения о недвижимости с целью получить более выгодные условия кредитования, что потенциально может представлять собой ипотечное мошенничество по уголовному законодательству». По версии Пулти, два ипотечных документа, которые Кук подписала с разницей в две недели — один в Мичигане, другой в Джорджии, — называли обе недвижимости ее «основным местом жительства». В тот же день, когда Пулти впервые опубликовал обвинения, Трамп написал в Truth Social: «Кук должна уйти в отставку. НЕМЕДЛЕННО!!!»

Кук отказалась.

Тогда Трамп пошел дальше, чем любой предыдущий президент в попытке получить контроль над Федеральной резервной системой.

25 августа он опубликовал в Truth Social письмо, адресованное Кук: «Настоящим вы немедленно отстраняетесь от должности члена Совета управляющих Федеральной резервной системы». В письме Трамп сослался на раздел 242 закона о Федеральной резервной системе 1913 года. Там говорилось, что президент может отстранить члена Совета ФРС «при наличии оснований».

Но «основание» в понимании Трампа на тот момент было всего лишь обвинением. Мошенничество не было доказано. Суда не было. Даже уголовного дела еще не существовало. Президент использовал непроверенное утверждение, чтобы продвинуть свою давнюю попытку подчинить себе главный механизм экономической политики Соединенных Штатов.

Пауэлл был потрясен. Он лично хорошо относился к Кук и считал ее способным и трудолюбивым членом Совета. Как только Трамп попытался ее уволить, Пауэлл мгновенно понял масштаб угрозы.

— Господи, если ему это позволят, тогда все, — скажет он позднее. — Это конец независимости ФРС. Знакомым Пауэлл говорил: — Нам понадобится помощь Верховного суда Соединенных Штатов. И помощь республиканцев в Сенате. Нужны обе стороны. Потому что если все просто лягут и сдадутся, независимой Федеральной резервной системы больше не будет. И добавлял: — Если он может таким способом уволить Лизу, кто из нас следующий?

Описывая происходящее, Пауэлл вспоминал фразу, которую приписывают Лаврентию Бери, печально знаменитому сталинскому руководителю тайной полиции: «Был бы человек — статья найдется». Это был переломный момент в истории Федеральной резервной системы.

Тем более поразительным было то, что крупнейшие игроки Уолл-стрит почти молчали. Молчали в основном и республиканцы в Конгрессе. Финансовые рынки практически не отреагировали. На пути Трампа оставались только суды. В частном разговоре Пауэлл сказал Кук: — Мы тебя поддержим.

Но в контексте Федеральной резервной системы такая поддержка имела очень конкретный смысл. Многие либералы надеялись, что Пауэлл публично обрушится на президента и осудит это злоупотребление властью. Он этого делать не собирался. Но Пауэлл сделал другое: ФРС продолжила платить Кук зарплату. Центральный банк выпустил заявление: он подчинится решению судов. Но пока суды не сказали последнего слова, несмотря на то что президент объявил Кук уволенной, она продолжала получать зарплату и сохраняла доступ к своей электронной почте в Федеральной резервной системе.

Когда спор Кук с Трампом перешел в суды — и суды позволили ей оставаться в должности на время разбирательства, — бывшие председатели Федеральной резервной системы подали заключение в качестве *amicus curiae*, «друзей суда». Из него следовало: они воспринимали происходящее как чрезвычайную, критическую угрозу самому институту.

Кук не выбирала эту битву. Но ее роль теперь была очевидна. Ее иск должен был решить вопрос гораздо более важный, чем ее собственная карьера. Сохранит ли Федеральная резервная система свою независимость — или президент Соединенных Штатов получит в свои руки совершенно новые и колоссальные рычаги власти?

После долгого дня предвыборной кампании Дональд Трамп выглядел уставшим, когда занял место в конце длинного стола в переговорной комнате без окон в отеле Aherн в Лас-Вегасе.

Был ранний вечер 8 июня 2024 года. Два высокопоставленных руководителя гиганта в области искусственного интеллекта OpenAI — Грег Брокман и Брэд Лайткап — приехали, чтобы провести для 77-летнего кандидата в президенты его первый урок по ИИ. Им предстояло показать ему революционную платформу компании — ChatGPT. Такое же предложение OpenAI делала президенту Байдену, но тот отказался; позднее его предложили и команде Камалы Харрис, когда она сменила Байдена в качестве кандидата. Сооснователь компании Сэм Альтман тоже собирался приехать, но заболел Covid. Трамп искусственным интеллектом не интересовался.

В вопросах технологий он был крайним примером человека, который осваивает новшества последним. Электронной почтой он не пользовался вовсе, а текстовые сообщения начал отправлять лишь в 2022 году. На революцию искусственного интеллекта он смотрел со смесью непонимания и настороженности.

Но когда Брокман подключил ноутбук к телевизору рядом с креслом Трампа и вывел на экран интерфейс ChatGPT, выражение лица кандидата мгновенно изменилось: усталость исчезла, глаза расширились, словно он спрашивал: **Погодите. А это что такое?**

Чтобы продемонстрировать возможности ChatGPT, Брокман взял текст президентского указа по политике в области ИИ, изданного во время первой администрации Трампа, и целиком вставил его в поле запроса. Затем попросил ChatGPT пересказать весь указ одним предложением, в котором каждое слово начиналось бы с одной и той же буквы. Предложение появилось мгновенно. После этого Брокман попросил превратить указ в стихотворение.

ChatGPT сделал и это. Трамп прочитал строки стихотворения и был поражен красотой языка. — Какие слова он использует, — сказал Трамп. — Красивые.

Затем повернулся к одному из помощников: — Может, эта штука отберет у тебя работу. Помощник ответил, что уже пользуется ChatGPT и тот помогает ему работать лучше.

Теперь Трамп заинтересовался всерьез. — А как вообще эту штуку строят? — спросил он двух руководителей. Какие пределы у их технологии? Что она способна делать?

Используя профессиональный жаргон, Брокман и Лайткап объяснили Трампу, что в конечном счете всё упирается в «доступные вычислительные мощности». А вычислительные мощности, в свою очередь, упираются в энергию. В огромное количество энергии. Кто-то из присутствующих добавил: — Вычислительная мощность — это новая нефть.

Они обсудили, насколько трудно получать разрешения на строительство центров обработки данных. Трамп, имевший огромный опыт в строительстве, тут же предложил помочь. Затем спросил, откуда берутся деньги. Государственные? Нет, ответили ему. Деньги частные. Им всего лишь нужны разрешения на строительство.

Такой ответ Трампу понравился. Но его беспокоил один вопрос — весьма характерный для него самого. — Допустим, кто-нибудь сделает фальшивую ИИ-запись с моим голосом, где я говорю что-нибудь... ну, плохое. Например, что запускаются ядерные ракеты. И у России есть всего минут 15, чтобы понять, настоящее это или нет. Как вообще определить? — спросил он. И тут же сослался на своего главного технологического авторитета:

— Илон говорил мне, что никто не сможет отличить. Брокман ответил, что сам искусственный интеллект может помочь распознавать дипфейки. — Человек сам разницы не заметит, — сказал он. — Но если у вас есть достаточно умный ИИ, он может помочь.

— О, вот это интересно, — сказал Трамп.

Брокман добавил, что криптографические подписи также могут помогать определять, настоящие ли изображение или видео.

Трамп спросил, как они вообще оценивают риски и каким образом собираются добиться того, чтобы польза искусственного интеллекта превосходила возможный вред. Брокман ответил, что компания одновременно пытается снижать риски и двигать инновации вперед.

Затем он показал Трампу «голосовой режим» ChatGPT, позволяющий диктовать команды телефону. Трамп пришел в восторг. Они начали задавать ChatGPT вопросы об истории его отелей. Затем Трамп спросил, может ли система улучшить один из его постов в Truth Social. У него был распечатанный на листе бумаги черновик публикации. Лайткап сфотографировал его, изображение загрузили в ChatGPT — и на экране появилась «улучшенная» версия.

Брокман объяснил Трампу, как работает генерация изображений. Тогда губернатор Северной Дакоты Даг Бергам, организовавший встречу и также находившийся в комнате, попросил ChatGPT создать изображение блондинки верхом на фризской лошади — именно эту породу предпочитала его светловолосая жена. К этому моменту Брокман уже сидел рядом с Трампом в конце стола, а все помощники кандидата столпились вокруг, наблюдая, как он вводит команды в ноутбук. Система создала блондинку именно на лошади нужной породы. — Ух ты, — сказал Трамп. — Это прямо очень-очень детально.

Брокман рассказал, что пользователи ChatGPT набирают огромное количество просмотров благодаря генератору изображений, и предложил Трампу самому попробовать. — О, обязательно, — ответил Трамп.

Вскоре его лента в Truth Social действительно превратится в настоящий склад ИИ-контента. Трамп был покорен.

Встреча должна была длиться всего 15 минут, но продлилась еще на 20: технология настолько его захватила, что он не хотел заканчивать. В финале разговор перешел к идее запустить для центров обработки данных нечто вроде **Operation Warp Speed** — программы первой администрации Трампа, созданной в 2020 году для ускоренной разработки вакцины против Covid. Встреча заняла всего 35 минут.

Но в свете того, что произойдет позднее, эти полчаса, несомненно, войдут в число самых значимых получасов в истории искусственного интеллекта. Став президентом, Трамп отбросит прежние опасения относительно бесконтрольного развития ИИ и резко уведет Америку в сторону от осторожной регуляторной политики администрации Байдена. Его заворожили владельцы этого нового мира. Особенно миллиардер и интернет-инвестор Дэвид Сакс, донор кампании и друг Илона Маска, которого Трамп назначил председателем Президентского совета советников по науке и технологиям, а также Дженсен Хуанг — основатель производителя микросхем Nvidia, ставшей самой дорогой компанией мира.

II

Первый президентский срок Трамп провел, постоянно говоря об угольных шахтах и сталелитейных заводах. Но стало мучительно очевидно: эти отрасли уже никогда не вернут себе прежней мощи. Когда начался его второй срок, компании, связанные с искусственным интеллектом, господствовали на фондовом рынке. И если Трамп хотел заставить экономику работать на максимальных оборотах, лучшего топлива для этого огня было трудно придумать. Он решил оседлать революцию ИИ — с ее ненасытным спросом на электроэнергию и строительство центров обработки данных — и использовать ее, чтобы вернуть времена бурного роста американской промышленности. А значит, руководители самых передовых ИИ-компаний стали в его глазах важнейшими корпоративными фигурами страны.

И никто не был важнее Дженсена Хуанга — человека, о котором во время первого срока Трамп вообще ничего не знал. Тогда Хуанг практически не присутствовал в Вашингтоне. Лоббированием не занимался. На предвыборные кампании денег не давал. Это был выдающийся инженер, почти не интересовавшийся политикой. Когда администрация Байдена начала вводить жесткие и сложные

ограничения на продажу микросхем, Хуангу пришлось обратить внимание на Вашингтон. Но даже тогда он участвовал в политических играх гораздо меньше многих конкурентов. Он даже не приехал на вторую инаугурацию Трампа.

Позднее Трамп вспоминал момент, когда впервые услышал о нем: — Кто, черт возьми, этот парень? Как его зовут? Мне говорят: Дженсен Хуанг из Nvidia. Я спрашиваю: «А что, черт возьми, такое Nvidia?» Дженсен Хуанг стал одним из сооснователей Nvidia в 1993 году. Компания начиналась как небольшой стартап по производству графических процессоров и в первое десятилетие едва не обанкротилась. Хуанг — в кожаной куртке, с густой серебристой шевелюрой — производил яркое впечатление. Даже по меркам Кремниевой долины его отличала почти беспощадная целеустремленность. Он руководил Nvidia 30 лет, задавая компании изнурительный темп и поставив ее будущее на тогда еще недоказанную идею: графические процессоры способны стать чем-то намного большим, чем просто микросхемы для компьютерных игр.

Когда исследователи искусственного интеллекта обнаружили, что нейронные сети можно обучать на GPU Nvidia намного быстрее, чем на традиционных процессорах, технология, прежде казавшаяся почти экспериментальной, стала фундаментом современного ИИ. К 2025 году Nvidia контролировала более 80 процентов мирового рынка микросхем, необходимых для обучения самых передовых моделей искусственного интеллекта. Хуанг создал нечто близкое к монополии на самую мощную новую технологию планеты.

Но теперь, когда государственное регулирование всё сильнее сдавливало его отрасль, избегать Вашингтона больше было нельзя.

Посредством экспортных ограничений Трамп мог как невероятно помочь Nvidia, так и нанести ей колоссальный ущерб. Хуангу нужно было убедить президента, что Nvidia должна иметь возможность продавать свои микросхемы по всему миру. Вашингтонские «ястребы» в сфере национальной безопасности предупреждали: нельзя делать ничего, что помогло бы врагам Америки наращивать технологические возможности. Хуанг понимал: ему необходимо развернуть политику администрации в противоположную сторону.

А для этого требовались личные отношения с Трампом. 4 апреля 2025 года Дженсен и его жена Лори прибыли в Мар-а-Лаго на ужин при свечах с президентом и группой доноров из технологической и криптовалютной отраслей. Хуанг заинтересовал Трампа. И чем больше президент узнавал о нем, тем сильнее впечатлялся. Трампу постоянно повторяли: новый мир искусственного интеллекта почти целиком зависит от компании этого человека. Говоря языком Трампа, Хуанг был **«горячим»**.

Позже президент скажет ему: — Дженсен, ты захватываешь мир. Но Трамп увидел в Хуанге и другое. Президент, мечтавший заключать для Америки грандиозные сделки, постоянно искал рычаги влияния — что именно есть у США такого, чего отчаянно хотят иностранные лидеры?

Такие сторонники жесткой линии против Китая в движении MAGA, как Стив Бэннон, требовали полностью запретить продажу микросхем Китаю. Но Сакс и Хуанг убеждали Трампа в обратном. По их мнению, Nvidia следовало продавать чипы как можно большему числу стран, сохраняя тем самым центральное положение американской компании во всей мировой экосистеме ИИ. Пусть лучше мир зависит от американских технологий, говорили они, чем от китайских. Трампа ошеломляли называемые ими цифры. Речь шла уже не о миллиардах, а о триллионах долларов новых инвестиций. Он быстро понял: гигантский инвестиционный бум, вызванный строительством заводов по производству микросхем и центров обработки данных, способен запустить промышленное возрождение США и поддержать в остальном довольно шаткую экономику.

Трамп не отменил все ограничения Байдена. Nvidia по-прежнему запрещалось продавать Китаю самые передовые процессоры. Но в остальном он предоставил индустрии ИИ почти полную свободу действий. Это была одна из крупнейших ставок его президентства. Чипы Nvidia хотели все.

Особенно богатые энергоресурсами государства Персидского залива, мечтавшие превратиться в глобальные центры искусственного интеллекта. В мае 2025 года Хуанг присоединился к свите Трампа во время поездки по Ближнему Востоку. Там президент объявил о крупных соглашениях с Объединенными Арабскими Эмиратами и Саудовской Аравией на приобретение продукции Nvidia. Хуанг давал Трампу то, чего тот жаждал больше всего: громкие заголовки, укреплявшие образ президента — великого мастера сделок.

— У Америки есть уникальное преимущество, которого не может быть ни у одной другой страны, — президент Трамп, — скажет Хуанг в июле. Он пообещал, что Nvidia инвестирует 500 миллиардов долларов в американское производство. Цифра идеально подходила для заголовков: вот президент, который приводит в страну деньги и рабочие места.

Для человека, постоянно ведущего счет, как Трамп, Хуанг был своего рода Томом Брэди из рейтинга Fortune 500. Дело было не только в том, что личное состояние Хуанга составляло около 150 миллиардов долларов. Он контролировал самую дорогую компанию мира, капитализация которой, казалось, прибавляла еще по триллиону всякий раз, когда Трамп — сам владевший ее акциями — проверял котировки.

В разгар торговой войны в апреле Трамп первоначально ужесточил ограничения на продажи в Китай. Но позднее пошел назад и разрешил продавать две разновидности более старых процессоров Nvidia в рамках чрезвычайно необычной схемы: американское правительство должно было получать сначала 15, а затем 25 процентов от всех продаж этих микросхем Китаю. Подобная конструкция вызвала юридические вопросы. Возникло и более тревожное сомнение: не получается ли, что национальную безопасность США можно попросту купить за подходящую цену? Но Трамп, судя по всему, совершенно не беспокоился.

Хуанг тоже казался весьма спокойным относительно рисков попадания американских технологий в Китай. Сотрудники разведывательного сообщества США опасались, что он, в лучшем случае, чрезмерно наивен и беспечен в отношениях с китайцами. Хуанг поддерживал тесные связи с руководителями компаний и местными властями КНР и сумел переиграть сторонников жесткой линии против Пекина внутри администрации Трампа, добиваясь возможности продавать Китаю больше высокопроизводительных микросхем. Революцию искусственного интеллекта он представлял как безусловное благо для человечества. Прогнозы о массовой безработице называл мрачными пророчествами людей, не понимающих, о чем говорят. Он отмахивался и от опасений, что ИИ-системы могут создавать смертоносное биологическое оружие или неконтролируемые автономные беспилотники.

После изменения политики спор о продаже чипов Китаю стал отчасти теоретическим: сама Компартия Китая начала создавать препятствия китайским компаниям, желавшим покупать продукцию Nvidia. Но сотрудники администрации Трампа в частных разговорах поражались тому, насколько сильным влиянием на президента обладал Хуанг.

Сближение Трампа и Хуанга сформировало политику администрации, в которой скептиков в отношении искусственного интеллекта фактически отодвинули в сторону. Страна ринулась вперед — к ускоренному развитию ИИ, инновациям и экономическому росту. Такие компании, как Meta, согласились строить в США гигантские центры обработки данных, обещая тысячи рабочих мест и неисчислимый экономический эффект. А проповедники новой политики внутри администрации — например, технологический инвестор Дэвид Сакс — представляли ее как новый великий рубеж Америки, сопоставимый с космической программой президента Джона Кеннеди в 1960-е годы.

III

Но была одна группа, которая совершенно не спешила верить всем этим радужным обещаниям. Собственное движение Трампа — MAGA.

Убедить сторонников MAGA в том, что властители Big Tech — которых еще совсем недавно крайне правые считали либеральными цензорами, намеренными уничтожить Америку, — на самом деле являются патриотами, заботящимися о благе страны, оказалось гораздо сложнее, чем Трамп, возможно, предполагал. Помимо всего прочего, руководители технологических гигантов выступали за приток высококвалифицированных иммигрантов и визы H-1B, ненавистные значительной части правых. Сенаторы-республиканцы заблокировали поддерживаемую администрацией попытку вставить в «Большой прекрасный законопроект» положение, которое запретило бы штатам регулировать искусственный интеллект на протяжении десяти лет. Такие сенаторы, как Джош Хоули от Миссури, опасались последствий. Что произойдет, если штатам запретят принимать законы для защиты детей? Или защищать профессии, которым угрожает вытеснение искусственным интеллектом? На уровне штатов сопротивление возглавляли республиканские губернаторы, среди них Сара Хакаби Сандерс в Арканзасе и Рон Десантис во Флориде.

Трамп ответил, что всё равно сделает это — президентским указом. Влиятельные фигуры MAGA предупреждали о появлении опасного нового оружия, способного мыслить самостоятельно, и о риске того, что искусственный интеллект оставит без работы миллионы американцев. Такер Карлсон выпустил почти двухчасовой подкаст, в котором демонизировал ИИ, проводил параллели с оккультизмом и рассуждал, каким образом искусственный интеллект может быть связан со «знаком зверя» из библейского Откровения. Стив Бэннон в своей программе *War Room* объявил ИИ: — самой опасной технологией в истории человечества. Появлялись явные признаки того, что революция искусственного интеллекта создает новый раскол внутри электоральной базы Трампа.

Еще летом президент опубликовал «план действий» в области ИИ, который фактически представлял собой список пожеланий технологической индустрии. Он отменил прежний указ Байдена, обязывавший разработчиков искусственного интеллекта сообщать правительству о моделях, способных угрожать общественному здоровью, экономике или национальной безопасности. Трамп также уже отменил введенные Байденом по соображениям безопасности ограничения на экспорт передовых американских микросхем в зарубежные центры обработки данных. Теперь новый план требовал мобилизации всего государственного аппарата для ускорения развития искусственного интеллекта — и гигантского строительства инфраструктуры, необходимой для него.

Вскоре американское правительство должно было получать не только 25 процентов от продаж некоторых чипов Nvidia Китаю. В августе Трамп надавил на еще одного полупроводникового гиганта — Intel — и потребовал 10-процентную долю в компании. Это превратило бы государство в крупнейшего акционера Intel. А началось всё с нескольких атак президента в собственной социальной сети.

IV

11 августа генеральный директор Intel Лип-Бу Тан сел в Овальном кабинете рядом с министром торговли Говардом Лютником, напротив президента Трампа. Тан попросил о встрече практически без предупреждения.

Ситуация была чрезвычайной. В предыдущий четверг, в 7:39 утра, Трамп разместил в Truth Social сообщение, которое потрясло и Тана, и всё руководство Intel:

«Генеральный директор INTEL находится в глубочайшем КОНФЛИКТЕ ИНТЕРЕСОВ и должен уйти в отставку немедленно. Другого решения этой проблемы нет. Благодарю за внимание к этому вопросу!» Публикация заставила и Уолл-стрит, и Кремниевую долину лихорадочно искать ответы.

Американские президенты обычно не вмешивались настолько прямо в советы директоров частных корпораций. Тем более президент-республиканец — представитель партии, которая когда-то относилась к свободному рыночному капитализму почти как к святыне. Еще сильнее поражало то, что требование Трампа возникло словно из ниоткуда. Президент прежде не говорил сотрудникам, что собирается

добиваться смены руководителя Intel. Никаких совещаний по этому вопросу не проводилось. А теперь акции Intel, которые и без того находились в упадке, после поста Трампа упали еще на 3 процента.

Встревоженные чиновники администрации начали искать виноватого. Некоторые указывали на сенатора от Арканзаса Тома Коттона, предполагая, что тот позвонил Трампу и настроил президента против Intel. Предположение выглядело логичным. За два дня до публикации Трампа Коттон направил председателю совета директоров Intel Фрэнку Йери письмо, где выразил обеспокоенность связями Лип-Бу Тана с Китаем.

Но версия оказалась неверной. Коттон всего лишь отправил в совет директоров Intel обычное сенаторское письмо с вопросами. С Трампом об Intel он до президентского поста вообще не разговаривал. Сам Коттон удивился публикации не меньше остальных. Причины для беспокойства у него действительно были.

В прессе сообщалось, что Тан инвестировал в компании, связанные с китайскими вооруженными силами. А компания Cadence Design Systems, которой Тан руководил прежде, признала себя виновной в незаконной продаже технологий проектирования микросхем китайскому военному университету. Но Коттон пока лишь собирал факты. Никаких окончательных выводов он не делал. И уж тем более не требовал увольнения Тана. Он лишь отправил Йери список вопросов.

Постепенно выяснилось, откуда на самом деле взялось президентское требование об отставке. В то утро Трамп смотрел телевизор. Передачу *Mornings with Maria* на Fox Business. Ведущая Мария Бартиромо, знакомая президента, показала сюжет о письме Коттона руководству Intel. Через пять минут Трамп разместил сообщение в Truth Social. Сюжета Бартиромо оказалось вполне достаточно. Телефон Лип-Бу Тана начал звонить еще до пяти утра по местному времени — он находился на западном побережье. К моменту, когда проснулась большая часть Америки, недавно назначенный генеральный директор Intel уже столкнулся с требованием президента США уйти в отставку.

На должности он находился всего пять месяцев. И занял ее вовсе не потому, что нуждался в работе. Тан был миллиардером, сделавшим себя сам. Венчурным инвестором, за плечами которого было почти 200 успешных инвестиций в компании, впоследствии вышедшие на биржу, и знаменитое спасение Cadence Design Systems. Друзья предупреждали его не соглашаться на Intel. — У тебя потрясающий послужной список, потрясающая репутация, — вспоминал Тан слова одного из них. — Люди запоминают только последнюю работу. Не делай этого. Но Тан считал Intel стратегическим активом национальной инфраструктуры.

Это была единственная американская компания, способная вести исследования и разработки в области самых передовых микросхем и одновременно производить их на территории США. Тан чувствовал, что обязан хотя бы попытаться спасти Intel перед уходом на пенсию. Миссия и без того казалась почти непосильной.

Нужно было вытащить компанию, которая в самый неподходящий момент безнадежно отстала от других производителей чипов — именно на заре революции искусственного интеллекта, требующей бесконечного потока микросхем. А теперь под вопросом оказалось еще и будущее самого Тана. Он отреагировал так, как, по его словам, реагировал на любой кризис: как инженер, перед которым поставлена задача, требующая решения. Сохранил обычный распорядок дня. Плавание.

Тренажерный зал. А затем начал искать выход. Зная, что Трамп часто устанавливает хорошие личные отношения с руководителями крупных компаний, Тан связался со Сьюзи Уайлс и Говардом Лютником и попросил встречи с президентом. Трамп согласился. Встречу назначили на следующий понедельник. Сначала Тан встретился с Лютником в Министерстве торговли — своеобразное предварительное совещание перед походом в Овальный кабинет.

Лютник смотрел на ситуацию без сантиментов. Он считал, что Intel серьезно сбилась с пути. Но ему также казалось бессмысленным, что в соответствии с Законом о CHIPS и науке, подписанным Байденом в 2022 году, правительство США должно просто отдать 11 миллиардов долларов грантов компании

стоимостью около 100 миллиардов — лишь в качестве стимула производить полупроводники в Америке. Несколько месяцев Лютник размышлял, что вообще делать с Intel. В частных разговорах с коллегами и ведущими руководителями технологической отрасли он обсуждал, не стоит ли разделить компанию или организовать ее спасение.

Своим знакомым он описывал это как создание: **«консорциума великих американских компаний»**. Лютник был убежден: в интересах национальной безопасности Америке необходим собственный производитель микросхем мирового класса. Но если государство что-то делает для Intel, говорил он, американские налогоплательщики должны получить в ответ нечто осязаемое. Тан готовился к встрече все выходные и пришел с четким планом.

Он рассказал Трампу, что родился в Малайзии, вырос в Сингапуре, 47 лет назад приехал учиться в MIT и с тех пор является гражданином США. Иммигрант, выбравший Америку, добившийся успеха в ее технологическом секторе и финансировавший инновации через венчурный капитал. Он рассказал, как превратил свою прежнюю компанию Cadence Design Systems в выдающийся успех, более чем удвоив ее выручку.

А теперь собирался проделать то же самое с Intel. Ему просто требовалось время, чтобы реализовать план оздоровления. Подготовка сработала.

Тан произвел на Трампа впечатление не китайского шпиона, а убежденного американского патриота. Трамп задавал довольно простые вопросы: — Как Nvidia сумела настолько обогнать Intel? — Как вы собираетесь вернуть компанию? — Что вам для этого нужно?

— Сколько времени потребуется? Тан ответил: два года.

Когда разговор перешел к его связям с Китаем, Тан сказал, что сам был потрясен, узнав о незаконной продаже Cadence программного обеспечения для проектирования микросхем китайским военным. Он был генеральным директором в тот период, но, по его словам, ничего об этом не знал. Продажи были сравнительно небольшими и осуществлялись через азиатское подразделение. Тан апеллировал к Трампу как к другому руководителю огромной организации: тот должен понимать, насколько сложно отслеживать абсолютно всё, что происходит внутри большой компании.

Тан убедил Трампа, что китайским шпионом не является. Но просто так уйти от проблемы оказалось невозможно.

— Я могу вылечить вашу проблему, — сказал ему Трамп. — Я решу вашу проблему. Но вы должны отдать стране 10 процентов Intel. Момент был поразительным.

Президент Соединенных Штатов прямо говорил генеральному директору Intel, что хочет получить долю в его компании. Даже по меркам Трампа это был чрезвычайно агрессивный шаг. Тану не понадобилось много времени, чтобы понять: если он откажет президенту, серьезные проблемы возникнут и у него лично, и у Intel.

— Я мог бы это поддержать, — ответил Тан.

В последующие дни руководство Intel и представители администрации начали согласовывать конкретные условия. А через 11 дней после встречи администрация Трампа объявила о соглашении, которое одинаково потрясло корпоративную Америку и ужаснуло консерваторов — сторонников свободного рынка. По условиям сделки правительство США получало 10-процентную долю в Intel в обмен примерно на 8,9 миллиарда долларов ускоренного финансирования по Закону CHIPS. Речь шла о грантах, которые Intel уже были обещаны. Однако при администрации Трампа получение этих денег стало весьма сомнительным — несмотря на то что компания уже выполнила ключевые условия программы и вложила миллиарды долларов в производство на территории США.

С точки зрения Intel, компания обменяла часть собственности на определенность: ненадежное обещание превратилось в гарантированный капитал. Но соотношение сил было очевидным. Действующий президент фактически заставил публичную компанию передать государству крупный пакет акций в качестве цены за получение денег, которые она, возможно, уже имела право получить.

Спустя несколько месяцев Трамп будет вспоминать этот эпизод: — Надо было попросить больше. Это было так легко.

Но сделка поражала еще по одной причине. Сотрудники американской разведки, наблюдавшие за происходящим, испытали настоящий шок от резкой смены курса. Подобно Тому Коттону, многие представители разведывательного сообщества действительно испытывали серьезные опасения по поводу того, что человек с столь глубокими связями с Китаем занимает стратегически важную должность. А теперь они меньше чем за месяц увидели, как президент сначала потребовал убрать Тана с поста, а затем развернулся на 180 градусов и полностью его поддержал. И всё это — без какого-либо процесса, хотя бы отдаленно напоминающего серьезное расследование или выработку государственной политики.

Но сделка состоялась. И к осени первого года Трампа после возвращения в Белый дом технологические гиганты чувствовали себя великолепно.

Intel получила шанс выжить и продолжить борьбу. После того как государство приобрело 10 процентов компании, нашлись и другие желающие вложиться в новую Intel — теперь уже Intel, поддержанную Трампом. Через месяц после сделки Nvidia объявила, что приобретет акции Intel на 5 миллиардов долларов, получив примерно 4 процента своего конкурента. Затем Nvidia и Intel сообщили, что будут совместно разрабатывать и производить новые специализированные микросхемы.

У Дженсена Хуанга тем временем были буквально триллионы причин быть довольным президентством Трампа. В октябре Nvidia станет первой компанией в истории, чья рыночная капитализация достигнет 5 триллионов долларов.

Президент Трамп, заявил Хуанг, **«полностью изменил правила игры»** в искусственном интеллекте. И спорить с этим было трудно.

Часть III
ВРАГ ВНУТРИ

Утром во вторник, 5 августа, Дональд Трамп сидел в Овальном кабинете за столом, заваленным стопками бумаг. Напротив расположились Стивен Миллер, Пэм Бонди и Кэш Патель. По комнате были рассредоточены и другие помощники. У двери, как всегда, находилась вездесущая Натали Харп — ноутбук наготове. Они собрались обсудить целую серию предстоящих президентских указов, многие из которых возникли из масштабных внутривластных проектов Миллера. Внезапно Миллер повернулся и перевел разговор на другую тему, занимавшую его мысли.

На то, что произошло в Вашингтоне рано утром в воскресенье. — На одного из наших напала целая толпа отморожков и подростков, — сказал Миллер Трампу. Речь шла о 19-летнем сотруднике DOGE Эдварде Користайне, которого ранним утром 3 августа жестоко избили неподалеку от Дюпон-Серкл. Полиция описывала случившееся как сорванную попытку угона автомобиля, в которой участвовали Користайн и его девушка.

Миллер рассказал Трампу, что юноша пытался защитить ее: затолкнул девушку в машину, а сам принял основной удар нападавших. В телефоне Миллера были фотографии после нападения. Их прислала его жена Кэти, которая тогда работала в хАI Илона Маска. Користайн был одним из сотен молодых технологических специалистов, привлеченных Маском в DOGE. На фотографиях юноша выглядел оглушенным. Рубашка была сорвана. Торс и белые брюки залиты кровью. Миллер называл его «Эдвардом», но упомянул и прозвище, под которым Користайна лучше знали в социальных сетях и администрации:

Big Balls — «Большие яйца». Трамп сразу понял, о ком идет речь. После самого Маска Big Balls стал самой знаменитой фигурой DOGE.

Прозвище при этом совершенно не соответствовало внешности тощего как щепка молодого айтишника. Трамп посмотрел на фотографии в телефоне Миллера.

— Ух ты, — сказал он. — Его реально избили. Кто это сделал?

— По городу ходит много молодых членов банд. Они угрожают случайным людям на улицах и нападают на них, — ответил Миллер. — Ух ты, — снова сказал Трамп. — Город совсем вышел из-под контроля. Президент тут же предложил отправить Користайна на телевидение, чтобы тот рассказал о нападении. — Мы можем вывести его на ТВ, правда? Кто-то предложил *Fox & Friends*.

Миллер сказал, что надо сначала уточнить у Big Balls. А затем перешел к главному. У него уже был готов проект президентского указа, написанный несколькими месяцами ранее по распоряжению самого Трампа. По сути речь шла о захвате контроля над Вашингтоном: войска Национальной гвардии должны были защищать федеральные объекты. Развертывание войск демонстрировало бы господство федеральной власти над столицей — идея, к которой Трамп стремился еще с первого срока. Бонди поддержала Миллера, заметив, что улицы Вашингтона действительно стали весьма опасными.

Трамп одобрил идею прямо на месте. — Давайте постараемся сделать это быстро, — сказал он Миллеру, отправляя того завершать работу над указом. — Нужно разобраться с этой ситуацией. Здесь слишком опасно. И добавил: — Особенно для наших людей.

II

Вступая во второй президентский срок, Трамп ясно дал помощникам понять: он хочет видеть военных на улицах городов, которыми управляют демократы и которые он много лет называл рассадниками преступности. Еще в 1990 году, в одной брошенной вскользь фразе во время интервью *Playboy*, Трамп превознес силу как важнейшее качество в любых обстоятельствах, похвалив китайское правительство за кровавое подавление протестов за права человека на площади Тяньаньмэнь годом ранее. Администрация президента Джорджа Буша-старшего жестко осудила насилие. По данным китайских властей, тогда

погибли 241 человек. Правозащитные организации оценивали число погибших более чем в 2 тысячи. Но Трампа впечатлило применение силы. Он выгодно сравнивал Китай с тем, как советский президент Михаил Горбачев реагировал на волнения в тот же период.

— Россия вышла из-под контроля, и руководство это знает. Вот моя проблема с Горбачевым: недостаточно твердая рука, — говорил Трамп *Playboy*. Когда журналист уточнил, имеет ли он в виду «твердую руку, как в Китае», Трамп ответил: — Когда студенты хлынули на площадь Тяньаньмэнь, китайское правительство почти всё упустило. Потом они проявили жестокость, они были ужасны, но подавили всё силой. Вот вам сила силы. А нашу страну сейчас воспринимают как слабую.

В 1993 году мэр Вашингтона Шэрон Пратт Келли попросила президента Клинтона разрешить призвать Национальную гвардию для борьбы с преступностью. Клинтон отказал. Большинство мэров крупных городов считали использование Национальной гвардии для таких целей поразительно плохой идеей. Но одному человеку предложение очень понравилось. — Лично я в восторге, — заявил тогда Трамп на форуме бизнесменов и выборных чиновников.

Примерно 30 лет спустя, незадолго до объявления своей кампании 2024 года, он уже открыто говорил, что хочет использовать войска для подавления преступности по всей стране.

— Там, где произошло настоящее разрушение правопорядка — например, в самых опасных районах Чикаго, — следующий президент должен использовать все имеющиеся у него полномочия, чтобы восстановить порядок. И если понадобится — это включает ввод Национальной гвардии или войск, — сказал Трамп в августе 2022 года. Но никто в его окружении не отстаивал ввод войск в американские города столь настойчиво, как Стивен Миллер.

Еще во время первого срока Миллер постоянно и чрезвычайно агрессивно требовал использовать военных: либо для пресечения незаконного пересечения южной границы, либо во время общенациональных беспорядков, последовавших за убийством Джорджа Флойда в Миннеаполисе в 2020 году. С самого начала в Миллере присутствовало стремление к авторитарному правлению, прекрасно совпадавшее с инстинктами Трампа.

Он считал, что судьи, журналисты, активисты — вообще все, кто оспаривал полномочия президента, — попросту неправы. Но в первый срок Миллер оставался сравнительно неопытным чиновником, и военное руководство Трампа легко отмахивалось от него. Спор о вводе войск достиг кульминации во время протестов после убийства Джорджа Флойда.

В воскресенье, 31 мая 2020 года, протестующие устроили пожар в подвале исторической Епископальной церкви Святого Иоанна по другую сторону площади Лафайет от Белого дома. Ее называли **Церковью президентов**. Огонь быстро потушили. Но пожар стал символом ощущения, что центр федеральной власти вышел из-под контроля. На следующий день Трамп обрушился на министра обороны Марка Эспера и генерального прокурора Уильяма Барра, когда те выступили против его требования использовать федеральные войска для подавления протестов.

Оба наблюдали, как раскрасневшийся Трамп устроил то, что Барр впоследствии назовет «истерикой», возмущаясь их неспособностью остановить демонстрации. — Мы выглядим слабыми! — кричал Трамп, вспоминал позднее Эспер. — Страна выглядит слабой! Затем пустил в ход одно из любимых оскорблений: — Вы неудачники! И еще жестче:

— Вы все, блядь, неудачники! Разойдясь окончательно, Трамп спросил лично назначенного им председателя Объединенного комитета начальников штабов генерала Марка Милли, почему против протестующих нельзя применить насилие. — А нельзя просто стрелять в них? Ну, стрелять по ногам или куда-нибудь, — спросил Трамп. Присутствующие были потрясены. Желание Трампа использовать армию не исчезло и по мере продолжения протестов тем летом.

Он снова и снова требовал от Барра действовать жестче. Трамп был буквально очарован идеей военного устрашения и намеревался сломать сопротивление применению войск против протестующих. К возвращению в Белый дом он подготовился гораздо лучше.

В Центре обновления Америки, которым руководил Расс Воут, в начале 2023 года один сотрудник разослал письмо с перечнем политических инициатив, которые организации следовало разработать. Отдельная группа называлась: «идеи первого дня». В списке значилось: «**Мятеж — остановить беспорядки — День 1, легко**». Речь шла о Законе о восстании и содержащихся в нем исключениях, позволяющих президенту обойти общий запрет на использование армии для внутреннего поддержания правопорядка.

С первых дней второго срока Трампа Стивен Миллер искал способы превратить эти идеи в практику. Уже через несколько недель он разработал предложение использовать Национальную гвардию на добровольной основе для помощи ICE во всех 50 штатах — в рамках программы администрации по проведению крупнейшей массовой депортации в истории страны. Когда неизбежно возник вопрос, кто всё это будет оплачивать, Миллер ответил: деньги возьмут из бюджета Министерства обороны.

Кроме того, он был полон решимости вернуть еще одну идею первого срока: федеральный захват Вашингтона. Определенная подготовка уже существовала. Во время протестов 2020 года советники Трампа разработали проект указа о применении Закона о восстании. Документ вступил бы в силу, если бы мэру Вашингтона Мюриэл Баузер не удалось взять беспорядки под контроль. В результате указ так и остался лежать на полке.

Во втором сроке Сьюзи Уайлс и другие помощники, напротив, старались сотрудничать с Баузер, а не постоянно усиливать конфронтацию. Еще во время переходного периода Уайлс помогла организовать ее встречу с Трампом в Мар-а-Лаго после того, как мэр сама попросила о разговоре. Так начался постоянный обмен между мэром-демократом и главой аппарата Дональда Трампа.

Но Стивена Миллера никакая разрядка не интересовала. Он просто ждал подходящего момента для удара. И нападение на Big Balls дало ему идеальное оправдание для осуществления давней мечты.

III

Путь к агрессивному использованию вооруженных сил в американских городах значительно облегчила новая и необычайно покорная президенту пара: генеральный прокурор и министр обороны — или, как Трамп вскоре начнет его называть, **министр войны**. Пэм Бонди восемь лет занимала пост генерального прокурора Флориды и прекрасно разбиралась в правоохранительной системе.

Но ее считали почти таким же оппортунистом, как самого Трампа. Пит Хегсет, бывший ведущий Fox News и ветеран боевых действий, которого многие сенаторы-республиканцы в частных разговорах считали совершенно неподготовленным к руководству Пентагоном, никогда не управлял крупной организацией. Не говоря уже о самых мощных вооруженных силах мира. Объединяло их одно: почти безоговорочная готовность следовать инстинктам президента. И ни один не был склонен сопротивляться Стивену Миллеру. Однако первое сражение администрации Трампа с крупнейшими американскими городами произойдет не в Вашингтоне. А в Лос-Анджелесе. Рано утром в пятницу, 6 июня, федеральные службы начали серию рейдов по поиску нелегальных иммигрантов в Лос-Анджелесе.

Агенты в масках наводнили парковки возле Home Depot, автомойки, швейную компанию в центре Лос-Анджелеса, в районе Fashion District, и другие места работы. Вскоре руководство операцией перейдет к командиру Пограничного патруля Грегу Бовино. Невысокий Бовино говорил, что выбрать профессию его когда-то вдохновил криминальный триллер 1982 года *The Border* с Джеком Николсоном. Он сознательно выстраивал вокруг себя агрессивный образ: издевался над критиками в социальных сетях, а на одной из фотографий профиля позировал с штурмовой винтовкой. Во время операции в Лос-Анджелесе его показная бравада проявилась в полной мере. — Мы не собираемся ударить по одному месту, — сказал Бовино Associated Press. — Мы ударим по максимально возможному числу точек. По всему — по всему — Лос-Анджелесу. Закончили здесь — сразу мчимся к следующей цели, потом к следующей, следующей и следующей. И не остановимся. Не остановимся, пока здесь не исчезнет проблема. Вместе с одним из подразделений ICE находился и телеведущий доктор Фил Макгроу. Это

лишний раз подчеркивало, какое огромное значение администрация придавала публичному спектаклю вокруг силовых операций.

Начались уличные протесты. Поначалу они ограничивались небольшой частью города, но постепенно становились всё более жестокими. Сотрудники ICE в экипировке для подавления беспорядков вступали в столкновения с протестующими. В полицейскую машину с моста бросали куски бетона. Магазины подвергались разграблению. В мусорных контейнерах вспыхивали пожары. Эти кадры круглосуточно показывали кабельные телеканалы. В миниатюре Америка снова увидела картины беспорядков 2020 года.

Именно под тенью этих воспоминаний на следующий день Трамп объявил, что вводит Национальную гвардию — без согласия губернатора Калифорнии Гэвина Ньюсома. Применение Национальной гвардии вопреки воле губернатора было чрезвычайно редким явлением в истории США. Последние подобные случаи XX века были связаны с тем, что президенты использовали федеральную власть для защиты недавно предоставленных гражданских прав в сегрегированном американском Юге. Стивен Миллер требовал пойти еще дальше и задействовать Закон о восстании. Это позволило бы президенту использовать войска для широких правоохранительных задач и подавления гражданских беспорядков. Но другие чиновники воспротивились. Тем не менее мало кто — если вообще кто-то — в окружении Трампа выступал против самого ввода Национальной гвардии. Большинство членов новой команды президента считали, что в первый срок правительство слишком долго бездействовало и позволило насилию чрезмерно разрастись в либеральных городах после смерти Джорджа Флойда.

Вечером накануне решения о вводе гвардии Сьюзи Уайлс написала Ньюсому. Отношения между ним и Трампом всегда отличались странной смесью неприязни и внезапной дружелюбности. Уайлс сообщила, что федеральным агентам нужна помощь полиции Лос-Анджелеса. Ньюсом ответил, что возникает риск опасного столкновения, однако подчеркнул: накануне выходных ситуация находится под его контролем. Переписка почти никак не изменила дальнейший ход событий.

Было немногим больше часа ночи в субботу, 7 июня, когда Трамп поговорил с Ньюсомом — незадолго до того, как окончательно разрешил ввод Национальной гвардии. Но Трампа интересовали вовсе не миграционные рейды. Первым делом он спросил Ньюсома, собирается ли тот баллотироваться в президенты в 2028 году. И пойдет ли на выборы Камала Харрис. Затем Трамп захотел похвалиться придуманным им прозвищем Ньюсома — **Newscum**. И заявил губернатору, что в дебатах 2024 года выступил лучше Харрис. С этим утверждением едва ли согласились бы многие — включая советников собственной кампании Трампа.

В конце концов Ньюсом заставил президента перейти к делу: — Вы собираетесь лишить Калифорнию федерального финансирования? Трамп ответил, что нет. Но само выражение ему понравилось.

На следующий день в Лос-Анджелес прибыли первые 2 тысячи военнослужащих Национальной гвардии. Казалось почти неизбежным, что их появление лишь усилит противостояние между солдатами, которых вовсе не готовили для борьбы с нелегальной миграцией или городской преступностью, и протестующими. Позднее к ним присоединятся еще 2 тысячи нацгвардейцев и 700 действующих морских пехотинцев. В городе Парамаунт, штат Калифорния, в те же выходные Бовино приказал группе агентов: — Арестовывайте сколько хотите людей, если они к вам прикоснутся. Это общие приказы, идущие с самого верха. Любому, кто вас, блядь, тронет, конец. Калифорния подала в суд на администрацию Трампа. Впоследствии судья постановит, что размещение войск нарушило Закон Posse Comitatus 1878 года, запрещающий использовать федеральные вооруженные силы для внутреннего поддержания правопорядка.

В июле военные начали уходить из Лос-Анджелеса. В городе осталось лишь несколько сотен человек. В Иллинойсе советники губернатора Джей Би Прицкера с тревогой наблюдали за происходящим в Лос-Анджелесе. Чиновники штата и без того тратили, по их оценке, 75 процентов времени на судебные

тяжбы с администрацией Трампа. Кроме того, еще до его возвращения в Белый дом они готовились к тому, что президент попытается направить Национальную гвардию и в их штат.

Они были уверены: **следующими будут они**. Но следующей целью Трампа стал Вашингтон — федеральный округ, где президент обладал значительно большей свободой в вопросе вызова Национальной гвардии. И снова наступление возглавил Стивен Миллер. Закон о самоуправлении округа Колумбия позволял федеральному правительству взять под контроль городскую полицию лишь на 30 дней без согласия Конгресса. Но для Миллера даже месячная федеральная оккупация была победой.

Он тесно работал с министром внутренней безопасности Кристи Нозом. Вместе они координировали действия с министром армии, чтобы назначить нового чрезвычайного руководителя полиции Вашингтона.

Трамп утверждал, что весь эксперимент абсолютно необходим. — Наша столица захвачена жестокими бандами и кровавыми преступниками, шайками обезумевшей молодежи, обдолбанными психами и бездомными, — заявил он. При этом уровень насильственной преступности в Вашингтоне уже некоторое время снижался. — И больше мы этого не допустим.

Трамп также говорил, что хочет воспользоваться операцией для ликвидации лагерей бездомных, число которых в Вашингтоне выросло после пандемии. Это наводило на мысль, что операция была направлена не только против преступности, но и на изменение внешнего вида города. Вероятно, Трамп хотел повторить рейды мэра Руди Джулиани конца 1990-х, когда бездомных убирали с улиц Нью-Йорка. Об этом периоде Трамп нередко вспоминал с ностальгией.

Чтобы привлечь максимум внимания к операции, Стивен Миллер, Пит Хегсет и Джей Ди Вэнс решили лично посетить вашингтонский Union Station, где резко выросло число бездомных и были размещены военнослужащие. Вэнс предложил купить бойцам Национальной гвардии обед в Shake Shack. Но в городе, подавляющее большинство жителей которого голосовало за демократов, его встретили криками протестующих. Миллер высмеял их как: — престарелых белых хиппи.

Вэнс назвал: — сумасшедшими. Целью визита и было поиздеваться над критиками. Но Трампа результат не впечатлил. Он дал помощникам понять, что недоволен тем, что Вэнс вообще поставил себя в положение, когда публика могла его освистать.

— Зачем они вообще пошли именно туда, где все эти крики и протесты? Это же так глупо, — возмущался Трамп перед советниками. Но затем дошел до того, что на самом деле его раздражало. Если вокруг операции в Вашингтоне устраивается публичное шоу, в нем должен был участвовать **он сам**. На следующий день Трамп встретился с патрульными полицейскими в Анакостии, на юго-востоке Вашингтона, и раздавал им пиццу. Он снова назвал столицу «городом, вышедшим из-под контроля», хотя статистика показывала обратное.

Трамп настаивал, что власти Вашингтона просто фальсифицируют данные о преступности. Но телевизионная картинка получалась эффектной. А для Белого дома это, похоже, было важнее. Театральность не являлась побочным элементом политики. **Театральность и была политикой**. Постепенно вырисовывалась формула будущих столкновений с городами, которыми управляли демократы. А после событий в Лос-Анджелесе чиновники администрации уже всерьез размышляли над вопросом: что делать, если губернаторы откажутся сами призывать Национальную гвардию?

Каждый президент США одновременно является главнокомандующим вооруженными силами. Но ни один президент со времен Ричарда Никсона, защищавшего себя во время Уотергейта, не объявлял себя главным правоохранителем страны. Трамп станет единственным президентом современной эпохи, который истолкует этот титул буквально: **как право быть главным полицейским Соединенных Штатов**.

IV

На фоне всей жесткости администрации, фактически развернувшей вокруг крупнейших американских городов нечто похожее на полувойсковую кампанию, неожиданное сообщение одной миннесотской газеты пролило свет на разногласия внутри весьма специфического уголка государственного аппарата — по вопросу о том, следует ли вводить войска. И оказалось, что даже для одного из самых непримиримых сторонников Трампа, которому теперь предстояло непосредственно отдавать такие распоряжения, все было далеко не столь однозначно.

3 октября *Minnesota Star Tribune* опубликовала на своем сайте поразительный материал. Заместитель Стивена Миллера в Совете внутренней безопасности Энтони Солсбери во время поездки по Миннесоте переписывался через приложение Signal. По словам газеты, сообщения были видны окружающим — он вел переписку в общественном месте, причем экран находился «на виду у других людей». В результате появились фотографии переписки, которые *Star Tribune* получила и опубликовала. Солсбери переписывался с Патриком Уивером, старшим советником Пита Хегсета.

Уивер передавал опасения Хегсета: президент не дал ему достаточно четких указаний относительно того, следует ли вводить войска в Портленд, штат Орегон, — город, который Миллер и Трамп считали одной из главных своих проблем еще с первого президентского срока. «Между нами говоря, мне кажется, Пит просто хочет прикрытия сверху от босса, если там с войсками что-нибудь пойдет не так», — написал Уивер Солсбери.

Речь шла не о Национальной гвардии, а о действующих военнослужащих 82-й воздушно-десантной дивизии. Сам Хегсет, писал Уивер, предпочитал отправить туда Национальную гвардию. Для администрации, помешанной на борьбе с утечками, эта переписка была очередным примером опасной беспечности — особенно после мартовского скандала Signalgate, когда сам Хегсет по ошибке поделился в Signal крайне чувствительными военными планами.

Но переписка показывала и другое: Хегсет очень хотел получить от главнокомандующего ясный и недвусмысленный приказ. Несколькими днями ранее, в последнюю неделю сентября, Хегсет уже направил в Портленд около двухсот бойцов Национальной гвардии. До этого главным человеком, напрямую давившим на министра и требовавшим введения действующих армейских подразделений, был Миллер. Но Хегсету требовалось больше информации — и гораздо более четкое распоряжение непосредственно от Трампа.

Поэтому в субботу, 27 сентября, президент сам опубликовал в Truth Social сообщение, которое ясностью тоже не отличалось. «Я поручаю военному министру Питу Хегсету предоставить все необходимые войска для защиты разрушенного войной Портленда и любых наших объектов ICE, находящихся в осаде и подвергающихся атакам со стороны Antifa и других внутренних террористов, — написал Трамп. — При необходимости я также разрешаю применение полной силы».

Но что именно это означало, оставалось непонятным. Какие именно войска? И что конкретно они должны были делать?

Трамп продолжал утверждать, что Портленд — город, в котором преобладали белые либеральные избиратели и где местные жители гордились культурой уличного протеста, — буквально «сгорает дотла». Протесты в Портленде действительно происходили, и некоторые столкновения возле объектов ICE перерастали в насилие.

Но они не имели ничего общего с хаосом лета 2020 года, когда федеральное здание суда оказалось фактически в осаде. Позднее федеральный судья навсегда запретит Трампу вводить туда подразделения Национальной гвардии. К моменту событий в Портленде Трамп уже неоднократно угрожал направить Национальную гвардию в крупные города, контролируемые демократами. Администрация почти даже не делала вид, что собирается сперва дать гражданским правоохранительным органам возможность самостоятельно справиться с протестами и лишь потом прибегать к помощи гвардии.

А это серьезно подрывало утверждение, будто речь шла исключительно об экстренных мерах. Губернаторы-демократы заявляли совершенно недвусмысленно: **они не хотели, чтобы Трамп вводил войска в их штаты**. Но войска были лишь частью проблемы. В течение лета и осени действия агентов ICE и сотрудников Пограничной службы, направленных в Лос-Анджелес и Чикаго, становились настолько военизированными, что грань между правоохранительной операцией и вооруженной оккупацией практически исчезла.

В Чикаго — «городе-убежище», где местным властям было запрещено помогать федеральным службам в иммиграционных операциях, — вновь появился Бовино. Сотрудники иммиграционных служб применили химическое средство рядом со школой. Во время операции *Midway Blitz*, начавшейся 8 сентября и направленной против тех, кого администрация называла «нелегальными иностранцами-преступниками», якобы допущенными в Иллинойс, Бовино действовал практически без всяких ограничений.

В ходе одного рейда, которым он руководил в последние часы сентября, сотрудники Пограничной службы атаковали жилой дом в Чикаго, утверждая, что там находятся сотни опасных членов венесуэльской банды. Агенты спустились с вертолета *Black Hawk* по тросам на здание, которое, как утверждалось, якобы захватили члены *Tren de Aragua*. Они переходили из квартиры в квартиру и стягивали пластиковыми хомутами руки жильцов — в том числе граждан США и детей. Министерство внутренней безопасности заявило, что из 37 задержанных двое были членами *Tren de Aragua*, но никаких доказательств так и не представило. По сообщениям прессы, в конечном счете никому из задержанных уголовных обвинений предъявлено не было. Одновременно нарастало применение силы против протестующих. На одной демонстрации сотрудник ICE попал пастору в лицо шариком с перцовым раздражителем.

Во время другой акции сам Бовино бросил в толпу гранату со слезоточивым газом. Позднее Министерство внутренней безопасности заявило, что перед этим в него якобы попали камнем. Однако впоследствии Бовино под присягой признал: **это было неправдой**. Все вопросы о нарастающем чрезмерном применении силы Бовино, ICE и руководство Министерства внутренней безопасности привычно отменяли.

Стивен Миллер публично объявил, что все сотрудники ICE «обладают федеральным иммунитетом при исполнении своих обязанностей» — еще одно предельно широкое заявление о полномочиях, значительно преувеличивавшее реально существующую юридическую защиту агентов. Стремясь как можно быстрее увеличить численность ICE, администрация сократила срок подготовки сотрудников примерно с пяти месяцев до шести-восьми недель. Однако вместо того чтобы признать, что рейды выходят из-под контроля, Министерство внутренней безопасности и Белый дом лишь удвоили ставки. Они выпускали эффектные, профессионально смонтированные пропагандистские ролики, изображавшие Чикаго зоной боевых действий. В одном из таких видео использовали даже кадры операций, которые вообще происходили не в Чикаго.

Отношения Трампа с губернатором Джей Би Прицкером строились почти исключительно на взаимной неприязни. На съезде Демократической партии 2024 года Прицкер высмеял Трампа как человека, который лишь притворяется богатым. После победы на выборах Трамп в телефонном разговоре с одним знакомым отозвался о губернаторе как о «том жирном ублюдке из Иллинойса». И все же Трампа почему-то завораживала совершенно неправдоподобная идея: заставить Прицкера самому позвонить ему и попросить ввести войска. Прицкер, разумеется, не собирался этого делать.

До рейда с вертолетом *Black Hawk* Прицкер и его советники узнали, что Трамп намерен попросить своего союзника, губернатора Техаса Грегга Эбботта, направить подразделения Национальной гвардии Техаса в Иллинойс. Прицкер немедленно предал эти сведения огласке. Он хотел уничтожить фактор внезапности — тот самый элемент, на который рассчитывал Миллер и которым наслаждался Трамп.

Незадолго до пресс-конференции Прицкера Трамп снова заявил, что хочет, чтобы губернатор позвонил ему и сам попросил прислать войска. А затем добавил, что в любом случае введет их — не уточнив когда.

— Нет, я не стану звонить президенту и просить его направить войска в Чикаго, — резко ответил Прицкер. Он назвал требование «безумным», особенно со стороны администрации, которая до этого сама отказывалась сотрудничать. — Я больше не собираюсь участвовать вместе с Дональдом Трампом в его реалити-шоу.

Прицкер призвал протестующих сохранять дисциплину. — Еще до того, как здесь что-либо произошло, мы уже знаем, что план Трампа заключается в том, чтобы использовать любой повод для ввода вооруженных военнослужащих в Чикаго, — сказал он. — Если кто-нибудь бросит бутерброд в сотрудника ICE, Трамп постарается выйти на телевидение и объявить чрезвычайное положение в Чикаго. Поэтому я умоляю всех: если и когда это произойдет — **не поддавайтесь на провокацию.**

Несмотря на то что его план был раскрыт, Трамп продолжил действовать. Через несколько недель небольшой контингент из Техаса прибыл в Чикаго, что немедленно привело к судебному иску. Федеральный судья остановил развертывание войск до решения Верховного суда. В конечном счете высшая судебная инстанция постановила, что Трамп не может использовать закон, на который он ссылался, чтобы вводить Национальную гвардию в обстоятельствах, подобных ситуации в Чикаго. Это стало жестким и весьма показательным ответом Верховного суда на попытки Трампа расширить собственные полномочия.

Вскоре президенту пришлось начать сворачивать развертывание Национальной гвардии в штатах, контролируемых демократами. Но ставки Трамп уже поднял. За два месяца до этого, взбешенный попытками судей ограничить его власть, президент пригрозил воспользоваться другим инструментом:

Законом о восстании. — Все согласны, что его можно применить, а тогда никаких судебных дел больше не будет, вообще ничего не будет, — сказал он. — Мы пытаемся действовать более мягко, но всегда можем воспользоваться Законом о восстании.

Миллер уже несколько месяцев подталкивал Трампа именно к этому. И тогда секретарь аппарата Белого дома Уилл Шарф подготовил для Сьюзи Уайлс еще одну конфиденциальную записку. Документ показывал, насколько серьезно Белый дом рассматривал шаг, который мог стать самым радикальным применением президентской власти внутри страны в новейшей истории США.

Записка была датирована 29 октября 2025 года. «Закон о восстании представляет собой исключение типа “разбить стекло в случае крайней необходимости” из традиционного общего запрета на применение вооруженных сил внутри страны», — писал Шарф, методично прослеживая историю использования закона.

Он напоминал, что Линкольн применял его во время Гражданской войны, Грант — для разгрома первого Ку-клукс-клана, а в конце XIX века к нему прибегали во время крупных трудовых конфликтов. «И, пожалуй, наиболее заметно в новейшей истории, — писал Шарф, — три президента применяли Закон о восстании, когда власти штатов и местные органы на Юге отказывались исполнять федеральные законы о гражданских правах и решения судов». Но сухое юридическое изложение Шарфа не передавало масштаба тех исторических эпизодов.

В период с 1957 по 1968 год Эйзенхауэр, Кеннеди и Джонсон семь раз применяли этот закон. Федеральные войска направлялись, чтобы проводить чернокожих школьников и студентов мимо губернаторов-сегрегационистов в школы Литл-Рока и Университет Алабамы. Чтобы подавить насилие вокруг расовой интеграции Университета Миссисипи. Чтобы защитить участников марша из Сельмы в Монтгомери. Чтобы остановить разрушительные беспорядки в Детройте и по всей стране после убийства Мартина Лютера Кинга-младшего. За последующие десятилетия закон применялся лишь трижды. Рональд Рейган использовал его во время бунта в федеральной тюрьме Атланты. Джордж Буш-старший — для прекращения мародерства на Виргинских островах после урагана «Хьюго». А затем Буш

воспользовался законом вновь во время беспорядков в Лос-Анджелесе в 1992 году, когда оправдание четырех полицейских, избивших Родни Кинга, привело к шести дням погромов: 63 человека погибли, почти 2 400 были ранены, целые кварталы города горели.

Причем, как отмечал сам Шарф, даже тогда федеральные силы были введены только **после просьбы губернатора Калифорнии**. То, к чему теперь подталкивал Миллер, не имело прецедента ни в одном из этих случаев.

Записка Шарфа подчеркивала, что Закон о восстании действительно предоставлял президенту колоссальную свободу действий. Но это не означало, что президенту позволено все. «Хотя большинство правоведов согласны с тем, что Закон о восстании предоставляет президенту исключительно широкие полномочия, практически не подлежащие пересмотру другими ветвями власти», — писал Шарф, он предупреждал, что применение закона почти наверняка будет немедленно оспорено в суде. А это затормозит процесс и «потенциально сведет на нет все преимущества той гибкости, которую закон мог бы предоставить президенту».

В частных разговорах Шарф снова и снова говорил коллегам: приостановить *habeas corpus* для иммигрантов и применить Закон о восстании без реальной необходимости — это **две черты, которые Белый дом не может позволить себе переступить**.

Но идея продолжала обладать почти магнетической притягательностью для людей, стоявших в центре всей этой кампании. Ни для кого не было секретом, что введение войск превратилось для Стивена Миллера почти в навязчивую идею — а Трамп лишь усиливал ее при каждом удобном случае. — Помоему, любой город выглядит лучше, когда там есть военные, — говорил Трамп.

Даже когда общественное мнение по главному для него вопросу — иммиграции — начало смещаться не в его пользу, Трамп и Миллер лишь сильнее упирались, продолжая действовать под влиянием обид и инстинктов, укоренившихся еще в первый президентский срок. А когда за день до Дня благодарения всего в нескольких кварталах от Белого дома двое молодых военнослужащих Национальной гвардии были расстреляны в упор в Вашингтоне, стало почти неизбежным одно: **люди в военной форме еще долго будут патрулировать улицы американских городов**.

«Джейн, при всем уважении, заткнись нахрен», — написал в X директор по коммуникациям Белого дома Стивен Чун.

Поскольку эти слова исходили от самого высокопоставленного чиновника администрации Трампа, отвечавшего за коммуникации, выпад Чуна фактически приобретал статус официального ответа правительства. Адресован он был журналистке *New Yorker* Джейн Майер. Она назвала расстрел двух бойцов Национальной гвардии «ужасной и совершенно ненужной трагедией», поскольку, по ее словам, гвардейцев направили туда ради «политического спектакля». Иммиграционная политика Трампа шокировала сама по себе.

Но не менее шокирующим оказался и способ, которым администрация ее **рекламировала**.

Предыдущие администрации в целом придерживались устоявшихся правил, определявших приемлемый стиль и язык официальной государственной коммуникации. И как бы сильно сам Трамп ни ломал политические нормы во время первого срока, официальные страницы его администрации в социальных сетях оставались довольно безликими: стандартные пресс-релизы, фотографии, изменения в расписании.

Во второй срок изменилось все.

Под конец скандала вокруг Эпштейна, когда имя одного соратника Трампа за другим оказывалось запятнано из-за упоминаний в опубликованных документах, Чун назвал двух влиятельных конгрессменов, требовавших раскрытия материалов дела Эпштейна, — демократа Ро Кханну и республиканца Томаса Масси — «одними из самых тупых дебилов, которые когда-либо сидели в Конгрессе».

Ни один директор по коммуникациям Белого дома прежде не разговаривал подобным образом. Тон был задан сверху — и с самого начала: **оскорблять, унижать, троллить**.

14 февраля 2025 года Белый дом разместил в социальных сетях поздравление «С Днем святого Валентина» с красным сердцем. Под ним появилась розовая открытка с изображениями президента Трампа и его «пограничного царя» Тома Хомана. На открытке была переделка традиционного любовного стишка:

«Розы красные, фиалки голубые.

Приезжай нелегально — и мы тебя депортируем».

Через четыре дня Белый дом опубликовал видео, на котором закованных в наручники мигрантов ведут к самолетам. Музыки в ролике не было. Слышался лишь жесткий металлический грохот цепей по асфальту, щелчки наручников, звон кандалов на ногах людей, поднимающихся по трапу, и фоновый рев реактивных двигателей. Подпись Белого дома гласила: **«ASMR: рейс по депортации нелегальных иностранцев»**. Это была отсылка к популярному жанру ASMR — роликам, где люди шепчут, царапают поверхности, шуршат бумагой и создают другие звуки, вызывающие у зрителей приятное покалывание и чувство расслабления. Видео вызвало возмущение именно потому, что депортация закованных людей была подана как нечто, чем зрителю предлагается наслаждаться и расслабляться.

В конце марта Белый дом воспользовался ChatGPT, чтобы превратить фотографию доминиканки — осужденной торговки фентанилом — в популярный мем. Закованная в цепи и плачущая женщина была превращена в персонажа анимации с визуальными отсылками к японской студии Ghibli. А в апреле администрация расставила на лужайке Белого дома таблички с полицейскими фотографиями иммигрантов, задержанных ICE.

Телевизионный критик *New York Times* Джеймс Поневозик заметил, что администрация Трампа второго срока прекрасно понимала: «для управления и власти нужны сильные образы, которые обходят анализ и бьют прямо по первобытным инстинктам». Он писал, что материалы Кристи Ноэм в социальных сетях использовали «штампы и приемы самых разных телевизионных и сетевых жанров в миниатюре» — от триллеров о террористах до полицейских сериалов вроде *24 часа*, где неоднократно проводилась

мысль, будто личные свободы и правовые процедуры мешают обеспечивать безопасность. То же самое теперь происходило во всей администрации.

Некоторые материалы отдела коммуникаций, посвященные иммиграционной борьбе, выглядели жестокими, а порой просто инфантильными. Но команда Трампа считала, что нашла стратегию, одновременно решавшую две задачи: **запугать нелегальных мигрантов, показав им, что их ждет жесткая кара, и спровоцировать левых на публичную защиту преступников.**

Когда изображение в стиле Ghibli вызвало именно ту реакцию либеральной публики, на которую рассчитывал Белый дом, руководитель цифровой команды Кейлан Дорр написал, что «разочарован тем, что людей этот мем возмущает сильнее, чем кризис с фентанилом».

И добавил: — Аресты продолжатся. Мемы продолжатся.

II

Всю коммуникационную машину курировал человек, который точнее всех остальных сотрудников Белого дома воплощал самые необузданные импульсы самого Трампа. Стивен Чун представлял собой весьма примечательное зрелище, когда появлялся в коридорах Западного крыла. Огромный физически, с низким лбом, бритой головой, массивными, словно вырубленными из камня руками и почти неизменной презрительной усмешкой. Друзья называли его «Пандой». Даже актер Мел Гибсон однажды обратил внимание на его внешность. На турнире UFC в 2023 году звезда *Безумного Макса* и *Смертельного оружия* подошел к Чуну и сказал: — Боже, какой у тебя потрясающий типаж. Ты прямо как злодей из кино.

Трамп часто был буквально одержим мужской внешностью. Оценка того, насколько привлекательным был претендент на должность, могла стать едва ли не необходимым условием для назначения на наиболее заметные посты в администрации. Но людей, выполнявших роль силовых исполнителей его воли, Трамп предпочитал видеть именно такими, какими, по его мнению, должны выглядеть силовики. Так было и с Роем Коном — похожим на рептилию адвокатом и решалой с запавшими глазами и восковой кожей. Его внешность Трампа никогда не смущала. Однажды Трамп сказал журналисту Тиму О’Брайену: — Рой был жестоким, но очень верным. Он мог быть жестоким **ради тебя**. В том же духе Трамп называл Чуна своим Лукой Брази — по имени безжалостного убийцы дона Вито Корлеоне из *Крестного отца*. В частных разговорах он описывал Чуна как «более жестокую версию Ким Чен Ына».

А помощникам говорил, что Чун напоминает ему Си Цзиньпина: — Никаких игр. Китайское происхождение Чуна чрезвычайно занимало Трампа. Во время одного перелета в ходе кампании 2024 года произошел эпизод, который впоследствии превратился в часть предвыборного фольклора. Трамп напрямую спросил Чуна: — В тебе есть что-нибудь белое? Ты чистокровный китаец или в тебе есть белая кровь?

— Нет. Полностью китаец, — ответил Чун. Трамп сказал ему: — Большинство китайцев не такие агрессивные, как ты. Чун рассмеялся вместе с другими сотрудниками, слышавшими этот разговор в самолете.

Трампа и Чуна объединяла страсть к спорту — и к зрелищу насилия. Чун был одержим профессиональным рестлингом и яркими, театральными персонажами вроде Халка Хогана, Грбововщика, Родди Пайпера и Дасти Роудса. Как и Трамп, он с ранних лет был поклонником UFC. В промежутках между политическими должностями Чун руководил коммуникациями UFC. Подобно Трампу, он значительно меньше интересовался политическими программами или идеологиями, чем **зрелищем и доминированием**. Для обоих выборы были лишь средством достижения этих целей. Во время кампании 2024 года Трамп поощрял агрессивность Чуна.

На праймериз она была в первую очередь направлена против главного соперника Трампа — Рона Десантиса. Трамп пришел в восторг, когда Чун обозвал Десантиса «куколдом», и буквально заливался

смехом, увидев короткие телевизионные ролики, где Чун издевался над высотой каблучков на ботинках Десантиса. — Высокие каблучки! — глумился Чун. Когда команда перешла от предвыборной кампании к управлению государством, никому даже в голову не пришло, что Чун теперь переключится на официальный, сдержанный стиль. Трамп прямо сказал ему: **«Никогда не меняйся»**. Стиль информационной политики Белого дома был чистейшим Чуном — и одновременно чистейшим Трампом.

Намеренная провокация. Культ силы. Высмеивание и расчеловечивание противников. И все это — с постоянной оглядкой на визуальный эффект. Советники Трампа понимали и другое: теперь у них было куда больше рычагов воздействия на крупнейшие технологические платформы. Во время первого президентского срока Twitter и Facebook управлялись руководителями, относившимися к президенту с большим недоверием. Но к началу второго срока команда по коммуникациям уже не опасалась ни блокировки аккаунтов, ни скрытого ограничения охватов. X, Facebook, Apple, TikTok и Google — с их точки зрения — **все склонили колено**.

III

Чун привел в Белый дом своего друга Кейлана Дорра и поручил ему руководить цифровым направлением. Высокий, бородатый, в очках, Дорр вырос в семье военного и за детские годы вместе с родителями переезжал не меньше двадцати раз. Как и Чун, он был ветераном еще кампании Трампа 2016 года и первой администрации. Формируя цифровую команду, Дорр сознательно не нанимал людей с опытом работы в правительстве. Вместо этого он набирал молодых, двадцатилетних участников правых культурных войн, уже умевших создавать вирусный контент для организаций вроде *Turning Point USA* Чарли Кирка или для студенческих спортивных команд. В свои 33 года Дорр был самым старшим человеком в цифровой команде. Своим видеооператорам он четко формулировал задачу:

заставить левых «защищать то, что невозможно защитить». Контент должен был не убеждать, а провоцировать. Его сознательно конструировали так, чтобы повысить шансы на вирусное распространение и максимально раззадорить электоральную базу Трампа. Если судить по этим критериям, команда не подвела. ASMR-видео набрало **104 миллиона просмотров**.

Валентинка — **37 миллионов**. Японская анимационная картинка с плачущей, закованной в цепи торговкой фентанилом — **76 миллионов**. И это только в X. В TikTok, Instagram и Facebook эти публикации собрали еще десятки миллионов просмотров. Дорр был помешан на музыке. Он постоянно искал идеальную, цепляющую мелодию, которая могла бы придать ролику нужный драматизм.

Во всей этой работе Белый дом тесно взаимодействовал с Министерством внутренней безопасности, Министерством юстиции и Пентагоном. По сути, государственный аппарат превратился во **внутреннюю киностудию**, снимавшую и производившую эффектные ролики о действиях администрации Трампа. Стивен Миллер требовал собирать огромные массивы видео с иммиграционных рейдов и арестов по всей стране, чтобы затем распространять их в социальных сетях. Белый дом выпускал подборки лучших кадров задержаний ICE и ролики о депортациях под песню *Vanilla Ice Ice Ice Baby* или *Closing Time* группы *Semisonic*. Чтобы провокация была еще сильнее, создатели контента накладывали на кадры рейдов песни либеральных музыкантов, выступавших против программы массовых депортаций Трампа.

Певица Сабрина Карпентер назвала Белый дом «злым и отвратительным» после того, как одна из ее песен прозвучала в видео, где сотрудники ICE преследовали мигрантов. Оливия Родриго возмутилась тем, что ее композицию *All-American Bitch* использовали как саундтрек к ролику, призывавшему нелегальных иммигрантов самостоятельно покинуть США. Предыдущие администрации пришли бы в ужас уже от первого публичного осуждения со стороны таких поп-звезд. Но команда Трампа, наоборот, **добивалась именно такой реакции**.

Чем больше скандал — тем больше сетевой охват. Белый дом высмеивал жалобы музыкантов. Когда кантри-певец Зак Брайан, судя по всему, раскритиковал ICE, Министерство внутренней безопасности

ответило видео иммиграционных рейдов под его хит *Revival*. Эта демонстративно чрезмерная активность в соцсетях стала одной из наиболее заметных особенностей администрации Трампа.

И она не прекращалась ни на минуту. Когда кто-то написал в X, что Джей Ди Вэнс мог бы совершить «самую смешную вещь в истории» и депортировать автора, раскритиковавшего его стиль одежды, вице-президент ответил GIF-анимацией с улыбающимся и одобрительно кивающим Джеком Николсоном. Министр обороны Пит Хэгсет заполнял свою ленту в X machistскими видео собственных тренировок. Позднее, когда его обвинили в военных преступлениях в связи с кампанией по бомбардировке лодок, Хэгсет высмеял критиков, опубликовав созданную искусственным интеллектом обложку якобы детской книги о популярном персонаже — черепашке Франклине.

Название было: **«Классическая история о Франклине: Франклин атакует наркотеррористов»**. На обложке черепашка в боевой экипировке выпускала из вертолета ракету по наркоторговцам на быстроходных катерах.

Директор ФБР Кэш Пател опубликовал профессионально снятый ролик, где он в камуфляже под рок-музыку эффектно шагает перед камерой, а сотрудники ФБР тем временем взрывают двери. Грегори Бовино, прославившийся тем, что маршировал в двубортном оливковом пальто с латунными пуговицами, которое один высокопоставленный чиновник Белого дома в частном разговоре назвал его «эсэсовским пальто», выпустил ролик, где бойцы Национальной гвардии и конные пограничники маршируют через парк в центре Лос-Анджелеса под песню Кендрика Ламара *DNA*.

Прежде невозможно было даже представить, что коммуникационный аппарат Белого дома будет использоваться таким образом: **чтобы издеваться над противниками и глумиться над всеми остальными**.

Администрация особенно умело использовала протесты левых против ICE — и тем лучше для нее, если протесты перерастали в беспорядки. В июне пресс-секретарь Кэролайн Ливитт вынесла подобные образы прямо к трибуне Белого дома. Рядом с ней стояла большая фотография протестующего в маске, едущего на мотоцикле с флагом «Viva Mexico», а позади были видны огонь и клубы дыма. — Пусть это станет совершенно недвусмысленным посланием левым радикалам в других частях страны, которые думают повторить подобное насилие в попытке остановить программу массовых депортаций этой администрации, — заявила Ливитт. — У вас ничего не получится.

Абсолютно неотфильтрованный стиль общения распространился даже на Министерство юстиции — и не только на Пэм Бонди или Тодда Бланша. Помощник генерального прокурора по гражданским правам Хармит Диллон называла в X интернет-инфлюенсеров «дебилами», просила подписчиков подсказать, как увеличить ее аудиторию, и жаловалась, что после перехода на федеральную службу рост числа подписчиков остановился.

От президента и ниже это было государство, созданное **постерами, из постеров и для постеров** — людей, живущих публикациями в социальных сетях. И к тревоге тех, кто надеялся хотя бы на частичное возвращение к элементарной вежливости и приличию, некоторым высокопоставленным демократам понадобилось совсем немного времени, чтобы начать копировать ту же тактику. Летом журналист спросил Гэвина Ньюсома, чем он вообще отличается от Трампа, если официальный пресс-офис самого Ньюсома недавно назвал Стивена Миллера «куколдом».

— Ну, — ответил Ньюсом, — это реакция на Стивена Чуна, на Белый дом и на то, что они сами используют это слово. Мне кажется, никакого другого языка они просто не понимают.

Позднее Чун говорил коллегам в Белом доме, что доволен тем, что сумел «затащить Ньюсома в грязь». По его мнению, это сделает Ньюсома «неизбавимым» в 2028 году. Но ради чего велся весь этот троллинг?

Никто не мог отрицать, что этот Белый дом создал больше вирусного контента и собрал больше просмотров, чем любая предыдущая администрация. И, возможно, стратегия действительно оказывала желаемое устрашающее воздействие на мигрантов. Многие покидали страну — или, говоря языком

Миллера, «самодепортировались». А число людей, пытавшихся нелегально пересечь южную границу, стало совсем небольшим. Но оружие оказалось обоюдоострым.

По мере того как первый год подходил к концу, опросы раз за разом показывали: жесткая депортационная политика Трампа отталкивает многих колеблющихся избирателей — тех самых людей, которые обеспечили ему победу на выборах 2024 года. А этих избирателей гораздо меньше волновали войны мемов в интернете. Их волновала **стоимость жизни**. И на промежуточных выборах 2026 года республиканцам их голоса будут крайне нужны.

В среду, 10 сентября, примерно в 14:30 по вашингтонскому времени в групповом чате Signal появилось расплывчатое, но тревожное сообщение. Энди Сурабиан — близкий друг и советник вице-президента и старшего сына президента — отправил ссылку на новость о стрельбе на мероприятии *Turning Point USA* в Юте, где выступал Чарли Кирк. Чарли был их другом. Ответы посыпались мгновенно.

Эй, Чарли, это правда? Чарли, ты в порядке?

В группе состояли не только Кирк и Сурабиан, Джей Ди Вэнс и Дональд Трамп-младший, но и несколько высокопоставленных сотрудников Белого дома, администрации и влиятельных политических консультантов. Обычно Кирк активно участвовал в переписке. Теперь он молчал. И у его друзей внутри все сжалось.

Послушать Кирка в Университете долины Юта пришло около трех тысяч человек. Он много лет выступал в университетах — эти мероприятия стали основой его публичного образа, пока он с нуля превращал *Turning Point* в самую влиятельную молодежную организацию американских правых. В университетских кампусах Кирк обычно садился под тентом где-нибудь в центральной части территории и в формате, который он называл «Докажи, что я неправ», приглашал любого желающего задавать вопросы и вступать с ним в открытый спор. Часто его оппонентами были студенты-либералы, резко не соглашавшиеся с ним по вопросам гражданских прав, ислама, феминизма, контроля над оружием, прав трансгендерных людей и аборт. К таким дебатам Кирк готовился неделями и всегда приходил хорошо подготовленным. Его команда нарезала наиболее яркие моменты для TikTok, и ролики нередко становились вирусными.

В последние годы друзья и родственники Кирка все сильнее тревожились из-за его выступлений в университетах. После двух покушений на Дональда Трампа в 2024 году и на фоне распространения левых университетских протестов против войны Израиля в Газе опасения лишь усилились. Сам Трамп предупреждал Кирка, что эти «безумцы с радикальных левых», как он называл протестующих, «очень опасны». В частном разговоре с другом Кирк признавал, что при слабой системе безопасности в университетах он фактически превращается в **сидячую мишень**. Он ездил с охраной. Но если только не выступать за пуленепробиваемым стеклом, как президент, — на что Кирк идти не хотел, — реальность была проста: на открытом мероприятии он практически беззащитен перед хорошим стрелком.

Через несколько минут после выстрела в Х начали появляться видео, снятые на телефоны. Студенты бежали и кричали. Кто-то отправил в группу Signal видеозапись, снятую издалека. Было ясно, что Кирк ранен. Возможно — смертельно. На записи было видно, как его голова резко дернулась в сторону, а тело обмякло и сползло с кресла. Сурабиан немедленно позвонил Дону-младшему, который находился в Европе, в другом часовом поясе, и мог еще не увидеть сообщений. Именно Дон-младший еще во время кампании 2016 года первым ввел Кирка в орбиту семьи Трампа.

Со временем Дон стал для него почти старшим братом. Не успел Сурабиан ничего сказать, как Дон-младший, привыкший к звонкам по поводу очередных публикаций в прессе, спросил:

— Ну что, какой пасквиль на меня они опять готовят?

— В Чарли стреляли, — сказал Сурабиан. — И все очень плохо.

— Боже мой. Ты сейчас серьезно? Дон напомнил Сурабиану, что за последние восемнадцать месяцев это уже третий случай, когда тот звонит ему и сообщает, что в кого-то близкого стреляли. Именно Сурабиан первым связывался с Доном после обоих покушений на его отца.

Дон сказал, что немедленно позвонит кому-нибудь из команды Кирка. В той же группе Signal находился заместитель главы аппарата Белого дома Тейлор Будович. Пытаясь получить более надежную информацию, он отправил помощника в Ситуационную комнату. Своей команде он велел пока ничего не говорить президенту, пока не появятся подтвержденные сведения.

В этот момент Трамп находился в Овальном кабинете на встрече с индийским сталелитейным магнатом и Говардом Латником. Но в Ситуационной комнате ничего не знали. Раздраженный Будович начал сам обзванивать больницы Юты. Наконец ему удалось связаться с человеком, сообщившим, что Кирк находится в Региональной больнице Тимпаногос в городе Орем. Он был в операционной.

Потерял очень много крови. Врачи делали все возможное. Получив эти сведения, Будович присоединился к Джей Ди Вэнсу, и они вместе отправились в кабинет Сьюзи Уайлс. Но контролировать поток информации, доходящей до президента, было уже поздно.

Коллега сообщил Будовичу, что младший сын Трампа, Бэррон, уже позвонил отцу и рассказал, что в Кирка стреляли. Девятнадцатилетний Бэррон был большим поклонником Кирка. Он позвонил отцу в состоянии сильного потрясения. Бэррон и раньше боялся, что кто-нибудь снова попытается убить его отца.

— Вот что происходит, когда выходишь к людям, — сказал он. — Вот что случилось. Трамп попытался успокоить сына:

— Успокойся, милый, успокойся. Но было видно, что и сам он потрясен. Будович, Ливитт и Стивен Чун пришли к президенту в Овальный кабинет.

Они рассказали Трампу все, что знали.

А знали пока очень мало. — Куда в него попали? — спросил Трамп.

Кто-то ответил, что, судя по всему, Кирку выстрелили в шею.

— В шею? — переспросил Трамп. — Это плохо. Очень плохо. Будович сказал, что они продолжают собирать информацию, и пересказал немного, что удалось узнать из больницы. — Наши люди этим занимаются, — сказал он. — Как только узнаем больше, сразу вам сообщим.

— Черт. Чарли, — сказал Трамп. — Он такой хороший парень. Очень мне помог в 2024-м. Он привел молодежный голос. Примерно в это же время другие участники группы Signal получили обнадеживающую информацию, переданную человеком из окружения губернатора Юты Спенсера Кокса. Им сказали, что состояние Кирка «стабильное», хотя ему делают экстренную операцию. В чате продолжали надеяться.

Чарли, мы молимся за тебя, дружище. Держись. Борись.

Примерно двадцать минут они позволяли себе верить, что Кирк выживет. Позже один из участников группы назовет это **«ужасным окном ложной надежды»**. Информация оказалась неверной. Кирк умер практически мгновенно. Дон-младший позвонил Сурабиану и сообщил ему.

Сурабиан написал в группу Signal: **«Ребята, он не выжил»**. Будовичу позвонил один из ближайших помощников Кирка и спросил, находится ли рядом вице-президент. Все знали, насколько Чарли был дорог Вэнсу.

Именно Кирк, несмотря на прошлое Вэнса как убежденного противника Трампа, первым подтолкнул его в 2022 году баллотироваться в Сенат от Республиканской партии. Именно Кирк первым убедил Сурабиана, что Вэнсу можно доверять. В конечном счете эта связь помогла Вэнсу получить поддержку семьи Трампа. Позднее Вэнс говорил знакомым, что именно Кирк больше, чем кто-либо другой, способствовал его стремительному восхождению к должности вице-президента.

Будович бросился вверх, в кабинет Стивена Миллера в Западном крыле. Там уже находились Вэнс, Миллер и Марко Рубио. Помощник Кирка, включенный на громкую связь, подтвердил его смерть. Будович и Вэнс решили сначала спуститься к Сьюзи Уайлс, а затем вместе сообщить президенту.

Трамп как раз завершал встречу, когда в Овальный кабинет вошли Вэнс, Рубио и Будович. Услышав, что Кирк умер, Трамп откинулся в кресле. — Ух ты. Ух ты. Несколько секунд стояла тишина. Затем президент сказал: — Все, что нужно сделать для Чарли и его семьи, мы сделаем. Я хочу наградить его Медалью Свободы.

Рубио сообщил Трампу, что власти выясняют, действовал ли стрелок один или убийство было частью более широкой операции. Вэнс сказал, что поддерживает связь с людьми Кирка. Кто-то предложил президенту записать видеообращение к стране.

— Да, да, — сказал Трамп. — Напишите текст и все подготовьте.

На тот момент о стрелявшем вообще ничего не было известно. Но Трамп уже говорил об убийстве как о коллективном действии, используя местоимение «они». — Нам надо заняться этими людьми, — сказал он помощникам. — Они убивают наших. Они пытались убить меня.

Позднее Трамп скажет одному из помощников, что Кирка «застрелили из-за меня». Помощник понял его так: «они» — кем бы ни были эти «они» — убили Кирка потому, что не смогли добраться до Трампа. Президент попросил показать ему видео убийства. Когда Натали Харп открыла запись на своем ноутбуке, Трамп почти сразу отвернулся. — Ужасно, — сказал он. — Бедный Чарли.

Будович и другие сотрудники Белого дома, работавшие в кампании Трампа 2024 года, в первые минуты заподозрили в убийстве Иран. Во время кампании разведка рассказывала им об иранских заговорах с целью убийства Трампа. Помощникам президента говорили: если иранские убийцы не смогут добраться до самого Трампа, следующими целями могут стать люди вокруг него — дети и ближайшие соратники. Эти брифинги породили в предвыборной команде сильнейший страх и почти параноидальные настроения. Теперь они перенеслись и в правительство. Будовичу пришлось в голову, что Кирк был очень заметной и одновременно чрезвычайно уязвимой целью.

В обращении к нации из Овального кабинета в тот же день Трамп возложил всю ответственность за рост политического насилия исключительно на левых и намекнул на предстоящие репрессивные меры. — На протяжении многих лет радикальные левые сравнивали таких замечательных американцев, как Чарли, с нацистами и самыми страшными массовыми убийцами и преступниками в истории, — сказал он. — Такая риторика непосредственно ответственна за терроризм, который мы сегодня видим в нашей стране. И это должно прекратиться прямо сейчас. В 18:21 наступил краткий момент облегчения.

Директор ФБР Кэш Пател, находившийся по дороге в Нью-Йорк, сообщил в X, что подозреваемый в убийстве задержан. Через полтора часа ему пришлось опубликовать унижительное уточнение: человека отпустили после допроса. **Задержали не того.** Пэм Бонди, которая неоднократно конфликтовала с Пателем и была о нем весьма невысокого мнения, передала в Белый дом короткое послание: **Кэша надо уволить.**

II

В эпоху смартфонов и раздробленных медиа американцам редко доводилось переживать одно событие всем вместе. Смерть Кирка стала исключением. Позднее данные интернет-аналитики покажут, что его убийство стало крупнейшей новостью года. Многие и слева, и справа искренне скорбели — даже те, кто резко не соглашался с политическими взглядами Кирка. Но были и чудовищные реакции. Некоторые представители левых открыто праздновали его убийство и делились радостью в социальных сетях. А некоторые правые начали распространять безумные слухи и теории о том, что к убийству каким-то образом причастны «евреи».

Страшные видеозаписи момента выстрела мгновенно оказались повсюду. В эпоху традиционного телевидения, когда эфир контролировался и жестко регулировался, столь жестокие кадры никогда не показали бы широкой аудитории. Теперь любой американец с TikTok или X мог смотреть что угодно. А благодаря алгоритмам социальных сетей десятки миллионов людей увидели убийство **даже против собственной воли.** Белый дом и почти весь кабинет министров были настолько охвачены горем, что на какое-то время практически перестали нормально работать.

Почти каждый из высокопоставленных сотрудников лично знал Кирка. После выборов 2024 года он перевез семью из Скотсдейла, штат Аризона, в Палм-Бич, Флорида, чтобы помогать команде Трампа формировать новую администрацию. В штабе переходного периода Кирк лично допрашивал кандидатов

на должности, проверяя их верность MAGA и лично Трампу. Некоторых он спрашивал даже о том, как они относятся к событиям 6 января. Один из посетителей Западного крыла в тот день сравнил происходившее там с «фильмом про зомби». Люди ходили по коридорам словно в трансе.

— Все будто накрыло мокрым одеялом безысходности. По всему Западному крылу люди плакали. Секретарь аппарата Уилл Шарф мрачно стоял у входа, наблюдая, как на Северной лужайке спускают установленный президентом флаг. Уайлс обратилась к потрясенным сотрудникам. Около тридцати человек теснились в ее кабинете. В тот день она оказалась единственным высокопоставленным чиновником в Западном крыле, кто выступил перед людьми подобным образом.

Стоя возле камина, Уайлс сказала, чтобы они берегли себя, обнимали родных — но продолжали говорить и отстаивать свои убеждения. — Всем нужно быть осторожными, — сказала она. Обеспечить охраной каждого было невозможно. Многие наиболее известные сотрудники администрации оставались вообще без личной защиты. — Но мы не должны бояться, потому что именно этого **они** и хотят, — добавила Уайлс. Тяжелее большинства смерть Кирка переживал Вэнс. Он почти сразу решил лететь в Юту и предоставить вдове Кирка Эрике вице-президентский самолет Air Force Two, чтобы перевезти тело мужа обратно в Аризону.

11 сентября Вэнс, его жена Уша и трое ближайших друзей Кирка — Тейлор Будович и республиканские политические консультанты Артур Шварц и Клифф Симс — вылетели на запад за гробом. Во время полета разговор переходил от горя к воспоминаниям, а затем — к более практическому вопросу: **что смерть Кирка означает для всего консервативного движения?** Вопрос был далеко не теоретическим.

Если не считать самого Трампа, возможно, никто не сыграл большей роли в объединении современной американской правой коалиции, чем Чарли Кирк. Он был жестким политическим оператором, силовым игроком MAGA с огромной аудиторией. Команда Трампа полагалась на Кирка, когда нужно было защищать президента в интернете и уничтожать тех, кто вставал у него на пути. Кирк был одним из ключевых участников очищения Конгресса от последних представителей традиционной Республиканской партии, все еще относившихся к Трампу скептически. Он был доверенным советником и президента, и вице-президента. Одним из самых успешных политических сборщиков пожертвований своего поколения. И, как многие полагали, возможным будущим президентом США. Но при всем этом Кирку удавалось сохранять хорошие отношения почти со всеми фракциями идеологически разношерстной коалиции Трампа.

А это было весьма серьезным достижением. Люди, действительно понимавшие устройство движения MAGA, знали: коалицию Трампа связывали между собой не столько общие ценности или единые политические взгляды, сколько **общие враги и коллективная преданность президенту, превратившемуся в фигуру почти мифического масштаба**. Республиканские праймериз 2024 года не разрешили ни одного из серьезных противоречий между многочисленными фракциями партии.

Единственное, по чему все, казалось, могли договориться — помимо ужесточения иммиграционной политики, — это поддержка Трампа. Люди, которые ненавидели друг друга и придерживались диаметрально противоположных взглядов на столь фундаментальный вопрос, как роль Америки в мире, — например Такер Карлсон и сенатор Линдси Грэм — одинаково объявляли себя частью MAGA. Одной лишь силой собственной личности Трамп умудрялся прикрывать эти противоречия. В 2024 году он свел программу Республиканской партии к набору общих лозунгов. Он снова сделает Америку великой. Принесет миру мир. Откроет новую золотую эпоху, в которой все станет доступным, а жизнь — великолепной. Это была партия, объединенная красной кепкой и общей ненавистью — к демократам и традиционным СМИ. Но наиболее проницательные люди во внутреннем круге Трампа понимали:

когда их харизматический лидер уйдет со сцены — а этот момент приближался стремительно, — возникнет серьезная опасность, что MAGA погрузится в **анархию и братоубийственную войну**. Первые признаки уже были видны. Внутренняя война MAGA вокруг виз Н-1В. Скандал Джеффри Эпштейна.

Споры о целесообразности ударов по Ирану. Раскол вокруг американской политики в отношении Израиля, который уже начал скатываться к безумным антисемитским теориям заговора, распространяемым такими фигурами, как подкастер Кэндис Оуэнс. Реакция на смерть Кирка показала, что раскол лишь расширяется. Вместо того чтобы объединиться в общей горе, части правой коалиции начали воевать друг с другом, поскольку некоторые представители крайне правых стали утверждать, что за убийством якобы стоял Израиль.

Кирк твердо намеревался привести Джей Ди Вэнса к победе на президентских выборах 2028 года. Теперь Вэнсу предстояло самому удержать эту расколотую коалицию — уже без своего незаменимого друга. На обратном пути в Вашингтон на борту Air Force Two, после того как семья Кирка осталась в Аризоне, Вэнс получал от Кэша Пателя последние новости о расследовании. Поздно вечером Патель сообщил Вэнсу: он уверен, что подозреваемый найден. Тайлер Робинсон был двадцатидвухлетним любителем видеоигр из Юты.

Он вырос в консервативной мормонской семье, однако, по словам матери, в последнее время начал склоняться к левым политическим взглядам — особенно по вопросам прав геев и трансгендерных людей. Робинсон состоял в романтических отношениях со своим соседом по комнате, который проходил гендерный переход из мужчины в женщину. Предположительно в текстовых сообщениях Робинсон объяснял свой мотив тем, что ему «надоела ненависть [Кирка]» и что «некоторую ненависть невозможно устранить переговорами». На гильзах его патронов были выгравированы вперемешку антифашистские лозунги, отсылки к видеоиграм и интернет-мемы. Никаких доказательств связи Робинсона с какой-либо организацией или сетью не существовало.

И уж тем более не было никаких свидетельств его связи с Ираном. Но антифашистских лозунгов оказалось достаточно, чтобы Трамп связал подозреваемого с «antifa» — децентрализованным движением без единого руководства, участники которого выступали против крайне правых идеологий, превосходства белых и того, что они считали фашистскими или авторитарными режимами. Как это часто бывало, Трамп одновременно отправлял публике противоречивые сигналы.

В одном заявлении он говорил, что хотел бы видеть в ответ со стороны людей **«ненасилие»**. А уже на следующий день после убийства заявил журналистам, что «безумцам с радикальных левых» нужно просто: **«как следует надрать задницу»**. Для Вэнса известие об аресте Робинсона почти не успокоило бешено работавший мозг.

Следующие несколько ночей вице-президент допоздна сидел с телефоном, снова и снова просматривая записи убийства. Он искал видео с разных ракурсов. Изучал каждую деталь. Пытался найти хоть какой-то намек на более широкий заговор. Инстинкт подсказывал ему: **за убийством стоит нечто большее**. Он бесконечно проваливался в сетевые «кроличьи норы» — от одного видео к другому, от одной версии к следующей. Записи и теории захватили его настолько, что в какой-то момент жена Уша сказала: **она уже начинает за него беспокоиться**.

III

Стивен Миллер тоже был другом Кирка, но среди всех сотрудников президента именно он больше других увидел в трагедии возможность расширить власть и продвинуть собственную политическую программу.

За несколько месяцев до убийства активисты района Норт-Арлингтон, где Миллер жил с семьёй, всё настойчивее протестовали против него самого и проводимой им жёсткой иммиграционной политики. На столбах и в парках они расклеивали плакаты с фотографией Миллера и адресом дома, где он жил с женой и тремя маленькими детьми. На других плакатах Миллера называли нацистом. Группа, именовавшая себя Arlington Neighbors United for Humanity — «Объединённые за человечность соседи Арлингтона», сокращённо ANUFH, что произносилось как *enough* — «хватит», — заявила Миллерам в социальных сетях: — Ваши попытки разрушить нашу демократию и уничтожить систему социальной защиты здесь

терпеть не будут. Миллерам всё это казалось угрожающим и всерьёз их пугало, хотя было неясно, можно ли считать действия протестующих уголовным преступлением. Тем не менее Миллер добился проведения расследований, которые дошли до ФБР.

Ещё раньше он потребовал предоставить ему круглосуточную охрану, а также по официальным каналам обращался к администрации губернатора Гленна Янгкина с просьбой выставить охрану возле своего дома. Вскоре Миллер выставил дом на продажу и стал подыскивать жильё на территории военной базы. Жена Миллера Кэти позднее рассказала на Fox News, что на следующий день после убийства Кирка какая-то женщина подошла к ней возле дома и сказала: — Я слежу за вами.

Согласно материалам суда и видеозаписям Секретной службы, эта женщина — одна из организаторов протестов против Миллера — находилась рядом с домом семьи, указала пальцами на собственные глаза, а затем на Кэти. В эфире Fox News Кэти также рассказывала о надписях мелом, которые протестующие оставляли на тротуаре перед её домом: **«Стивен Миллер разрушает демократию»**. Кэти назвала протестную кампанию в целом «террористическими угрозами». — Если мы сейчас не начнём действовать и надевать наручники на людей за подобные вещи, что будет дальше? — сказала она.

В распоряжении властей оказались сообщения из группового чата активистов, где та самая женщина обещала превратить жизнь Стивена Миллера «в ад». Вскоре ФБР получило ордер на обыск её телефона.

Стивен Миллер давно размышлял о том, как разрушить институциональную инфраструктуру американских левых — прежде всего сеть некоммерческих организаций, финансировавших протесты по всей стране.

Практически любую либеральную протестную активность он представлял как дело рук оплачиваемых провокаторов. Особенно ожесточённо Миллер относился к попыткам мешать работе сотрудников ICE — Иммиграционной и таможенной полиции, — в том числе к публикации их личных данных. Он яростно защищал всё более распространённую практику, при которой федеральные иммиграционные агенты работали в масках. Для американских правоохранительных органов это было необычно, поскольку позволяло сотрудникам скрывать лица и тем самым избегать общественного контроля. Кирк разделял взгляды Миллера.

Он часто говорил знакомым, что хотел бы видеть применение законов против организованной преступности к левым движениям вроде Black Lives Matter. Он выступал за расследование деятельности крупных доноров Демократической партии — например, основателя LinkedIn Рида Хоффмана, который был противником одного из главных спонсоров Вэнса, Питера Тиля. Кирк хотел также расследования по подозрению в отмывании денег в отношении ActBlue — онлайн-платформы по сбору пожертвований для Демократической партии.

Через пять дней после смерти Кирка Миллер выступил в его подкасте и сказал: — Последнее сообщение, которое Чарли прислал мне, если не ошибаюсь, буквально за день до того, как мы его потеряли, было о том, что нам необходима организованная стратегия борьбы с левыми организациями, которые поощряют насилие в этой стране. Я запишу эти слова у себя в сердце — и исполню их.

Никаких доказательств того, что Тайлер Робинсон действовал от имени какой-либо организации — левой или любой другой, — обнаружено не было. Однако Миллер уже заранее готовил общественное мнение к гораздо более масштабным репрессиям. За две недели до убийства, 26 августа, в интервью Шону Хэннити на Fox он заявил: — Демократическая партия — это не политическая партия. Это внутренняя экстремистская организация. Теперь он мог использовать эту риторику, чтобы расширить расследование: вместо одного психически неуравновешенного стрелка речь уже шла о всеохватывающей «левой угрозе» — огромной сети прогрессивных некоммерческих организаций и структур, связанных с политическими противниками Трампа.

Описываемый Миллером заговор выглядел настолько грандиозным, что напоминал антикоммунистическую «красную угрозу» середины XX века. При этом нельзя сказать, что идея о росте

левого насилия была полностью выдуманной. Согласно данным Министерства внутренней безопасности, в 2025 году число случаев физического насилия против сотрудников ICE выросло в 11 раз по сравнению с 2024-м. Но утверждать, как делал Миллер, будто терроризм и политическое насилие являются исключительно проблемой левых, означало игнорировать не только свежую статистику, но и исследования нескольких десятилетий. После смерти Кирка администрация Трампа удалила с сайта Министерства юстиции одно из таких исследований. Национальный институт юстиции при Минюсте ранее опубликовал работу, согласно которой с 1990 года ультраправые внутренние террористы совершили значительно больше идеологически мотивированных убийств, чем ультралевые: более 520 против 78.

В подкасте Миллер заявил: — Всю ярость, которую мы испытываем из-за организованной кампании, приведшей к этому убийству, мы направим на то, чтобы выкорчевать и уничтожить эти террористические сети. Организованные кампании по публикации личных данных. Организованные беспорядки. Организованное уличное насилие. Организованные кампании по расчеловечиванию, травле, публикации домашних адресов — в сочетании с риторикой, рассчитанной на то, чтобы провоцировать и разжигать насилие. И реальные организованные ячейки, которые это насилие совершают и обеспечивают. — Это огромная внутренняя террористическая сеть. И Бог мне свидетель: мы задействуем все ресурсы Министерства юстиции, Министерства внутренней безопасности и всего правительства, чтобы выявить, сорвать, демонтировать и уничтожить эти сети и вновь сделать Америку безопасной для американского народа. Это произойдёт. И мы сделаем это во имя Чарли.

IV

В частных разговорах Трамп приказал Вэнсу и Миллеру «не сдерживаться» в борьбе с левым «терроризмом». Вэнс объявил:

— Мы займёмся сетью НКО, которая разжигает насилие, способствует ему и сама в нём участвует. При этом он заверил, что защищённые Конституцией высказывания преследоваться не будут. Но уже в следующий понедельник после убийства, когда Вэнс вёл радиошоу Кирка, он дал понять, что администрация собирается обратить внимание в том числе на Фонд Форда и Open Society Foundations — некоммерческую сеть, основанную донором демократов Джорджем Соросом. Вэнс заявил, что обе организации пользовались «щедрыми налоговыми льготами» и помогали финансировать левый журнал *The Nation*, который, по его словам, искажил высказывания Кирка, чтобы очернить его уже после смерти. Вэнс призвал слушателей публично разоблачать тех, кто радуется убийству Кирка. — Да чёрт возьми, позвоните их работодателю, — сказал он.

В последующие дни и недели администрация Трампа действительно последовала этому совету. Госдепартамент объявил, что будет пересматривать правовой статус иммигрантов, которые «восхваляют, оправдывают или преуменьшают значение» убийства Кирка. Министерство обороны начало расследовать высказывания военнослужащих, показавшиеся властям неуместными. В конечном итоге было начато почти 300 расследований в отношении военнослужащих, гражданского персонала и подрядчиков. В течение двух следующих недель более десятка военнослужащих были отстранены или сняты с должностей.

После того как ведущий ночного шоу Джимми Киммел ошибочно дал понять, будто убийца принадлежал к движению MAGA, председатель Федеральной комиссии по связи Брендан Карр выступил в правом подкасте и предупредил: — Можно сделать это по-хорошему, а можно по-плохому. Через несколько часов ABC приостановил выпуск *Jimmy Kimmel Live!* Два крупных региональных партнёра ABC — Nexstar и Sinclair — также перестали показывать передачу. Особенно примечательным было решение Nexstar: в тот момент компания ожидала одобрения FCC на приобретение медиакомпании Tegna за 6,2 миллиарда долларов. Киммел вскоре вернулся в эфир. Но сигнал был совершенно понятен.

Теперь команда Трампа угрожала использовать власть федерального правительства для борьбы с тем, что генеральный прокурор Пэм Бонди назвала «языком ненависти». Ранее это понятие куда чаще использовали левые, и некоторые консерваторы сразу отметили, что подобный подход противоречит Первой поправке к Конституции. Бонди предупредила: — Это уже не свобода слова, когда вы выходите и говорите: «То, что случилось с Чарли, — нормально». 16 сентября она сделала ещё одно жёсткое заявление: — И работодатели: на вас лежит обязанность избавляться от таких людей. Вам нужно обращать внимание на тех, кто говорит чудовищные вещи. Такие люди не должны у вас работать.

Затем последовали президентские указы.

25 сентября Трамп подписал Меморандум президента по национальной безопасности NSPM-7 — **«Противодействие внутреннему терроризму и организованному политическому насилию»**. Документ предписывал генеральному прокурору и министру внутренней безопасности «объявить внутренний терроризм одним из национальных приоритетов» и координировать деятельность с Национальной объединённой оперативной группой по борьбе с терроризмом, чтобы «пресекать деятельность организаций и лиц, участвующих в политическом насилии и запугивании, направленных на подавление законной политической активности или препятствование верховенству закона».

Национальная объединённая оперативная группа по борьбе с терроризмом была создана в июне 2002 года для координации быстро растущей сети агентов и следователей, распространившейся по всей стране после терактов «Аль-Каиды» 11 сентября. При Джордже Буше-младшем «война с терроризмом» была прежде всего направлена против иностранных экстремистов. Но за несколько недель до победы на выборах 2024 года Трамп в интервью Fox News заявил, что видит гораздо более опасную угрозу внутри самой страны: — Есть внешний враг. А есть враг внутри. Под «врагом внутри» он имел в виду демократов, которых обвинял в попытках подорвать его власть. — По-моему, внутренний враг опаснее Китая, России и всех этих стран, — сказал Трамп.

Новый меморандум президента был сосредоточен именно на тех методах, с которыми семья Миллера столкнулась в Норт-Арлингтоне. При этом NSPM-7 был крайне избирателен в вопросе о том, какие группы и идеологии должны изучать следователи. В документе ничего не говорилось ни о какой правой идеологии. Ни слова о насилии сторонников превосходства белых. Ни слова о попытках протрамповских групп вроде Proud Boys помешать мирной передаче власти после выборов 2020 года. Не упоминалось нападение 2022 года на мужа Нэнси Пелоси. Не упоминались угрозы мечетям и синагогам. Не упоминалось и убийство в 2025 году Мелиссы Хортман, лидера демократической фракции Палаты представителей штата Миннесота, погибшей вместе с мужем.

NSPM-7 был направлен исключительно против левых. В тот же день Министерство юстиции поручило федеральным прокурорам расследовать деятельность организации Джорджа Сороса. Министерству финансов и Налоговой службе было приказано изучить финансовые потоки левых «террористических» групп. 14 октября, выступая в *The Charlie Kirk Show*, Скотт Бессент сравнил убийство Кирка с национальной трагедией 11 сентября и заявил, что идёт по денежному следу. Куда именно этот след ведёт, пока было неясно.

Согласно NSPM-7, Национальная объединённая оперативная группа по борьбе с терроризмом должна была регулярно отчитываться перед советником по внутренней безопасности Стивеном Миллером. А генеральный прокурор должен был рекомендовать, какие организации следует официально признать «внутренними террористическими организациями».

Всего через восемь месяцев после начала второго срока Трампа Миллер стал одним из самых могущественных сотрудников Белого дома в современной американской истории. «Мы сделаем это во имя Чарли», — обещал он. Теперь у него были и инструменты, и политическое разрешение попытаться исполнить обещанное.

Время для Джеймса Коми истекало, и президент это прекрасно понимал. К концу сентября Трамп всё чаще срывался на советниках из-за того, как медленно продвигалась его кампания возмездия. Срок давности по единственному преступлению, которое, по мнению его команды, можно было попытаться вменить Коми — директору ФБР, уволенному Трампом в первые месяцы первого президентского срока, — вот-вот должен был истечь. Если Министерство юстиции не поторопится, Коми уйдёт от ответственности. И словно этого было мало, Летиции Джеймс до сих пор тоже не предъявили обвинений. На Пэм Бонди Трамп жаловался уже несколько месяцев.

Для его ближайшего окружения тирады в адрес генерального прокурора превратились в привычный фон. — Она понятия не имеет, что делает, — бушевал он. — Ей никто не доверяет. Это резко расходилось с тем, что Трамп говорил публично: что Бонди великолепна и что он полностью доверяет её способностям. Во время очередной вспышки раздражения он сказал одному советнику: — Не знаю, зачем вообще я её выбрал. Она ходит на все эти мероприятия, развлекается, но не хочет выполнять свою работу.

Под «работой» Трамп подразумевал уголовные дела против своих врагов. Особенно его интересовали люди, причастные к расследованию многолетней давности о возможном сговоре его кампании 2016 года с Россией.

Он также хотел уголовного преследования практически всех, кто расследовал его деятельность после ухода из Белого дома. Вместо этого, жаловался президент, Бонди и заместитель генерального прокурора Тодд Бланш позволяли всем уйти безнаказанными. Каш Патель тоже оказался под ударом. На протяжении нескольких лет сторонникам MAGA обещали, что стоит Трампу вернуться к власти — и демократов начнут выводить из домов и кабинетов в наручниках. Сам Патель подпитывал эти ожидания в своей книге *Government Gangsters* — «Правительственные гангстеры»: перечислял врагов Трампа и объяснял, почему против них необходимо действовать. Но спустя шесть месяцев после возвращения администрации к власти ни одному из этих людей обвинений предъявлено не было. Правые интернет-активисты, ещё недавно превозносившие Пателя как героя во время тяжёлой борьбы за его утверждение в должности, теперь обратились против него. И президент — тоже. В разговорах с советниками Трамп начал называть его «Показушник Каш», высмеивая любовь Пателя к демонстративным полётам на самолётах Министерства юстиции, и требовал объяснить, почему директор ФБР до сих пор не исполнил обещания о возмездии. Трамп также требовал уволить ряд высокопоставленных сотрудников ФБР и был убеждён, что Патель действует слишком медленно. В середине августа Трамп неожиданно назначил генерального прокурора штата Миссури Эндрю Бейли «со-заместителем директора» ФБР — вместе с Бонджино. Бейли был союзником Стивена Миллера и во время переходного периода претендовал на должность Бонди, хотя на личной встрече Трамп быстро потерял к нему интерес.

Должность «со-заместителя директора» придумали специально для того, чтобы привести Бейли в бюро. Советники Трампа в частных разговорах предполагали, что в итоге он сменит Пателя. Патель прекрасно видел стужающиеся тучи и говорил знакомым, что понимает недовольство Трампа. Но президент либо не понимал, либо просто не хотел понимать одну вещь: какими бы ни были недостатки Пателя, директор ФБР не имеет права самостоятельно предъявлять кому-либо обвинения. Это делают прокуроры.

То есть те самые люди, которых Трамп одновременно ругал за бездействие. До мая Трамп почти перестал воспринимать Коми как приоритетную мишень. Но затем бывший директор ФБР выложил в соцсетях фотографию ракушек на пляже, сложенных в цифры: «86 47». Сотрудники Трампа истолковали жаргонное выражение 86 — «избавиться от кого-то» — как угрозу 47-му президенту Соединённых Штатов. Коми удалил пост и заявил, что не поддерживает насилие. Но Секретная служба всё равно начала расследование.

И Коми вновь оказался в центре внимания Трампа. Прокуроры начали изучать, не дал ли Коми ложные показания во время слушаний в Сенате в 2020 году, отвечая на вопросы о расследовании связей с Россией. Срок давности истекал 30 сентября 2025 года, и Трамп уже несколько недель давил на Бонди и Бланша, требуя действий. Предъявлять обвинение должен был Эрик Зиберт — федеральный прокурор Восточного округа Вирджинии и назначенец самого Трампа. Поначалу советники президента относились к Зиберту хорошо. До карьеры прокурора он служил полицейским и в целом выполнял требования Министерства юстиции, поддерживая жёсткие меры администрации против нелегальных иммигрантов, совершивших тяжкие преступления, а также изучая возможность предъявить обвинения Коми. Однако уже несколько недель Зиберт предупреждал аппарат Бланша: доказательств для успешного суда над Коми недостаточно. Одновременно Билл Палт постоянно внушал Трампу, что Зиберт слаб и ему нельзя доверять хотя бы потому, что его назначение поддержали сенаторы-демократы.

По мере приближения 30 сентября по Белому дому поползли слухи: обвинения против Коми вот-вот будут предъявлены. Но вместо этого команда Зиберта подготовила для руководства Министерства юстиции меморандум, объяснявший, почему выиграть такое дело практически невозможно. Двухмесячное расследование возможной лжи Коми перед Конгрессом в 2020 году зашло в тупик. Зиберт понимал: если обвинения против Коми не будет, его собственная карьера в администрации закончится.

Не дожидаясь неизбежного, он подал в отставку. 20 сентября, охваченный яростью, Трамп попытался отправить Пэм Бонди резкое личное сообщение через Truth Social. Но каким-то образом оно оказалось опубликовано для всех.

Это была бессвязная тирада о том, что до сих пор не возбуждены дела против Коми, Летиции Джеймс и сенатора Адама Шиффа. Послание было адресовано «Пэм» и содержало предупреждение: **«Мы больше не можем медлить»**. В середине сообщения президент неожиданно сделал характерное для него отступление и похвалил сотрудницу Западного крыла и своего бывшего личного адвоката Линдси Халлиган, написав Бонди: **«Ты ей очень нравишься»**.

Когда перепуганные помощники сообщили Трампу, что сообщение опубликовано публично, президент начал отыгрывать назад. В частных разговорах он выразил сожаление, а затем разместил новое сообщение — на этот раз с похвалой Бонди. Но было поздно. Все уже видели публичное требование президента действовать — формулировки почти граничили с прямым приказом. Президент Соединённых Штатов открыто требовал от генерального прокурора возбуждать дела против конкретно названных людей. Это стало очередным — и самым вопиющим — нарушением установившихся после Уотергейта границ между Белым домом и Министерством юстиции.

Как и Бонди, Тодд Бланш оказался зажат между собственным юридическим мнением и требованиями непредсказуемого президента. Бланш когда-то представлял Пола Манафорта в одном из ответвлений расследования о России и считал поведение Коми в связи с расследованием предполагаемого сговора Трампа позорным. Летицию Джеймс он также терпеть не мог. Но, среди прочего, Бланш сомневался, что у Билла Палта действительно есть серьёзные доказательства против Джеймс, утверждавшей, что просто допустила добросовестную ошибку при заполнении документов. Бланш предупреждал сотрудников Западного крыла, что подобные дела требуют доказательства умысла. Он спорил об этом непосредственно с Трампом. Бланш говорил, что с удовольствием предъявил бы Джеймс обвинения и что, пожалуй, никто не хочет этого сильнее него, но дело с ипотечными документами слишком слабое.

Соппротивление Бланша ещё сильнее раздражало амбициозного Палта и его союзников как внутри администрации, так и за её пределами. К сентябрю Трамп рассказывал знакомым, что Палт уверял его: Бланш не хочет преследовать Джеймс, потому что сам якобы допускал ошибки в собственных ипотечных документах. Раздражённый Бланш говорил коллегам, что это неправда, и напоминал сотрудникам Белого дома: во время утверждения Сенатом его финансовые документы изучались самым тщательным образом.

Но Трамп продолжал кипеть из-за отсутствия прогресса в деле против Джеймс. Одному советнику он объяснил, что Бланш должен наконец понять: президента в действительности не особенно волнует, признают её в итоге виновной или нет. Настоящая цель состояла в том, чтобы затащить в суд генерального прокурора Нью-Йорка — женщину, которая добилась против Трампа решения по гражданскому делу о мошенничестве почти на полмиллиарда долларов.

— Я хочу превратить её жизнь в ад, — сказал Трамп.

Когда его спросили об этой фразе, он не столько отрицал её, сколько уклонялся: — Не думаю, что говорил. А потом добавил: — Но вполне мог сказать. После чего назвал Джеймс «грязным копом», «очень коррумпированным человеком», «крайне политизированной» и «не слишком умной».

II

Вскоре после неудачного поста в Truth Social Трамп объявил, что выдвинет Линдси Халлиган на место Зиберта — федеральным прокурором Восточного округа Вирджинии. До того Халлиган работала старшим помощником секретаря аппарата Уилла Шарфа в Западном крыле. Личный адвокат Трампа Борис Эпштейн выступал за её назначение, и президенту эта идея понравилась — тем более что он неоднократно отмечал красоту Халлиган. К тому же почти не было сомнений: она выполнит то, что попросит Трамп.

Но юридический опыт Халлиган относился прежде всего к страховому праву, а не к уголовному. А её предполагаемыми противниками были бывший директор ФБР и действующий генеральный прокурор штата Нью-Йорк — люди, у которых будут сильнейшие адвокаты. Существовал и серьёзный вопрос о законности самого её назначения. Президенту разрешалось назначить лишь одного исполняющего обязанности федерального прокурора в каждом округе, а Трамп эту возможность уже использовал.

Тодд Бланш признавался коллегам, что его тревожит перспектива поручить столь громкие дела человеку, которого судья может признать незаконно назначенным. После краткой эйфории от газетных заголовков «ОБВИНЕНИЕ ПРЕДЪЯВЛЕНО», объяснял он, останутся дела, которые почти наверняка развалятся. А следующие полгода, по красочному выражению Бланша, судьи будут их «трахать в череп» — так он обозначал долгие и подробные судебные разборы. Но Трамп терял терпение. Утром 24 сентября, придя в Овальный кабинет, президент сказал одному помощнику, что, по его мнению, необходимо уволить и Бонди, и Бланша.

— Они вообще ничего не делают, — сердито заявил он, снова напомнив, что прокуроры другой стороны почему-то никогда не испытывали проблем, когда хотели преследовать его самого. Всё лето влиятельные деятели MAGA атаковали Бонди и Бланша, обвиняя их в недостаточной преданности Трампу. Особенно ожесточённой критика стала после провала вокруг «файлов Эпштейна».

Вскоре часть трамповской базы стала жаловаться и на то, что правительство делает слишком мало для людей, арестованных после беспорядков в Капитолии 6 января. Даже массовые помилования считались недостаточными. В середине сентября советники Трампа попросили правых интернет-лидеров активнее хвалить Бонди и Бланша в социальных сетях. Получился настоящий поток цифрового позитива, который при необходимости можно было распечатать и показать президенту. Даже Лора Лумер — ещё недавно одна из самых непримиримых противниц Бонди — после обеда в Западном крыле заключила с ней мир. Сьюзи Уайлс говорила знакомым, что необходимо учитывать пределы допустимого хаоса. Если президент прямо сейчас уволит и генерального прокурора, и его заместителя, Белый дом может оказаться в кризисе, который поглотит всё остальное. Особенно после публичного поста Трампа, где он фактически указывал Пэм Бонди, кого обвинять и как быстро это нужно сделать.

Уайлс вызвала Бланша и Бонди на совещание, чтобы обсудить дальнейшие действия. — Президент совершенно ясно выразил свои желания, — напомнила она. И у него действительно существовал постоянно обновляемый список людей, против которых он хотел уголовных дел. Советники президента вели этот список.

Помимо уже названных в Truth Social, туда входили судья Хуан Мерчан и его дочь, судья Артур Энгорон и организация Citizens for Responsibility and Ethics in Washington — CREW. Примечательно, что Элвина Брэгга, прокурора, который действительно добился уголовного осуждения Трампа, в списке почти не было.

Советники президента были убеждены, что союзники Байдена фактически заставили Брэгга довести это дело до суда. Совсем отсутствовал Майкл Коэн, чьи показания в Конгрессе помогли запустить дело Летиции Джеймс и который стал главным свидетелем Брэгга. Возможная причина этого выяснилась примерно через четыре месяца после того, как Трамп публично отчитал Бонди за медлительность в преследовании его врагов. Коэн заявил, что при подготовке показаний на процессах чувствовал «давление и принуждение» со стороны Летиции Джеймс и Брэгга.

III

Днём 25 сентября Джеймсу Коми наконец предъявили обвинения. Процедура была крайне необычной, и некоторое время никто толком не понимал, что именно произошло и какие доказательства представили присяжным. В итоге Коми предъявили два обвинения из трёх предполагаемых: одно — за ложные показания Конгрессу; второе — за воспрепятствование расследованию Конгресса. В момент объявления обвинений Трамп находился в Овальном кабинете.

Каш Патель позвонил президенту, чтобы вместе отпраздновать новость. Трамп выглядел одновременно восторженным и измотанным: недели поездок и потрясение от убийства Чарли Кирка начинали сказываться. Позвонила ему и Линдси Халлиган — сообщить о своей победе. Но у неё были и жалобы. — Я так устала, — сказала она по громкой связи. Использование громкой связи было давней привычкой Трампа. Собеседникам это нередко доставляло неприятный сюрприз: лишь постфактум они понимали, что весь разговор шёл открыто и они понятия не имели, кто ещё находился в комнате.

— Я всё делала сама, — продолжала Халлиган. Она пожаловалась, что не получила никакой помощи от высокопоставленных чиновников Министерства юстиции. Сотрудники ФБР подтвердили её слова. Другие представители Минюста это отрицали и утверждали, что старшие юристы из аппарата Бланша помогали ей готовить дело. Жалобы Халлиган полностью совпадали с подозрениями самого Трампа.

Так или иначе, в Белом доме теперь решили, что кампания уголовного преследования наконец набирает ход. Чиновники перечисляли людей, которым, по их ожиданиям, должны были предъявить обвинения в ближайшие недели: Летиция Джеймс; Джон Болтон; бывший директор ЦРУ Джон Бреннан; а также фигуранты дела о заговоре, которое Тулси Габбард передала в Министерство юстиции. Кроме того, во Флориде большие жюри должны были начать изучать доказательства против целого ряда чиновников эпохи Обамы в связи с расследованием о России.

9 октября обвинения предъявили Летиции Джеймс. На этот раз Пэм Бонди и Тодд Бланш узнали об этом из новостей. Советники Трампа тоже оказались не готовы. О случившемся президенту сообщила Уайлс, которая, по её собственным словам, тоже увидела новость по телевизору. Сторонникам MAGA чиновники администрации обещали, что против Джеймс вскоре последуют дополнительные обвинения.

Через неделю обвинение предъявили и Джон Болтону — уже в другом федеральном округе. Это дело выросло из расследования, начатого ещё при Байдене, и на первый взгляд выглядело куда серьёзнее. Речь шла о секретных материалах, которыми, по версии прокуроров, Болтон незаконно делился с женой и дочерью, когда занимал должность советника Трампа по национальной безопасности в первый срок и готовил разгромную книгу о президенте. Но Бланш оказался прав насчёт того, что произойдёт дальше.

Удовлетворение Трампа было мгновенным — и недолгим. Адвокаты защиты оспарили обвинения против Джеймс и Коми, и за несколько дней до Дня благодарения оба дела были прекращены. Судья заявил, что Халлиган неверно представила нормы права большому жюри в деле Коми. Кроме того, её собственное назначение оказалось недействительным — а значит, оба обвинительных акта теряли силу. Трамп отмахнулся от провала. О Коми он сказал:

— Он ушёл по технической причине. По словам Трампа, суд решил, что Линдси Халлиган «назначили неправильно», но сам президент был убеждён: — По-моему, её назначили совершенно правильно. Он напомнил, что решение обжалуется. Именно это и предсказывал Бланш: никакая не случайная «техническая ошибка», а вполне предсказуемая катастрофа.

Судья добавил, что Министерство юстиции может вновь предъявить обвинения Летиции Джеймс и Джеймсу Коми, если использует законно назначенного прокурора. Но срок давности по делу Коми серьёзно осложнял эту возможность. В последующие недели прокуроры как минимум дважды пытались вновь добиться обвинения Джеймс. Оба раза большие жюри отказывались. Так год и закончился — а программа политического возмездия Трампа так и не расцвела во всей задуманной полноте.

Часть IV

ГРАБЁЖ

В отличие от своего предшественника Дональд Трамп любил создавать впечатляющее зрелище полной открытости. Он приглашал прессу на заседания кабинета министров. Публиковал в соцсетях скриншоты униженно-заискивающих личных сообщений европейских лидеров. И каждый день говорил вещи, которые ни один другой американский президент не позволил бы себе произнести публично. У американцев возникало ощущение, будто они получают прямой, совершенно нефильтрованный поток сознания своего лидера. Но как бы плохо Трамп порой ни контролировал собственные импульсы, секретов у него было немало. Большинство сотрудников его правительства — включая почти весь аппарат Белого дома — зачастую вообще не представляли, что обсуждается в узком внутреннем кругу президента.

В конце весны 2025 года крошечная группа самых доверенных советников Трампа начала тайно планировать военную кампанию, которая даже при самом благожелательном юридическом толковании проходила по самой границе законности. Позднее многие юристы, в том числе специалисты по праву вооружённых конфликтов, использовали для происходящего куда более прямые выражения: «**внесудебные убийства**»; «**убийство**». И, как всегда, в самом центре событий находился Стивен Миллер.

Он не доверял «глубинному государству» и многим собственным коллегам и был настоящим мастером скрытности. Миллер старался не оставлять письменных следов. Предпочитал телефонные звонки и тихие личные беседы. Когда обсуждалось что-то особенно чувствительное, он стремился говорить один на один, чтобы сократить риск утечек. Он выстроил собственную систему секретности, позволявшую разрабатывать планы вдали от любопытных глаз большей части администрации — а иногда даже в обход подразделения Белого дома, которое отслеживало движение документов к президенту. Как заместитель главы аппарата по политике Миллер контролировал практически все внутривластные вопросы. Но была у него и вторая должность:

советник по внутренней безопасности. Она лишь дополнительно увеличивала его и без того огромное влияние. Миллер руководил примерно тридцатью сотрудниками Совета внутренней безопасности — структуры, созданной после 11 сентября для координации работы федеральных ведомств по вопросам безопасности внутри страны. Контроль над советом давал Миллеру влияние и на национальную безопасность, и на внешнюю политику — особенно в Западном полушарии. Теперь его допускали к сверхсекретным разведывательным брифингам президента и встречам с иностранными лидерами. За своё место за столом он боролся настойчиво. Миллер добивался участия даже в телефонных разговорах с главами государств, когда обсуждавшиеся вопросы, казалось бы, вообще не имели отношения к его официальным обязанностям.

Из-за его навязчивого и чрезвычайно публичного внимания к иммиграции многие не замечали, что у Миллера сформировались и весьма жёсткие взгляды на внешнюю политику США. Много лет он говорил знакомым, что Госдепартамент, Пентагон и ЦРУ совершенно неправильно расставляют приоритеты. Ему казалось безумием, что самыми престижными и желанными должностями в этих ведомствах считаются посты, связанные с Европой, Россией и Ближним Востоком. Все эти страны были далеко, и, по мнению Миллера, имели гораздо меньшее значение для безопасности США. Вместо этого американская внешняя политика должна сосредоточиться на самих Америках. Что может быть более созвучно принципу **America First** — «Америка прежде всего»? Миллер снова и снова, с почти навязчивой настойчивостью, задавал вопрос: почему Америка не может вернуть войска из дальних уголков мира и разместить их на южной границе и в американских городах — для защиты от предполагаемых марксистских подрывников и преступников из стран третьего мира?

Он риторически спрашивал коллег: — Что является лучшим применением нашего флота? Болтаться где-то на Ближнем Востоке или находиться здесь и защищать наши собственные берега?

Горькие воспоминания Миллера о первом сроке вполне соперничали с воспоминаниями самого Трампа. И Миллер, и Трамп ещё тогда хотели использовать американскую армию гораздо ближе к дому. Но этому противостояли высокопоставленные сотрудники Пентагона. Трамп не понимал, почему американцы не могут просто разбомбить нарколаборатории в Мексике, где производится фентанил, ежегодно убивающий десятки тысяч граждан США. У Трампа были примеры для подражания.

Советникам первого срока он говорил, что в Китае и на Филиппинах нет проблем с наркотиками, потому что лидеры этих стран просто казнят наркоторговцев. По его словам, Си Цзиньпин и Родриго Дутерте не переживают из-за ноющих юристов, заламывающих руки из-за всяких там понятий вроде «международного права» или «надлежащей правовой процедуры». Они просто убивают наркоторговцев. Во время второго срока Трамп решил поступать с торговцами наркотиками в стиле Дутерте.

Ирония состояла в том, что бывшего президента Филиппин всего через два месяца после возвращения Трампа в Белый дом передали Международному уголовному суду. Ему предъявляли обвинения в преступлениях против человечности, совершённых во время его «войны с наркотиками». Но США не являлись участником договора, учредившего МУС. Да и какие-либо другие юридические ограничения Трампа особенно не беспокоили. Он был главнокомандующим самой мощной армией мира. И обладал широким президентским иммунитетом. Теперь у Трампа и Стивена Миллера появился идеальный исполнитель: госсекретарь Марко Рубио.

Ещё будучи сенатором, Рубио не без оснований критиковал американских политиков за пренебрежение Западным полушарием. Он давно мечтал добиться смены режима на Кубе. Оставались у него и незавершённые счёты с Николасом Мадуро в Венесуэле. В 2017 году, когда Рубио был сенатором, режим Мадуро угрожал ему убийством. Угрозу восприняли настолько серьёзно, что ему предоставили охрану. Теперь, став госсекретарём и советником по национальной безопасности, Рубио имел и гораздо более серьёзную защиту, и несравненно больше власти. Сьюзи Уайлс впоследствии говорила знакомым, что кампания давления на Мадуро была, по крайней мере отчасти: **«мстью Марко»**. Однако на Трампа теперь работал уже совсем другой Рубио.

Исчез прежний идеалист. Исчез и более поздний «неоконсерватор» — сенатор, произносивший вдохновенные речи о необходимости принести народу Венесуэлы демократию и свободу. Сам Трамп подобные речи терпеть не мог. И став госсекретарём, Рубио начал изображать жёсткого реалиста, тщательно избегая разговоров о возвышенных принципах. Публично он продолжал хвалить лидера венесуэльской оппозиции Марию Корину Мачадо. Но по ходу 2025 года в частных беседах уже отвергал её кандидатуру в качестве замены Мадуро. Вместо этого Рубио убеждал Трампа: в краткосрочной перспективе Венесуэла будет стабильнее, а интересы Америки будут лучше защищены, если заменить Мадуро на более управляемого функционера, сохранив при этом в целом всю коррумпированную систему режима. Объясняя знакомым столь радикальную перемену собственных взглядов, Рубио говорил:

— Когда я был сенатором США, я был независимым подрядчиком, работающим от имени жителей Флориды. Когда становишься госсекретарём или советником по национальной безопасности — или одновременно и тем и другим, — ты больше не независимый подрядчик. О Трампе он говорил так: — Народ Соединённых Штатов избрал его президентом. Избрал его главнокомандующим и человеком, определяющим внешнюю политику. А наша работа — эту политику осуществлять. Что касается Венесуэлы, Рубио объяснял другим, что демократический переход там не может произойти за одну ночь. На данный момент страна просто не способна провести свободные и честные выборы.

Вся система настолько глубоко испорчена режимом, что попытка за короткий срок полностью всё переделать закончится хаосом и массовой миграцией, которая навредит Соединённым Штатам. Рубио воспринимал режим Мадуро как организованный преступный синдикат. Но опасался того, кто заполнит вакуум, если уничтожить всю систему целиком. Он боялся гражданской войны и перестрелок на улицах. Поэтому, с его точки зрения, национальным интересам США лучше служил бы коррумпированный, но

управляемый номинальный лидер, чем попытка любой ценой реализовать идеалы свободы и демократии. Изменения между «Трампом-1» и «Трампом-2» были ещё заметнее в Пентагоне. Во время первого срока руководство Пентагона нервировало поведение Трампа и презрительно относилось к молодому Миллеру — неопытному, агрессивному и напористому. Теперь же во главе недавно переименованного Министерства войны стоял убеждённый сторонник Трампа. На переходных совещаниях после выборов 2024 года Миллер активно продвигал кандидатуру министра обороны, разделявшего его взгляды на американскую армию и презрение к юристам, требующим строго соблюдать правила.

Это должно было больше соответствовать агрессивному мировоззрению Миллера и Трампа. Пит Хегсет — ветеран войны в Ираке и автор книги *The War on Warriors: Behind the Betrayal of the Men Who Keep Us Free* — давно критиковал американские правила ведения боевых действий. По его мнению, эти правила глупо связывали руки американским «воинам», снижая их «смертоносность». Хегсет считал новое поколение генералов слишком «воукнутым» и мягким. Он защищал военнослужащих, обвинённых в военных преступлениях. Военных юристов — судейских адвокатов, JAG — он презрительно называл *jagoffs*, грубой игрой слов, примерно означавшей «идиоты из JAG». Вскоре после прихода в Пентагон Хегсет просто избавился от «jagoffs», заменив высшее юридическое руководство вооружённых сил. Тем временем в Министерстве юстиции Трамп и Миллер поставили новое поколение юристов, чьей задачей было находить максимально смелые правовые обоснования для самых агрессивных требований президента.

СМИ по понятным причинам больше всего обсуждали радикальное переустройство руководства Минюста, где ключевые должности заняли личные адвокаты Трампа. Однако не менее важными — а применительно к юридически сомнительной военной кампании, возможно, даже более важными — стали изменения в Управлении юридических консультаций, Office of Legal Counsel. Эта структура фактически выполняла функции главного юридического советника всего правительства и имела огромное значение для операций Миллера. В обычных администрациях OLC возглавляли опытные, зрелые юристы. Но в конце июля управление во второй администрации Трампа возглавил 35-летний Т. Эллиот Гайзер. Его считали талантливым, но для такой должности относительно неопытным — прежде всего из-за возраста. Зато в биографии Гайзера была одна ценная строка: он входил в команду юристов, пытавшихся помочь Трампу отменить результаты выборов 2020 года. Во время кампании Трамп обещал использовать армию для уничтожения мексиканских наркокартелей, производящих фентанил, убивающий огромное количество американцев. В первые месяцы администрации Миллер в Совете внутренней безопасности разрабатывал способы выполнить это обещание.

Но возникали сложности. Президент Мексики Клаудия Шейнбаум активно сотрудничала с командой Трампа и соглашалась практически на всё, чего от неё требовали для сокращения потока мигрантов и наркотиков через южную границу. Но у Шейнбаум была одна красная линия: она не могла разрешить американским военным наносить удары на территории Мексики. Для мексиканцев это был чрезвычайно болезненный вопрос, связанный с исторической памятью об американском подчинении и завоеваниях. Даже обсуждение американских ударов неизбежно вызвало бы мощную волну мексиканского национализма и могло поставить под угрозу и власть Шейнбаум, и её сотрудничество с Вашингтоном.

Поэтому команда Трампа пока отложила этот вариант. Но в мае президент сообщил ближайшим советникам, что хочет действовать жёстче против Мадуро. Миллер предложил другой путь. Вместе с Рубио, Хегсетом, председателем Объединённого комитета начальников штабов Дэном Кейном и директором ЦРУ Джоном Рэтклиффом они начали планировать военную операцию, которая должна была потрясти весь мир.

II

Во время кампании 2024 года Дональд Трамп очень много говорил о наркотиках — прежде всего об опиоидной эпидемии, ставшей настоящим бедствием Америки в предыдущее десятилетие. Фентанил

ежегодно убивал более 100 тысяч американцев. При Байдене число смертей снизилось, но и в 2024 году оставалось чудовищным — около 80 тысяч человек. Химические прекурсоры для производства фентанила отправлялись из азиатских стран, в том числе Китая, в Мексику. Там в лабораториях производили наркотик, после чего переправляли его через границу в Соединённые Штаты. Но за всю кампанию 2024 года Трамп ни разу не говорил о венесуэльских скоростных катерах.

Никто из тех, кто непосредственно боролся с опиоидным кризисом, вообще не рассматривал их как значимый фактор. Это не означало, что венесуэльское правительство не имело отношения к наркотрафику. Первая администрация Трампа ещё в 2020 году предъявила Мадуро обвинения в наркоторговле. Но из Венесуэлы вывозили кокаин. Не фентанил. Кокаин, популярный в США уже многие десятилетия, традиционно рассматривался именно как криминальная проблема. Береговая охрана США регулярно перехватывала в Карибском море и восточной части Тихого океана суда, подозреваемые в перевозке кокаина. Если наркотики находили, груз конфисковывали, а контрабандистов арестовывали.

Но Трамп хотел действовать по методу Дутерте: **просто убивать их**. Рубио был согласен.

Он считал старый подход неэффективным. По его мнению, было ошибкой относиться к наркоконтрабандистам как к обычным преступникам. Рубио утверждал, что латиноамериканские наркобанды давно заложили потери от действий Береговой охраны в свои бизнес-модели. Они заранее рассчитывали, что каждый год определённое количество наркотиков будет потеряно в море. Но если американская армия начнёт применять беспилотники Reaper и ракеты Hellfire, чтобы взрывать наркокатера, сигнал потенциальным контрабандистам будет совсем другим. Рубио был убеждён, что **«страх перед Жнецом»** — игра слов с названием беспилотника Reaper, «Жнец», — станет мощным средством устрашения.

Хегсету идея очень понравилась. Он считал совершенно логичным обращаться с наркокартелями так же, как с боевиками «Аль-Каиды», против которых воевал в Ираке.

Но чтобы оправдать уничтожение скоростных катеров в Карибском море как «самооборону» — хотя ни при каком разумном определении эти суда нельзя было считать «вооружёнными комбатантами», угрожающими Соединённым Штатам, — команде Трампа предстояло переопределить смысл таких слов, как: **«террорист»** и

«оружие массового уничтожения». До второго срока Трампа террористом обычно считался человек, применяющий насилие для запугивания людей ради достижения политических, религиозных или идеологических целей. Наркоконтрабандистами, напротив, двигала прибыль. Для их бизнеса было даже выгоднее, чтобы американские покупатели оставались живы и продолжали покупать кокаин.

Американские военные давно помогали правительствам стран Латинской Америки бороться с наркокартелями — особенно масштабно финансировалась такая кампания в Колумбии в 2000-е годы. Но роль США оставалась вспомогательной. Трамп хотел непосредственного участия в боевых действиях.

Он начал называть латиноамериканских наркоторговцев **«террористами»**, перевозчиками **«оружие массового уничтожения»**, предназначенное для массовой гибели людей в Соединённых Штатах — почти как во время атак 11 сентября. Администрация не представила никаких доказательств того, что латиноамериканские банды совершали или планировали террористические атаки на территории США. Их просто объявили террористами. Возникла ещё одна проблема — Конституция.

Только Конгресс обладает правом объявлять войну. После того как 11 сентября 2001 года террористы «Аль-Каиды» направили самолёты в башни Всемирного торгового центра и Пентагон, Конгресс официально разрешил применение военной силы против террористической организации и её союзников. Никакой войны против контрабандистов кокаина Конгресс не разрешал. Но Трампа это не остановило.

Ещё в первые месяцы второго срока он подготовил почву, объявив картели и банды вроде венесуэльской Tren de Aragua иностранными террористическими организациями. Однако закон, позволявший делать такие признания, вовсе не разрешал применять военную силу. Он лишь запрещал

американским гражданам и банкам финансировать эти организации или вести с ними дела. Подобные юридические детали администрацию Трампа не задержали.

В конце июля президент подписал секретную директиву, разрешавшую американским военным применять смертоносную силу против обозначенных наркокартелей и банд.

III

По поводу зарождающейся военной кампании шли два совершенно разных разговора: один — публичный; другой — закрытый.

Публично весь мир наблюдал, как администрация Трампа неделя за неделей усиливает давление на режим Мадуро. 25 июля Управление по контролю за иностранными активами Министерства финансов — OFAC — включило так называемый *Cartel de los Soles*, «Картель солнц», в список особо опасных международных террористических организаций за участие в наркотрафике и коррупции. На самом деле «Картель солнц» в Венесуэле был скорее собирательным выражением для коррумпированных военных, связанных с наркотиками. Но администрация Трампа стала обращаться с ним так, будто речь идёт о настоящей единой организации. 7 августа власти увеличили награду за Мадуро до 50 миллионов долларов — вдвое по сравнению с 25 миллионами, установленными при Байдене.

Весь август администрация усиливала риторику, называя Мадуро нелегитимным лидером и наркобароном. Одновременно в южную часть Карибского моря, к побережью Венесуэлы, стягивались огромные военно-морские силы. Высокопоставленные чиновники уверяли журналистов: операция направлена исключительно на борьбу с наркотиками. Но в частных разговорах Трамп говорил о гораздо большем. Он был одержим идеей завладеть огромными нефтяными месторождениями Венесуэлы. И хотел избавиться от Мадуро.

В августе агенты ЦРУ тайно проникли в Венесуэлу. Их задачей было собрать абсолютно всю возможную информацию о Николасе Мадуро: куда он ездит; что ест; с кем разговаривает; где спит. В голове Трампа всё яснее оформлялся замысел ещё более дерзкой операции. С первых дней администрации Пит Хегсет не мог оторваться от видеозаписей, на которых американские ракеты разрывали на части предполагаемых террористов в Африке и на Ближнем Востоке.

И он был далеко не единственным поклонником таких кадров. Хегсет выходил из своего просторного кабинета в Пентагоне и шёл по коридору в тесную комнатку своего младшего военного помощника. Рикки Буриа — позднее ставший главой аппарата Хегсета — ждал его у высокого рабочего стола. На компьютере уже было подготовлено очередное видео.

Записи поступали по секретной системе связи Министерства обороны от командования CENTCOM, отвечавшего за Ближний Восток, и Африканского командования. На них были запечатлены удары беспилотников по предполагаемым исламистским боевикам в Сомали, Сирии и Йемене. Хегсет стоял рядом с Буриа и внимательно смотрел. Если ролик особенно ему нравился, он говорил: — Это надо показать президенту. Видео отправляли в Белый дом, предварительно сокращая, а иногда убирая особенно кровавые моменты. Некоторые записи были исключительно жестокими.

После ударов вокруг валялись части человеческих тел — такие кадры обычно вырезали. Один американский чиновник, знакомый с этими материалами, называл их: **«снафф-фильмами Хегсета»**. Другие участники процесса возражали: министр просто информировал главнокомандующего об успешных операциях. Трамп обожал эти записи. Он и публично называл подобные удары впечатляющей демонстрацией американской военной мощи и иногда выкладывал видео в социальные сети. Но существовал один вид боевых записей, которые Хегсет явно не хотел отправлять президенту.

Возможно, он чувствовал, что Трамп не захочет смотреть, как поддерживаемые Соединёнными Штатами украинские военные уничтожают российских солдат. Поэтому видеозаписи ударов с этой войны министр обороны не популяризировал. Кампания по уничтожению катеров в Карибском море и восточной части Тихого океана будто специально создавалась для социальных сетей. 2 сентября Трамп

разговаривал с группой журналистов в Овальном кабинете и как бы между прочим сообщил: — Буквально несколько минут назад мы просто уничтожили лодку. Лодку с наркотиками. Там было очень много наркотиков. Вскоре на Truth Social президент рассказал об ударе подробнее. Он заявил, что были убиты 11 человек, перевозивших наркотики от имени Tren de Aragua.

И выложил зернистую видеозапись воздушного наблюдения, на которой лодка взрывалась на воде. Заявления Трампа и само видео немедленно породили множество вопросов. На каком юридическом основании президент приказал уничтожить лодку? Кто находился на борту? Опубликует ли администрация доказательства своих утверждений?

После опыта 11 сентября — когда администрация Буша уверяла страну, что располагает «неопровержимой» разведывательной информацией об оружии массового уничтожения Саддама Хусейна, а затем выяснилось, что эти данные были ложными, — журналисты, специализировавшиеся на национальной безопасности, автоматически относились к подобным заявлениям с недоверием. Возникал и более простой вопрос. Если это действительно был наркотикатер, почему на нём находились сразу 11 человек? На небольших судах контрабандисты обычно старались использовать минимальное число экипажа. Чем больше людей на борту — тем меньше места остаётся для наркотиков. Администрация отказалась публиковать подробное юридическое обоснование ударов.

Официальные лица лишь повторяли общие формулировки о «наркаторговцах», пытающихся навредить Соединённым Штатам. Но вскоре выяснилось, что власти скрывали ещё кое-что. Опубликованная Трампом запись первого уничтожения катера была далеко не полной.

Это был смонтированный фрагмент, показывавший лишь первый удар. Журналисты узнали, что на полной записи были видны последующие удары по тому же катеру. И они породили ещё более тревожные вопросы. Первый удар уничтожил не всех находившихся на борту. Об этом первой сообщила *The Intercept*. Позднее *The New York Times* написала, что после попадания первой ракеты двое мужчин забрались на перевёрнутый корпус лодки и стали махать руками, призывая на помощь. То есть очевидно не представляли непосредственной угрозы. После этого трёхзвёздный генерал Фрэнк М. Брэдли, командовавший Объединённым командованием специальных операций и руководивший миссией, распорядился нанести дополнительные удары.

Оба мужчины были убиты. В последующие недели и месяцы круг целей расширился. Удары стали наносить и по другим группам — например по колумбийцам, подозреваемым в перевозке кокаина в восточной части Тихого океана. По мере того как становилась яснее реальная картина кампании Трампа по уничтожению катеров, тревога росла по всему политическому спектру. Демократы, как и следовало ожидать, были возмущены. Но вместе с ними протестовали и некоторые республиканцы. Сенатор от Кентукки Рэнд Пол, известный противник военного вмешательства, сказал в эфире Fox Business:

— Нельзя проводить политику, при которой вы просто заявляете, будто человек в чём-то виновен, — и затем его убиваете. Кампания была настолько дерзкой, что вызвала тревогу даже у человека из администрации Буша, больше других ассоциировавшегося с максимально широкими трактовками президентской власти после 11 сентября. Работая юристом в Управлении юридических консультаций при Джордже Буше-младшем, Джон Ю писал секретные меморандумы, утверждавшие, что президент имеет право разрешать следователям жестоко обращаться с подозреваемыми в терроризме — включая имитацию утопления — ради получения показаний, несмотря на законы против пыток. Но в разговоре с Анкушем Хардори из *Politico* даже Ю заявил, что администрация Трампа неправомерно сравнивает венесуэльских наркоконтрабандистов с террористами «Аль-Каиды». — Они ведь не нападают на нас из-за нашей внешней политики или политической системы, — сказал Ю. — Они просто продают нам то, что хотят покупать люди в Америке. А мы просто пытаемся помешать им это продавать. Для меня это всегда считалось преступностью. Действующие военные были обязаны молчать.

Но признаки серьёзнейшей тревоги в армии всё же начали просачиваться наружу. Адмирал Элвин Холси, командующий Южным командованием США и отвечавший за военные операции в регионе,

неожиданно покинул пост через месяц после первых ударов. Публично Холси никак не объяснил причины. Но множество СМИ сообщали, что за закрытыми дверями он конфликтовал с Хегсетом и испытывал серьёзнейшие сомнения по поводу уничтожения катеров. Администрацию это не остановило. Трамп был в восторге от внимания, которое привлекала операция.

Он демонстрировал господство Америки на её собственном «заднем дворе» — в своеобразной трамповской версии Доктрины Монро XIX века, провозглашавшей недопустимость вмешательства европейских держав в дела Западного полушария. *New York Post* назвала новую концепцию: **«Доктриной Донро»** — соединив имя Дональда Трампа с фамилией Монро. Президент пришёл в восторг. В его представлении «Доктрина Донро» должна была сопровождаться ошеломляющей демонстрацией военной силы — такой, чтобы Китай, Россия и Иран наконец увидели: кто на самом деле хозяин в Америках.

15 сентября администрация Трампа уничтожила второй катер в Карибском море. 19 сентября — третий. 3 октября — четвёртый. 14 октября — пятый. 16 октября — шестой. 17 октября — седьмой. 21 и 22 октября — восьмой и девятый. 24 октября — десятый. А 27 октября военные атаковали сразу четыре судна в Тихом океане и убили 15 человек.

В начале октября Трамп официально уведомил Конгресс, что он «определил»: Соединённые Штаты находятся в состоянии вооружённого конфликта с неуточнёнными наркокартелями, которые президент признал террористическими организациями. Правомерность такого заявления широко оспаривалась. Но Трамп знал: республиканцы в Конгрессе рано или поздно выстроятся за ним. И, похоже, его вообще мало интересовала необходимость публично объяснять американскому народу, почему конфликт постоянно расширяется. Когда журналисты пытались получить ответы от помощников Трампа, тех нередко просто отправляли читать аккаунт президента в Truth Social.

23 октября Трамп сказал журналистам: — Не думаю, что нам обязательно нужно просить об объявлении войны. Думаю, мы просто будем убивать людей, которые везут наркотики в нашу страну, хорошо? Мы будем их убивать. Понимаете? Они будут, ну... мертвы. Пентагон направил в регион военные корабли.

Туда же прибыла ударная подводная лодка. Самолёты морской разведки P-8 Poseidon. Истребители F-35. Элитные подразделения специальных операций проводили учения у венесуэльского побережья. К началу ноября американская военная группировка в Карибском море стала крупнейшей со времён Карибского кризиса 1962 года.

Становилось совершенно очевидно: дело уже давно не только в скоростных катерах и кокаине.

Из всех блестящих наград, которых жаждал Дональд Трамп, мало какая так будоражила его воображение, как Нобелевская премия мира. По мере приближения октября он все сильнее заикливался на предстоящем объявлении лауреата — награды, которую, по его убеждению, он заслуживал. Некоторые советники считали, что Трамп просто завидует Баракку Обаме, получившему Нобелевскую премию уже в первый год своего президентства. Трамп постоянно ворчал, что Обама получил ее «за то, что ничего не сделал». Республиканцы и иностранные лидеры вроде Биньямина Нетаньяху быстро поняли: эта одержимость — один из самых простых способов снискать расположение Трампа. И вскоре они начали выдвигать его кандидатуру на премию.

Трамп отчаянно нуждался в крупном мирном соглашении, которое украсило бы его политическое наследие. До сих пор ему приходилось приукрашивать и раздувать значение куда менее значительных договоренностей и локальных конфликтов, чтобы представить себя историческим миротворцем. С российско-украинской войной дело не двигалось. Но теперь Иран был ослаблен, расстановка сил на Ближнем Востоке изменилась, и возникло редкое окно возможностей для прекращения огня между Израилем и ХАМАС. Если бы Трампу удалось заключить соглашение такого международного масштаба — соглашение, которого так и не смог добиться Байден, — это могло стать его лучшим шансом на Нобелевскую премию.

В первой половине года Стив Уиткофф неустанно продвигал идею какого-нибудь крупного ближневосточного соглашения — почти любого, лишь бы оно оказалось масштабным. Но первоначальное перемирие, которое он помог переговорщикам Байдена заключить незадолго до вступления Трампа в должность, развалилось через два месяца. Уиткофф почти не пользовался услугами аппарата и мало чем делился с людьми за пределами ближайшего круга президента. Поэтому зачастую было трудно понять, насколько его неизменно оптимистические рассказы о ходе переговоров соответствовали реальности.

Через несколько дней после инаугурации Билл Клинтон отправился на Ближний Восток, где перемирие еще сохранялось. Он встретился с Мухаммедом ибн Салманом, наследным принцем Абу-Даби и несколькими высокопоставленными министрами ОАЭ. В то время МБС активно продвигал программу *Vision 2030*, направленную на диверсификацию саудовской экономики, и сказал Клинтону, что новое перемирие в Газе будет иметь ключевое значение для успеха этой стратегии. Понимая, что такая информация может быть полезна новому президенту, Клинтон сначала связался с Джаредом Кушнером. Затем ему позвонил Трамп, включив все свое обаяние, и познакомил его с Уиткоффом. Следующий разговор поразил Клинтона. Уиткофф практически полностью захватил инициативу в беседе, и бывшему президенту стало ясно: посланник Трампа воспринимает конфликт скорее как спор о недвижимости, чем как региональную войну, корни которой уходят в столетия исторических обид и вражды.

Сам Трамп в частных разговорах тоже начинал раздражаться своим специальным посланником. — Он у нас великий мастер сделок, — жаловался Трамп одному знакомому в июле, раздраженный отсутствием прогресса по Украине. — Но пора бы ему уже какие-нибудь сделки заключить.

Даже сторонники Уиткоффа в Белом доме считали, что ему нужна помощь.

II

История Джареда Кушнера в первой администрации Трампа была сложной и противоречивой. Его постоянно преследовали обвинения в конфликте интересов и внутренние войны с другими советниками. Одним из направлений, которые ему поручили, была ближневосточная дипломатия — крайне

рискованная и взрывоопасная сфера, в которой у Кушнера не было никакого опыта. Но в арабских монархиях Кушнера, ортодоксального еврея, воспринимали почти как наследного принца.

Он считался более надежным эмиссаром Трампа, чем любой другой чиновник, потому что был членом семьи. Кушнер довольно быстро произвел хорошее впечатление на лидеров стран Персидского залива: он много спрашивал, внимательно слушал и таким образом завоевывал доверие. К концу первого срока Трампа у него уже были реальные дипломатические достижения. Именно Кушнер помог провести важнейшую внешнеполитическую инициативу Трампа — Авраамовы соглашения, нормализовавшие отношения Израиля с Бахрейном, Марокко и Объединенными Арабскими Эмиратами. А за несколько недель до ухода Трампа с поста Кушнер помог договориться об окончании более чем трехлетней региональной блокады Катара, которую возглавляла Саудовская Аравия. После поражения на выборах 2020 года и катастрофических последних недель первого срока Трампа Кушнер и Иванка Трамп перебрались во Флориду. Там Кушнер создал инвестиционную компанию *Affinity Partners*.

Связи, которые он установил на Ближнем Востоке во время работы в правительстве, вскоре принесли свои плоды. Со временем наследный принц Саудовской Аравии Мухаммед ибн Салман распорядился, чтобы Государственный инвестиционный фонд страны вложил два миллиарда долларов в небольшую компанию Кушнера — несмотря на возражения некоторых членов собственного совета фонда. *The Wall Street Journal* сообщала, что МБС объяснял решение тем, что работа Кушнера над Авраамовыми соглашениями продемонстрировала «значительную деловую хватку». Однако газета также отмечала, что некоторые советники наследного принца воспринимали саудовские вложения в фонд Кушнера «скорее как политическую инвестицию, чем как финансовую». Кушнер также сблизился с шейхом Мухаммедом бин Абдулрахманом бин Джассимом Аль Тани, премьер-министром Катара, который курировал Катарское инвестиционное управление. Оно тоже вложило деньги в фонд Кушнера. То же сделали инвестиционные структуры из ОАЭ. Все это породило обвинения в конфликте интересов и использовании прежних служебных связей в личных целях. Но Кушнер, вновь ставший частным лицом, отмахивался от критики.

Его стандартным ответом было: никто не может указать ни на одно принятое им решение, которое противоречило бы интересам Соединенных Штатов. Во время переходного периода Кушнер помогал Стиву Уиткоффу — сначала с подбором переговорной команды, а затем, уже после вступления Трампа в должность, знакомил его с ключевыми фигурами на Ближнем Востоке. До второй половины 2025 года он по большей части оставался незаметной силой за спиной Уиткоффа. Но за кулисами Кушнер работал уже несколько месяцев, неофициально консультируя группу высокопоставленных представителей администрации, которые сами обращались к нему за советом или охотно принимали его рекомендации. Среди них были самые влиятельные люди в команде Трампа — Сьюзи Уайлз, Скотт Бессент, Марко Рубио и Майк Уолтц. Некоторых Кушнер называл своими «постоянными клиентами» и хотел, чтобы они добились успеха. После жесткой публичной критики, обрушившейся на него во время первого срока, и желая больше времени проводить с молодой семьей, Кушнер говорил знакомым, что предпочел бы остаться неофициальным советником, живущим в Майами, а не возвращаться в Вашингтон на постоянную работу в администрации. К риску публикаций о конфликтах интересов он относился куда осторожнее, чем его два шурина — Эрик и Дон-младший.

Поэтому Кушнер в основном держался в тени. Но в нужный момент ему предстояло снова выйти на публичную сцену. Конфликт между Израилем и ХАМАС казался неразрешимым. Нетаньяху и публично, и за закрытыми дверями действовал исходя из убеждения, что Трамп в конечном счете поддержит все, чего он захочет. Американские удары по иранским ядерным объектам в июне только укрепили его в этой уверенности.

Если переговоры об Авраамовых соглашениях уже были сложнейшим дипломатическим достижением, то попытка собрать вокруг сделки между Израилем и ХАМАС все основные силы региона требовала усилий совершенно другого масштаба. В отличие от многих членов второго кабинета Трампа

и сотрудников Западного крыла, Кушнер хорошо знал Вашингтон и понимал, как там все работает. И, как сам Трамп, он презирал стандартные процедуры и протоколы, считая бюрократию ненужным препятствием на пути к результату. С его точки зрения, сделки становились возможны лишь тогда, когда стороны были готовы отказаться от привычных американских принципов — например, от категорического отказа вести переговоры с террористами. Или когда предполагаемый конфликт интересов воспринимался не как проблема, а как преимущество в переговорах. Во время первого срока Трампа такой подход Кушнера вызывал у коллег раздражение, а порой и ярость. В новом мире Трампа его уже не просто терпели — им восхищались.

III

На самом деле Кушнер уже работал над планом послевоенного восстановления Газы вместе с бывшим премьер-министром Великобритании Тони Блэром. Блэр консультировался с Кушнером еще в первый срок Трампа, а во время переходного периода 2024 года снова тихо вышел с ним на связь. В июле 2025 года во время поездки в Израиль Кушнер встретился с Нетаньяху. Затем они встретились еще раз в августе. Кушнер держал Уиткоффа и Рубио в курсе своей работы. Вместе с Блэром он представил Трампу в Белом доме свои идеи относительно будущего Газы и миллионов палестинских беженцев.

Изучив план, Трамп сделал вполне предсказуемое замечание о перспективах строительства в Газе отеля под брендом Trump. Один из советников поспешил заверить, что президент пошутил. Теперь, когда участие Кушнера становилось более заметным, Блэр тоже оставался частью дальнейшего процесса.

Кушнер и Стив Уиткофф жили совсем недалеко друг от друга в богатых районах Южной Флориды. Они подолгу гуляли вместе — иногда по несколько часов — обсуждая будущую сделку по Газе. Какое-то время они постоянно ходили друг к другу домой, пытаясь выработать жизнеспособную концепцию следующего этапа завершения конфликта. Одна из таких встреч прошла 8 сентября в гостиной Уиткоффа. К ним пришел давний советник Нетаньяху Рон Дермер. За три часа в доме Уиткоффа в Майами они набросали основу возможной сделки по заложникам и прекращению огня в Газе. Дермер уже активно работал над планом послевоенного устройства сектора. Но он понимал: любое предложение, которое будет выглядеть исключительно израильской инициативой, обречено с самого начала.

Ему требовалось одобрение администрации Трампа. После доработки проекта они намеревались сначала показать его катарским посредникам, представлявшим руководство ХАМАС. Оптимизм американцев рухнул примерно через двенадцать часов. Израиль выпустил ракеты по объекту в Дохе, столице Катара, где проходила встреча переговорщиков ХАМАС, обсуждавших возможное завершение войны.

Значительная часть зарубежного руководства ХАМАС годами жила под защитой Катара. Среди них был и один из самых влиятельных лидеров организации Халед Машаль.

Это был ошеломляющий воздушный удар по столице союзника Соединенных Штатов — страны, чьи лидеры как раз могли помочь заключить те соглашения, которых добивался Трамп. Кушнер и Уиткофф пришли в ярость. — Дермер нам солгал, — говорили они чиновникам Белого дома. Всего за день до этого Дермер сидел в гостиной Уиткоффа и не произнес ни слова, не дал даже намека на готовившийся удар — удар по тем самым людям, чья помощь была нужна американцам. Для Кушнера и Уиткоффа это было предательством доверия на самом высоком уровне. Дермер настаивал, что никакого обмана не было. По его словам, он ничего не сказал о готовящемся ударе по Дохе лишь потому, что обсуждение и окончательное решение были приняты уже на следующий день после их встречи.

Удар оказался неожиданностью и для Трампа. Уиткофф хотел предупредить своих катарских контактов, но к тому времени, когда он узнал об атаке, было уже поздно. Истребители приближались к цели.

Первой реакцией катарцев было: хватит, мы больше не будем помогать Израилю. Кушнер подумал почти то же самое. Позже он рассказывал знакомому, что у него мелькнуло: «Да ну все к черту».

Израильтяне сошли с ума». Правительство Нетаньяху, думал он, совершенно вышло из-под контроля. И если израильтяне готовы лгать ему и Уиткоффу — людям, которые пытаются им помочь, — то к черту их.

Трамп поначалу не проявил такой же ярости. В день удара он расспрашивал окружающих, что они думают. Казалось, он не мог решить, насколько жесткую позицию занять, пока не поймет, как атака воспринимается окружающими. В конце концов Трамп решил, что произошло слишком серьезное унижение, чтобы просто проглотить его. Так оставить это было нельзя. Но параллельно начали крутиться и другие механизмы.

Некоторые ближайшие советники Трампа, считавшие, что Нетаньяху в июне манипуляциями втянул президента в удары по Ирану, увидели в случившемся возможность наконец поставить израильского премьера под контроль. Тони Блэр предложил Кушнеру объединить широкий послевоенный план для Газы, над которым они уже работали, с соглашением о прекращении огня. Получилась бы большая комплексная сделка — такая, возможность для которой возникает лишь в редкие исторические моменты. Разъяренный ударом Израиля по Дохе, Кушнер отложил все обсуждения до утра. Но уже на следующий день был готов работать.

В то утро он написал первый проект будущего плана — примерно из двадцати пунктов — по прекращению огня и окончательной сделке об освобождении заложников. Он отправил текст Уиткоффу, тот внес свои изменения. Тем временем Уиткофф пытался убедить катарцев вернуться за стол переговоров. Это было непросто: Катар в тот момент активно поднимал весь регион против Израиля. В Белом доме уже обсуждали возможность организовать встречу с представителями ближневосточных государств во время поездки Трампа в Нью-Йорк на Генеральную Ассамблею ООН позже в том же месяце. Шейх Мухаммед, премьер-министр Катара, тоже должен был приехать в США. Кушнер и Уиткофф встретились с ним в нижнем этаже отеля *Fifth Avenue Hotel* на Западной 28-й улице. За чаем и кофе они около часа слушали разгневанного шейха, рассказывавшего, насколько глубоко он и весь Катар чувствовали себя униженными Израилем.

— У вас есть два варианта, — объясняли ему Кушнер и Уиткофф. Первый — воспользоваться атакой, чтобы еще сильнее изолировать Израиль после двух лет разрушений в Газе, которые уже настроили мировое общественное мнение против Нетаньяху. Они признавали: такая реакция была бы понятной и вполне оправданной. Но был и второй путь: использовать случившееся как рычаг давления и заставить Израиль вернуться за стол переговоров.

Шейх сидел между Кушнером и Уиткоффом в баре отеля, когда Кушнер достал MacBook и показал ему проект плана. Шейх наклонился к экрану и начал предлагать изменения, которые могли бы убедить арабские страны поддержать инициативу. В конце концов он сам взял ноутбук, положил руки на клавиатуру и начал редактировать текст.

На Рош ха-Шана, еврейский Новый год, Уиткофф присоединился к Трампу на встрече с восемью арабскими и мусульманскими лидерами, приехавшими в Нью-Йорк на Генеральную Ассамблею. Он принес одностраничный документ с ключевыми пунктами переработанного мирного плана. Среди прочего, он предусматривал разоружение ХАМАС, отказ организации от насилия и частичный вывод израильских войск. — Мы собрались здесь ради мира, — сказал Трамп. Затем он предложил каждому из лидеров открыто высказать свое мнение.

Встреча быстро превратилась в коллективный разгром Израиля. Представители арабских и мусульманских стран один за другим выражали свое возмущение Нетаньяху. Большинство считало, что удар по Дохе резко ухудшил перспективы прекращения огня в Газе. Как можно вести будущие переговоры добросовестно после такого предательства доверия? Со своей стороны Трамп впервые обозначил новые красные линии для Израиля.

В частности, он заявил, что не позволит Израилю аннексировать Западный берег. Но в целом разговор складывался плохо. Уиткофф передал Трампу записку, попросив дать ему слово и позволить

добавить кое-что к обсуждению. Когда президент передал ему слово, спецпосланник подробно изложил идею будущего управления Газой. Сектор должен был перейти под контроль технократического комитета, который сформирует эффективное правительство. Школьное образование предлагалось реформировать так, чтобы воспитывать больше терпимости к евреям.

Но полностью игнорировать ХАМАС, добавил Уиткофф, невозможно.

Отсутствие серьезного дипломатического опыта и знания истории он компенсировал умением продавать идеи и неизменным спокойствием — ощущением, будто солнце всегда светит. Лидеры Ближнего Востока отреагировали положительно. А Трамп, как часто бывало, воодушевился их энтузиазмом. Главный вывод Кушнера и Уиткоффа состоял в том, что если настаивать на немедленном возвращении всех заложников — и живых, и останков погибших, разбросанных по подземным туннелям ХАМАС, — можно прождать вечность. Нужно было прежде всего спасти тех, кто еще жив.

Трамп продолжал продвигать план в личных встречах и телефонных разговорах с арабскими лидерами. Ни малейшего желания уступить Нетаньяху он не демонстрировал. Наоборот, он убеждал арабские страны не сходить с выбранного пути. Если кому Трамп и делал уступки на этот раз, то скорее именно им. Эмир Катара позвонил президенту и сказал, что не уверен, согласится ли ХАМАС на все условия. Организация наверняка захочет сохранить хотя бы часть менее мощного оружия для самозащиты. — Меня это устраивает, — ответил Трамп.

IV

Когда Нетаньяху наконец ввели в курс всей масштабной схемы — он тоже находился в Нью-Йорке на мероприятиях ООН, — премьер оказался далеко не в восторге. Потребовались долгие часы переговоров: с одной стороны Кушнер и Уиткофф, с другой — Дермер, чтобы снять его основные опасения. Нетаньяху одновременно готовился к выступлению в ООН, где ему предстояло объяснять скептически настроенным мировым лидерам необходимость двухлетней войны Израиля в Газе. В какой-то момент он обнаружил Кушнера и Уиткоффа ожидающими снаружи гостиничного номера, пока сам работал над черновиком речи для Генеральной Ассамблеи. В эти несколько дней Кушнер и Нетаньяху провели встречу, которую израильская сторона сочла очень продуктивной. Кушнер и Уиткофф постоянно курсировали между отелем Нетаньяху *Loews Regency* и рестораном *Le Bilboquet* на Восточной 60-й улице.

Ресторан принадлежал Уиткоффу и даже хвастался в меню «фирменным каджунским цыпленком по рецепту самого владельца». На время переговоров он превратился в их штабную столовую. В столь критический момент важно было постоянно находиться рядом с израильтянами. Понимая, насколько слабы его позиции, Нетаньяху в конце концов, похоже, решил согласиться на план. После удара по Катару Израиль оказался в такой глубокой геополитической изоляции, какой страна не знала уже много лет. Нетаньяху говорил приближенным, что готов согласиться на какую-то форму сделки, которой добивается администрация Трампа.

Но при этом он сомневался, что ХАМАС примет те же условия. Именно это делало согласие более удобным: можно было выглядеть разумным, предполагая, что другая сторона все равно откажется.

Бойцы ХАМАС непосредственно в Газе могли стремиться к перемирию, но часть политического руководства организации в Дохе могла быть куда менее заинтересована. Нетаньяху готовился встретиться с Трампом в Белом доме в следующий понедельник. Уиткофф тем временем был уверен, что еще до встречи с президентом Нетаньяху попытается разрушить неформальные договоренности или хотя бы изменить их условия. Он предупредил Кушнера: — Я тебе говорю, Биби в последний момент попытается обойти нас, чтобы выскочить из сделки, и напрямую позвонит президенту. Кушнер не соглашался.

Он был уверен, что соглашение устоит. Но на всякий случай они предупредили Сьюзи Уайлз. Ситуация была крайне хрупкой, слишком многое могло сорваться одновременно: заложники, двадцатипунктный план, извинение перед Катаром, которого катарцы требовали от Израиля. Если

Нетаньяху снова попробует напрямую обратиться к Трампу и переиграть остальных, нужно было быть готовыми. И действительно. 27 сентября, теплым по-необычному для этого времени вечером в Нью-Йорке, Кушнера и Уиткоффа прервал звонок Уайлз.

Нетаньяху только что попросил в тот же вечер поговорить с президентом и через несколько минут должен был соединиться с ним через операторскую Белого дома. Кушнер и Уиткофф поспешили предупредить Трампа. Они подозревали, хотя точно не знали, что Нетаньяху собирается сорвать сделку. Трамп быстро пресек все обсуждения: — А почему бы вам просто не подключиться ко мне к разговору?

К моменту, когда Нетаньяху наконец соединили с президентом после технических проблем на коммутаторе, Трамп уже был в отвратительном настроении. И сразу же взорвался. Поток ярости, который позже присутствовавшие сравнят с пушечной канонадой, продолжался почти без остановки около двадцати минут. Нетаньяху едва удавалось вставить слово. Трамп кричал, что ему надоели его выходки. — Я сделал все, чтобы защитить тебя. Так что, черт возьми, соглашайся на это. Все это длится уже слишком долго. Всем ты надоел, Биби. — Всем евреям ты надоел. Даже двум евреям, которые сейчас на этом звонке, ты надоел, — добавил Трамп, имея в виду Кушнера и Уиткоффа.

— Ты не можешь выйти из сделки. Я лучший друг, который когда-либо был у Израиля. Все тебя ненавидят, а я все это время был рядом с тобой. И продолжал орать: — Я тебе говорю, это отличная сделка для Израиля.

Позже другие участники назовут этот звонок «эпическим». Трамп прошелся по всему списку спорных решений, которые принимал в поддержку Израиля за оба своих президентских срока. Он предупредил Нетаньяху:

если тот откажется сейчас, это станет последней каплей. — Мы разведемся, — сказал Трамп. — Мы расстанемся. Наконец президент замолчал. На секунду воцарилась тишина. Затем заговорил Нетаньяху. Он стал уверять, что вовсе не собирался выходить из соглашения.

— Кто внушил вам неправильное впечатление, будто я звоню, чтобы отказаться от сделки? Почему президент вообще так думает? Я не понимаю, почему вы на меня кричите. В его голосе слышалась обида. — Тогда зачем ты мне звонишь? — спросил Трамп. — Есть пара вопросов, — осторожно ответил Нетаньяху. Позже премьер рассказывал своим людям, что заметил: некоторые окружающие специально создают проблемы и пытаются вбить клин между ним и Трампом. Он якобы просто хотел прояснить ситуацию.

Но объяснить подробно ему не дали. Трамп снова перебил: — У тебя на линии Джаред и Стив. Вот с ними все и решай. Но эту сделку мы заключим. Ты ее доведешь до конца. Разговор закончился тем, что Нетаньяху повторил: он честный партнер и сделает то, что считает правильным. Выпустив пар, Трамп тут же смягчился.

Все нормально, сказал он Нетаньяху. Он тоже его любит. Трампу было легко проявлять великодушие, когда он уже добился желаемого. Впервые за все годы отношений с Нетаньяху Трамп использовал свое влияние, чтобы заставить израильского лидера пойти на компромисс. Нетаньяху прекрасно понимал, в каком тяжелом положении оказался, особенно после катастрофической атаки на Доху. Но провести такую борьбу между столь сложными игроками, возможно, мог только Трамп.

Нетаньяху знал главное: Трамп был чрезвычайно популярен в Израиле. И эту силу ему приходилось учитывать так, как никогда не приходилось учитывать Джо Байдена. Сразу после этого состоялся напряженный разговор между Кушнером, Уиткоффом и Роном Дермером. Дермер звучал обиженно — он уже слышал о ярости Трампа.

Он потребовал объяснить, кто внушил президенту, будто Нетаньяху собирается отвергнуть сделку. — Это ваша вина, не наша, — ответил Уиткофф. Он напомнил, что их с Кушнером уже дважды унизили. Сначала им ничего не сказали об ударе по Дохе. Теперь Нетаньяху попытался обойти их напрямую звонком лидеру государства. Дермер почти не спал. Он признал, что должен был заранее объяснить, зачем Нетаньяху хочет говорить с президентом.

При этом продолжал утверждать, что звонок никак не был связан с отказом от сделки. Дермер понимал: Нетаньяху придется как-то извиниться перед Катаром. Без этого государство, имевшее наибольшее влияние на ХАМАС, могло подорвать американский план. Еще за две недели до этого Дермер обсуждал с Уиткоффом идею трехстороннего звонка: Нетаньяху, эмир Катара и Трамп. Для израильской публики такой формат было бы легче принять, учитывая огромную популярность Трампа в Израиле. К тому же в понедельник Нетаньяху должен был приехать в Белый дом.

Некоторые сотрудники Белого дома удивлялись, что после того, как Трамп с ним разговаривал, Нетаньяху вообще не отменил официальную встречу. Но он приехал. Вскоре Трамп дозвонился до премьер-министра Катара и передал трубку Нетаньяху, сидевшему рядом с ним в Овальном кабинете. Нетаньяху заранее привез тщательно составленный текст извинения, который позднее опубликовал в интернете. Теперь он начал читать его по телефону. Трамп с серьезным выражением лица держал телефон у себя на коленях. Этот момент попал на официальную фотографию, которую очень быстро распространили в социальных сетях.

Снимок не рассказывал всей истории. Но создавал образ, который уже невозможно было забыть: Нетаньяху сидит в подчиненном положении, на коротком поводке у Трампа.

V

Несмотря на достигнутое соглашение, скепсис оставался огромным — особенно после шока от израильского удара по Катару. Когда Нетаньяху сказал Кушнеру, что, по данным израильской разведки, ХАМАС отвергнет сделку, тот не согласился. — Я уже проходил через такое с разведкой, — ответил Кушнер. — Когда нужно найти террористов с помощью дорогого оружия, разведка великолепна. Но когда она пытается объяснять переговоры, ее оценки могут быть очень обманчивыми. Арабы говорят нам, что готовы поддержать соглашение. Нетаньяху встал на сторону плана. Кушнер и Уиткофф перешли к следующему этапу — начали обзванивать арабских партнеров и добиваться публичных заявлений в поддержку. Им нужно было, чтобы ХАМАС согласился как можно быстрее.

Но переговорщики ХАМАС еще не были готовы. Несмотря на это, через несколько дней Уиткофф и Кушнер убедят Трампа объявить, что ХАМАС уже поддержал соглашение. Тем самым организация оказывалась загнана в угол.

Кушнер и Уиткофф действовали как связка. Практически не выпускали телефоны из рук, продавливали план шаг за шагом. После доклада Трампу, Вэнсу, Хэгсету и Рубио в Вашингтоне они вылетели в Египет на тайные встречи с высшими представителями ХАМАС.

Исторический момент выглядел почти сюрреалистично. Но за ним стояли вполне реальные обиды и конфликты, уходившие к созданию Государства Израиль в 1948 году. Теперь двое нью-йоркских евреев — зять президента и его приятель по гольфу — готовились встретиться с ХАМАС, организацией, признанной террористической и десятилетиями державшей под вооруженным контролем один из самых трудных для управления анклавов мира. Уиткофф и Кушнер поселились на курорте *Four Seasons* в Шарм-эш-Шейхе на Красном море и решили делить одну виллу.

Когда поздно ночью наконец пришло время отправляться на встречу с ХАМАС, за ними приехал помощник шейха Мухаммеда. Но вместе с приглашением он дал Кушнеру хорошо отточенный совет. Предупредил, что за встречу с ХАМАС на него обрушится огромная критика. Стоит ли вообще во все это ввязываться? Кушнер спросил Уиткоффа, что тот думает. Уиткофф ответил: — Если хочешь, чтобы я до конца жизни издевался над тобой за то, что ты трус, можешь не ехать. Через несколько минут Кушнер уже был одет и готов. Позже он шутил с Рубио, что во время переговоров с ХАМАС об обмене заключенными он и Уиткофф чувствовали себя «генеральными менеджерами террористического футбольного клуба».

Но даже тогда борьба за окончательное соглашение еще не закончилась. Переговоры шли уже несколько дней. В них участвовали египтяне, турки, катарцы и четыре высокопоставленных представителя ХАМАС. Представители ХАМАС прямо сформулировали главный страх:

если они согласятся на сделку и сложат тяжелое оружие, не убьют ли их после этого израильтяне? Слишком многое висело на волоске. Кушнер и Уиткофф дали слово: если ХАМАС освободит заложников и выполнит соглашение, другая сторона тоже будет обязана соблюдать условия. Уиткофф передал обещание, что Трамп лично стоит за всеми гарантиями плана. Время уходило. Премьер-министр Катара должен был вскоре улететь на встречу в Париж. Кушнер настаивал: он не может уезжать, пока сделка не будет окончательно согласована. Премьер-министр посмотрел на него и сухо ответил: — Джаред, в отличие от некоторых, я не ухожу, пока не закончу свое дело.

Когда условия с ХАМАС наконец были согласованы, Кушнер и Уиткофф отправились в Израиль. Им казалось, что теперь все уже окончательно решено. Но даже в последний момент возникла новая проблема. Списки заложников и заключенных, которых собирались освободить обе стороны, не совпадали. Чтобы выйти из тупика, они снова работали всю ночь. Позже Кушнер описывал знакомым этот процесс как «рукопашный бой» с обеими сторонами, когда он и Уиткофф буквально пытались силой воли заставить сделку состояться. И наконец момент наступил.

Кушнер снова оказался в хорошо знакомой для себя роли переговорщика от имени правительства Трампа — но уже без груза скандалов прошлого. Перед ним открывалась возможность сделать нечто действительно значительное. — Мы будем строить новое правительство в Газе с нуля, — говорил он Уиткоффу. Перспектива казалась почти невероятной. И именно поэтому настолько притягивала Кушнера, что он решил остаться вовлеченным. Больше он не собирался прятаться за кулисами. Он признавался одному знакомому, что «до чертиков боится», что соглашение еще может рухнуть. Поэтому чувствовал необходимость лично провести его до конца. 11 октября Кушнер редко для себя выступил публично на митинге в Тель-Авиве в поддержку израильских заложников.

Вместе с ним были Иванка и Уиткофф. Уиткофф со сцены хвалил Трампа. Толпа громко аплодировала и скандировала: — Спасибо, Трамп! Незадолго до этого, когда Уиткофф попытался упомянуть Нетаньяху, свист и крики недовольства со стороны собственных граждан премьер-министра оказались оглушительными.

Дональд Трамп, Уиткофф и Кушнер фактически использовали свои региональные связи, чтобы добиться прекращения огня. Оно оставалось хрупким, непрочным и время от времени подвергалось испытаниям. Но речь шла о войне настолько разрушительной, что она потрясла совесть всего мира. Как почти всегда после любой победы, Трамп немедленно начал преувеличивать ее значение перед публикой. Его заявления о том, что соглашение якобы обеспечит долговременный мир на всем Ближнем Востоке, были типичной смесью бравады и бесконечного требования признать его заслуги.

Но на этот раз — после освобождения заложников и почти полного прекращения насилия — у него действительно были основания требовать признания.

VI

Когда один знакомый поздравил Кушнера с прекращением огня и освобождением заложников, тот ответил: — Это не конец. Это только начало.

Теперь нужно было создать механизм, который позволит перевести Газу от хрупкого перемирия к куда более амбициозной задаче: превратить адский ландшафт руин в то, что Трамп, с его обычной склонностью к гиперболам, представлял как витрину роскошных небоскребов, яхтенных марин и деловых парков. Этот механизм получил название Совет мира. Но прежде чем всерьез обсуждать развитие набережных, Газе требовалась немедленная помощь.

Нужно было создать международные силы безопасности, способные хотя бы частично восстановить порядок, а со временем — разоружить ХАМАС. Разрушенному населению необходимо было вернуть

базовые услуги: воду, электричество, канализацию. Потребовались огромные деньги для расчистки завалов и неразорвавшихся боеприпасов, строительства временного жилья и ввоза колоссального количества материалов для восстановления. Страны, рассматривавшие возможность направить войска и полицию, — среди них Индонезия, Казахстан и Марокко, — хотели получить международно-правовое одобрение до того, как брать на себя обязательства.

Значит, идею необходимо было закрепить в резолюции Совета Безопасности ООН. Кушнер сформировал ударную группу из ветеранов Авраамовых соглашений и специалистов по крупным сделкам из частного сектора. Он объединил их с недавно утвержденным послом США в ООН Майком Уолтцем и его командой.

Уолтц взял на вооружение тот же метод, который помог создать двадцатипунктный мирный план: сначала заручиться поддержкой ключевых арабских стран, затем расширить коалицию за счет государств с мусульманским большинством, и лишь после этого идти к скептически настроенным европейцам, русским и китайцам. После нескольких недель переговоров в бешеном темпе и постоянных контактов со столицами по всему миру сопротивление стало слабеть.

Перелом наступил, когда Уолтц добился совместного публичного заявления восьми арабских и мусульманских государств вместе с Палестинской администрацией. Скептически настроенным европейцам повторяли простую и эффективную формулу: «Нельзя быть большим католиком, чем папа римский». Если сами палестинцы поддерживают инициативу, то как кто-то может оправдывать попытки ей помешать? Когда состоялось голосование, резолюцию поддержали тринадцать членов Совета Безопасности. Россия и Китай воздержались.

Так родился Совет мира. И — жест, никого не удививший — Трамп назначил председателем самого себя, оставив за собой единственное право вето. Чуть более двух десятков стран присоединились в качестве членов. Формально Совет был сосредоточен на восстановлении Газы. Но учредительные документы давали ему очень широкие полномочия и позволяли заниматься другими проектами. Это был удобно расплывчатый мандат для президента, который по-прежнему охотился за Нобелевской премией мира.

К середине октября президент вел судебные процессы против людей и организаций по всей Америке. Некоторые иски были частью его кампании возмездия. Некоторые направлялись против собственного правительства. Другие — против средств массовой информации. Еще часть вписывалась в его войну против «воукизма». В большинстве случаев преимущество было на стороне Трампа. Но один иск нес необычно серьезный риск. Это был иск Трампа на десять миллиардов долларов за клевету против Руперта Мердока, его флагманской престижной газеты *The Wall Street Journal* и журналистов, расследовавших историю о подписи Трампа на поздравительной открытке к пятидесятилетию Джеффри Эпштейна.

Империя Мердока десятилетиями была тесно связана с освещением жизни Нью-Йорка. А значит, и с агрессивным миром недвижимости — царством ярких личностей, сомнительных сделок и Дональда Трампа. Именно таблоид Мердока *New York Post* помог сделать Трампа постоянным героем светской хроники и научил его искусству саморекламы. «Источник, близкий к Дональду Трампу», которого часто цитировала газета, нередко оказывался самим Трампом. Во время его ожесточенного и публичного развода с первой женой Иваной в начале 1990-х она предпочитала рассказывать свою версию конкурентной газете *Daily News*. А любимым каналом Трампа в *Post* была Синди Адамс, бывшая королева красоты. До победы Трампа на выборах 2016 года Мердок долго считал его чем-то вроде клоуна.

Но при этом Трамп отличался раскованными, импульсивными высказываниями, и Мердок говорил знакомым, что его появления на Fox News всегда давали великолепные рейтинги. Руперт Мердок всю жизнь хотел находиться рядом с президентом Соединенных Штатов. Но ни оба Буша, ни Рональд Рейган не воспринимали его как близкого доверенного человека. С появлением Трампа в Белом доме News Corp превратилась почти в домашнюю базу президента. Империя Мердока активно болела за него и необычным образом поддерживала на протяжении всего первого срока. Сам Трамп десятилетиями боготворил Мердока. Во время первого срока он настолько внимательно относился к медиа-магнату, что однажды накричал на помощника лишь за то, что тот поставил Руперта на удержание вместо того, чтобы немедленно ворваться в Овальный кабинет и сказать президенту:

«Руперт на линии». Трамп всегда жадно ловил любые слухи о Мердоке и внутренней жизни его империи. Во время памятного визита Мердока в Овальный кабинет в 2017 году он буквально допрашивал его о планах наследования бизнеса.

Трамп надеялся, что однажды News Corp не перейдет к гораздо более либеральному сыну Руперта, Джеймсу. И Трамп, и Мердок отличались сильным характером. За долгие годы они не раз сталкивались, особенно после 6 января, когда Мердок, казалось, отчаянно хотел оставить уходящего президента в прошлом. Но подать в суд на самого Руперта Мердока — это было уже совсем другое. Мердок имел репутацию одного из самых жестких бизнесменов на планете. В 1985 году, когда Австралия не разрешала двойное гражданство, он отказался от австралийского гражданства и стал американцем. Это позволило ему приобрести цепочку телевизионных станций, из которых впоследствии вырос Fox News, охвативший всю страну.

Он был противоречивым, непредсказуемым медиамагнатом с долгой историей жестких политических кампаний в разных странах. Ничего он не любил больше, чем великолепную журналистскую историю. И денег у него было столько, что мало кому хотелось встречаться с ним в суде. Измотанный и разъяренный Трамп приказал своим адвокатам допросить Мердока под присягой о цепочке решений, приведшей к публикации истории. В частном разговоре Трамп говорил одному советнику, что умственные способности Мердока уже слабеют и тот ни за что не захочет выходить против него на свидетельскую трибуну. Но Трамп хотел унижить Мердока в ответ. Синяк за синяк. Прошло три месяца после того, как Трамп подал в суд на Мердока и *Journal*. К 16 октября атмосфера заметно изменилась.

Мердок приехал в Белый дом на ужин с президентом, привезя с собой нескольких ключевых сотрудников из Британии и США. Идея ужина обсуждалась уже несколько недель. Появление Мердока последовало за звонком главного редактора *New York Post* Кита Пула. Пул часто разговаривал с Трампом и был одним из любимчиков президента. Несколькими неделями раньше он сообщил Белому дому, что его босс хотел бы приехать на ужин вместе с женой. Список гостей Пула в Белом доме восприняли как сигнал: Мердок хочет помириться с Трампом. Возможно, он даже заинтересован в урегулировании иска против *The Wall Street Journal*. В конце концов, многие части медиаимперии Мердока по-прежнему сохраняли теплые отношения с командой Трампа — не только Fox и Post. Некоторые руководители News Corp даже обсуждали идею книги, где Трамп был бы представлен как «президент мира». Они были уверены, что она станет бестселлером. Но за кулисами многие в News Corp категорически выступали против урегулирования иска по *Journal*.

Хотя снизить градус конфликта с Трампом они все же хотели. Вечер Мердока с Трампом оказался неожиданным сразу по нескольким причинам. Вражда между президентом и магнатом внезапно остыла. Трамп был почти по-отечески дружелюбен. Никаких словесных драк, никаких унижительных монологов. Вместо этого важного гостя принимал внимательный хозяин и вся его ближайшая команда. Помимо Руперта и его жены Елены Жуковой, от News Corp приехали Кит Пул из Нью-Йорка, глава News UK Ребека Брукс, двое ее ключевых сотрудников и несколько репортеров и обозревателей газет Мердока.

Со стороны Трампа присутствовали Джей Ди Вэнс и его жена Уша, Марко Рубио, Сьюзи Уайлз, Кэролайн Ливитт и бывшая ведущая Fox Джанин Пирро, теперь федеральный прокурор округа Колумбия. Перед ужином Мердок, его жена, редакторы и журналисты News Corp встретились с Трампом в Овальном кабинете. Президент устроил им экскурсию по тому, что в ту неделю демонстрировал гостям. Группа позировала для фотографий. У Трампа были миниатюрные модели будущего памятника рядом с мемориалом Линкольна — «Арки Трампа», а также нового бального зала Белого дома. Из бокового кабинета, который теперь больше напоминал сувенирную лавку, принесли целую охапку кепок MAGA и начали раздавать гостям. Затем все перешли в небольшую комнату с потолками высотой восемнадцать футов и видом на Монумент Вашингтона. Овальный стол был сервирован фарфором Белого дома и отполированным серебром. Золотые карточки с именами, выведенными каллиграфией, белоснежные льняные салфетки и напечатанные меню лежали у каждого места. Это была Голубая комната — изысканный салон, где, как считается, Авраам Линкольн в 1863 году несколько часов подряд пожимал руки гостям, прежде чем подняться в кабинет и подписать Прокламацию об освобождении рабов.

В 1960-е годы комнату возродила Джеки Кеннеди. Она начала выкупать оригинальные предметы мебели Пьера-Антуана Белланже, заказанные в Париже президентом Джеймсом Монро в 1817 году и проданные с аукциона в 1859-м. Десятилетняя реставрация коллекции Белланже под руководством кураторов Белого дома, дополненная качественными репликами, была представлена Меланией Трамп в 2018 году. Старинные кресла вернулись в идеальном состоянии: с заново позолоченными рамами и пышной бирюзово-золотой обивкой. Многоярусные сапфировые драпировки обрамляли вид через Южный портик. Когда Мердок сел рядом с Трампом во главе стола, президент стал необычайно предупредителен. Они долго разговаривали.

Огнедышащая враждебность прошлых недель казалась уже далеким воспоминанием. Трамп рассказывал старые истории и постоянно спрашивал мнение Мердока обо всем подряд — от Ирана до войны в Украине. Что думает Руперт? Президент вел себя поразительно почтительно. Еда была простой, домашней, без экспериментов: салат с густой сливочной заправкой,

затем курица, на десерт — торт. Подавали вино, но большинство сотрудников пили Coca-Cola. Самому Трампу примерно каждые десять минут доливали Diet Coke.

В какой-то момент президент резко сменил тему. Он втянул Мердока в одну из своих любимых салонных игр:

кого тот предпочитает — Джей Ди Вэнса или Марко Рубио? Неозвученной темой была президентская кампания 2028 года и вопрос о том, кого именно Трамп в конце концов благословит в качестве наследника. Рубио и Вэнс сидели тут же за столом.

— Они оба великолепны, — сказал Трамп Мердоку.

А потом прямо спросил: — Что ты думаешь о Джей Ди? Тон был шутливым.

Но некоторые за столом почувствовали в нем скрытую остроту. Вэнс молча сидел на другом конце стола напротив Трампа и Мердока. Мердок ответил как осторожный дипломат: — Ну... думаю, у Джей Ди есть потенциал стать великим. Вэнс прекрасно знал, что в 2024 году Мердок в частном порядке пытался убедить Трампа не выбирать его кандидатом в вице-президенты.

Он рассмеялся и саркастически бросил: — О, спасибо. Спасибо, Руперт. Большое спасибо.

Но некоторым присутствующим показалось, что Вэнс все-таки был задет.

— А что ты думаешь о Марко? — продолжил Трамп.

На этот раз Мердок ответил мгновенно и без всяких оговорок: — Марко — блестящий. Гости еще несколько недель после ужина в частных разговорах обсуждали этот эпизод. Возраст, возможно, уменьшил энергию Мердока — он ходил с тростью, — но его воля оставалась легендарной. Десятилетиями, в разных странах он лично определял, какие политические партии поддержат его газеты. Иногда его элитарная газета поддерживала одну партию, а массовые издания — противоположную. Многие политики ставили на благосклонность Мердока.

И многие проигрывали. Даже в девяносто четыре года каждое его слово разбирали в поисках скрытого смысла. Сам Трамп, когда журналисты или даже близкие люди спрашивали его о перспективах Вэнса стать преемником, предпочитал ничего не обещать.

Он обычно переводил разговор на Рубио. Марко тоже великолепен, говорил Трамп. У партии есть «хорошая скамейка запасных» на 2028 год.

После эпизода с Мердоком президент сменил тему и понесся дальше, перескакивая с одного вопроса на другой, словно ведущий ток-шоу, интервьюирующий медиамагната о новостях дня. В какой-то момент разговор зашел о Венесуэле и кампании Трампа по ударам по лодкам. Один из советников президента показал нескольким гостям телефон. На экране было еще не опубликованное видео удара по полупогружному судну, снятое ранее в тот же день. Трамп сказал Рубио:

— Нужно выпустить видео прямо сейчас. Когда Вэнс начинал говорить с гостями на своем конце стола, Трамп несколько раз вмешивался, возвращая разговор ко всей компании и контролируя его течение. Весь вечер он демонстрировал образцовое поведение. Старательно очаровывал Мердока, задавал все новые вопросы, искал его мнения. Не было ни обычных жалоб на то, что Fox News или *Journal* обращаются с ним «несправедливо».

В какой-то момент Мердок, удивительно тонко — особенно в сравнении с громогласностью его газет и телеканалов, — попытался подтолкнуть Трампа к мысли, что президенту стоит больше внимания уделять внутренней экономике. Это перекликалось с главной темой ток-шоу, подкастов и крупных новостных программ — доступностью жизни и ростом стоимости повседневных расходов. Послание Мердока звучало почти вполголоса: на международной арене дела идут хорошо. Но людей волнует не только это.

II

Вопрос о том, кого Трамп поддержит на выборах 2028 года, уже давно висел в воздухе. Он любил перебирать разные варианты и бросать идеи помощникам. Многих он спрашивал, насколько сильной могла бы быть связка Вэнс—Рубио.

Других — как Вэнс выглядел бы в президентской гонке против Гэвина Ньюсома. Ньюсом, по мнению Трампа, внешне соответствовал роли президента. А вот как проявит себя Джей Ди? Одно-

близкого человека Трамп даже спрашивал: не слишком ли Вэнс поляризует избирателей для всеобщих выборов? Доноры постоянно убеждали Трампа в талантах Рубио.

Многие из них чувствовали себя комфортнее с более системным политиком, чей популизм был гораздо мягче, у которого была история неоконсервативных взглядов и который казался более надежным сторонником Израиля, чем Вэнс. Трамп был уверен, что любой кандидат, которого он поддержит, победит. Для самого президента вопрос имел личное значение. Он в свое время поддержал Вэнса на выборах в Сенат и затем выбрал его вице-президентом. Но Рубио тоже производил на него огромное впечатление. Трампу нравилось его кубинское происхождение и восторженные отзывы прессы о том, как тонко он интерпретирует доктрину «Америка прежде всего».

Во время очередной волны реформирования Овального кабинета кто-то однажды заметил Трампу, что следующий президент почти наверняка уберет все эти изменения. Трамп мгновенно ответил: — Кубинцы любят золото.

Рубио, казалось, наслаждался жизнью государственного секретаря, который постоянно находится рядом с Трампом, в самом центре власти, в Овальном кабинете. Но Вэнс и Рубио были хорошими друзьями.

Во время кампании 2024 года, когда Вэнс переживал тяжелый период и пресса нещадно била его за старое высказывание 2021 года о том, что демократы — это партия «бездетных кошатниц», Рубио написал ему сообщение. Предложил приехать на кампанию ради моральной поддержки. Сказал, что будет носить чемоданы Вэнса и вообще делать все, что потребуется. Теперь, уже в администрации, Рубио в частных разговорах уверял Вэнса, что не собирается баллотироваться в президенты в 2028 году и с энтузиазмом поддержит его кандидатуру. Позже Рубио повторит это публично. Внутри Белого дома считалось само собой разумеющимся: без прямого разрешения или указания Трампа Рубио никогда не станет баллотироваться против Вэнса. В первый год администрации такой сценарий по-прежнему выглядел маловероятным. Но к началу 2026 года некоторые советники Трампа начали менять мнение. Они замечали, как много усилий президент прилагает, чтобы постоянно возвышать Рубио.

Трамп любил создавать конфликт даже там, где его не существовало. Это было одной из отличительных черт его стиля управления. За спиной Вэнса и Рубио чиновники Белого дома постоянно сплетничали об их отношениях. Некоторые замечали, что личная химия между Трампом и Рубио кажется теплее. Но при этом Трамп считал Вэнса блестящим человеком и выдающимся интеллектуалом. Он часто восхищался тем, что Вэнс сумел поступить в Йель, не имея богатого отца. Трамп также считал его красивым. И любил говорить, что никто не справляется с жесткими интервьюерами CNN лучше, чем Вэнс.

III

Во многих отношениях Вэнс был полной противоположностью Трампа. Трамп действовал чисто инстинктивно: почти не раздумывал, быстро принимал крупные решения, спокойно использовал всю мощь американского государства. Вэнс же был человеком тревоги и анализа. Он детально разбирал мельчайшие аспекты политики и политической стратегии. Трамп мог быстро взглянуть на основные цифры опросов и выругаться на своего социолога: — Этот чертов Фабрицио со своими цифрами. А Вэнс изучал кросс-таблицы опросов Фабрицио — данные, разбитые по возрасту, полу, расе и партийной принадлежности.

По мере того как год продолжался, тревоги Вэнса накапливались. Он наблюдал, как Трамп проводит все более ястребиную внешнюю политику: бомбит Иран, заигрывает с идеей смены режимов в разных странах, продолжает поставки оружия Украине. Во всех этих вопросах Трамп действовал куда более интервенционистски, чем, по мнению Вэнса, действовал бы президент Вэнс.

Некоторые союзники Вэнса беспокоились, что он так и не нашел своего настоящего места в администрации. Он оставался важнейшей частью ближайшего круга Трампа. Но его влияние на

конкретный политический курс администрации часто было трудно увидеть. — Он слишком много живет в интернете, — говорили многие сотрудники Белого дома. Слишком внимательно следит за каждой перепалкой в Х. Слишком охотно вступает в споры с безымянными троллями. И слишком любит сам играть роль тролля.

В частных разговорах Вэнс часто шутил, что он прирожденный «думер» — человек, который всегда цепляется за самые мрачные сценарии. А поводов для мрачных прогнозов хватало. Публичные рейтинги администрации были стабильно ужасными. Закрытые опросы Трампа выглядели не лучше. Президент терял значительную часть поддержки независимых избирателей. Хуже того, он просел даже по своему сильнейшему вопросу — иммиграции. Избиратели почти не давали администрации заслуги за то, что границу удалось фактически перекрыть. А жесткие методы депортации нравились людям все меньше. Но главное, закрытые опросы показывали:

американцы по-прежнему считают стоимость жизни слишком высокой. И Вэнс особенно беспокоился о том, что президент словно перестал серьезно заниматься именно тем вопросом, который помог ему вернуться в Белый дом. Вэнс говорил коллегам: нужно меньше думать о внешней политике и больше — о внутренней ситуации. Он был буквально одержим задачей сделать жилье и семейную жизнь более доступными для молодых американцев. Трампа можно было убедить говорить о мерах по снижению стоимости жизни. Но когда он с явной скукой читал соответствующие строки с телесуфлера, становилось очевидно: сердце президента лежит совсем не к этому. В последнее время его сердце, казалось, было в основном занято оформлением нового бального зала.

Часть раздражения Вэнса была обычной для неблагодарной должности вице-президента. Но в каком-то смысле ему повезло больше, чем многим его предшественникам. Он присутствовал в комнате, когда принимались главные решения. Далеко не каждый вице-президент в американской истории мог этим похвастаться. К концу первого года администрации Вэнс все еще считался главным претендентом на роль преемника Трампа. Опросы показывали, что среди республиканских избирателей он остается чрезвычайно популярен. Его рейтинг практически полностью повторял рейтинг самого Трампа.

Но у Вэнса была проблема куда серьезнее. Многие советники Трампа в частных разговорах отмечали: президенту, кажется, почти безразлично, что случится с партией и ее кандидатами после того, как самого Трампа больше не будет в бюллетене. Более того, иногда казалось, что он испытывает определенное удовлетворение от мысли, о которой вслух говорить было почти неприлично: республиканцы могут проигрывать именно потому, что сам Трамп не участвует. В следующем месяце, когда республиканцы плохо выступят на внеочередных выборах, Трамп скажет, что «польщен» заявлениями о том, будто без его имени в бюллетене партия не способна побеждать.

Трамп уже поднялся на собственную вершину — совершил почти невероятное возвращение в 2024 году. Если республиканцев разгромят на промежуточных выборах 2026 года или в 2028-м, он всегда сможет заявить: без него они просто не умеют выигрывать. Трамп почти не мог заставить себя всерьез думать о промежуточных выборах.

Вэнсу пришлось смириться с простой реальностью: его политическая судьба будет взлетать и падать вместе с судьбой, пожалуй, самого непредсказуемого человека, когда-либо занимавшего Белый дом. В одном Вэнс мог быть уверен совершенно точно: Трамп не собирался облегчать ему жизнь.

— Покупаешь участок, получаешь разрешение, привозишь бетон — и строишь здание, — объяснял Трамп помощникам. — Потом продаешь его. Вот оно, здание. Стоит перед тобой.

Для Трампа создание богатства всегда выглядело именно так — просто и осязаемо. Что-то физическое, что можно увидеть и потрогать. Недвижимость и строительство были ему понятны интуитивно. Мастером сложных финансов он никогда не был, а элита Уолл-стрит традиционно смотрела на него свысока. И потому гигантские деньги, которые теперь начинала приносить ему криптовалюта, казались Трампу почти загадкой. Как работает криптоиндустрия, он, по собственному признанию, не понимал. Зато понимали его сыновья. И этого оказалось достаточно, чтобы криптовалюта полностью завладела его вниманием. В первые месяцы новой администрации советники уже приходили на встречи готовыми к тому, что президент первым делом спросит:

— Ну что там сегодня с моими криптокотенками? Всю жизнь Дональд Трамп пытался монетизировать буквально все, до чего мог дотянуться. Слава, которой он жаждал почти на клеточном уровне, напрямую не покупалась. Но именно богатство было для него главным мерилom человеческой ценности. Годами Трамп вызывал подозрения, что завышает размер собственного состояния и объем доступных ему денежных средств, чтобы поддерживать образ финансового тяжеловеса. Он спорил — а иногда и судился — с каждым, кто осмеливался утверждать, что стоит меньше, чем заявляет. Не существовало продукта настолько мелкого или сомнительного, чтобы Трамп не согласился продавать его под собственным именем, если это приносило деньги.

Стейки. Водка. Даже сомнительный бизнес с витаминами. Через полгода после начала второго срока Трамп был богаче, чем когда-либо прежде. И в значительной степени благодаря вложениям в крайне спекулятивную криптовалютную отрасль — ту самую, которую теперь должна была регулировать его собственная администрация. Правила в этой сфере были печально известны своей гибкостью.

Этические риски — огромны. А иностранные недружественные игроки могли использовать систему в своих интересах. Самую важную сделку Трампу принесли два старших сына — Дон-младший и Эрик.

К ним, в свою очередь, обратились Зак и Алекс Уиткофф — сыновья Стива Уиткоффа. Две семьи создали компанию **World Liberty Financial**, о которой публично объявили в сентябре 2024 года, за два месяца до выборов. Еще раньше эту идею сыновьям Уиткоффа предложили предприниматели Закари Фолкман и Чейз Херро. Репутация обоих тревожила некоторых советников Трампа. Их предыдущий криптопроект **Dough** закончился тем, что хакеры похитили миллионы долларов. А среди прежних предприятий Фолкмана была, например, компания советов по знакомствам с названием **Date Hotter Girls** — «Как встречаться с девушками погорячее».

Стив Уиткофф представлял **World Liberty** как семейный бизнес, в котором будут участвовать все пятеро сыновей — его и Трампа. В том числе Бэррон Трамп, проводивший долгие часы за компьютерными играми и всерьез увлекавшийся криптовалютой. К октябрю 2025 года **Forbes** оценивал состояние еще учившегося в колледже Бэррона примерно в **150 миллионов долларов**. На сайте компании Трамп и Уиткофф значились как «**почетные сооснователи**».

Рядом красовались их отполированные официальные фотографии, фотографии сыновей, Херро — в кепке задом наперед, — Фолкмана и трех сотрудников, занимавшихся текущей работой. Мелким шрифтом сообщалось, что Трамп и Уиткофф были «отстранены после вступления в государственные должности». Позднее Уиткофф действительно избавился от своей доли. Но еще целый год после инаугурации его фотография и фотография Трампа продолжали занимать заметное место на сайте компании. У **World Liberty** был и еще один гигантский инвестор. И больше года об этом никто не знал. В январе 2026 года *The Wall Street Journal* сообщил, что за четыре дня до инаугурации Трампа **49 процентов World Liberty** приобрела компания **Aryam Investment 1**. За ней стояли люди, связанные с шейхом Тахнуном бин Заидом Аль Нахайяном, контролировавшим суверенные фонды ОАЭ общим объемом

около **1,5 триллиона долларов**. Шейх Тахнун был одной из самых влиятельных фигур Ближнего Востока и близко общался как с Джаредом Кушнером, так и со Стивом Уиткоффом.

Фонд из ОАЭ, поддерживаемый государственным капиталом, уже вложил более 200 миллионов долларов в инвестиционный фонд Кушнера. Вложение Агуам в криптопроект семей Трамп и Уиткофф должно было составить **500 миллионов долларов**. Половину платили сразу: 187 миллионов — структурам Трампа, не менее 31 миллиона — структурам, связанным с Уиткоффами, еще 31 миллион — структурам Херро и Фолкмана. Второй платеж — еще 250 миллионов долларов — должен был поступить к 15 июля 2025 года. Два руководителя компании Тахнуна вошли в совет директоров WLF.

И это тоже оставалось в тайне, пока об этом не написал *Journal*. Переплетение государственных обязанностей и частного бизнеса, которое в первый срок Трампа приводило чиновников в ужас, теперь стало почти привычной частью новой администрации. На публикации о конфликтах интересов в Белом доме чаще всего просто пожимали плечами. В первый год после возвращения Трампа в Вашингтон практически не существовало риска реальных последствий. Республиканские законодатели его боялись. Министерство юстиции он контролировал жестко.

А если кто-то в Белом доме и задумывался о пересечении государственных и частных интересов, то чаще воспринимал это не как проблему, а как преимущество. До второго срока Трампа Уиткофф уже имел деловые отношения с эмиратскими чиновниками через нью-йоркский отель. В 2023 году этот объект приобрел суверенный фонд Катара. Теперь через World Liberty он снова оказался в бизнесе с Эмиратами. Бывшая фирма Говарда Лютника, Cantor Fitzgerald, тем временем хвасталась рекордной прибылью в 2025 году. Компанию возглавили двое его сыновей.

Они заключали криптовалютные партнерства и привлекали финансирование для центров обработки данных искусственного интеллекта — в тот самый момент, когда их отец, уже став министром торговли, активно убеждал иностранные компании инвестировать именно в такие центры. За годы между двумя президентскими сроками Трамп пришел к выводу, что прежде слишком сильно считался с устоявшимися нормами. В первый срок он не пошел на то, чего требовали многие эксперты по этике: не передал активы в слепой траст. Вместо этого — с большой неохотой — передал управление Trump Organization сыновьям. При этом он все же запретил им заключать новые сделки за рубежом, пока находился у власти. Но конфликты интересов никуда не исчезли. Люди по-прежнему пользовались частными клубами Трампа либо ради прямого доступа к нему, либо просто тратили там деньги, зная, что он это оценит. Он также проигнорировал традиционные ограничения на семейственность, назначив дочь Иванку и зятя Джареда высокопоставленными сотрудниками Белого дома.

Но еще до второго срока Трамп ясно дал понять: теперь все будет иначе. Его сыновья смогут делать что захотят. Как и сыновья Стива Уиткоффа.

— В первый срок я запретил им заниматься бизнесом и не получил за это вообще никакой благодарности, — жаловался Трамп в интервью *The New York Times* в начале 2026 года, говоря о сыновьях. — Я не обязан был этого делать. И вообще это было несправедливо по отношению к ним. Он добавил: — Потом я понял, что никому до этого нет дела. А мне это разрешено.

То, что Дональд Трамп когда-то называл криптовалюту «мошенничеством», теперь никого — ни его самого, ни окружение — совершенно не смущало. Еще до второго избрания он выпустил собственные NFT — **Trump Digital Trading Cards**. На картинках Трамп изображался то супергероем с лазерами из глаз, то героем комиксов. Карточка **SuperTrump** стоила 99 долларов. В середине 2024 года он пообещал криптоэнтузиастам уволить председателя Комиссии по ценным бумагам и биржам Гэри Генслера — человека, которого отрасль считала одним из своих главных врагов. Генслер ушел в отставку в день инаугурации Трампа. Вернувшись в Белый дом, Трамп действовал быстро. Он назначил технологического инвестора Дэвида Сакса специальным советником по искусственному интеллекту и криптовалютам — фактически «криптоцарем» администрации. В пятницу, 17 января 2025 года, восторженные инвесторы и как минимум два будущих члена кабинета — Скотт Бессент и Говард Лютник

— собрались в Mellon Auditorium на криптовалютный инаугурационный бал. Снуп Догг, в блестящем черном смокинге, очках с золотой оправой и длинными косами, выступил с живым сетом.

Перед ликующим залом Сакс провозгласил: — Эпоха террора против криптовалют закончена. В начале вечера по залу пронеслась еще одна новость: Трамп запускает собственную мем-монету — **\$TRUMP**. К концу ночи ее рыночная капитализация уже достигла **1 миллиарда долларов**.

Через шесть дней Трамп подписал указ о поддержке развития криптовалют и создании национального резерва цифровых активов. Сторонники разных криптовалют немедленно начали борьбу за то, чтобы именно их токены попали в этот резерв. Параллельно существовал еще один совершенно отдельный и очень прибыльный криптопроект — **American Bitcoin**, созданный Эриком и Доном-младшим. Лицом компании стал Эрик. Компания занималась майнингом биткоина в Техасе и вышла на биржу Nasdaq.

В одной из ее программ в числе агентов по продаже участвовала Cantor Fitzgerald — та самая фирма семьи Лютник. В начале 2026 года стоимость биткоина для обычных инвесторов резко упала. Но к тому времени семья Трампа уже успела заработать. По подсчетам *The New York Times*, только за первый год второго срока Трампы получили более **1 миллиарда долларов** новых денежных средств и других активов.

II

Одна компания должна была сыграть особенно важную роль в успехе семей Трамп и Уиткофф. Это была **Binance** — крупнейшая криптовалютная биржа мира. Ее основатель Чанпэн Чжао занимал, по оценке Forbes, двадцать первое место среди богатейших людей планеты. Его состояние оценивалось примерно в **86 миллиардов долларов**. Однако в США Чжао привлекли к уголовной ответственности за участие в финансовых нарушениях, позволявших террористическим организациям и другим преступным структурам пользоваться Binance. В конце 2023 года он признал вину и провел четыре месяца в федеральной тюрьме Калифорнии. На свободу вышел всего за несколько недель до выборов 2024 года. Ему запретили занимать руководящие должности в Binance, но он сохранил крупную долю акций.

Еще во время переходного периода Binance начала искать лоббистов, способных помочь Чжао получить президентское помилование. Частные посредники иногда называли цены в миллионы долларов. Когда люди, которых Binance пыталась нанять для этой кампании, осторожно интересовались у советников Трампа, возможна ли милость для Чжао, те лишь отмахивались. Структура World Liberty Financial поначалу была чрезвычайно непрозрачной.

Потребовались месяцы настойчивой журналистской работы тех самых изданий, которые Трамп называл «врагами народа», чтобы постепенно разобраться, кто с кем связан. В сентябре 2025 года *The New York Times* сообщила о встрече Стива Уиткоффа с шейхом Тахнуном, состоявшейся ранее в том же году. Эмиратцы добивались доступа к важнейшим компьютерным чипам американского производства. Многие из них должны были получить компании, подконтрольные Тахнуну. Просьба была спорной, поскольку ОАЭ поддерживали тесные деловые отношения с китайской технологической отраслью. За несколько месяцев до той встречи сын Уиткоффа Зак выступил на криптоконференции в Дубае и объявил, что инвестиционная компания MGX, принадлежащая государству ОАЭ и возглавляемая Тахнуном, вложит **2 миллиарда долларов в Binance**. Причем сделка будет проведена с использованием стейблкоина USD1 компании World Liberty. World Liberty могла затем вложить эти два миллиарда в фонды денежного рынка или другие финансовые инструменты и оставлять весь процентный доход себе.

Перед ошеломленной аудиторией Зак Уиткофф сказал: — Мы благодарим MGX и Binance за доверие к нам. Позднее представитель MGX заявил, что USD1 выбрали для сделки после сравнения нескольких стейблкоинов. Белый дом утверждал, что между этими сделками никакой связи нет. Что касается Binance, то **23 октября Трамп объявил о помиловании Чанпэна Чжао**.

Вскоре *The Wall Street Journal* сообщил еще одну подробность: еще до помилования Binance тайно начала разрабатывать технологию для поддержки World Liberty. Представитель World Liberty позднее утверждал, что Binance просто предоставила собственные ранее использовавшиеся открытые смарт-контракты, чтобы избавить World Liberty от «головной боли» с их адаптацией, — и ничего не получила взамен.

Binance также наняла лоббиста Чеса Макдауэлла — приятеля Дональда Трампа-младшего по охоте — для продвижения помилования Чжао. По данным *Journal*, Макдауэлл пришел в Белый дом вместе с младшим Трампом. Когда началось обсуждение помилования, Дон-младший вышел из комнаты. После того как Чжао был помилован, Binance — по-прежнему не имевшая права работать в США, но свободно действовавшая за рубежом — усилила программы поощрения использования стейблкоинов. В том числе стейблкоина World Liberty. Трамп говорил одному близкому помощнику, что благодарность людей, которых он помиловал, не похожа ни на что из пережитого им прежде.

Президентское право помилования — чистое, ничем не ограниченное и прямо закрепленное в Конституции — работало именно так, как, по мнению Трампа, должна работать вся президентская власть: быстро. Односторонне. Без помех. В последние недели первого срока — почти незамеченные на фоне штурма Капитолия — Трамп уже раздал целую серию спорных помилований. Роджеру Стоуну. Полу Манафору.

Стиву Бэннону. Отцу Джареда Кушнера. И многим другим. Во второй срок громкие помилования начались почти сразу. Причем далеко не только для участников событий 6 января. Постепенно сформировалась нехитрая формула. Просители говорили Трампу, что стали жертвами политизированной системы правосудия — точно так же, как, по их словам, преследовали его самого.

Эта формула сработала не только для Чжао. Ею воспользовались многие. Особенно благосклонно Трамп относился к осужденным за экономические преступления, получившим большие сроки. Юридический советник Белого дома Дэвид Уоррингтон вместе с Сьюзи Уайлс пытались хотя бы как-то упорядочить процесс помилований. Летом Уайлс даже приостановила несколько дел после того, как помилование Пола Вальчака — богатого уклониста от налогов, чья мать была членом клуба Мар-а-Лаго и донором кампании Трампа, — вызвало неприятные заголовки.

Но система все равно развалилась. Люди, желавшие помилования, шли прямо к Трампу. В начале срока Уоррингтон даже размышлял, распространяется ли решение Верховного суда о президентском иммунитете — в некоторых аспектах весьма расплывчатое — на высокопоставленных чиновников. Почти все ключевые назначенцы Трампа были уверены, что после ухода президента их попытаются привлечь к уголовной ответственности. Но, вероятно, защита Верховного суда им и не понадобится. В частных разговорах Трамп неоднократно говорил помощникам, что перед окончанием срока собирается заранее помиловать «**всех, кто хоть раз оказывался в радиусе 250 футов от Овального кабинета**».

III

Криптовалюты были далеко не единственным путем к обогащению семьи Трамп после возвращения в Белый дом.

В преддверии 2026 года Эрик Трамп начал заключать новые сделки с недвижимостью на Ближнем Востоке. Дональд Трамп-младший тем временем стал партнером инвестиционной компании **1789 Capital**, ориентированной на консервативный рынок. После победы Трампа ее стоимость выросла в разы. Компания инвестировала в бизнесы, регулируемые государством. Один из них — стартап по редкоземельным металлам Vulcan Elements — в декабре 2025 года получил от Пентагона контрактов на **620 миллионов долларов**. О вхождении Дона-младшего в совет директоров широко используемого сайта для покупки рецептурных препаратов объявили всего через день после того, как его отец представил программу администрации по удешевлению лекарств. Позднее помощник Дона-младшего

заявил, что у сына президента пятеро детей, которых нужно содержать. А разговоры о конфликте интересов назвал **«смехотворным и нелепым стандартом»**.

Эрик Трамп тем временем возглавил проект строительства президентской библиотеки Трампа во Флориде. После консультаций с Эриком генеральный прокурор штата Флорида согласился бесплатно передать семье Трамп право собственности на участок стоимостью **67 миллионов долларов**, прилегавший к одному из колледжей Майами. Это должна была быть не обычная президентская библиотека. Семья планировала построить на участке небоскреб с гостиницей. Эрик также рассчитывал привлечь деньги суверенных фондов Ближнего Востока. В сборе средств должны были участвовать компании, имеющие дела с федеральным правительством. И даже некоторые министры. Говард Лютник лично пожертвовал фонду библиотеки Трампа **25 миллионов долларов**.

До этого президент в частных разговорах жаловался на публикации о том, как коммерческие проекты сыновей Лютника пересекаются с политикой администрации. Пожертвование, похоже, смягчило его раздражение. Не раз в присутствии самого Лютника и нескольких советников Трамп подшучивал над министром торговли: — Единственная причина, почему я терплю всю его чушь, — он дал мне двадцать пять миллионов на библиотеку. Иногда президент искренне поражался щедрости. — Разве Говард не лучший? — сказал он однажды. — Я попросил двадцать пять миллионов на библиотеку, и он дал их за одну секунду. Разве это не потрясающе? Джефф Безос тоже старательно выстраивал собственные отношения с Трампом. В середине июля он посетил президента в Овальном кабинете. На встрече присутствовал и Стивен Миллер. Маск примерно шестью неделями ранее покинул государственную должность, а Трамп одновременно отозвал кандидатуру его союзника Джареда Айзекмана на пост главы NASA.

Трамп начал встречу с любезностей. Безос недавно женился в Венеции — свадьба растянулась на несколько дней и собрала множество знаменитостей. Президент хотел подробностей.

— У тебя там вообще все были, — удивлялся Трамп. — Ну как прошло?

— Отлично, — ответил Безос. Когда разговор зашел о гостях и Безос упомянул актрису Сидни Суини, интерес президента заметно вырос. — О-о-о, — протянул Трамп. Затем перешли к делу.

Безос пришел говорить о космосе.

Конкретно — о стартовом комплексе №37 на мысе Канаверал и, шире, о почти монопольном положении SpaceX Маска в американской инфраструктуре запусков. SpaceX обеспечивала подавляющую часть запусков США и через Starlink почти монополизировала спутниковое покрытие на низкой околоземной орбите. Пока спутниковая группировка Amazon Kuiper не будет развернута, серьезной американской альтернативы спутниковому интернету не существовало. Blue Origin Безоса была наиболее реальным внутренним конкурентом SpaceX по запускам. Но только если государство даст ей шанс. Безос не стал нападать на Маска.

И необходимости в этом не было. В тот момент Трамп охотно слушал любого серьезного конкурента своего бывшего друга. Безос построил аргумент вокруг национальной безопасности.

Страна не может позволить себе зависеть от единственного поставщика в настолько стратегически важной сфере, сказал он. Аргумент был сильным. И имел совсем недавний прецедент. Во время войны в Украине Маск единолично ограничивал использование Starlink вблизи линии фронта. Это сильно встревожило Пентагон и наглядно показало риски зависимости от одной компании — какой бы эффективной она ни была. Безос предложил Трампу поручить заместителю министра обороны Стиву Файнбергу донести до чиновников, распределяющих космические контракты, что президент хочет **«разнообразие подрядчиков»**.

Именно эту формулировку Безос повторял особенно настойчиво. — Нельзя зависеть от одной компании, — сказал он. — Нужны разные подрядчики. Это не обязательно должна быть Blue Origin, добавил Безос. Хотя, конечно, он хотел именно этого.

Суть аргумента заключалась в другом: единственный поставщик в настолько критической сфере — стратегическая уязвимость.

Министерство обороны всегда стремилось иметь несколько подрядчиков для национально важных запусков. Это просто разумная политика. Трамп пообещал разобраться. Но в следующие месяцы Маск сумел вернуться. В сентябре он и Трамп помирились на мемориальной службе Чарли Кирка в Аризоне. Посредником стал Дэвид Сакс.

Он сообщил Трампу, которому предстояло выступать, что Маск хочет зайти и поздороваться. К концу осени Маск снова начал выписывать крупные чеки республиканским предвыборным структурам перед промежуточными выборами 2026 года. В ноябре Трамп повторно выдвинул Айзекмана на пост главы NASA. А 20 ноября Министерство военно-воздушных сил одобрило план SpaceX по реконструкции стартового комплекса №37 для Starship. Разрешалось до **76 запусков и 152 посадок в год**. И все это — с той самой площадки, которую Безос надеялся удержать подальше от Маска. Трамп был откровенно доволен, когда прочитал, что Джо Байден с трудом собирает деньги на собственную президентскую библиотеку. Это немедленно подстегнуло его желание превзойти предшественника. После октябрьского визита наследного принца Саудовской Аравии Мухаммеда бин Салмана в Белый дом Эрик Трамп сказал команде, что нужно срочно добиваться саудовских обязательств по финансированию библиотеки.

Но ни один подарок не мог сравниться по масштабу с первым крупным даром, полученным Трампом в 2025 году: роскошным самолетом Boeing, принадлежавшим правящей семье Катара. Стив Уиткофф договорился о передаче самолета в подарок с последующим переходом в распоряжение президентской библиотеки Трампа.

Но это был далеко не единственный подарок от иностранного сановника или влиятельного игрока, стремившегося расположить президента к себе. Президент FIFA Джанни Инфантино выстраивал отношения с Трампом еще с их первой встречи в 2018 году, когда США вместе с Канадой и Мексикой получили право провести чемпионат мира 2026 года. Инфантино присутствовал на второй инаугурации Трампа. В течение 2025 года он неоднократно приезжал в Белый дом, пока подготовка к чемпионату набирала обороты. Тем летом Трамп также посетил финал Клубного чемпионата мира FIFA в Нью-Джерси. На церемонии награждения Инфантино вручил ему золотую медаль победителя — очевидно, в качестве подарка. Но она не шла ни в какое сравнение с золотым кубком Клубного чемпионата мира. Его Трамп тоже решил оставить себе после того, как Инфантино принес трофей в Овальный кабинет ранее в том же году.

Позднее FIFA объяснила BBC Sport, что существует три версии кубка: гравированный оригинал хранится в штаб-квартире FIFA; второй находится у команды-победителя — Chelsea; третья копия — у Трампа. В воскресенье Супербоула в феврале 2025 года Трамп вместе с тремя старшими детьми отправился в Superdome в Новом Орлеане.

В частной ложе они общались с комиссаром NFL Роджером Гуделлом. Инфантино тоже заглянул поздороваться. На следующий день Трамп подписал указ о приостановке исполнения **Закона о коррупции за рубежом 1977 года — Foreign Corrupt Practices Act**. Это был один из ключевых американских законов против международного взяточничества. Трамп давно жаловался, что он ставит американские компании в худшее положение по сравнению с иностранными конкурентами.

Но момент выглядел примечательно и по другой причине. Более десяти лет FIFA находилась в центре одного из крупнейших коррупционных скандалов в истории международного спорта. В 2015 году американские прокуроры предъявили обвинения четырнадцати людям. Семерых арестовали во время громкого утреннего рейда в гостинице Цюриха. Речь шла о систематическом взяточничестве в FIFA, продолжавшемся годами. Сделки со следствием, признания вины и приговоры тянулись еще много лет.

Правительство США неизменно утверждало, что эти дела стали важнейшим ударом по международной коррупции. Два приговора были отменены федеральным судьей Бруклина в 2023 году, что породило новый спор о том, не зашло ли государство слишком далеко. В июле 2025 года

апелляционный суд восстановил приговоры. Двое обвиняемых — оба руководителя медиакомпаний, работавших с FIFA, — обратились в Верховный суд. Некоторые сотрудники Министерства юстиции предупреждали: если государство не станет защищать собственные приговоры, это может поставить под угрозу другие связанные коррупционные дела и заставить вернуть миллионы долларов штрафов. Другие прокуроры, еще со времен администрации Байдена, считали, что продолжать борьбу за сохранение этих приговоров не имеет смысла.

Генеральный солиситор Трампа Д. Джон Сауэр, прежде бывший его личным адвокатом, говорил знакомым, что если Верховный суд возьмется за дело, правительство почти наверняка потерпит тяжелое поражение.

Трамп и без того годами относился к коррупционным делам скептически. К тому же, говоря о чемпионате мира, он сказал одному советнику: — Они же приезжают сюда.

И зачем нам вообще беспокоиться о каком-то деле о взятках, связанном с Катаром? — спрашивал президент. Осенью 2025 года он не раз высказывал эту мысль в частных разговорах. Она была хорошо известна и руководству Министерства юстиции.

Сауэр поручил федеральному прокурору Бруклина Джозефу Ночелле попросить суд отменить два обвинительных приговора, сообщало Bloomberg Law. Ночелла хотел продолжать борьбу. Сауэр обсуждать это не собирался. 9 декабря, уже на поздней стадии процесса, когда Верховный суд решал, принимать ли дело к рассмотрению, Ночелла попросил снять обвинения.

За четыре дня до этого Инфантино приехал в Kennedy Center на очередное мероприятие перед чемпионатом мира 2026 года. Там он вручил президенту — который открыто мечтал о Нобелевской премии мира — первую в истории **«Премии мира FIFA»**. Трамп с гордостью повесил медаль на шею. По всему миру это вызвало насмешки. А Инфантино обвинили в нарушении принципа политической нейтральности FIFA.

К концу первого года вокруг Трампа циркулировало уже столько денег и привилегий, что необычайно много высокопоставленных чиновников администрации начали задумываться об уходе. Они смотрели, сколько зарабатывают люди вне правительства, и задавали себе один простой вопрос: **А почему не я?**

IV

Для многих, кто пришел работать во вторую администрацию Трампа, идеалом оставался тот самый Трамп 1980-х — воплощение знаменитости, блеска и почти сказочного богатства. Они хотели жить так же. Десятилетиями Трамп внушал публике: так может жить каждый — надо лишь последовать его примеру. Некоторые высокопоставленные чиновники очень быстро начали использовать государственные должности именно для этого. Их жизнь становилась достойной Instagram.

Впереди всех шла министр внутренней безопасности Кристи Ноэм. Для поездок она пользовалась самолетом Береговой охраны. Позднее в том же году она приобрела для службы два роскошных Gulfstream и собиралась заказать третий. На этот раз — со спальней. Хотя самолет был рассчитан всего на восемнадцать человек, ведомство утверждало, что его будут использовать для депортации мигрантов. Министр труда Лори Чавес-Деремер, по утверждениям критиков, потратила десятки тысяч государственных долларов на ненужные поездки.

Эти поездки либо укрепляли ее политический имидж, либо позволяли ей чаще бывать дома в Орегоне. В жалобе информатора министра также обвиняли в том, что она использовала должность — и прикрытие собственного ведомства — для романа с подчиненным. Директор ФБР Кэш Пателъ недалеко ушел от нее. Одновременно избавляясь от карьерных сотрудников Бюро, расследовавших деятельность Трампа, Пателъ, по сообщениям прессы, воспользовался Gulfstream Министерства юстиции, чтобы слетать в Пенсильванию на выступление своей девушки-музыканта.

До назначения Пател критиковал своего предшественника Кристофера Рэя именно за использование государственных самолетов в ненужных поездках. Пателю нравилось участвовать в бесконечном гастрольном шоу Трампа, атмосфера которого напоминала непрекращающуюся вечеринку. В апреле он вместе с президентом, Илоном Маском и несколькими министрами посетил турнир UFC в Майами. На другие бои он летал самостоятельно. На государственных самолетах.

В начале 2026 года он заглянул в раздевалку мужской хоккейной сборной США в Милане после победы над Канадой в олимпийском финале. Видео, где Пател кричит от восторга, празднует и залпом пьет пиво, стало вирусным. Все это происходило в тот момент, когда возглавляемое им ФБР переживало тяжелый кризис после года увольнений, вынужденных отставок, массового ухода деморализованных агентов и серии громких публичных ошибок самого Пателя при расследовании резонансных преступлений. Как же далеко все это было от 2017 года. Тогда первый министр здравоохранения Трампа Том Прайс был вынужден уйти в отставку всего лишь за то, что арендовал частные самолеты за государственный счет. Восемь лет спустя этот скандал казался почти невинным. Путешествия на государственных самолетах стали обычным делом для членов кабинета. Президента это совершенно не беспокоило. Во всяком случае, пока не появлялись неприятные заголовки.

Но у Ноэм, похоже, были и другие привилегии. Сообщалось, что она переехала в официальную резиденцию коменданта Береговой охраны на военной базе Joint Base Anacostia-Bolling. Это раздражало других чиновников Трампа. Помощники Ноэм объясняли решение угрозами в ее адрес. Но некоторые представители администрации считали использование военного жилья неоправданным и видели в нем тревожный сигнал.

К концу года на военные базы переехали и другие высокопоставленные чиновники, ссылаясь на вопросы безопасности. В некоторых случаях угроза была вполне реальной. Одного высокопоставленного сотрудника Белого дома переселили на базу после угроз со стороны Ирана. Стивен и Кэти Миллер рассматривали несколько вариантов военного жилья, способного вместить семью с тремя маленькими детьми и еще одним ребенком на подходе. На базы переехали и некоторые руководители Министерства юстиции. Запросов стало настолько много, что военного жилья начало не хватать. К концу года на базах проживали уже более полудюжины высокопоставленных представителей администрации. Постепенно возник своеобразный самоподдерживающийся пузырь: высшие чиновники физически отделялись от города, которым управляли, и начинали видеть угрозу буквально за каждым углом. У Трампа были еще более масштабные идеи относительно того, что государство должно сделать лично для него. Он считал, что заслуживает компенсации за то, как с ним обращались в первый срок и в четыре года вне власти.

Еще до выборов 2024 года он предъявил Министерству юстиции требование на **230 миллионов долларов** в связи с расследованием 6 января и делом о документах Мар-а-Лаго. После победы Трамп не отозвал иск. Вместо этого вместе с личным адвокатом Борисом Эпштейном он обсуждал возможность добиться от собственного Министерства юстиции соглашения и выплаты. Во время первого срока Национальный комитет Республиканской партии уже оплатил более **400 000 долларов** юридических счетов президента и его семьи, связанных с расследованием вмешательства России. Но семья Трампа, считавшая себя и свой бизнес жертвами постоянных расследований, хотела большего.

Эрик прямо в Овальном кабинете, в присутствии президента, просил председателя RNC Ронну Макдэниел заставить партийную структуру оплачивать расходы Trump Organization по тогда только начинавшемуся делу Летиции Джеймс. Макдэниел отказалась. В начале 2026 года Трамп и его сыновья подали иск на **10 миллиардов долларов** против Налоговой службы и Министерства финансов за утечку его налоговых деклараций во время первого срока.

Президент подал иск якобы как «частное лицо». Но цель была очевидна: добиться соглашения, пока он все еще находится у власти. Когда журналист NBC спросил, зачем президенту требовать 10 миллиардов долларов из государственной казны, если сама страна имеет долги на триллионы, Трамп ответил:

— Я бы сказал им: заплатите мне. Но я сто процентов этих денег отдам на благотворительность. Мне ничего не нужно. Мелания Трамп тоже нашла для себя возможность заработать в возникшем вокруг семьи денежном водовороте. Amazon, принадлежавшая Джеффу Безосу, во время переходного периода заплатила **40 миллионов долларов** за права на документальный фильм о Мелании.

Не менее 28 миллионов из этой суммы должны были поступить непосредственно первой леди. И все это произошло еще до того, как Дональд Трамп провел в Вашингтоне двенадцать месяцев своего второго срока. Но и этого оказалось недостаточно. Впрочем, Трамп фактически предсказал это еще сорок пять лет назад.

В октябре 1980 года журналист спросил его, в какой момент он сочтет, что у него и его семьи уже достаточно денег для полной финансовой безопасности на всю жизнь.

Трамп ответил, что думает о бизнесе **«буквально двадцать четыре часа в сутки»**. И ему это нравится. — Если перестанет нравиться — я остановлюсь, — сказал он. — Я совершенно уверен, что остановлюсь, потому что понимаю: в сущности, все это игра. Мы все здесь, чтобы играть. И остается надеяться, что сыграем хорошо.

Когда-то над камином в бывшей президентской спальне на втором этаже Белого дома висела небольшая табличка с короткой, но трогательной надписью: «*В этой комнате Авраам Линкольн спал во время своего пребывания в Белом доме в качестве президента Соединенных Штатов, с 4 марта 1861 года по 13 апреля 1865 года*». Когда Жаклин Кеннеди перedelывала комнату, табличку сняли. Но после убийства мужа, готовясь покинуть Белый дом, она заказала новую. Надпись о Линкольне восстановили.

А ниже добавили еще одну: «*В этой комнате Джон Фицджеральд Кеннеди жил вместе со своей супругой Жаклин в течение 2 лет, 10 месяцев и 2 дней своего президентства — с 20 января 1961 года по 22 ноября 1963 года*». Так одним тихим жестом убитой горем первой леди два погибших президента оказались навсегда соединены памятью в комнате, где проходили самые личные моменты их президентской жизни. Это был глубоко частный мемориал. Увидеть его могли лишь немногие. Когда в Белый дом въехали Никсоны, каминную полку заменили.

Табличка Жаклин Кеннеди, сохранившая мгновение истории, исчезла в федеральном хранилище. И стала собирать там пыль. В молодости, живя в Нью-Йорке, Дональд Трамп был одержим желанием оставить свое имя на реальных, физических сооружениях. Он был сыном Фреда Трампа. Молодым человеком, жаждущим пробиться наверх.

Ему хотелось оставить собственный неизгладимый след на Манхэттене — самом богатом районе города, который его отцу так и не удалось покорить. Разместить свое имя на сверкающей башне Пятой авеню означало впечатать бренд Trump в сознание Америки. Для Дональда Трампа быть знаменитым означало **существовать**. Сорок лет спустя, достигнув вершины американской власти, уже семидесятидевятилетний Трамп был поглощен мыслями о наследии. Он решил воспользоваться масштабом почти имперского президентства, чтобы оставить свое имя буквально на всем. Включая невысокий городской ландшафт Вашингтона. По исторической традиции право давать памятникам имена принадлежало следующим поколениям.

Такие почести присуждались Конгрессом, историками, специальными комиссиями и общественным признанием. Так было принято в Америке. Но Дональд Трамп давно доказал, что способен восхищаться самим собой гораздо сильнее и гораздо детальнее, чем кто-либо другой. Зачем ждать?

В первый срок и после его катастрофического завершения он с яростью наблюдал, как в Нью-Йорке его имя снимают со зданий в знак протеста. Еще в 1980 году он говорил *The New York Times*, что надеяться на чужую благодарность — ошибка. — Если позволишь людям обращаться с тобой так, как им хочется, из тебя сделают дурака, — сказал он. И добавил: — Я не хочу быть ничьим лохом. Джон Кеннеди никогда ничего не называл в свою честь. Да и ни один американский президент прежде открыто не добивался того, чтобы государственный объект получил его имя. Хотя отдельные здания и памятники именовали в честь некоторых действующих президентов, например Вашингтона и Гувера, — делали это другие. Президент Джеральд Форд однажды даже отказался подписать закон, который должен был назвать в его честь федеральное здание и здание суда.

Форд объяснил, что не знает ни одного случая, когда федеральное сооружение при жизни президента получало его имя. Если он согласится, сказал Форд, это **«может создать прецедент, который, на мой взгляд, лучше не создавать»**. Одним из важнейших наследий Джона Кеннеди и первой леди Жаклин Кеннеди стало превращение Белого дома в центр американского искусства и высокой культуры. На приемы, специальные концерты и государственные ужины приглашали поэтов, музыкантов, актеров и танцоров. После убийства Кеннеди естественным способом увековечить его память стало переименование культурного центра в его честь. 23 января 1964 года Национальный культурный центр, созданный решением Конгресса еще в конце администрации Эйзенхауэра, официально стал **Центром исполнительских искусств имени Джона Ф. Кеннеди**.

Он должен был служить «**единственным национальным мемориалом**» тридцать пятому президенту. С тех пор Kennedy Center был главным культурным центром столицы. Здесь постоянно выступали Национальный симфонический оркестр и Вашингтонская национальная опера. Здесь проходила всемирно известная церемония Kennedy Center Honors. В самом политизированном городе страны Центром десятилетиями управлял двухпартийный совет. Он сохранял репутацию политически нейтрального учреждения, где художественное качество ставилось выше партийных симпатий. Во время первого срока Трамп отказывался посещать церемонии Kennedy Center Honors, потому что многие награждаемые артисты открыто выступали против него.

Во второй срок он решил не просто прийти. Он собирался лично участвовать в выборе лауреатов. И назначил себя ведущим церемонии. 18 декабря 2025 года совет директоров Kennedy Center единогласно проголосовал за новое название:

«Мемориальный центр исполнительских искусств Дональда Дж. Трампа и Джона Ф. Кеннеди». Трамп изобразил удивление и скромность. Будто совет — который он лично сформировал всего через несколько недель после второй инаугурации и председателем которого теперь являлся сам — неожиданно решил оказать ему такую честь. Одним из самых горячих сторонников переименования был Серджио Гор, тогда руководивший президентским кадровым управлением, а позднее отправленный послом в Индию. Еще за несколько месяцев до этого Гор заговорил об идее с Трампом. Президенту она очень понравилась. Гор льстиво объяснял:

вы столько сделали для Kennedy Center. Вы достали деньги. По крайней мере ваше имя должно стоять рядом с JFK. Белый дом еще до формального одобрения советом тихо распорядился установить на фасаде огромные буквы: **DONALD J. TRUMP** После того как Трамп взял Kennedy Center под контроль, десятки артистов отменили выступления. Еще больше заявили, что отказываются выходить на его сцену в знак протеста.

К началу ноября программа учреждения оказалась в кризисе. Продажи билетов обрушились до катастрофически низкого уровня, которого не видели со времен пандемии Covid. Все это происходило на фоне и без того бурных действий Белого дома внутри страны и за рубежом. Но стремление Трампа ставить собственное имя на достопримечательностях Вашингтона — или строить новые объекты по собственному образу — казалось совершенно оторванным от общественных интересов.

И это было только начало. В начале декабря, на фоне активной кампании Трампа за Нобелевскую премию мира и спорных заявлений о том, что именно он положил конец восьми «неразрешимым» конфликтам по всему миру, администрация внезапно объявила:

Институт мира США будет переименован в Институт мира Дональда Дж. Трампа. Сам институт задумывался еще при Картере как независимая и беспартийная организация, учрежденная Конгрессом. Закон о его создании в итоге подписал президент Рейган. Представитель Белого дома объяснил переименование выдающимися способностями Трампа как переговорщика.

И добавил, что новое название станет: **«мощным напоминанием о том, чего сильное лидерство способно добиться для глобальной стабильности. Поздравляем, мир!»** Незадолго до Рождества президент распорядился создать новый **«золотой флот»** боевых кораблей **«класса Trump»**, в дизайн которых он собирался внести собственные элементы.

К тому времени уже существовала **Trump Gold Card** — ускоренная виза с портретом Трампа, предоставлявшая иностранцам право проживания в США за 1 миллион долларов. Даже некоторые советники президента считали эту инициативу неконституционной. Появились необлагаемые налогом инвестиционные счета для детей под названием **Trump Accounts**. Новый сайт дешевых рецептурных лекарств получил название **TrumpRx**. Министерство финансов объявило планы выпустить к 250-летию США монету достоинством 1 доллар с изображением Трампа с обеих сторон.

Его портрет появился на пропусках в национальные парки. Позднее на здании Министерства юстиции в Вашингтоне вывесили гигантский баннер с фотографией Трампа и словами: **MAKE AMERICA SAFE AGAIN** Рядом стояла официальная печать ведомства.

Баннер словно специально напоминал о личном контроле президента над DOJ. В 2026 году Трамп собирался заставить лидера демократического меньшинства в Сенате Чака Шумера поддержать переименование в его честь Международного аэропорта Даллеса и нью-йоркского Penn Station. Чтобы добиться своего, он даже ненадолго поставил под угрозу давно запланированное и уже профинансированное строительство пригородного тоннеля между Нью-Джерси и Нью-Йорком. В рамках политики «**America First**» администрация также отменила бесплатный вход в национальные парки в День Мартина Лютера Кинга и Juneteenth. Вместо них появились новые «патриотические» даты. В том числе день рождения Трампа. Сотрудникам президент говорил, что хотел бы, чтобы стадион команды Washington Commanders тоже назвали его именем. Но мания переименований, роскошный балльный зал и прочие проекты были лишь частью замыслов. Трамп все сильнее увлекался идеей еще одного гигантского памятника. Вдохновившись парижской Триумфальной аркой, он предложил построить «**Арку независимости**» на острове Колумбия в Вашингтоне — через Арлингтонский мемориальный мост от Мемориала Линкольна.

Трамп хотел, чтобы это была крупнейшая арка такого рода в мире. К октябрю он уже показывал посетителям Овального кабинета разные модели. В Белом доме сооружение уже прозвали: «**Arc de Trump**» — «**Аркой Трампа**».

Трамп видел себя фигурой, изменяющей ход истории. Человеком, который уже переделывает мир по собственному образу — так решительно, как удавалось лишь немногим лидерам.

Оригинальную парижскую Триумфальную арку Наполеон Бонапарт заказал в 1806 году в честь победы при Аустерлице. Это была вершина его полководческого искусства, на короткое время установившая французское господство в Европе. Менее чем через десять лет Наполеона погубит собственная самоуверенность. Его отправят в изгнание. А Триумфальную арку закончат уже много позже его смерти. Со временем она приобретет гораздо более сложный смысл — не как памятник одному человеку, а как символ французской истории и французского народа.

Формальным поводом для строительства арки Трампа было 250-летие США. Но когда в октябре 2025 года журналист спросил президента: — Для кого эта арка? Трамп ответил: — Для меня.

Парижская Триумфальная арка имеет высоту около 162,5 футов. Триумфальная арка в Пхеньяне, построенная в начале 1980-х годов к семидесятилетию Ким Ир Сена и также вдохновленная парижским образцом, — около 200 футов. Арка Трампа должна была достигать **250 футов**. И затмить обе. Однажды в октябре, показывая модели очередному посетителю, Трамп размышлял над деталями. Например, нужна ли наверху обзорная площадка. В частных разговорах он также спрашивал знакомых, что вообще следует установить на вершине.

Может быть, гигантскую копию его поднятого кулака из знаменитого: «**Fight! Fight! Fight!**» В Овальном кабинете в тот день находился губернатор Луизианы Джефф Лэндри, которого Трамп позднее назначит специальным представителем по продвижению идеи приобретения Гренландии.

Пока президент изучал модель, Лэндри заметил: в Луизиане тоже есть неплохая арка.

Натали Харп моментально распечатала фотографии.

После этого Трамп позвонил конгрессвумену от Луизианы Джулии Летлоу. — Привет, Джулия. Как дела? Сообщив ей, что губернатор сейчас сидит рядом, Трамп рассказал о своем проекте и начал расспрашивать об арке в Луизиане.

— Да, у нас есть арка, — подтвердила республиканка.

— Хорошая арка, — одобрил президент.

На столе Resolute перед Трампом лежала аэрофотокарта Национальной аллеи, Потомака и места, где он собирался построить собственный монумент. Президент достал несколько напечатанных на 3D-

принтере пластиковых моделей: маленькую, среднюю, и огромную — его любимую. Он по очереди устанавливал их на предполагаемом месте и следил за реакцией гостей. Хотя мнение остальных, в сущности, ничего не значило. Победить все равно должна была самая большая.

Но тут возникла проблема. Мемориал Линкольна напротив имел высоту всего 99 футов. — Если моя арка будет высотой 250 футов, это проблема? — риторически спросил Трамп.

И оставался еще один вопрос. Делать ли наверху смотровую площадку?

Летлоу все еще была на громкой связи, когда Трамп сказал помощнику: — Позвони Эммануэлю.

Через мгновение телефон на столе зазвонил. Трамп нажал мигающую кнопку. К разговору — тоже по громкой связи — подключился президент Франции. — Эммануэль? Эммануэль? Я строю большую арку, Эммануэль. Пытаюсь понять, нужна ли мне там смотровая площадка. На вашей арке она есть? Есть место, откуда можно смотреть?

На крыше парижской Триумфальной арки действительно находилась популярная смотровая терраса. Оттуда открывался великолепный вид на Сакре-Кёр, Эйфелеву башню и Елисейские Поля. Это один из самых знаменитых памятников Парижа, стоящий на пересечении широких обсаженных деревьями проспектов.

— Да, — ответил Макрон. — У меня есть смотровая площадка.

Трамп продолжил: — Это лучший вид на Париж? Нет? Третий? А, Эйфелева башня и Нотр-Дам. Нотр-Дам — он хорошо с ним справился. Хорошо сделал. Выглядит отлично. Пожар был ужасный. Но сейчас выглядит очень хорошо. Как думаешь? Нам делать площадку? Не знаю. Может, опасно? Люди будут бросать оттуда бутылки и всякую фигню, да? Как думаешь, будут бросать бутылки? Может, все-таки сделать. Оттуда видно Арлингтонское кладбище, отличный вид. Не знаю. Не знаю, опасно. Можно же прыгнуть вниз. Как думаешь, Эммануэль, люди с вашей арки прыгают? Нет?

II

1 октября начался новый финансовый год. Демократы в Конгрессе добились остановки работы правительства из-за субсидий на медицинское страхование в рамках Affordable Care Act. Срок их действия истекал в конце года. Без продления десятки миллионов американцев столкнулись бы либо с резким ростом страховых взносов, либо вообще потеряли бы медицинское покрытие.

Тупик затянулся до ноября. Шатдаун стал самым продолжительным в американской истории. Но практически ничего не делалось для его прекращения.

Тон всему кризису был задан еще на единственной встрече Трампа с лидерами демократов в течение второго срока. Она состоялась 29 сентября — в слабой попытке предотвратить остановку правительства.

На встрече президент демонстративно показывал свое превосходство. Очень быстро серьезный разговор превратился в длинный, изощренный сеанс политического троллинга.

Когда все расселись, Трамп спросил: — Ну и что будем делать?

Лидер меньшинства в Сенате Чак Шумер и спикер Палаты представителей Майк Джонсон немедленно начали спорить. Оба спокойно, но жестко обвиняли друг друга в нежелании вести переговоры и вспоминали взаимные обиды многолетней давности.

Шумер обратился к президенту: — Господин президент, я рад, что мы наконец сели за стол. Исторически такие переговоры всегда были двухпартийными, но республиканцы до сих пор ни разу с нами не сели. Я впервые нахожусь здесь в этом сроке, поэтому рад, что мы наконец разговариваем.

— Это неправда, — возразил Джонсон. — Никакими двухпартийными они не были. Когда Байден был президентом, вы с нами тоже не разговаривали.

Он добавил: — Вы нас игнорировали. А когда требовались голоса, мы их обеспечивали. Мы не давали правительству закрыться.

Шумер ответил, что прежде всегда проводилась встреча четырех лидеров Конгресса. После чего перешел к требованиям демократов. Главное: без продления субсидий Обамасаре они не согласятся финансировать правительство.

Трамп ответил: — Обамасаре — дерьмовая медицина. Вы говорите о страховых взносах за плохое лечение. Почему бы нам просто не сделать нормальную систему здравоохранения? Что думаете? Вам нравится? А если просто вообще все исправить?

Трамп уже десять лет обещал альтернативу Обамасаре. И так и не создал ее. Руководители Конгресса смотрели на него в изумлении. До остановки федерального правительства оставалось двадцать четыре часа. И Обамасаре пользовалась популярностью, напомнили президенту.

— Ну, просто другого у них нет, — сказал Трамп. — Но мы ведь можем сделать что-нибудь лучше, правда? Неужели вы не думаете, что мы можем сделать лучше? Что скажете? Майк? Джон? Что думаете?

Сенатор Тьюн ответил: — Думаю, на это понадобится очень много времени.

— Нет, ну я о другом, — повторил Трамп. — Почему просто не сделать что-нибудь лучше?

Шумер не верил своим ушам. — Нам нужно решить эту проблему прямо сейчас.

— Не знаю, — сказал Трамп. — Сейчас на нас есть давление. И, знаете, мне кажется, если давления нет, мы вообще ничего не можем сделать. Так почему вам это не нравится? Почему не воспользоваться этим давлением и не сделать что-нибудь лучше? Трамп откинулся в кресле и улыбнулся.

Шумер и лидер демократов в Палате представителей Хаким Джеффрис переглядывались. О чем он вообще говорит? Трамп вдруг сказал: — Принесите мне Diet Coke.

А затем обратился ко всем: — Хотите колу? Я знаю, Джон Тьюн любит настоящую Coca-Cola. Хотите? Всем принесли напитки. Затем Трамп распорядился:

— А теперь принесите яд. Я называю это ядом. Помощник поспешно внес миску сладостей: Tootsie Rolls, карамель Werther's, Starburst. Президент щедро принялся угощаться. Потом подвинул миску Шумеру. Тот наклонился, осмотрел содержимое и осторожно выбрал карамельку.

Трамп прекрасно понимал, что ситуация практически неразрешима. И знал, что эта встреча ничего не даст. Поэтому его вполне устраивало просто играть с лидерами демократов. Особенно с Шумером.

Для него это было развлечением. В Овальный кабинет вошел вице-президент Вэнс. Трамп сказал: — А вы поговорите между собой. Почему бы вам всем не обсудить? Джей Ди, я тебя сюда брошу. Ты справишься. Поговори с ними.

— Спасибо, сэр, — ответил Вэнс. — Поговорю.

Когда Шумер и двое республиканских лидеров снова начали спорить о стремительно истекающем времени и неминуемом шатдауне, Трамп откинулся в кресле и закрыл глаза. Через несколько секунд он открыл их. Подозвал Натали Харп и что-то прошептал ей. Президент захотел сувениров для гостей.

Харп скрылась в боковой комнате, которую Трамп называл «**комнатой Моника**», и вернулась с кепками **Trump 2028**. Президент положил их на стол Resolute прямо перед Шумером и Джеффрисом. И тут же в комнату снова вошел фотограф Белого дома Дэн Торок. Он аккуратно разложил кепки так, чтобы получить идеальный кадр: лидеры демократов сидят напротив символа шутки Трампа о третьем сроке.

Игра была детской. Но президенту она нравилась. Шумер никак не отреагировал. А Джеффрис указал на кепку «2028», затем на Вэнса и спросил:

— А ему это как? — Да нормально ему, — ответил Трамп. — Ему все равно. Мы пока его немного обучаем.

Вэнс сказал: — Без комментариев.

Обе стороны прекрасно знали, что произойдет дальше. Следующим вечером федеральное правительство остановит работу. За пределами Вашингтона, в обычной жизни, постоянная игра политиков на грани катастрофы нравилась людям все меньше. Еще с лета высокопоставленные сотрудники Трампа знали, что президент отталкивает многих недовольных и разочарованных колеблющихся избирателей, которые вернули его в Белый дом. Теперь, когда республиканцы

контролировали Вашингтон, советники опасались, что общество обвинит в шатдауне не демократов, а президента и его партию. Потребовалось **42 дня**, прежде чем стороны договорились возобновить работу правительства.

Трампа начинал раздражать. Его послание о «возвращении величия» и демонстрация силы Америки на мировой арене явно не производили ожидаемого эффекта. Выборы вне общего электорального цикла в Вирджинии и Нью-Джерси закончились для республиканцев плохо. А на многочисленных дополнительных выборах по стране в течение 2025 года кандидаты-демократы превосходили результаты Камалы Харрис 2024 года на двузначные показатели. К середине декабря внутренние опросы Белого дома рисовали мрачную картину.

Закрытая социология Тони Фабрицио, распространявшаяся лишь среди ближайшего круга, показывала: американцы считают Трампа неудачником именно в тех вопросах, благодаря которым он выиграл выборы. Он не выполнил одно из самых сильных и одновременно наиболее нереалистичных обещаний кампании: резко снизить стоимость повседневных товаров. Хуже того, Трамп отрицал, что проблема доступности вообще существует. Избиратели начинали сомневаться, что президенту есть до них дело. Цифры были плохими. Работу Трампа в целом: **55 процентов не одобряли, 42 процента одобряли**.

Среди особенно важных «убеждаемых независимых» показатели были еще хуже: **59 процентов против, 31 процент за**. По вопросу инфляции: **59 процентов не одобряли действия Трампа**, лишь **37 процентов одобряли**. На вопрос: «Приводят ли тарифы президента Трампа к росту цен и усилению инфляции?» **56 процентов** ответили — да. Только **29 процентов** — нет. Высшие сотрудники предложили Трампу выбраться из белодомовского пузыря и снова начать ездить по стране.

Но и здесь опрос Фабрицио принес плохие новости. Незадолго до распространения доклада Трамп выступил в Пенсильвании с речью, заранее объявленной как важное обращение на тему «**доступности жизни и экономики**». Во время той же речи он назвал проблему доступности «**мистификацией**» и «**обманом**». А затем заявил, что «**снова сделать Америку доступной**» — его главный приоритет. Для любого другого политика такое противоречие могло бы стать ошибкой, определяющей всю карьеру. Трамп, похоже, либо не заметил противоречия, либо не придавал ему значения. Аудитория тоже не отреагировала. Но избиратели, которых опрашивал Фабрицио, заметили. **45 процентов** сказали, что после речи стали относиться к Трампу хуже.

Только **22 процента** — лучше. Это была та же ловушка, которая когда-то помогла погубить Джо Байдена: попытка убедить американцев, что они должны чувствовать себя лучше, чем чувствуют на самом деле. И уверенность, которая воспринимается уже не как оптимизм, а как презрение. В докладе Фабрицио опасность формулировалась предельно прямо: «*Избиратели по-прежнему раздражены нынешней экономической ситуацией и проблемами доступности, которые напрямую формируют их негативное отношение к президенту Трампу и республиканцам. Если президент и Республиканская партия хотят улучшить позиции перед промежуточными выборами, им необходимо честно признать, что в стране существует кризис доступности жизни, и заняться причинами этого кризиса.*»

Но к тому моменту, когда доклад Фабрицио лег на стол, внимание Трампа уже переключилось еще дальше от того, о чем говорила страна. И это вновь подтверждало: постоянное разрушение привычных норм американской жизни, возможно, начинало утомлять избирателей. Но самого президента прежде всего интересовало одно: **следующее завоевание**.

III

Теперь мысли Трампа были заняты Венесуэлой.

Из тридцати пяти ударов по судам, нанесенных в рамках начавшейся в сентябре кампании, двадцать один пришелся на последние недели года. Столь резкое наращивание этой непрозрачной операции

наводило на мысль, что сами бомбардировки были лишь средством, а не конечной целью. Трамп уже начал открыто говорить о венесуэльской нефти, которую называл «украденной» у Соединенных Штатов, и заявлял, что намерен ее вернуть.

В марте 2025 года он подписал указ, вводивший 25-процентную пошлину против любой страны, импортировавшей венесуэльскую нефть, назвав Венесуэлу «крайне враждебным государством».

10 декабря президент объявил о первом физическом захвате нефтяного танкера, находившегося под санкциями, — *Skipper* у побережья Венесуэлы. Через неделю он распорядился установить «полную и тотальную блокаду» всех санкционных нефтяных танкеров, входящих в Венесуэлу или выходящих из нее. В социальных сетях Трамп потребовал, чтобы Венесуэла вернула нефть и имущество, которые, по его словам, были украдены у США в 2007 году, когда режим Уго Чавеса национализировал нефтяные месторождения.

Администрация Трампа давала постоянно меняющиеся объяснения кампании ударов по судам и почти не предоставляла доказательств своим заявлениям, что на каждом из уничтоженных катеров находились наркокурьеры. Эти бомбардировки показывали Трампа в его наиболее раскованном, почти ничем не ограниченном состоянии.

При этом, одновременно заявляя, что главная цель — не допустить наркотики в Соединенные Штаты, Трамп помиловал бывшего президента Гондураса Хуана Орландо Эрнандеса, осужденного за масштабную торговлю наркотиками. Роджер Стоун, многолетний советник Трампа, неустанно добивался этого помилования. Когда президента спрашивали, как подобное решение сочетается с его собственной антинаркотической политикой — ведь Эрнандес был осужден за содействие контрабанде четырехсот тонн кокаина в США, — Трамп лишь отмахивался. Стоун использовал знакомую формулу, которая уже не раз помогала другим получить помилование: Эрнандеса, говорил он Трампу, подставила администрация Байдена. При этом никто не упоминал, что собственный юрист Трампа Эмиль Бове — которого Трамп привел в Министерство юстиции, а затем выдвинул на судебскую должность, — сам участвовал в обвинении Эрнандеса.

Одним росчерком пера сорокапятилетний тюремный срок наркоторговца был отменен.

IV

19 декабря Министерство юстиции начало публиковать так называемые «файлы Эпштейна», как того требовал закон. Летняя паника администрации из-за потери контроля над историей вокруг Эпштейна к середине ноября сменилась признанием неизбежного: двухпартийная группа в Конгрессе, добивавшаяся публикации документов, наконец собрала достаточно голосов, чтобы вынести вопрос на голосование Палаты представителей. Законопроект быстро прошел Палату и Сенат.

Трамп, уступив неизбежному, подписал его 19 ноября. Теперь Министерство юстиции обязано было в течение месяца опубликовать огромный массив документов из множества различных расследований, связанных с умершим сексуальным преступником. Законодатели, проголосовавшие за этот закон, даже не представляли, сколько именно документов они обязали раскрыть.

В итоге счет пошел на миллионы страниц. По анализу *New York Times*, президент, члены его семьи или такие места, как Мар-а-Лаго, упоминались в документах более тридцати восьми тысяч раз. Весь эпизод стал еще одним тревожным сигналом эпохи, когда доверие к американской системе правосудия разрушилось почти до основания.

Черновые показания свидетелей и материалы незавершенных уголовных расследований вообще-то никогда не предназначались для публичного доступа. Существовали давно отработанные механизмы защиты и обвиняемых, и обвинителей. Но опубликованные файлы Министерства юстиции по сути превратились в огромную публичную свалку любых документов, где встречалось имя Эпштейна — независимо от того, была содержащаяся там информация проверена или нет. Однако вера в то, что сама система является частью чудовищного заговора, стала настолько сильной, что принятие Закона о

прозрачности файлов Эпштейна оказалось возможным. Документы публиковались без порядка и контекста.

Это предоставило идеальную площадку для склонных к теориям заговора интернет-сыщиков, которые могли часами находить в бумагах подтверждение давно сформировавшемуся убеждению: Америкой управляют извращенцы. И все же это действительно была страшная история.

Документы открывали скрытый слой общества, где тесно переплетались услуги своим, инсайдерская информация, способная двигать рынки, компромат и международные интриги. Это была история распущенности, вседозволенности и шокирующего безразличия к чужому страданию. И все это сопровождалось отвратительной, почти клубной болтовней богатых мужчин и женщин, которые терпели педофила, потому что он устраивал интересные ужины, финансировал их проекты или обеспечивал привычный образ жизни. В опубликованных документах всплывали имена многих чрезвычайно влиятельных мужчин. Среди них — бывший близкий друг Эпштейна, ныне президент Соединенных Штатов.

В электронном письме от января 2020 года один федеральный прокурор сообщал коллеге, что Трамп летал на частном самолете Эпштейна гораздо чаще, чем было известно публично. Полетные журналы фиксировали по меньшей мере восемь поездок между 1993 и 1996 годами. Иногда Трамп летал со своей второй женой Марлой Мейплс, иногда — с детьми. В январе 2024 года Трамп заявил, что никогда не находился на борту этого самолета.

Что еще оставалось скрытым? Этот вопрос становился все острее по мере того, как люди изучали зачеркнутые и отсутствующие фрагменты. Среди пробелов были записи интервью ФБР с женщиной, обвинившей Трампа в том, что, когда она была несовершеннолетней, он принудил ее к оральному сексу. Никакого «списка клиентов» не существовало.

Но документы ярко продемонстрировали связи Эпштейна с некоторыми из самых богатых и известных людей мира — в том числе с Илоном Маском и Биллом Гейтсом. В материалах фигурировали также более полудюжины высокопоставленных назначенцев Трампа, среди них Говард Латник. Но документы компрометировали людей по обе стороны политического раскола: Билла Клинтона; Кэтрин Рюммлер, бывшего юридического советника Белого дома при Бараке Обаме; Брэда Карпа, председателя юридической фирмы, которую Трамп принудил предоставлять бесплатные услуги; и журналиста Майкла Вулфа, настолько сблизившегося с Эпштейном, что тайно консультировал его по вопросам связей с общественностью.

Публикация так называемых файлов Эпштейна в одном странном смысле даже помогла Трампу. Он давно утверждал, что коррумпированы все — особенно его критики, — а он один честно говорит о том, насколько грязен окружающий мир. И вот теперь у него появлялось, как он считал, доказательство.

Трамп старался повторять это как можно чаще. — Вопросов там много, — говорил он. — Но на меня ничего нет.

V

На протяжении нескольких месяцев президент и его советники — прежде всего Марко Рубио — работали над планом отстранения Николаса Мадуро от власти. Трамп обещал заканчивать войны, а не начинать новые. Но на фоне кампании ударов по судам в международных водах это обещание выглядело все менее убедительно. Президент и сам не был до конца уверен, что именно нужно делать. Но одно он знал наверняка: ему нужна была венесуэльская нефть. И одновременно он совершенно не хотел нового болота вроде вторжения в Ирак.

Еще в начале ноября 2025 года в интервью CBS News Трампа спросили: собираются ли Соединенные Штаты воевать с Венесуэлой? — Сомневаюсь. Не думаю, — ответил он. Но когда его спросили, сочтены ли дни президента Венесуэлы, Трамп сказал: — Думаю, да. Пожалуй.

Ранее в том же году Трамп назначил Рика Гренелла — бывшего посла в Германии и исполнявшего обязанности директора национальной разведки во время первого срока — специальным посланником по Венесуэле. Гренеллу поручили вести прямые переговоры высокого уровня с Мадуро. В процессе ему удалось добиться освобождения задержанных американских граждан, договориться о возвращении депортированных венесуэльских преступников и прорабатывать дипломатические способы мирного урегулирования региональной напряженности. И еще он разговаривал с Мадуро о нефти. Мадуро, казалось, слушал. Какое-то время он выглядел вполне податливым. Возникало впечатление, что он сможет спокойно пережить второй срок Трампа, просто согласившись играть по новым правилам. Но, к огромному разочарованию Гренелла, его самого постепенно отодвинули в сторону.

В Белом доме победил куда более жесткий подход. Позиция администрации теперь сводилась к одному: Мадуро должен уйти. Он мог жить в роскоши в изгнании. Или Соединенные Штаты сами заставят его уйти. Затем Трамп обратился как минимум к двум весьма необычным посредникам, чтобы передать Мадуро свои послания.

Одним был богатый бизнесмен. Другим — скандально известный телеведущий, которого Трамп знал много лет. 21 ноября бразильский миллиардер Жоэсли Батиста, совладелец крупнейшей в мире мясоперерабатывающей компании JBS S.A., прибыл в Белый дом на встречу с Трампом. За плечами Батисты было несколько коррупционных скандалов. Он даже сидел в тюрьме по делам о воспрепятствовании правосудию и инсайдерской торговле. На протяжении всего 2025 года он добивался встречи с Трампом. Советники президента, хорошо знавшие его прошлое, старались не форсировать вопрос. Но в конце концов, благодаря дружеским отношениям Батисты с Меланией, его все же включили в президентский график.

Сидя с Трампом, общительный бразилец упомянул, что лично знаком с Мадуро, и предложил несколько идей, как с ним обращаться. Трамп сразу увидел возможность. Он позвал Рубио, чтобы тот поговорил с Батистой по-испански и проверил, насколько правдивы заявления богатого мясопромышленника.

Когда Рубио подтвердил, что связь Батисты с Мадуро, похоже, действительно существует, импульсивный Трамп почти сразу связался по телефону с венесуэльским диктатором. Разговор был коротким, дружелюбным и, судя по всему, оставил Мадуро в недоумении. Тон Трампа вовсе не был угрожающим. И если президент хотел запугать собеседника, послание явно не дошло.

Через несколько дней по просьбе Трампа Батиста тайно отправился в Каракас, встретился с Мадуро и предложил ему уйти в отставку. Мадуро, уверенный в собственной власти, немедленно отказался.

Через две недели, в середине декабря, президент попробовал еще раз. На этот раз посредник был совсем иного рода — и обладал значительно большим влиянием. Трамп попросил Такера Карлсона об услуге: не передаст ли он сообщение в Каракас? Президент знал, что у Карлсона есть какой-то канал к венесуэльскому лидеру. Мадуро уже некоторое время приглашал бывшего ведущего Fox приехать к нему на интервью.

В качестве приманки Мадуро утверждал Карлсону, что располагает доказательствами вмешательства в американские машины для голосования на выборах 2020 года. Это была совершенно прозрачная попытка сыграть на ничем не подтвержденных убеждениях Трампа о «украденных выборах». Мадуро также говорил, что хочет более теплых отношений с Вашингтоном.

— Думаю, наш главный интерес — сохранить нынешнее правительство у власти, — советовал Карлсон Трампу. И продолжал:

— Разрушить всегда легче, чем построить. Когда хаос уже начался, победить его чрезвычайно трудно. Поэтому хаос нельзя провоцировать. Главная цель — стабильность. А ради стабильности приходится чем-то поступаться — частью своих интересов или даже принципов. Иногда ради стабильности приходится сгибаться. Казалось, Трамп в целом разделял эту точку зрения. Но на самом

деле от Карлсона ему было нужно другое: напугать Мадуро настолько, чтобы тот наконец вступил в настоящие переговоры.

Соединенные Штаты уже несколько недель наращивали силы в Карибском бассейне. К региону двигались многочисленные военные корабли, включая эсминцы, авианосец *USS Gerald R. Ford* с его авианосной ударной группой, а также десантный корабль класса *Wasp* — *USS Iwo Jima*. На борту находились подразделения 22-го экспедиционного корпуса морской пехоты и бойцы спецподразделения *Delta Force*. К Венесуэле направили более 150 самолетов: бомбардировщики B-1, истребители F-22 и F-35, а также различные самолеты разведки, наблюдения и рекогносцировки. Один близкий советник говорил, что Трамп не хотел начинать столь рискованную военную операцию, если без нее можно обойтись. Но президент постепенно приближался к точке невозврата.

Послание, которое Трамп попросил Карлсона передать, было предельно простым и очень характерным для его грубоватого стиля. Но в конце содержалась явная угроза. Суть была примерно такой: мы возьмем вашу страну под контроль. Она станет нашим пятьдесят первым штатом. И вам пора начать разговаривать с нами всерьез. Мы абсолютно серьезны насчет нефтяных уступок. Это мы нашли энергоносители, добыли их из земли и построили инфраструктуру, а вы все это у нас украли.

Либо играете по нашим правилам, либо вам конец. Карлсон передал это сообщение одному из доверенных людей Мадуро. И добавил: — Понимаете, я не дипломат, но мне кажется, президент не просил бы меня передавать это, если бы вообще не хотел переговоров.

В течение следующих десяти дней Карлсон несколько раз разговаривал с Трампом по телефону. Первые сигналы из Каракаса показывали: Мадуро готов торговаться. Позднее Карлсон скажет одному знакомому:

— Думаю, его животный инстинкт подсказывал: Трамп либо может стать его союзником, либо представляет для него настоящую угрозу. Он понимал, что Трамп — фигура серьезная, и хотел выйти с ним на прямой контакт. Что касается якобы имевшейся у Мадуро информации о машинах для голосования, Карлсон объяснял: у Мадуро было то, что Трамп хотел получить, а к голове самого Мадуро был приставлен пистолет. Но всего через несколько дней после того, как Карлсон передал послание союзнику Мадуро, Трамп сделал один из своих типичных резких виражей в Truth Social. Он опубликовал путаное требование, одновременно демонстрируя, кто здесь хозяин, и угрожая последствиями.

«Америка не позволит преступникам, террористам или другим странам грабить, запугивать или причинять вред нашей стране, — написал Трамп, — и точно так же не позволит враждебному режиму забрать нашу нефть, землю или какие-либо другие активы. Все это должно быть НЕМЕДЛЕННО возвращено Соединенным Штатам». Далее он написал: «Венесуэла полностью окружена крупнейшей армадой, когда-либо собранной в истории Южной Америки. Она будет только увеличиваться, и потрясение, которое они испытают, не будет похоже ни на что, что они видели прежде, пока они не вернут Соединенным Штатам Америки всю нефть, землю и другие активы, которые ранее у нас украли... За кражу наших активов, а также по многим другим причинам, включая терроризм, контрабанду наркотиков и торговлю людьми, венесуэльский режим объявлен ИНОСТРАННОЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИЕЙ». После этой публикации, говорил позднее Карлсон, любая сделка с Мадуро, скорее всего, стала практически невозможной.

— Это их просто взбесило, — вспоминал он. — Не только оскорбило. Мне кажется, это еще и уменьшило пространство для маневра внутри самого режима. По словам Карлсона, они реагировали примерно так: — Что это вообще такое? А он отвечал: — Я здесь ничем не управляю, ребята. Я просто подкастер. Рубио тем временем уже давно считал, что наименее плохой вариант для США — заменить Мадуро его вице-президентом Дельси Родригес.

К сочельнику сложился новый план: Мадуро нужно убрать. Либо отправить в изгнание в одну из мусульманских стран — Катар или, что вероятнее, Турцию. Либо арестовать.

А затем иметь дело с Венесуэлой под руководством Дельси Родригес. Рубио говорил знакомым: Родригес коррумпирована, но она серьезный человек. Она действует вместе с братом, и есть хорошие шансы, что они смогут удержать страну от распада.

— Чего нам совершенно не нужно, так это чтобы разные генералы начали захватывать нефтяные месторождения, — добавлял Рубио. — Этого нельзя допустить. Во-первых, тогда теряется весь смысл операции. Во-вторых, начнется миграционный кризис. В таком сценарии плохо вообще все.

В частных разговорах Рубио говорил, что Белый дом сделал Мадуро очень щедрое предложение. Но тот его отверг. — Он собирается водить нас за нос, — говорил Рубио. — За ним стоят Китай, Россия и Иран. У него есть все стимулы тянуть время. Поэтому мы идем с Дельси.

Сьюзи Уайлс провела большую часть рождественских праздников вдали от Вашингтона — у себя дома в Понте-Ведра-Бич, штат Флорида.

Военные заранее развернули там защищенную систему связи для подготовки будущей операции. Трамп прибыл на рождественские праздники в Мар-а-Лаго. Окно для рейда должно было открыться через считанные дни.

Но сначала у президента оставались другие дела. 22 декабря в своем частном клубе он встретился с Джейсоном Редингом Киньонесом, федеральным прокурором Южного округа Флориды. На встрече присутствовали также генеральный прокурор Пэм Бонди и ее заместитель Тодд Бланш.

Рединг Киньонес только что курировал вынесение приговора Райану Рауту — человеку, который с винтовкой поджидал Трампа в кустах возле ограды его гольф-клуба в Уэст-Палм-Бич. Но президент говорил советникам, что его интересует более неотложный вопрос: расследование Рединга Киньонеса о возможном заговоре среди группы чиновников-демократов, связанных с расследованием российского вмешательства, которое отравляло первый срок Трампа. Старые обиды по-прежнему стояли на первом месте. — Ни хрена себе, — сказал президент. Было два часа ночи субботы, 3 января 2026 года. Трамп сидел в импровизированной защищенной комнате SCIF в своем поместье в Палм-Бич и неотрывно смотрел на монитор. На экране разворачивалась сложная и дерзкая военная операция. В 1400 милях оттуда, в Каракасе, начиналась скоординированная атака, которую готовили еще с Дня благодарения и с тех пор многократно репетировали.

Группа Delta Force двигалась к цели. Ее задачей было захватить венесуэльского диктатора. Ночной штурм только начинался, и никто не мог гарантировать, что все пойдет по плану. В памяти Трампа всплывала другая операция Delta Force — апрель 1980 года и попытка освободить пятьдесят три американских заложника в Тегеране. Та миссия закончилась катастрофой. В ходе операции «Орлиный коготь» погибли восемь американских военнослужащих. Страна была унижена.

А президент Джимми Картер превратился в объект насмешек со стороны религиозного фанатика, нового главы Ирана аятоллы Рухоллы Хомейни, который объявил провал американской спасательной миссии вмешательством самого Бога. Подобная неудача сейчас могла только укрепить Мадуро. План был готов. Спецназ находился в полной боевой готовности уже больше недели. Но несколько попыток пришлось отменить. Иногда мешала погода. В другие ночи не удавалось точно установить местонахождение Мадуро. ЦРУ месяцами следило за каждым его шагом, а он постоянно менял распорядок. Пару раз американские чиновники считали, что Мадуро уехал развлекаться и ночевал не в собственной резиденции.

— Ни хрена себе, — снова произнес Трамп. Тяжелые черные занавеси отделяли его и ближайшую команду национальной безопасности внутри SCIF — фактически временной Ситуационной комнаты, оборудованной прямо в Мар-а-Лаго. Так президент мог следить за операцией вместе с советниками, несмотря на то что его курортная резиденция все еще была полна гостей, праздновавших Новый год. За занавесом генерал Дэн Кейн по ходу событий комментировал происходящее для собравшихся высокопоставленных чиновников. В комнате находились директор ЦРУ Джон Рэтклифф, Марко Рубио, Пит Хегсет и Стивен Миллер.

В 2:01 по местному времени американские силы достигли резиденции Мадуро в военном комплексе Форт-Тиуна в Каракасе. Через девяносто минут Мадуро и его жена Силия Флорес уже находились на борту *USS Iwo Jima*. Трамп опубликовал фотографию Мадуро: в наручниках, в защитных очках, в сером спортивном костюме Nike. К вечеру Мадуро и Флорес находились в Нью-Йорке. Трамп сказал нескольким высокопоставленным чиновникам, что теперь хочет получать 75 процентов прибыли от венесуэльской нефти — навсегда. В первых публичных заявлениях после операции Дельси Родригес осудила произошедшее как «поддержанную извне атаку» и «похищение» со стороны Соединенных Штатов.

Она заявила: Венесуэла «никогда не станет колонией какого-либо государства». Родригес потребовала немедленно освободить Мадуро, ввела в действие указ о национальной обороне и объявила о полной мобилизации страны. Но Белый дом не был обеспокоен. Команда Трампа получила убедительные негласные сигналы, что Родригес готова сотрудничать. В ночь рейда Рубио поговорил с ней по телефону. — Вы должны немедленно сделать две вещи, — сказал он. — Во-первых, стабилизировать страну и взять ситуацию под контроль. Во-вторых, не допустить массовой миграции и насилия. Это сейчас ваша задача номер один. Мы готовы начать новую главу в наших отношениях. Чуть больше недели спустя Дональд Трамп опубликовал в Truth Social картинку. Это была пародийная страница Википедии о нем самом.

Под фотографией стояла должность: «Исполняющий обязанности президента Венесуэлы». Новый год начался. 33 Насладиться успехом операции по захвату Мадуро Трампу удалось совсем недолго. На внутреннем фронте уже назревал тяжелый кризис. Причем созданный собственными руками администрации. Утром в субботу, 24 января 2026 года, тридцатисемилетний медбрат отделения интенсивной терапии Алекс Претти, работавший в госпитале Министерства по делам ветеранов, был убит сотрудниками пограничной службы на Николлет-авеню в Миннеаполисе.

За пять секунд в него выстрелили не менее десяти раз. В этот момент он уже стоял на коленях и был прижат к земле. Некоторые пули попали в него уже после того, как он перестал двигаться.

Гибель Претти произошла вскоре после другого смертельного инцидента — 7 января была застрелена еще одна тридцатисемилетняя гражданка США, Рене Гуд. Она была матерью троих детей и писала стихи. В нее трижды выстрелили с близкого расстояния, один раз — в голову возле виска. Она пыталась уехать от иммиграционных агентов, которые потребовали выйти из машины после того, как она, протестуя против рейда, попыталась своим автомобилем заблокировать их транспорт. После нескольких недель скандала и ложного заявления Трампа о том, что Гуд якобы переехала сотрудника службы, президент был вынужден отступить. Он объявил о снижении активности федеральных сил в городе.

Теперь Трамп внезапно захотел снизить градус. Он рассчитывал устроить показательный разгром нелегальной иммиграции: преступники бегут, левые протестующие отступают. А вместо этого на телевизионных экранах каждую ночь появлялись: мертвый медбрат интенсивной терапии и погибшая местная мать. И история никак не исчезала из новостей. Оба были белыми.

Оба — гражданами США. И ни один из них даже отдаленно не соответствовал той целевой группе, против которой изначально была направлена операция в Миннесоте, — сомалийским иммигрантам, часть которых подозревали в мошенничестве с федеральными пособиями. Неделями Трамп называл все сомалийское сообщество «мусором», который следует выдворить из страны, пока иммиграционные агенты переносили в штат свои жесткие методы. Но некоторые в окружении Трампа увидели в катастрофе в Миннесоте совсем другую возможность: новый шанс использовать редко применяемый, но чрезвычайно широкий юридический инструмент. Причем не только для запугивания протестующих. Но и тех, кто защищал само право на протест. Через несколько дней после гибели Претти, около девяти утра, вице-президент вошел в кабинет Сьюзи Уайлс и сел в конце длинного стола для совещаний, развернув кресло к остальным.

Это была обычная утренняя встреча, хотя людей присутствовало меньше, чем обычно. Уайлс сидела на своем привычном месте — в одном из кресел с высокой спинкой у камина. Рядом располагался заместитель главы аппарата Джеймс Блэр. Кэролайн Ливитт и Стивен Чунг сидели на диване. Стивен Миллер — за столом справа от Вэнса, спиной к окнам, выходящим на Уэст-Экзекутив-авеню. Секретарь президента Уилл Шарф сидел в противоположном конце стола. Рядом с вице-президентом находился юридический советник Белого дома Дэвид Уоррингтон. Вэнс сразу перешел к делу.

Он хотел обсудить Миннесоту. По его мнению, администрация должна немедленно применить Закон о восстании — *Insurrection Act* — и подавить беспорядки. В краткосрочной перспективе это будет болезненно, говорил он. Но в долгосрочной — правильно. Такой шаг должен был послать четкий сигнал: проплаченные агитаторы не смогут безнаказанно мешать работе ICE. И тогда другие больше не решатся повторить такое. На тот момент не существовало никаких доказательств, что Претти или Гуд были оплачиваемыми активистами.

Но Вэнс возвращал к жизни вопрос, который неоднократно обсуждался на протяжении почти всего 2025 года: когда именно использовать чрезвычайное президентское полномочие? И Миллер, и Трамп мечтали задействовать этот механизм еще с первого срока. Для обоих это было своего рода незавершенным делом. После выступления Вэнса слово взял Шарф. Он подробно изучал Закон о восстании. Его исследования легли в основу конфиденциальной записки Уайлс от 29 октября.

На самой встрече Шарф о записке не говорил. Но его позиция была ясной: ситуация в Миннесоте не дает оснований применять закон. И возражение было не политическим. Просто, в понимании Шарфа, закон юридически не соответствовал тому, что происходило на месте. Стивен Миллер был необычно сдержан. Он возражал Шарфу, но не слишком энергично. По его словам, реальные границы применения Закона о восстании никогда по-настоящему не проверялись.

Оставалось множество нерешенных вопросов о широте его действия. — Это неправда, Стивен, — ответил Шарф. — Закон очень конкретный. Кто-то напомнил, что в последний раз Закон о восстании применяли во время беспорядков в Лос-Анджелесе в 1992 году. Другой сразу заметил очевидное: сейчас в Миннесоте ничего даже близко похожего на лос-анджелесские беспорядки не происходило. Тогда вмешался Джеймс Блэр — уже с политической точки зрения. Он считал применение закона явным превышением полномочий и политическим самоубийством.

Кадры ввода войск в Миннесоту и без того выглядели хаотично, говорил он. А публика не хотела еще большего хаоса. Эскалация лишь усилит именно то, от чего люди уже испытывали отвращение. Блэр задал комнате несколько вопросов. И никто не смог на них ответить.

Что Закон о восстании даст нам такого, чего у нас сейчас нет? Что реально изменится на месте?

Стоит ли это политической цены? Если все обернется против нас, какой вообще результат может оправдать такой ужасный репутационный ущерб? Дэвид Уоррингтон и раньше высказывал тот же аргумент в беседах с коллегами. Теперь в комнате повисла тишина. Ни у кого не нашлось хорошего ответа.

Пожалуй, самым показательным было то, что некоторые присутствующие все равно хотели идти вперед. Хотя никто не мог ответить на элементарный вопрос: какие дополнительные полномочия даст закон, которых у администрации уже нет в Миннесоте? Закон о восстании позволял президенту вводить федеральные войска для исполнения законов о общественной безопасности — фактически передавая правоохранительные функции армии. Но федеральные законы и без того можно было применять в штате без этого. Уже несколько недель Уайлс принимала десятки звонков от избранных политиков и руководителей бизнеса, обеспокоенных происходящим в Миннесоте. После убийства Претти она прямо сказала коллегам: — Мы приехали в Миннеаполис, чтобы арестовывать людей, которые незаконно получают федеральные пособия. Вот зачем мы приехали в Миннесоту. А теперь мы совершенно ушли от этой задачи.

Но, как часто бывало в напряженных спорах, Уайлс почти не вмешивалась. Она предпочитала дать выговориться другим. Чунг изложил проблемы, которые применение Закона о восстании создаст для публичного имиджа администрации.

Вэнс, выслушав аргументы, казалось, смягчился. Возможно, момент и правда был неподходящий. Встреча закончилась без решения. Лишь с расплывчатым согласием продолжить обсуждение. Но сама дискуссия многое прояснила. Даже после того как агрессивное отношение администрации к протестующим помогло обострить ситуацию, даже когда Белый дом оказался под огнем жесточайшей критики, вице-президент и самый влиятельный политический советник президента все равно искали возможность использовать войска для исполнения внутренних законов.

Но чтобы успокоить нарастающее общественное возмущение, кому-то пришлось бы уступить. 5 марта Трамп уволил министра внутренней безопасности Кристи Нозм. Этому предшествовали два дня тяжелых слушаний в Конгрессе и целый год скандальной публичной активности. Существовали вопросы о возможном конфликте интересов при заключении контрактов. Нозм также явно была одержима появлением перед камерами. Для Трампа, не любившего делиться вниманием ни с кем, хотя обычно и предоставлявшего членам кабинета большую свободу, это стало последней каплей. Стивен Миллер совершенно не скрывал, что не расстроен ее уходом.

По его мнению, Нозм катастрофически плохо руководила Министерством внутренней безопасности. За ней тянулся целый шлейф проблем: постоянные истории о поездках с ее главным советником Кори Левандовски; пристрастие к частным самолетам;

и, что особенно раздражало Миллера, неспособность грамотно выбирать места для массовых иммиграционных рейдов. Для него все это не было сюрпризом. Он всегда считал Нозм неподходящим человеком для этой должности. Сразу после гибели Рене Гуд Миллер назвал ее действия «внутренним терроризмом». После смерти Претти он назвал того «убийцей». Трамп указывал на то, что Претти имел при себе оружие. Позже выяснилось, что разрешение на него у мужчины было. Нозм подхватила эту риторику и также приклеила к обоим погибшим ярлык внутренних террористов. Однако вскоре после двух убийств Миллер говорил знакомым, что в ярости. Не из-за самой жесткой антииммиграционной политики.

И не из-за попыток подавить протесты либералов — все это он продвигал сам. Он был в ярости из-за того, как именно все было исполнено. Публично Миллер утверждал, что иммиграционные агенты должны были создавать «барьер» между протестующими и группами, проводившими задержания. А в частных разговорах возлагал вину на Нозм. Хотя в течение года она подчинялась не только президенту. Но и самому Миллеру. Юридическая система тоже приближалась к пределу.

В июле 2025 года *Washington Post* обнаружила, что примерно в трети федеральных дел, где судьи выносили решения против администрации Трампа, правительство обвиняли в том, что оно вводит суд в заблуждение, сознательно затягивает процессы или вообще игнорирует судебные распоряжения. В феврале 2026 года Reuters подсчитало: федеральные судьи более чем в 4400 случаях постановили, что ICE незаконно удерживала мигрантов. Федеральные чиновники работали на пределе в условиях, которые во многом создал сам Белый дом своими требованиями резко увеличить число депортаций. В Министерстве юстиции ощущался тяжелый дефицит кадров. Ведомству было все сложнее находить юристов, готовых там работать. Несколько прокуроров в Миннеаполисе предпочли уйти в отставку, лишь бы не участвовать в жесткой кампании администрации. Вскоре после гибели Претти юрист прокуратуры США в Миннесоте Джули Ли прямо сказала федеральному судье, что ей с огромным трудом удастся заставить ICE выполнять судебные решения. — Система — дерьмо. Эта работа — дерьмо. И я использую буквально каждый вдох, чтобы дать вам то, что вам нужно.

А потом добавила: — Иногда мне хочется, чтобы вы просто обвинили меня в неуважении к суду, ваша честь, тогда я хотя бы смогла бы проспять целые двадцать четыре часа.

Но даже пока судебные споры вокруг операций Министерства внутренней безопасности в Миннесоте множились, а жесткие действия федеральных агентов возмущали местные сообщества, внимание Трампа уже переместилось к другой стране — более чем в шести тысячах миль отсюда. Во внутренней политике президент все еще сталкивался с серьезными ограничениями. Быстро решить проблему инфляции и кризиса доступности жизни, беспокоившего множество избирателей, было невозможно. На мировой арене все выглядело иначе. Еще с 1980-х годов международные дела интересовали Трампа куда больше, чем кропотливая работа над внутренней политикой. И здесь у него было гораздо больше пространства, чтобы продемонстрировать силу своего имперского президентства.

Ради следующей цели он был готов еще сильнее расколоть коалицию MAGA, обойти Конгресс и заставить страны мира выбирать: они с ним — или против него. Это была борьба экзистенциального масштаба. И Трамп решил поставить на нее свое историческое наследие.

II

На протяжении всей предвыборной кампании 2024 года Иран не скрывал своего желания убить Дональда Трампа. Тегеран поклялся отомстить за убийство командующего силами «Кудс» генерала Касема Сулеймани, уничтоженного американским беспилотником в январе 2020 года. С тех пор американская разведка отслеживала вполне реальные угрозы жизни Трампа. 12 июля 2024 года ФБР арестовало Асифа Мерчанта, гражданина Пакистана, прошедшего подготовку у Корпуса стражей исламской революции. Его направили в Соединенные Штаты с задачей нанять киллеров для убийства американских политиков. Среди названных целей были Трамп и Байден. Мерчанта задержали в аэропорту, когда он собирался покинуть страну. На следующий день Трампа ранили на митинге в Батлере, штат Пенсильвания.

Пуля предполагаемого убийцы задела ему ухо. Власти заявили, что стрелок из Батлера, по всей видимости, действовал в одиночку и никак не был связан с Ираном. Но людям в окружении Трампа совпадение по времени казалось подозрительным. Самому Трампу различие почти не имело значения. Иран только что пытался организовать его убийство. А на следующий день кто-то другой едва не добился успеха. В сознании президента два события слились в одну личную угрозу.

Почти через две недели Трамп, уже официальный кандидат республиканцев, встретился с Биньямином Нетаньяху в Мар-а-Лаго. Он демонстрировал премьер-министру свою рану. Формально Нетаньяху приехал обсуждать переговоры о прекращении огня в Газе. Но была и другая задача: восстановить отношения с возможным будущим президентом. Нетаньяху прекрасно знал, что Трамп по-прежнему обижен на него за поздравительный звонок Байдену после выборов 2020 года. В конце встречи Трамп поделился одной мыслью. Он не упомянул иранский заговор с целью его убийства. Но сказал Нетаньяху: если вернется на второй срок, в военном отношении будет проводить против Ирана гораздо более жесткую линию. В окружении Трампа нередко слышали в его противоречивых словах именно то, что хотели услышать.

После визита Нетаньяху один близкий советник предсказывал: вернувшийся Трамп будет душить экономику Ирана санкциями и не станет мешать Израилю наносить прямые удары по стране. Но сам советник не считал, что Трамп лично начнет войну с Ираном. Тем не менее возможность того, что вскоре произойдет, существовала с самого начала. Сразу после победы на выборах Трамп заполнил свои дни обедами, ужинами и бесконечным потоком гостей. Когда разговор заходил о Ближнем Востоке, он звучал гораздо более воинственно, чем за многие предыдущие годы.

В декабре 2024 года в Мар-а-Лаго он сказал одной группе гостей о палестинцах в Газе, захвативших израильских заложников: — Это чертовы животные. Затем разговор перешел к Ирану. — Надо сделать так, чтобы они не получили бомбу в следующие пять недель, — сказал Трамп. — Не до 20 января. Пока я у власти, у них никогда не будет бомбы. Позднее, после операции *Midnight Hammer* в июне 2025 года, Трамп объявил, что ядерные объекты Ирана «полностью уничтожены». Он настаивал: разрушения

настолько тотальны, что иранская проблема теперь фактически решена. Президент считал, что руководство Ирана никогда не осмелится восстановить объекты под угрозой полного уничтожения.

И никому в администрации не позволял даже намекать, что разрушение могло быть менее чем «тотальным». Но через несколько месяцев стало ясно: Иран намерен восстанавливаться. В частности, в значительных масштабах возобновлять производство ракет. Советники Трампа чувствовали: вскоре Нетаньяху вернется и снова попросит президента присоединиться к новой израильской военной операции. И когда этот момент настал, было ясно: на этот раз ограниченной цели уже не будет. Нетаньяху хотел идти до конца. Он видел возможность осуществить мечту, которую вынашивал десятилетиями:

свергнуть режим в Тегеране. И теперь эта идея казалась ему не только возможной. Но и вполне осуществимой. Зимой 2025–2026 годов, по мере усиления израильского давления в пользу нового удара по Ирану, директор ЦРУ Джон Рэтклифф представил Трампу различные сценарии возможных результатов военной кампании. Это были не прогнозы. В военной реальности слишком многое зависело от характера и продолжительности кампании. Скорее логика выглядела так: если мы сделаем это, то, по нашей оценке, получим вот такой результат.

Рэтклифф исходил из того, что операция продлится минимум четыре-шесть недель. Разведка рисовала весьма мрачную картину возможной смены режима. Самый вероятный вариант был одновременно и самым опасным: контроль над страной могут перехватить радикалы внутри Корпуса стражей исламской революции, оттеснив или ослабив религиозную верхушку. А духовное руководство, при всей своей агрессивной риторике, обычно действовало расчетливее и было менее склонно к прямой военной аванюре. Чуть более оптимистичным, но менее вероятным сценарием считался приход к власти прагматиков из того же КСИР. Самым маловероятным вариантом аналитики ЦРУ считали народное восстание, которое свергнет правительство изнутри. Иранские силовики совсем недавно вновь продемонстрировали готовность расстреливать безоружных протестующих прямо на улицах.

Любое массовое движение снизу столкнулось бы с немедленным и жестоким подавлением. Это не означало, что военная кампания вообще не могла принести успех. По оценкам ЦРУ, США и Израиль способны были серьезно ослабить способность Ирана угрожать соседям обычным и ядерным оружием. Но в отношении более амбициозных целей выводы разведки были отрезвляющими. Одни лишь воздушные удары почти наверняка не смогут свергнуть режим. Проблему усугубляли асимметричные преимущества Ирана: дешевые ударные беспилотники и возможность прятать ракеты в горных пещерах.

Трамп пессимистическим оценкам не верил. Он считал, что война закончится быстро. Иранский режим представлялся ему жалко слабым. Это убеждение окончательно укрепилось в июне предыдущего года, когда после разрушительных волн американских бомбардировок Иран ответил заранее анонсированными символическими ударами, которые США без труда перехватили. Теперь, окрыленный успехом захвата Мадуро, Трамп еще сильнее восхищался возможностями американской армии. Он говорил помощникам: хотел бы увидеть в Иране что-то вроде венесуэльского сценария. То есть получить все преимущества смены режима, не перестраивая при этом всю страну. В представлении Трампа появилась новая модель:

убрать человека на вершине и посадить вместо него испуганного аппаратчика, который будет покорно считаться с президентом США. Но почти никто из советников Трампа не верил, что Иран — страна с населением более девяноста миллионов человек, десятилетиями живущая под властью теократии, — может оказаться второй Венесуэлой. И трудно было представить, что Трамп действительно не понимает различий. Президент получил подробнейшие доклады и от Рэтклиффа, и от председателя Объединенного комитета начальников штабов генерала Дэна Кейна. Самые свежие данные разведки ясно показывали: режим в Иране значительно глубже укоренен, чем власть в Венесуэле.

К тому же у него есть мощнейшая религиозная основа. И все же Трамп снова и снова говорил советникам: у него «хорошее предчувствие» насчет удара по Ирану. И он хочет идти вперед. Его

отношение к последствиям можно было свести к простой формуле: сначала уничтожим режим. А с деталями разберемся потом.

III

В среду, 11 февраля 2026 года, Биньямин Нетаньяху и Марко Рубио встретились в Блэр-хаусе — историческом здании 1824 года, служившем официальной гостевой резиденцией президента США. Там они подписали документ о вступлении Израиля в новую структуру по восстановлению Газы — Совет мира. Оба встали рядом и продемонстрировали подписанный документ телекамерам.

После этого Нетаньяху на черном внедорожнике проехал короткое расстояние по Пенсильвания-авеню до Белого дома. Он прибыл незадолго до одиннадцати утра. Воздух был морозным. Долгая зима все еще держала Вашингтон. Трамп не встречал премьер-министра у входа в Западное крыло. Нетаньяху быстро провели через ворота комплекса так, чтобы пресса его не увидела.

Премьер-министр приехал с большой делегацией. В нее входил его военный секретарь генерал-майор Роман Гофман, которого несколькими месяцами позже должны были назначить директором «Моссада». После продолжительной первой встречи в Кабинетной комнате Нетаньяху спустился вниз на еще одно совещание. Это должна была стать одна из самых важных — и полностью секретных — встреч в его жизни. Она проходила на нижнем уровне Белого дома.

Ситуационная комната крайне редко принимала иностранных лидеров лично для столь чувствительных переговоров. Прежние президенты проводили оттуда видеоконференции с мировыми лидерами. Но кроме редких почти экскурсионных визитов знаменитостей это традиционно оставалось закрытым пространством. Теперь Нетаньяху сел за большой стол из красного дерева вместе с Трампом, небольшой группой высших советников, представителями разведки и военными. Трамп отошел от своего привычного места во главе стола.

Он сел посередине, лицом к большим экранам на противоположной стене. Нетаньяху расположился напротив. На одном из экранов появился директор «Моссада» Давид Барнеа. Там же были и другие израильские чиновники. Картина выглядела впечатляюще: Нетаньяху — лидер воюющей страны — и его проверенная команда. Сьюзи Уайлс сидела в дальнем конце стола.

Рубио занял свое обычное место. Пит Хегсет и Дэн Кейн, которые на подобных совещаниях обычно сидели рядом, расположились с одной стороны. К ним присоединился директор ЦРУ Джон Рэтклифф. Основную группу дополняли Джаред Кушнер и Стив Уиткофф — они параллельно продолжали переговоры с иранцами, пытаясь предотвратить войну. На протяжении всего 2025 года Белый дом мучили утечки секретной информации.

Поэтому круг участников этой встречи сознательно сделали очень узким. Не пригласили ни министра энергетики, ни министра финансов. Не было и министра торговли Говарда Латника. Тем более директора национальной разведки Тулси Габбард, открыто выступавшей против военного интервенционизма. Отсутствовал и вице-президент — но по другой причине. Джей Ди Вэнс находился с официальным визитом в Азербайджане. Встречу с израильтянами организовали настолько быстро, что он просто не успел вернуться. Следующий час Нетаньяху настойчиво убеждал Трампа:

Иран сейчас чрезвычайно уязвим. И возможно, наконец наступил момент, когда совместный американо-израильский удар сможет привести к смене режима. В какой-то момент премьер-министр показал Трампу короткое видео. В нем мелькали возможные новые лидеры, которые могли бы возглавить страну после падения нынешней власти. Среди них был Реза Пехлеви — находившийся в изгнании сын последнего иранского шаха, живший в Вашингтоне оппозиционный деятель. Пехлеви пытался представить себя светским лидером, способным провести Иран от теократии к новому государственному устройству.

Нетаньяху и его команда изложили набор условий, которые представляли почти как гарантию победы. Иранскую программу баллистических ракет можно уничтожить за несколько недель. Иран

ослабнет настолько, что не сможет перекрыть Ормузский пролив. Вероятность серьезных ударов по американским интересам в соседних странах минимальна. Кроме того, по данным «Моссада», протесты внутри Ирана должны были начаться вновь. А если израильская разведка поможет разжечь беспорядки и восстание, интенсивная кампания бомбардировок может создать условия, при которых оппозиция свергнет режим. Израильяне также говорили о возможном участии иранских курдских вооруженных групп. Они могли бы перейти границу из Ирака и открыть сухопутный фронт на северо-западе страны. Это еще сильнее растян timer сил режима и ускорит его крах.

Нетаньяху излагал все спокойным, уверенным монотонным голосом. По крайней мере для Трампа презентация звучала убедительно и хорошо подготовленно.

— Мне нравится, — сказал президент премьер-министру. Для Нетаньяху это прозвучало почти как зеленый свет на совместную американо-израильскую операцию.

И не только он вышел со встречи с ощущением, что Трамп практически принял решение. Советники президента тоже видели: Трампа глубоко впечатлила демонстрация того, что могут сделать израильская армия и разведка. Точно так же он был впечатлен и перед двенадцатидневной войной предыдущего июня, когда они с Нетаньяху обсуждали будущую операцию. Премьер-министр говорил Трампу: сейчас риск бездействия больше риска действия.

Если откладывать удар, цена будет только расти. Иран получит дополнительное время для восстановления ракетной программы и создания защитного щита вокруг ядерных объектов. Иран способен гораздо дешевле и быстрее наращивать запасы ракет и беспилотников, чем Соединенные Штаты — производить и поставлять значительно более дорогие ракеты-перехватчики для защиты американских объектов и союзников в регионе. У Нетаньяху был еще один важный козырь. Многие советники Трампа ему не доверяли. Но он давил именно на ту тему, которая самому президенту была особенно близка.

Среди всех внешнеполитических противников, с которыми Трамп сталкивался за два президентских срока, Иран занимал особое место. Он считал режим в Тегеране исключительно опасным врагом. И был готов идти на большой риск, лишь бы ограничить его способность вести региональные войны и получить ядерное оружие. Кроме того, презентация Нетаньяху предлагала Трампу очень привлекательную историческую перспективу. Разрушить иранскую теократию. Ту самую, которая пришла к власти в 1979 году, когда Трампу было тридцать два года. И которая с тех пор почти полвека оставалась постоянной головной болью для Соединенных Штатов. Теперь он мог стать первым американским президентом за сорок семь лет исламской республики, которому удастся осуществить смену режима в Иране. Презентация Нетаньяху немедленно запустила работу американской разведывательной машины.

Всю ночь аналитики проверяли жизнеспособность того, что только что показали Трампу. На следующий день, 12 февраля, выводы представили на еще одном совещании в Ситуационной комнате. До прихода президента два высокопоставленных представителя разведки провели закрытый брифинг для его ближайшего окружения. Оба прекрасно знали американские ударные возможности. И досконально понимали устройство иранской системы и ее ключевых игроков. Они разбили план Нетаньяху на четыре части. Первая: обезглавливание руководства — убийство аятоллы. Вторая: лишение Ирана способности проецировать силу и угрожать соседям.

Третья: массовое народное восстание внутри страны. Четвертая: смена режима с приходом нового светского лидера. По оценке разведчиков, первые две задачи были достижимы благодаря возможностям американской разведки и вооруженных сил. Но третья и четвертая части плана Нетаньяху — включая идею курдского сухопутного вторжения в Иран — по их мнению, были оторваны от реальности. Когда Трамп вошел в комнату, Рэтклифф представил ему оценку американской разведки. Директор ЦРУ одним словом описал сценарий смены режима, предложенный израильским премьер-министром:

— Фарс. Тут вмешался Рубио. — Иными словами, это полная чушь, — сказал он. Рэтклифф добавил: в любой войне события непредсказуемы.

Смена режима действительно может произойти. Но считать ее достижимой военной целью нельзя. В разговор включились и другие.

В том числе Вэнс, только что вернувшийся из Азербайджана. Он тоже выразил серьезнейшие сомнения в реалистичности смены режима. Тогда президент повернулся к председателю Объединенного комитета начальников штабов Дэну Кейну. — Генерал, что думаете? Кейн ответил:

— Господин президент, по моему опыту это стандартная манера действий израильтян. Они всегда продают планы слишком красиво, а сами планы не всегда как следует проработаны. Они знают, что нуждаются в нас. Поэтому и давят изо всех сил. Трамп быстро переварил услышанное. Смена режима, заключил он, будет «их проблемой». Неясно, кого именно он имел в виду — израильтян или самих иранцев. Но главное было понятно: решение Трампа о войне с Ираном не зависело от того, осуществимы ли третья и четвертая части плана Нетаньяху. Его по-прежнему очень интересовали первые две: убить аятоллу и высшее руководство Ирана и уничтожить иранскую военную мощь.

IV

Дэн Кейн — человек, которого Трамп любил называть **Razin' Caine** — произвел на президента сильное впечатление еще много лет назад, когда заявил, что ИГИЛ можно разгромить гораздо быстрее, чем предсказывали другие. Трамп вознаграждал генерала за такую уверенность, назначив бывшего летчика-истребителя ВВС своим главным военным советником. Кейн не был политическим лоялистом Трампа и серьезно опасался войны с Ираном. Но свои взгляды президенту он излагал крайне осторожно.

Кейн сообщил Трампу и членам кабинета военную оценку: масштабная кампания против Ирана резко истощит американские запасы вооружений, а быстро восполнить их будет практически невозможно. Его глубоко тревожила перспектива значительных потерь среди американских военнослужащих, а также дальнейшее сокращение запасов боеприпасов и ракет-перехватчиков, уже истощенных после нескольких лет поддержки Украины и Израиля. Он также обращал внимание на огромные сложности, связанные с обеспечением безопасности Ормузского пролива, и на риск того, что Иран его перекроет. Трамп этот сценарий отметал, исходя из того, что режим капитулирует раньше, чем дело дойдет до этого. Но проблема боеприпасов выходила далеко за рамки Ирана.

Без достаточных запасов способность Америки вести любую будущую войну могла оказаться серьезно подорвана. Администрация уже давила на крупнейших оборонных подрядчиков, требуя резко нарастить производство. Но военно-промышленная база просто не могла масштабироваться с той скоростью и до тех объемов, которые требовались для выпуска столь точного, сложного и технологически изощренного оружия. Трамп категорически не хотел публично обсуждать нехватку боеприпасов.

Любое признание столь серьезной проблемы он воспринимал как демонстрацию американской слабости. Хотя на самом деле это уже мало что меняло. Противники США и без того имели довольно подробное представление о том, чем располагает Америка и как быстро способна восстановить свои запасы. Роль Кейна в преддверии войны ярко показала классическое противоречие между военным советом и президентским решением.

Председатель Объединенного комитета начальников штабов настолько упорно избегал прямой позиции — повторяя, что его задача не говорить президенту, что делать, а лишь представлять варианты, риски и возможные последствия второго и третьего порядка, — что порой казалось, будто он одновременно отстаивает все стороны вопроса. Он постоянно задавал один вопрос: — **И что потом?** Но Трамп зачастую слышал лишь то, что хотел услышать. Кейн почти во всем отличался от председателя Объединенного комитета начальников штабов времен первой администрации Трампа — генерала Марка Милли.

Милли яростно спорил с Трампом и считал своей задачей удерживать президента от опасных или безрассудных решений. Один близкий наблюдатель отмечал, что Трамп, похоже, путал тактические рекомендации Кейна со стратегическими. На практике это выглядело так:

в одном предложении Кейн мог предупреждать об огромных сложностях какого-то элемента операции, а в следующем — отмечать, что у США практически неограниченный запас относительно дешевых высокоточных авиабомб и что, добившись господства в воздухе, Америка сможет неделями наносить удары по Ирану. Для Кейна это были два отдельных наблюдения. Для Трампа второе, вероятно, отменяло первое. Ни разу в ходе обсуждений, приведших к войне с Ираном, председатель не сел перед Трампом и не сказал ему почти в упор, что война будет ужасной ошибкой.

Хотя некоторые коллеги Кейна были уверены: именно так он на самом деле и думал. Тем временем влиятельная группа политических посредников и лидеров общественного мнения активно толкала Трампа к удару по Ирану.

Среди них были отставной генерал Джек Кин, Fox News Руперта Мердока, консервативные комментаторы Марк Левин и Марк Тиссен, а также сенатор Линдси Грэм. Нетаньяху, разумеется, уже много месяцев убеждал Трампа действовать. Но без Соединенных Штатов Израиль в более широкой войне оставался, по сути, одноруким бойцом.

Премьер-министр Израиля внимательно изучал американские СМИ и общественное мнение и тщательно продумывал, через какие каналы лучше всего воздействовать на Трампа. Он тесно координировался с Грэмом. И ему помогало то, что во второй срок информационный круг Трампа стал значительно уже, чем в первый. Скептические мнения до президента почти не доходили. Критиков он в основном перестал слушать. Вокруг него остались главным образом льстецы — и в Белом доме, и тем более на террасе Мар-а-Лаго, где группа пожилых состоятельных жителей Палм-Бич восторженно поддерживала идею присоединиться к Израилю и уничтожить иранское клерикальное руководство. В кабинете Трампа главным сторонником удара по Ирану был Хегсет.

Государственный секретарь Марко Рубио в частном порядке сомневался. Он не верил, что иранцы согласятся на сделку.

Но предпочитал продолжать политику максимального давления, а не начинать полномасштабную военную операцию. При Трампе Рубио не отстаивал эту позицию особенно настойчиво. А после начала войны уже с полной уверенностью излагал официальное обоснование администрации: — Если вы говорите президенту Соединенных Штатов, что, если мы не ударим первыми, погибнет и будет ранено больше людей, президент ударит первым. Именно это он и сделал. Сьюзи Уайлс тоже тревожило, чем может обернуться новый зарубежный конфликт. Но на крупных совещаниях по военным вопросам она обычно не занимала жесткой позиции.

Скорее подталкивала других советников открыто высказывать президенту свои взгляды и опасения. По многим другим вопросам влияние Уайлс было огромным. Но в комнате, где сидели Трамп и генералы, она отступала на второй план. Близкие к ней люди говорили, что она не считала своей задачей публично, в присутствии других, делиться с президентом личными сомнениями относительно военного решения. Она полагала, что мнение таких специалистов, как Кейн, Рэтклифф и Рубио, для президента гораздо важнее. И всё же перспектива втянуться в очередную войну на Ближнем Востоке беспокоила Уайлс.

Удар по Ирану мог вызвать резкий скачок цен на бензин всего за несколько месяцев до промежуточных выборов. А от этих выборов зависело, какими станут последние два года второго срока Трампа: временем достижений или временем повесток в Конгресс, расследований и возможного импичмента со стороны демократов Палаты представителей.

Трамп и без того был крайне непопулярен. Опросы показывали, что избиратели теперь предпочитали ему его предшественника Джо Байдена — человека, чье наследие Трамп целый год пытался стереть. Но в итоге Уайлс всё же поддержала операцию.

Никто в ближайшем окружении Трампа не боялся войны с Ираном сильнее — и не сделал больше, чтобы ее предотвратить, — чем вице-президент.

Джей Ди Вэнс построил политическую карьеру на неприятии именно такого военного авантюризма, который теперь обсуждался. Он называл войну с Ираном: **«огромным отвлечением ресурсов»** и **«чрезвычайно дорогостоящим предприятием»**.

Но абсолютным пацифистом Вэнс не был. В январе, когда Трамп публично предупредил Иран прекратить убийства протестующих и пообещал, что помощь уже в пути, Вэнс в частном порядке убеждал президента соблюсти собственную «красную линию». Но он имел в виду ограниченный карательный удар. Что-то вроде ракетной атаки Трампа на Сирию в 2017 году — тогда президент таким образом продемонстрировал осуждение применения Башаром Асадом химического оружия против собственного населения. Вэнс считал, что война ради смены режима в Иране станет катастрофой.

В идеале он вообще предпочел бы никаких ударов. Но, понимая, что Трамп почти наверняка вмешается в той или иной форме, пытался направить его к более ограниченному варианту. Если президент всё равно собирается входить в войну, убеждал Вэнс, тогда делать это следует с подавляющей силой — чтобы максимально быстро достичь поставленных целей. Перед коллегами Вэнс предупреждал Трампа:

война с Ираном способна расколоть его политическую коалицию. Многие избиратели, поверившие обещаниям «никаких новых войн», воспримут это как предательство. Вэнс поднимал и другие вопросы. Как вице-президент он знал масштаб американской проблемы с боеприпасами. Война против режима, готового бороться за выживание до конца, могла на годы существенно ослабить способность США вести другие конфликты. Риск американских потерь и хаоса во всем регионе был огромен, говорил он коллегам.

И никакая военная разведка не могла по-настоящему предсказать, как Иран ответит, если на карту будет поставлено само существование режима. Война могла легко уйти в совершенно непредсказуемое направление. Кроме того, почти не было оснований верить, что после нее удастся создать мирный и стабильный Иран. Но над всем этим возвышался, пожалуй, самый большой риск: **Ормузский пролив**.

Здесь преимущество было на стороне Ирана. Если этот узкий морской путь, по которому проходит огромное количество нефти и природного газа, будет перекрыт, внутривнутриполитические последствия для США окажутся неисчислимыми. И начнутся они с роста цен на бензин. Такер Карлсон, еще один известный скептик, несколько раз за предыдущий год приезжал в Овальный кабинет и предупреждал Трампа: война с Ираном уничтожит его президентство.

За пару недель до начала войны Трамп снова попытался успокоить его по телефону. — Я знаю, что ты переживаешь, но всё будет нормально, — сказал он. Карлсон спросил: — Откуда ты знаешь? Трамп ответил: — Потому что всегда всё нормально. В последние дни февраля США и Израиль получили свежую разведывательную информацию исключительной важности — такую, которая резко ускорила график действий.

Аятолла должен был встретиться с другими высшими руководителями режима не в бункере, а на поверхности. Среди бела дня. На открытом месте. Идеальная цель для авиаудара. Это был краткий шанс нанести удар прямо по сердцу иранского руководства. Такая возможность могла больше не представиться. По словам советников, Трамп фактически решил атаковать еще несколькими неделями ранее.

Он лишь не определился с точной датой. Теперь Нетаньяху убеждал его действовать быстро. В ту же неделю Джаред Кушнер и Стив Уиткофф позвонили из Женевы после очередного раунда переговоров с иранцами.

За три раунда встреч в Омане и Швейцарии они проверяли, насколько Тегеран вообще готов к соглашению. В какой-то момент иранцам предложили бесплатно обеспечивать их ядерным топливом на протяжении всего существования мирной программы. Это был своеобразный тест: действительно ли

Иран настаивает на собственном обогащении урана ради гражданской энергетики, или же хочет сохранить возможность создать бомбу. Иранцы предложение отвергли. Назвали его оскорблением собственного достоинства. Кушнер и Уиткофф изложили Трампу ситуацию.

По их словам, договориться о чем-то похожем на соглашение времен Обамы, возможно даже немного лучше, вероятно, можно. Но потребуются месяцы. Иранцы совершенно не спешили. Казалось, они просто рассчитывали переждать президентство Трампа. Если Трамп спрашивал, могут ли они посмотреть ему в глаза и сказать, что способны решить проблему, ответ был неутешительным. — Нам до этого еще очень далеко, — объяснял Кушнер. — Они играют с нами повсюду. Очень многое зависело от оценки Кушнера и Уиткоффа — двух людей, разделявших характерное для всей команды Трампа презрение к государственным экспертам по конкретным регионам и темам. Оба не выносили традиционную бюрократию межгосударственной дипломатии.

Но переговоры выполняли еще одну функцию: они давали Трампу время перебросить в регион военные силы. И подготовиться к войне. 23 февраля — за пять дней до ее начала — предупреждения, которые Дэн Кейн до этого высказывал президенту за закрытыми дверями, внезапно стали публичными. Axios сообщил, что председатель Объединенного комитета начальников штабов предупреждал Трампа об опасности увязнуть в конфликте и о риске значительных потерь среди американцев. В публикации Кейна назвали: **«неохотным воином»** по вопросу Ирана.

Следом *The Washington Post* опубликовала схожий материал, утверждая, что Кейн предупреждал о критической нехватке боеприпасов и отсутствии поддержки союзников. Кейн был крайне встревожен публикациями. Он говорил окружающим, что никогда прежде не сталкивался ни с чем подобным. Его беспокоило, что профессиональную военную позицию превращают в политический сюжет. — Это не моя роль, — говорил он знакомым. Трамп поспешил уничтожить этот нарратив.

В Truth Social он написал, что Кейн якобы не выступает против войны и считает, что при необходимости она будет: **«легко выиграна»**. Кейн ничего подобного не говорил. Война с Ираном должна была расколоть движение, которое построил Трамп. Бывшие союзники президента на популистском правом фланге — те, кто кричал «Америка прежде всего» как лозунг против зарубежных интервенций, — теперь увидят, как президент «Америка прежде всего» начинает новую войну на Ближнем Востоке.

К февралю 2026 года безусловная покорность республиканцев, определявшая первый год возвращения Трампа к власти, уже начала ослабевать. Позднее пресс-секретарь Белого дома Кэролайн Ливитт признает, что Трамп пошел на войну, опираясь на: **«сильное ощущение, что иранский режим собирается нанести удар по американским объектам и нашему персоналу в регионе»**. Но, за исключением вице-президента, никто из высшего руководства — ни государственный секретарь, ни председатель Объединенного комитета начальников штабов, ни глава аппарата — по-настоящему не попытался его остановить.

И, как в случае с операцией Midnight Hammer, как в случае с захватом Мадуро, Трамп заранее не стал объяснять обществу, зачем нужна война. Он предпочитал сохранять полную неопределенность относительно собственных намерений. Более того, раздражался на любого, кто пытался внести ясность. Когда он наконец действовал, резкость поворота поражала. Удар по Ирану последовал менее чем через три месяца после того, как администрация опубликовала стратегию национальной безопасности со словами: **«К счастью, дни, когда Ближний Восток доминировал в американской внешней политике — и в долгосрочном планировании, и в повседневной деятельности, — закончились...»**

VI

В четверг, 26 февраля, около пяти вечера в Ситуационной комнате началось финальное совещание: **ударить или не ударить**. К этому моменту позиции всех присутствующих окончательно

сформировались. Всё уже обсуждалось на предыдущих встречах. Каждый знал мнение остальных. Президент есть президент. И они поддержат его решение. Никаких презентаций.

Никаких бумаг. Только разговор, который продлится полтора часа. Неделя выдалась напряженной. Трамп сидел на своем обычном месте во главе стола. Справа от него — вице-президент. Рядом с Вэнсом — Сьюзи Уайлс. Далее Джон Рэтклифф, Дэвид Уоррингтон и Стивен Ченг.

Напротив Ченга сидела Кэролайн Ливитт. Справа от нее — Дэн Кейн. Затем Пит Хегсет. И Марко Рубио. Круг людей, допущенных к планированию войны, был настолько узким, что два ключевых чиновника, которым пришлось бы справляться с крупнейшим нарушением поставок в истории мирового нефтяного рынка, — министр финансов Скотт Бессент и министр энергетики Крис Райт — всего за день до начала войны всё еще ничего не знали.

Не была посвящена и директор национальной разведки Тулси Габбард. Трамп открыл совещание: — Ну, что у нас? Хегсет и Кейн изложили последовательность ударов.

Затем Трамп сказал, что хочет обойти стол и услышать мнение каждого. Начали с вице-президента. Позиция Вэнса была всем известна. Он обратился к Трампу: — Вы знаете, я считаю это плохой идеей. Но если вы решите это сделать, я вас поддержу.

Уайлс сказала президенту: если он считает операцию необходимой для национальной безопасности Америки, значит, следует действовать.

Рэтклифф не высказался за или против. Но рассказал о потрясающих новых разведанных: иранское руководство готовится собраться в комплексе аятоллы в Тегеране. Директор ЦРУ сказал президенту, что смена режима возможна — смотря что понимать под этим выражением. — Если мы имеем в виду просто убить Верховного лидера, то это, вероятно, мы можем сделать, — сказал он.

Когда дошла очередь до Уоррингтона, юридического советника Белого дома, тот сказал, что в том виде, в каком план был разработан американскими чиновниками и представлен президенту, он является юридически допустимым вариантом. Личного мнения Уоррингтон первоначально не высказал. Но Трамп надавил. Тогда тот сказал, что как ветеран морской пехоты когда-то знал американского военнотружущего, погибшего по вине Ирана. Для него это было личным. Он заявил президенту:

если Израиль всё равно собирается идти вперед, Соединенные Штаты должны присоединиться. Ченг изложил возможные последствия для общественного мнения. Трамп шел на выборы как противник новых войн. Избиратели не голосовали за зарубежный конфликт. Кроме того, план полностью противоречил всему, что администрация говорила после Midnight Hammer. Как теперь объяснить восемь месяцев утверждений о том, что иранские ядерные объекты были полностью уничтожены?

Ченг не сказал ни «да», ни «нет». Он лишь добавил: какое бы решение ни принял Трамп, оно будет правильным.

Ливитт сказала президенту, что это его решение, а пресс-служба затем постарается справиться с последствиями настолько хорошо, насколько сможет. Хегсет занял узкую и прагматичную позицию. С Ираном всё равно когда-нибудь придется разбираться. Так почему не сейчас? Он также изложил технические расчеты:

кампанию можно провести за определенный срок с использованием определенного уровня силы. Кейн говорил трезво. Перечислил риски. Объяснил, насколько операция истощит боеприпасы. Но личного мнения не высказал. Его позиция была проста: если Трамп прикажет начать операцию, военные ее выполнят. Оба высших военных руководителя президента объяснили, как будет разворачиваться кампания и насколько серьезно США способны ослабить военные возможности Ирана.

Когда очередь дошла до Рубио, он сказал: — Если наша цель — смена режима или восстание, нам не следует этого делать. Но если цель — уничтожить ракетную программу Ирана, это достижимо. По сути, все снова уступили инстинктам Трампа.

— Думаю, нам нужно это сделать, — сказал президент. По его словам, необходимо гарантировать, что у Ирана не будет ядерного оружия. И что он не сможет просто запускать ракеты по Израилю или по всему региону. Кейн сказал Трампу, что время еще есть.

Окончательный приказ можно не отдавать до четырех часов следующего дня. В пятницу, 27 февраля, в 15:38, по дороге на мероприятие в Техасе, Трамп отдал финальный приказ. Полет проходил тихо. В первые часы следующего утра началась **операция Epic Fury** — совместная американо-израильская военная кампания против Исламской Республики Иран. Это стало самым значительным военным решением за оба президентских срока Трампа.

И крупнейшей американской военной операцией после вторжения в Ирак в 2003 году. Это была воздушная и морская кампания против крупной региональной державы. Начатая: без голосования в Конгрессе, без поддержки НАТО, вопреки частным опасениям вице-президента, главы аппарата и председателя Объединенного комитета начальников штабов.

О начале войны президент объявил не в обращении к нации. Не на брифинге для руководства Конгресса. А постом в Truth Social. В 2:30 ночи. К нему прилагалось восьмиминутное видео, заканчивавшееся прямым обращением к иранскому народу: **«Час вашей свободы близок». Эпилог**

ЭПИЛОГ

Во второй половине дня в понедельник, 16 марта 2026 года, в Вашингтоне действовало предупреждение о возможном торнадо. Дождь хлестал по окнам. Ветер трепал деревья на Северной лужайке, пока мы направлялись в Западное крыло.

Когда нас провели в Овальный кабинет мимо Уолта Хауты, стоявшего с каменным лицом в нескольких шагах от двери, мы не вполне понимали, чего ожидать. Почти два месяца мы пытались убедить президента сесть с нами за стол. Хотели дать ему возможность ответить на результаты нашей работы и проверить некоторые факты. Сначала нам сообщили, что он не заинтересован. Но недавно Трамп передумал. Мы заранее проигрывали возможный сценарий интервью. Трампа было чрезвычайно трудно удерживать на одной теме, а времени у нас было мало.

Еще в пятницу он попытался выбить нас из равновесия, разместив в Truth Social гневный выпад против Мэгги и предупредив, что она и некоторые из ее «соратников» могут быть добавлены к его готовящемуся иску против *The New York Times*. Пока мы ждали президента, возле стола Resolute находились несколько помощников: пресс-секретарь Кэролайн Ливитт, директор по коммуникациям Стивен Ченг, и чуть в стороне — самая преданная из всех, Натали Харп. Трамп вошел в Овальный кабинет из коридора, соединенного с его частной столовой. Он включил режим улыбчивого продавца.

— Рад вас видеть, — сказал он и жестом предложил нам сесть напротив за столом. На нем был привычный темно-синий костюм и шафрановый галстук в крапинку. Шел 17-й день его войны с Ираном. Уже погибли 13 американских военнослужащих. Более 200 были ранены. Погибли тысячи иранцев, включая аятоллу Али Хаменеи.

Пентагон уже потратил более 15 миллиардов долларов. Ормузский пролив в значительной степени был закрыт. Мировые цены на нефть стремительно росли. За день до этого Трамп потребовал создать международную коалицию военных кораблей для обеспечения безопасности пролива. Но почти никто не спешил помогать. Что было неудивительно.

Предыдущий год Трамп потратил на насмешки над НАТО, обход Организации Объединенных Наций и постоянные заявления о том, что союзы — это либо рэкет по защите, либо помеха. Теперь он просил помощи у тех же стран, которые до этого давил тарифами, пугал территориальными претензиями и отстранял от важнейших решений. Включая решение о войне с Ираном, которое только что принял практически в одиночку. Но, когда он приветствовал нас, казалось, война интересовала Трампа меньше всего. На столе Resolute лежали не карты Ближнего Востока. А распечатки с изображениями кленов. — Я заказываю деревья для Белого дома, — сообщил Трамп. — Я знаю, как покупать хорошие деревья. Клены. Проблема, объяснял президент, заключалась в том, что в питомниках эти клены обрезают снизу, чтобы они помещались в грузовики. А если не обрезать — они намного красивее. Трамп поднял еще одну распечатку.

Заголовок кричал: **«339 миллиардов просмотров TikTok-видео с Трампом за всё время»**. — Можете поверить? — спросил президент. Ченг добавил: — После операции цифры вообще безумные. Под «операцией» имелась в виду Eric Fugy — так Трамп назвал свою войну с Ираном.

Оказалось, конфликт весьма полезен для интернет-вовлеченности. Последние две недели цифровая команда Белого дома штамповала вирусные ролики:

кадры американских авиаударов, энергичная музыка, графика в стиле видеоигр. — Вот это цифра, да? — сказал Трамп, указывая на распечатку TikTok. — Можете поверить? Наверное, поэтому оно столько и стоит, правда?

Затем Трамп показал нам еще две распечатки — изображения с разных ракурсов грандиозного бального зала, который он строил на территории Белого дома. Настроение у него было прекрасное. На одном фасаде, рассказывал он, будет 10 колонн в римском стиле.

Другую сторону вдохновят Афины. С явным удовольствием президент подчеркнул:

колонны будут больше, чем у здания Верховного суда. За кулисами некоторые помощники признавались нам: им хотелось бы, чтобы Трамп гораздо сильнее тревожился из-за рисков, на которые идет, и из-за стремительно падающих рейтингов. Недовольство ощущалось уже не только в опросах. Позднее в том же месяце президентский социолог Тони Фабрицио разослал примерно дюжине советников Трампа внутреннюю записку с итогами двух вечеров фокус-групп, проведенных в начале марта. Первый из них пришелся ровно на тот день, когда мы сидели в Овальном кабинете и смотрели на президентские распечатки с кленами. Результаты были жесткими.

Война с Ираном не пользовалась популярностью. Избиратели плохо понимали, зачем она нужна. Многие считали ее нарушением предвыборного обещания и отвлечением президента от экономики и здравоохранения. У военной операции не было ясного объяснения.

Люди ожидали негативных экономических последствий, которые лишь усугубят кризис доступности жизни — и без того главный источник недовольства президентством Трампа. И, пожалуй, хуже всего для команды Трампа: тема файлов Эпштейна постоянно всплывала в фокус-группах и была: **«реально негативной для части этих избирателей»**. Единственным утешением за восемь месяцев до промежуточных выборов оставалось то, что люди всё еще не доверяли демократам. Но, говорилось в записке: **«нам необходимо взять ситуацию на мировой арене под контроль»** и сосредоточиться на тревогах избирателей по поводу стоимости жизни. Трампа подобные отзывы почти не интересовали.

Если он вообще еще обращал внимание на опросы, то видел их гораздо меньше, чем в первый срок. Советники знали: неприятную реальность он воспринимать не любит. Во втором сроке, в отличие от первого, Трамп был готов идти на головокружительные риски. Такие, которые могли погрузить в хаос и кровопролитие не только его президентство и Республиканскую партию, но и весь мир. Больше чем когда-либо прежде на посту президента он действовал на чистом инстинкте. Чтобы полностью объяснить, почему теперь Трамп был готов рисковать настолько безрассудно, понадобилась бы смесь телепата и психолога. Существовали очевидные версии. Он больше не мог баллотироваться на новый срок и потому не думал о переизбрании. Верховный суд подтвердил президентский иммунитет — значит, можно было меньше бояться уголовного преследования. Он сильнее доверял собственным инстинктам. Уже пережил один президентский срок и слишком часто чувствовал, что жизнь подтверждает его правоту.

Наконец, Трамп сам по себе был воплощением морального риска: последствия собственных рискованных и нарушающих правила поступков редко ложились на него надолго. Теперь наступил момент попробовать всё: военные авантюры, слом мировой торговой системы, и многое другое. Интервью продолжалось около часа. Мы пришли с длинным списком подробных вопросов о событиях и решениях, над которыми работали: об Иране, Израиле, Венесуэле, тарифах,

депортациях, генеральном прокуроре, людях, служивших Трампу. На протяжении всего разговора президент постоянно отклонялся от темы. Хвастался. Был обаятелен. Вступал в конфронтацию. Перескакивал с одного предмета на другой с такой энергией, что, как мы и предполагали, удержать его на какой-либо теме дольше нескольких минут было почти невозможно. Он вспоминал предвыборный трюк с McDonald's, который придал энергии его кампании 2024 года. Хвалил врачей Walter Reed. Необычно тепло отзывался о Нетаньяху. Когда мы спросили об их сложных отношениях, Трамп сказал:

— Во время войны у нас отношения лучше. И добавил: — Как партнер по войне он был очень хорош. Он... потому что войны он не боится. Трамп рассказал о своей «любовой истории» с Венесуэлой, возникшей еще в те годы, когда он владел конкурсом «Мисс Вселенная» и восхищался красавицами, представлявшими эту страну. Он с восторгом говорил о скорости и жестокости рейда против Мадуро. Выразил желание, чтобы его генеральный прокурор действовал быстрее: — по некоторым вопросам. Защищал тарифы. Рассказывал, как шаг за шагом повышал пошлины на Китай: 10 процентов здесь,

20 там, еще немного из-за фентанила. Пока однажды не посмотрел на итоговую цифру и сам с недоверием спросил: — Сто сорок пять? На мгновение даже президент словно удивился собственному аппетиту. Мы хотели вывести Трампа на разговор о том, как он оценивает собственную власть и свое место в истории. И ждали удобного момента. Какое место он отвел бы себе среди остальных 44 мужчин, занимавших президентский пост с основания страны?

Мы почти не сомневались: ответит быстро. И, скорее всего, скажет: **номер один**. Но нам хотелось услышать его рассуждение.

Он только что начал войну. Хвастался, что ничего не боится. Президент, который не проводит бессонных ночей из-за решения начать войну, представлял собой тему, достойную изучения. Недавно Трамп сказал: — Ни один другой президент не смог бы сделать часть той херни, которую делаю я. Мы напомнили об этих словах и спросили: считает ли он, что в истории когда-либо был американский президент столь же могущественный, как он сейчас?

Это был тот же вопрос, который он сам задал Такеру Карлсону в феврале 2025 года. — Настолько могущественный, как я? — задумчиво переспросил Трамп. Но вместо прямого ответа начал рассказывать странную историю. — Есть великий гольфист Гэри Плейер, — сказал он. — Вы когда-нибудь о нем слышали? Плейер, объяснил Трамп, его друг и один из величайших гольфистов всех времен. Недавно ему исполнилось 90 лет, и Трамп сыграл с ним партию в честь юбилея. — И он прошел поле за 71 удар. А это довольно серьезно. Но смысл истории был не в гольфе.

А в одном приятеле Плейера, которого Трамп назвал: — историком. По словам Трампа, они присутствовали на мероприятии в честь Плейера. И этот «историк» — имя которого президент сразу вспомнить не смог и отправил Харп выяснять — поднялся выступать. — И сказал: «Я хотел бы сказать кое-что о президенте». Трамп жестом велел Харп принести нам копии двухстраничного документа. Затем начал читать вслух. Перечислял имена наиболее могущественных фигур мировой истории. И объяснял, почему власть каждого из них уступала его собственной власти как президента США.

Александр Македонский. Цезари. Вильгельм Завоеватель. — У них же самолетов не было, правда? Нельзя было быстро передвигаться. Чингисхан. Аттила.

Тамерлан. С особым удовольствием: — Наполеон. Гитлер. Мао. Сталин. Эти лидеры, сказал он: **«удерживали власть страхом»**. — Кто вообще стал бы делать что-нибудь подобное? Правда? Трамп особенно задержался на главном тезисе документа:

каждый из этих правителей, каким бы страшным он ни казался в свое время, не обладал глобальным охватом. Их власть была локальной. Его — нет. — Я никогда раньше так об этом не думал, — сказал Трамп. — Очень интересная вещь — власть. И добавил:

— Но, когда я это прочел, подумал: «Он прав». Харп раздала нам копии. Трамп продолжал.

Первая строка документа звучала как восторженная декларация поклонника: **«Дональд Трамп, без всякого сомнения, является самым могущественным человеком, которого когда-либо знала планета, — и с огромным отрывом»**. Дальше на двух страницах развивалась та же мысль. Чингисхан и Аттила назывались: **«мясниками» и «террористами — скорее похожими на Талибан, чем на людей, обладавших настоящей властью»**. В финале автор эффектно возвращался к Вильгельму Завоевателю, о котором они с Трампом когда-то разговаривали во время партии в гольф: **«Если президент Трамп — американский орел, то Вильгельм Завоеватель был всего лишь воробьем»**. — Нельзя самому говорить о собственной власти, — сказал нам Трамп. — Мол, «О, какой я могущественный». Так нельзя. Плохо выглядит.

Он был вполне доволен тем, что это утверждение сделал за него кто-то другой. И хотел обязательно убедиться, что мы унесем копию. Позднее Харп пришлет нам имя автора. Историком он на самом деле не был. Много десятилетий он работал кедди Гэри Плейера и был его близким доверенным человеком.

Когда позднее Джонатан разыскал его и взял интервью, тот сказал, что всю жизнь самостоятельно изучал историю — вне университетов, академической среды и любых научных институтов. Сначала он

поделился своей оценкой могущества Трампа с Плейером. Позже лично изложил ее президенту во время игры в гольф во Флориде. А затем записал свои мысли и отправил документ в офис Трампа. Источник выглядел довольно странно. Но сам вопрос не был несерьезным. Трамп действительно являлся американским президентом, готовым без особых ограничений применять весь спектр экономической и военной мощи страны. Он разрушал системные сдерживающие механизмы, которые мог разрушить. А те, что оставались, часто просто игнорировал. Серьезные исследователи президентской власти тоже отмечали это явление. Разумеется, совсем другими словами. Показательным было даже не то, что Трамп согласился с основной мыслью текста.

А то, как естественно он в ней поселился. С каким явным удовольствием помещал себя в один ряд с Мао, Гитлером и Сталиным — мастерами государственного контроля через убийства, пытки и заключения. С Наполеоном. И с какой невозмутимой легкостью принимал место среди людей, которые меняли мир посредством завоеваний и страха. Он не проводил различия: между создававшими и разрушавшими, между освобождавшими и порабощавшими. Важно было одно: у них была огромная власть. А у него — еще больше. Развивая эту тему, Трамп неожиданно сформулировал один из центральных тезисов введения к нашей книге — хотя, разумеется, со своей весьма своеобразной точки зрения. — Очень интересная вещь — власть, — сказал он. — Выборы были сфальсифицированы. Если бы не это, мое президентство никогда не было бы настолько могущественным во втором сроке, насколько оно стало в третьем. Даже близко.

Для любого серьезного человека вопрос о том, были ли выборы 2020 года «сфальсифицированы», не являлся предметом спора. Они не были сфальсифицированы. Трамп проиграл. Но сама более глубокая мысль, высказанная им, совпадала с нашим анализом.

Если бы Трамп сразу отслужил второй срок начиная с января 2021 года, он никогда не накопил бы ту власть, которой обладал теперь. Обвинения. Уголовный приговор. Покушения. Четыре года политической ссылки, позволившие ему избавиться от ограничивавших его сил первого срока.

Время, за которое он собрал команду настоящих лоялистов, годами изучавших рычаги государственного аппарата и способы овладеть ими. Парадоксальным образом всё это сделало Трампа: сильнее, жестче, властнее, чем он мог бы стать при обычном развитии событий. Самым могущественным президентом нашей жизни. Но существовало еще одно измерение его власти, которого документ кедди не учитывал.

И оно было не менее важно. Трамп стал первым современным президентом США, который правил так, словно международной системы вообще не существует. Все его предшественники — даже самые воинственные — действовали внутри сети договоров, институтов и норм: НАТО, ООН, Всемирной торговой организации. Эта система формировала и ограничивала способы применения американской силы. Трамп не просто сопротивлялся этим ограничениям, как некоторые президенты до него. Он их полностью игнорировал.

И тем самым продемонстрировал: реального механизма остановить его у них нет. Он сократил финансирование ООН. Создал собственный форум сильных лидеров. Вел войну без коалиции. Использовал тарифы как инструмент личного давления. Отбросил международное право одной фразой: — **Мне не нужно международное право.** И выяснилось: система не знает, что на это ответить. Она существовала лишь до тех пор, пока крупнейшая сверхдержава мира соглашалась играть по ее правилам. К весне 2026 года притворство закончилось.

Никто — ни дипломаты в Брюсселе, ни генералы в штаб-квартире НАТО, ни делегаты в Организации Объединенных Наций — уже не верил, что старый порядок вернется. Развивая эту мысль, политический обозреватель Джон Джудис сравнил Трампа с гегелевским **«всемирно-историческим индивидом»** — человеком, который, возможно даже не понимая до конца, что делает, разрушает одну эпоху и открывает другую. Когда интервью подходило к концу, Трамп напоследок нанес еще один удар. В первую очередь

по Мэгги, которую уже атаковал в публикации три дня назад. — Запомните вот что, — сказал он. — Я знаю, ваша книга будет критической. Но запомните: людям надоела ваша херня. Постоянно критикуете.

Он напомнил о своем политическом возвращении и победе 2024 года. — Меня незаконно обвиняли, мне объявляли импичмент, они делали всё. В меня даже стреляли, можно сказать. Но я разгромно выиграл выборы. Никто другой не смог бы этого сделать. И добавил: — И обо мне можно сказать только одну вещь, в которую люди действительно верят. И знаете какую?

— **По сути, я, блядь, выигрывал каждый раз.**

Мэгги сказала, что надеется: он прочтет книгу. По нашему мнению, она довольно точно передавала суть его президентства.

Но Трамп еще не закончил. — А я устал выигрывать, выигрывать, выигрывать и при этом получать одну чертову плохую прессу. Пора уже вам начать говорить правду. Хорошо? Мэгги ответила:

— Спасибо, что приняли нас, господин президент. Трамп проводил нас.

После этого ему предстояло публично подписывать президентские указы. Он признался, что точно не знает, какие именно документы ему сейчас будут подавать. Но перед нашим уходом не удержался от последней шпильки в адрес Байдена: — Я-то хотя бы сам подписываю свои документы.

Мы собрали вещи и вышли. Дождь уже почти стих. Но над столицей по-прежнему висело тяжелое серое небо.